

**СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБОЗРЕНИЕ**

2013 * Том 12 * № 3

**RUSSIAN
SOCIOLOGICAL
REVIEW**

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2013
Том 12. № 3

ISSN 1728-1938

Эл. почта: puma7@yandex.ru

Веб-сайт: sociologica.hse.ru

Адрес редакции: ул. Петровка, д. 12, оф. 402, Москва 107031 Тел.: +7-(495)-621-36-59

- Главный редактор* Александр Фридрихович Филиппов
- Зам. главного редактора* Марина Геннадиевна Пугачева
- Члены редколлегии* Джеффри Александер (Йельский университет, США)
Светлана Петровна Баньковская (НИУ ВШЭ, Россия)
Яан Вальсинер (Университет Ольборга, Дания)
Виктор Семенович Вахштайн (РАНХиГС, Россия)
Гэри Дэвид (Университет Бенгли, США)
Андрей Михайлович Корбут (НИУ ВШЭ, Россия)
Дмитрий Юрьевич Куракин (НИУ ВШЭ, Россия)
Питер Мэннинг (Северо-восточный университет, США)
Эдуард Надточий (Университет Лозанны, Швейцария)
Альбер Ожъен (Высшая школа социальных наук, Франция)
Энн Ролз (Университет Бенгли, США)
Ирина Максимовна Савельева (НИУ ВШЭ, Россия)
- Редактор веб-сайта* Наиль Галимханович Фархатдинов
- Литературный редактор* Каринэ Акоповна Щадилова
- Корректор* Инна Евгеньевна Кроль
- Верстальщик* Андрей Михайлович Корбут

О журнале

«Социологическое обозрение» — академический рецензируемый журнал теоретических, эмпирических и исторических исследований в социальных науках. Журнал выходит три раза в год (в апреле, августе и декабре). В каждом выпуске публикуются оригинальные исследовательские статьи, обзоры и рефераты, переводы современных и классических работ в социологии, политической теории и социальной философии.

Цели

- Поддерживать дискуссии по фундаментальным проблемам социальных наук.
- Способствовать развитию и обогащению теоретического словаря и языка социальных наук через междисциплинарный диалог.
- Формировать корпус образовательных материалов для развития преподавания социальных наук.

Область исследований

Журнал «Социологическое обозрение» приглашает социальных исследователей присылать статьи, в которых рассматриваются фундаментальные проблемы социальных наук с различных концептуальных и методологических перспектив. Нас интересуют статьи, затрагивающие такие проблемы как социальное действие, социальный порядок, время и пространство, мобильности, власть, нарративы, события и т. д.

В частности, журнал «Социологическое обозрение» публикует статьи по следующим темам:

- Современные и классические социальные теории
- Теории социального порядка и социального действия
- Методология социального исследования
- История социология
- Русская социальная мысль
- Социология пространства
- Социология мобильности
- Социальное взаимодействие
- Фрейм-анализ
- Этнометодология и разговорный анализ
- Культурсоциология
- Политическая социология, философия и теория
- Нарративная теория и анализ
- Гуманитарная география и урбанистика

Наша аудитория

Журнал ориентирован на академическую и неакадемическую аудитории, заинтересованные в обсуждении фундаментальных проблем современного общества и социальных наук. Кроме того, публикуемые материалы (в частности, обзоры, рефераты и переводы) будут интересны студентам, преподавателям курсов по социальным наукам и другим ученым, участвующим в образовательном процессе.

Подписка

Журнал является электронным и распространяется бесплатно. Все статьи публикуются в открытый доступ на сайте: <http://sociologica.hse.ru/>. Чтобы получать сообщения о свежих выпусках, подпишитесь на рассылку журнала по адресу: puma7@yandex.ru.

RUSSIAN SOCIOLOGICAL REVIEW

2013
Volume 12. Number 3

ISSN 1728-1938

Email: puma7@yandex.ru

Web-site: sociologica.hse.ru/en

Address: 12 Petrovka Str., Room 402, Moscow, Russia 107031

Phone: +7-(495)-621-36-59

Editor-in-Chief Alexander F. Filippov

Deputy Editor Marina Pugacheva

Editorial Board Jeffrey C. Alexander (Yale University, USA)
Svetlana Bankovskaya (HSE, Russian Federation)
Gary David (Bentley University, USA)
Andrei Korbut (HSE, Russian Federation)
Dmitry Kurakin (HSE, Russian Federation)
Peter Manning (Northeastern University, USA)
Edouard Nadtochi (Université de Lausanne, Switzerland)
Albert Ogien (EHESS, France)
Anne W. Rawls (Bentley University, USA)
Irina Saveliyeva (HSE, Russian Federation)
Victor Vakhshayn (RANEPA, Russian Federation)
Jaan Valsiner (Aalborg University, Denmark)

Internet-Editor Nail Farkhatdinov

Copy Editor Karine Schadilova

Proofreader Inna Krol

Layout Designer Andrei Korbut

About the Journal

The Russian Sociological Review is an academic peer-reviewed journal of theoretical, empirical and historical research in social sciences.

The Russian Sociological Review publishes three issues per year. Each issue includes original research papers, review articles and translations of contemporary and classical works in sociology, political theory and social philosophy.

Aims

- To provide a forum for fundamental issues of social sciences.
- To foster developments in social sciences by enriching theoretical language and vocabulary of social science and encourage a cross-disciplinary dialogue.
- To provide educational materials for the university-based scholars in order to advance teaching in social sciences.

Scope and Topics

The Russian Sociological Review invites scholars from all the social scientific disciplines to submit papers which address the fundamental issues of social sciences from various conceptual and methodological perspectives. Understood broadly the fundamental issues include but not limited to: social action and agency, social order, narrative, space and time, mobilities, power, etc.

The Russian Sociological Review covers the following domains of scholarship:

- Contemporary and classical social theory
- Theories of social order and social action
- Social methodology
- History of sociology
- Russian social theory
- Sociology of space
- Sociology of mobilities
- Social interaction
- Frame analysis
- Ethnomethodology and conversation analysis
- Cultural sociology
- Political sociology, philosophy and theory
- Narrative theory and analysis
- Human geography and urban studies

Our Audience

The Russian Sociological Review aims at both academic and non-academic audiences interested in the fundamental issues of social sciences. Its readership includes both junior and established scholars.

Subscription

The Russian Sociological Review is an open access electronic journal and is available online for free via <http://sociologica.hse.ru/en>.

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка
из философии и политической практики.....9
Олег Кильдюшов

О государствах, королях и законах: Франсиско де Витория и его лекция
«О гражданской власти».....41
Александр Марей

Лекция о гражданской власти.....52
Франсиско де Витория

SCHMITTIANA

Легальность и легитимность (послесловие к изданию 1958 г.).....76
Карл Шмитт

CULTURAL SOCIOLOGY

Репрезентативная культура.....93
Фридрих Тенбрук

СТАТЬИ

Город как культурная форма.....121
Алексей Мусиезов

Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта.....137
Наталья Самутина

РЕЦЕНЗИИ

Хозяйственная «этика» как зеркало русского православия: социология
религии через призму социологии права.....195
Кирилл Титаев

«На просторах Великой России все, что нужно для жизни, есть... —
луга и просторы большие, ископаемых разных не счесть».....203
Ирина Троцук

IN MEMORIAM

Наивная мудрость Татьяны Ивановны Заславской.....	215
<i>Александр Никулин</i>	
Письма Татьяны Ивановны Заславской (1963–1973).....	223
<i>Тамара Кузнецова</i>	

Contents

POLITICAL PHILOSOPHY

- Police as Science and Politics: On the Birth of Contemporary Order from
Philosophy and Political Practice.....9
Oleg Kildushov
- About Commonwealths, Kings and Laws: Francisco de Vitoria and His Lecture
“On the Civil Power”..... 41
Alexander Marey
- On the Civil Power..... 52
Francisco de Vitoria

SCHMITTIANA

- Legality and Legitimacy (1958 Edition Afterword).....76
Carl Schmitt

CULTURAL SOCIOLOGY

- Representative Culture..... 93
Friedrich Tenbruck

ARTICLES

- The City as a Cultural Form..... 121
Aleksey Musiyezdov
- The Great Female Readers: Fan Fiction as a Literary Experience.....137
Natalia Samutina

REVIEWS

- Work Ethic as a Mirror for the Russian Orthodox Church: Sociology of Religion
in Terms of Sociology of Law..... 195
Kirill Titaev
- “In the vast spaces of the Great Russia there is all that is necessary for life... —
meadows and territories are large, different minerals are countless”.....203
Irina Trotsuk

IN MEMORIAM

Naive Widson of Tatyana Zaslavskaya.....	215
<i>Alexander Nikulin</i>	
Letters of Tatyana Zaslavskaya (1963–1973).....	223
<i>Tamara Kuznetsova</i>	

Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики¹

Олег Кильдюшов*

В статье в разных аспектах рассматривается исторически уникальный феномен «полицейского государства», которое первоначально возникло в германских абсолютистских государствах XVIII века, прежде всего — в Пруссии, и характеризовалось сочетанием развитого дискурса государственного управления (камералистикой) и интенсивным государственным вмешательством в социальную и экономическую жизнь граждан посредством полицейских мер. Вначале дается краткое введение в проблематику полицейского государства, где указывается на неадекватное современное восприятие полицейского государства, которое теперь рассматривается исключительно через призму исторически более позднего буржуазного правового государства XIX–XX веков. Здесь же обсуждается эвристическая ценность изучения подобного социального порядка для общей теории Модерна и частных теорий политической власти. Далее делается краткий экскурс в историю самого понятия «полиция», в котором прослеживаются основные семантические изменения в нем, начиная с его появления в античной Греции и заканчивая эпохой абсолютизма. Основной содержательный раздел посвящен традиционному полицейскому государству как историческому феномену, представлявшему собой попытку реализовать в административной практике утопию интенционального порядка, разработанную в камералистике в качестве рамочной меркантилистской концепции общего блага. Далее рассматривается «полицейская наука» (Polizeywissenschaft) XVIII века как собственный политический дискурс полицейского государства. В заключение данная проблематика проецируется на русский административный опыт и выдвигается вопрос, в какой мере в этой оптике Российская империя может рассматриваться как «несостоявшееся полицейское государство».

Ключевые слова: полицейская наука, камералистика, абсолютизм, Пруссия, Фридрих II, полицейское государство, меркантилизм, Юсти

* Кильдюшов Олег Васильевич — ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ. E-mail: kildyushov@mail.ru

© Кильдюшов О. В., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Статья выполнена в рамках проекта «Полицейский порядок и ситуативная солидарность», реализующегося с 2013 года в Центре фундаментальной социологии НИУ ВШЭ.

Полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобности.

Петр I

1. Нетонкое различие

Понятию «полицейское государство» очень не повезло с должной социально-теоретической рефлексией в XX веке: его специальная концептуальная разработка была как бы избыточна уже из-за того, что оно определялось *ex negativo*, т. е. как отсутствие «правового государства», выступая его политическим антиподом. Иными словами, в массовом — как общественном, так и академическом — сознании проблема определения обычно решается посредством простой оппозиции «полицейское государство» vs. «правовое государство». Более того, в представлениях многих нынешних политиков, публицистов и даже социальных теоретиков «полицейское государство» есть не что иное, как синоним современной диктатуры «тоталитарного» типа. При этом абсолютно не учитываются принципиальные различия между классическим полицейским государством эпохи абсолютизма и его современными видами как в методах, так и — что не менее существенно — в целеполагании и мотивах осуществляемой «полицейской политики».

В этом смысле связанное с понятием «полицейское государство» социально-теоретическое не(до)понимание во многом является результатом известных политических событий и процессов в Европе в первой половине XX века. В результате активного использования полицейского аппарата (включая тайную полицию) европейскими идеократическими диктатурами (СССР, Третий рейх) и другими авторитарными режимами произошли значительные семантические изменения в самом понятии «полиция», по сути, лишившемся своего прежнего нормативного значения или как минимум его части. По мнению английского политического ученого Брайана Чепмена, в области теории это недоразумение только усилилось в результате дословного перевода немецкого слова *Polizeistaat* как «*police state*», вошедшего в конце 1930-х годов в английский разговорный язык и тем самым ставшего достоянием мировой научной и широкой общественности. Именно тогда это понятие активно использовалось для негативного определения существовавшего в Германии государства национал-социалистов, причем скорее западными журналистами, нежели правоведами или политическими учеными².

Таким образом, «полицейское государство» утратило свое — некогда изначальное — значение и приобрело то смысловое содержание, которое является само собой разумеющимся сегодня: теперь это понятие означает репрессивное государство, которое контролирует все сферы жизни, применяет насилие в отношении

2. При этом само слово «полиция» вошло в английский язык в XVIII веке и долгое время употреблялось в общеевропейском смысле: так его использовал Джонатан Свифт, а Сэмюэл Джонсон определял его в своем «Dictionary» как «регулирование или управление городом или общиной в том отношении, что затрагивает жителей» (см.: Charman, 1972: 7, 62, 66).

политических оппонентов и характеризуется произволом со стороны полиции, прежде всего — тайной, подменяющей собой органы нормального управления и правосудия. Однако, говоря строго в научном смысле, подобное определение абсолютно неприменимо к полицейскому государству традиционного типа, возникшему в эпоху абсолютизма, поскольку подавление свобод и угнетение граждан никогда не являлось его самоцелью. Более того — в XVIII веке было невозможно представить, что полицейские чиновники могут действовать по своему усмотрению и творить беззаконие и произвол. Ведь главное намерение правителей традиционного полицейского государства состояло как раз в том, чтобы создать систему нормального (регулярного) и предсказуемого управления, действующего на благо общества и способствующего экономическому благополучию граждан.

Реализованный в XVIII и первой половине XIX века в Германии тип неконституционного доиндустриального государства называется полицейским, поскольку все управление в целом в нем обозначалось понятием «полиция» (Polizey). Его противопоставление «правовому государству» (Rechtsstaat) основано также на том, что осуществление правительственных мер опиралось на содержательно неопределенное *ius politiae*, а не на специфически правовые формы³ и принципы⁴, и отношения между властями и подданными являлись предметными отношениями господства, то есть привязанными к определенным сферам деятельности. Абсолютистское полицейское государство создало свой собственный уникальный политический дискурс — «полицейскую науку», которая была для него тем, чем для буржуазного правового государства является административное право, с середины XIX века ставшее доминирующим вследствие радикальных идейных, конституционных и структурных изменений общества (Badura, 1967).

Одним словом, проблемы современной концептуализации опыта полицейского государства во многом связаны еще с тем, что с помощью этого понятия на протяжении длительного исторического развития европейских стран описывались различные типы государственного устройства, которые хотя и обладали некоторыми общими признаками, тем не менее имели различную политическую природу (классическое полицейское государство эпохи абсолютизма, различные авторитарные режимы, тоталитаризм XX века, неолиберальное государство тотального контроля).

В этом смысле, говоря об истории понятия «полицейское государство», мы имеем дело с известным в исторической семантике феноменом, когда, проникнув

3. Именно в этом смысле М. Фуко цитирует в Екатерину II, писавшую о том, что полиции «более нужны уставы, нежели законы» (см.: Наказ императрицы Екатерины II: СXXXIV–СXL). Эту идею она явно заимствовала у Монтескье. Ср.: «Она [полиция] руководствуется больше распоряжениями, чем законами» (Монтескье, 1955: 579).

4. Теоретически в полицейском государстве может существовать одна-единственная норма, регулирующая деятельность полиции, и полностью отсутствовать законодательство о правах граждан и их взаимоотношениях с государством. С другой стороны, исторически хорошо известны типы государств, в которых подобные правовые нормы существуют, однако представляют собой беззаконие с точки зрения «нормального» законодательного процесса (см.: Abdelnabi, 1974: 61).

в разговорный язык, понятие утрачивает свое изначальное нормативное значение и приобретает новые смысловые оттенки и коннотации, иногда — прямо противоположные первоначальному смыслу слова.

Стоит ли говорить, что все это непосредственно отразилось на исследовательском интересе к обсуждаемому здесь феномену: если на тему правового государства существует огромный, просто необозримый массив политико-юридической литературы, то о полицейском государстве написано относительно мало работ, особенно если говорить о вышедших в последнее время⁵.

Если же говорить об исследованиях, так или иначе относящихся к полицейскому государству, то нельзя не вспомнить работы Мишеля Фуко, ставшие во второй половине XX века переломными в понимании роли полиции как одного из базовых институтов социального дисциплинирования населения⁶. Именно его работы, посвященные техникам контроля над жизнью (биополитике), серьезно повлияли на воззрения многих современных исследователей на полицию и современное управление в эпоху Модерна в целом (Senellart, 1995). И настоящим прорывом в деле изучения собственно полицейского государства стали работы немецкого юриста и историка права Михаэля Штолльайса: помимо его собственных исследований по истории немецкой полицейской мысли, в частности грандиозной «Истории публичного права в Германии» в 4-х томах (Stolleis, 1988–2012, 1990, 2011), под его редакцией также выходят журнальные серии по истории права⁷ и издаются источники по истории полицейского законодательства раннего Нового времени⁸. Многие его работы, посвященные ранненовременному *ius publicum* и различным аспектам истории европейского права, были переведены на иностранные языки, включая русский⁹.

В самой России ситуация с концептуализацией данной формы производства и поддержания социального порядка долгое время была почти катастрофической: по иронии судьбы в стране, которая на протяжении значительных периодов своей истории (Российская империя, СССР) воспринималась в качестве полицейского государства *par excellence* и которая сегодня вновь все чаще описывается с помощью подобного предиката (в качестве полемически-политической оценки курса

5. Достаточно посмотреть на Amazon'e работы, отсылающие к понятию «Polizeistaat»: большинство из них посвящено угрозам превращения западных стран в «диктатуры демократий», тотальному надзору и вмешательству неолиберального государства в частную сферу, в том числе в результате так называемой «борьбы с глобальным террором». См: http://www.amazon.de/s/ref=sr_pg_1?rh=n%3A186606%2Ck%3APolizeistaat&keywords=Polizeistaat&ie=UTF8&qid=1382901776

6. Ср.: «...переход, благодаря которому хорошее управление государством порождает надлежащее поведение у индивидов и должное управление семьями со стороны отцов семейств, обеспечивается тем, чему в этот период дадут наименование „полиция“» (Фуко, 2011: 142–143; см.: Фуко, 2010).

7. Rechtsgeschichte: Zeitschrift des Max-Planck-Instituts für Europäische Rechtsgeschichte (№ 13-15); Ius Commune: Zeitschrift für Europäische Rechtsgeschichte.

8. Repertorium der Policeyordnungen der Frühen Neuzeit. Bde 1–10 / Hrsg. von K. Härter und M. Stolleis. Frankfurt am Main, 1996–2010.

9. Так, в прошлом году на русском языке вышло его исследование изменений правовых представлений от античности до диктатур XX в. (Штолльайс, 2012).

нынешних властей РФ), ее собственный опыт в области установления и поддержания порядка (чисто) полицейскими методами долгое время был практически лишен какой-либо теоретически значимой рефлексии¹⁰. Историки предпочитали пользоваться понятием регулярного государства, формирование и эволюция которого нуждается в специальном исследовании.

Это неудовлетворительное положение начало изменяться лишь в последние годы благодаря исследованиям А. Ф. Филиппова, обратившегося к такому проблемному полю, как изучение полиции в теоретической, исторической и страноведческой перспективе (Филиппов, 2011, 2012а, 2012б, 2013а, 2013б). По сути, это означает поворот в сложившейся в России политико-семантической ситуации, когда «полиция» понималась у нас совершенно внеисторически — лишь в значении «органа государственного принуждения, охраны порядка и предотвращения преступлений». Так, в ряде опубликованных работ и публичных лекций¹¹ им была осуществлена социально-теоретическая реконструкция той управленческой задачи, что ставили перед собой государства Нового времени, в которых полицией называлось управление социальной жизнью как таковое, включая целенаправленное воздействие на нее правительства и реализацию властных представлений о «добром порядке».

Однако в целом социальная наука долгое время уделяла сравнительно мало теоретического внимания проблематике полиции не только в России. Так, в недавно вышедшем в Германии сборнике работ по социологии полиции также констатируется, что среди немецких социологов распространена характерная исследовательская «робость» в отношении тех проблемных полей и общественных институтов, что имеют отношение к осуществлению государственной монополии на насилие, — вооруженных сил и прежде всего полиции (Stölting, 2009: 7). По мнению одного немецкого исследователя, для этого существует множество причин, причем важнейшая из них связана с самой генеалогией современного социального знания: социология как таковая возникла вместе с обществом Модерна, имплицитно разделяя с ним прогрессистскую идеологию, согласно которой современные общества в ходе своего развития становятся все более замиренными, поскольку место насилия в них во все большей мере занимают эмпатия и рациональный дискурс, позволяющие разрешать любые общественные конфликты, не прибегая к аппарату принуждения. Эту веру в умиротворяющий эффект прогресса разделяли и многие отцы-основатели социологии (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм), которые само присутствие чистого насилия в современных обществах во многом воспринимали как пережиток социальной архаики (Ibid.).

10. Эта странная ситуация сохранялась у нас до самого последнего времени: несмотря на то, что чисто количественно массив работ по истории русской полиции постоянно возрастал, это никак не отражалось на уровне социально-теоретической концептуализации проблемы «полицейского государства» в исторической (и нынешней) России. В качестве одной из немногих юридических работ, в которой уделено некоторое внимание обсуждаемому здесь предмету, можно назвать труд: где присутствует специальный раздел «Теория полицейского государства» (Лазарев, 2001).

11. См., например: <http://postnauka.ru/lectures/13472>

Однако, как показал исторический опыт XIX и особенно XX века, структурное насилие вовсе не является исключительно архаическим и досовременным феноменом. Более того, он подтвердил базовую интуицию классиков политической теории модерна (Т. Гоббс, Дж. Локк), согласно которой поддержание правого порядка и тем самым общественного спокойствия зависит от эффективного применения государством мер легитимного и легального насилия. Именно поэтому ни одно самое замиренное современное государство не может отказаться от публичной демонстрации компетенций и визуального присутствия институтов, осуществляющих это насилие в целях поддержания социального порядка, прежде всего — полиции. Ведь полиция по-прежнему является ключевой сферой деятельности современного государства, заключающейся в поддержании правительством порядка путем принятия мер управления и контроля.

В этом смысле социально-теоретическая «заброшенность» таких тематических комплексов, как «политика полиции» и «полициеведение»¹², и — в их рамках — такого проблемного поля, как «полицейское государство», означает отказ от исследования важнейшей сферы жизни современных обществ. А явная «нерешительность» социального знания в отношении таких «неприличных» предметов и объектов исследования, как институты (легального) насилия типа полиции и других учреждений, противоречащих образу замиренного социального порядка Современности, при желании можно интерпретировать как эпистемологическую тенденциозность...¹³

Стоит ли говорить, что изучение истории понятия «полицейское государство» как дискурсивного феномена Нового времени и институциональной истории полицейского государства как политико-правовой техники производства и поддержания порядка может быть эвристически бесполезным для общей теории Модерна и отдельных ее областей. Прежде всего — для теорий политической власти — в качестве средства (более) реалистической реконструкции практик господства в условиях современных обществ, замиренность которых является скорее их собственным идеалом/идеологией, нежели фактической действительностью.

Говоря об эвристической значимости исследований полицейско-государственной проблематики для понимания современных техник политического господства, также следует иметь в виду, что в случае полиции современное государство имеет дело с дискурсивным и институциональным наследием эпохи абсолютизма, как ни в какой иной сфере политико-правовой жизни. Поэтому, как говорил в начале XX века исследователь полицейско-государственной мысли Курт Вольцендорф, именно «здесь имеет смысл порыться в почве прошлого, чтобы увидеть органические взаимосвязи и силы, до сих пор присутствующие и в настоящем. Ведь без их

12. Перспективы новой «полицейской науки» сегодня являются предметом активного обсуждения среди немецких «полициеведов». В качестве примера можно привести несколько работ последних лет: Feltes, 2002; Lange, 2002; Neidhardt, 2007; Jaschke, Neidhardt, 2007.

13. Справедливости ради следует указать на некоторые немецкие работы, посвященные именно проблематике социологии полиции: Behr, 2000; Reichertz, 2000; Endruweit, 2003.

полной переработки невозможно двигаться дальше, поскольку полиция являлась основной силой абсолютистского государства, а преодоление абсолютизма — не столько механический или технический процесс в государственном праве, сколько духовный, что применимо к идее полиции в гораздо большей мере, чем к какой-либо другой. А поскольку речь идет об идейных изменениях, то условием их понимания является знание их изначального содержания и сил, приведших к их изменениям. Поэтому изучение современного мышления о полицейском государстве, вариантов и тенденций его развития следует дополнить исследованием его предшествующего развития» (Wolzenhof, 1918: 4–5).

Полностью подписываясь под этим исследовательским кредо, сформулированным немецким ученым еще 100 лет назад, добавлю лишь, что в условиях фиксируемых многими наблюдателями попыток полицейизации общественной и политической жизни, предпринимаемых в последнее время со стороны правящего в РФ режима, подобный интеллектуальный опыт может быть также небесполезным.

2. Из истории понятия «полиция»

Как уже говорилось выше, современное определение полиции как институализированной (в форме специальных ведомств и организаций) части исполнительной власти, призванной поддерживать общественный порядок и безопасность и сохранять государственную монополию на насилие внутри страны, является исторически довольно новой, причем сильно усеченной версией старого понятия, лишившегося значительной части своего объема в результате так называемой «деполицейзации» управления. В этом смысле нужно четко отличать традиционное для европейской истории идей широкое понятие полиции (*Polizey*) позднего Средневековья и раннего Модерна¹⁴ от узкого понимания полиции в «правовом государстве» XIX–XX веков, действующей на легальном основании в виде законодательного регулирования.

Само слово «полиция» имеет длинную и переменчивую историю. Так, все исследователи истории понятия «полиция» указывают на его удивительную на первый взгляд этимологическую связь с понятиями «полис» и «политика», которая редко осознается в массовом сознании. Возникший в рамках греческого языка и античной истории семантический ряд *πόλις* — *πολιτεία* — *πολιτική* через латинизированную форму *politia* проник в европейские языки, где сохранил свое изначальное значение общего управления городской жизнью. Так, во французском языке уже в XIV веке известна *la police/policite*¹⁵.

14. Мишель Фуко говорит в этой связи про «совокупность весьма специфических инструментов, которая формировалась вместе с искусством управления и которую в старом, относящемся к XVII–XVIII вв., смысле слова называют полицией» (Фуко, 2011: 142–143).

15. Впервые в законодательстве Карла VI: «pour le bien et utilite de la chose publique et de la policite de la dicte ville» (1399); «pour garder le bien publique... en tres bonne police» (1415) (см.: Дерюжинский, 1903).

Между тем уже в древнегреческом понятии *πολιτεία*, означавшем «искусство управления городом» и охватывавшем все, что связано с жизнью и благополучием граждан полиса, была заложена та структурная амбивалентность, что сохранялась на протяжении всей истории употребления термина: уже в античности это понятие благого управления было неразделимо связано с правом регулирования вопросов городской жизни в общих интересах, в частности, в целях поддержания общественного порядка и безопасности, морали и благополучия. А это право предполагало существование специальных городских чиновников, ответственных за безопасность сообщества, т. е. отдельную группу людей, находящихся в распоряжении публичной власти и наделенных полномочиями в качестве блюстителей законов следить за соблюдением предписаний, т. е. обеспечивать порядок на городских улицах, регулировать рыночную торговлю и вмешиваться в происходящее в случае нарушения установлений. Таким образом, понятие «полиция» изначально включало в себя два различных аспекта публичной власти: с одной стороны, это сам общественный интерес, заключающийся в обеспечении безопасности и благополучия, а с другой — право группы людей поддерживать установленные правила даже с помощью применения физического насилия (Charman, 1972: 7–8).

Древнеримская *potestas* также состояла из двух элементов: один был связан с правом регулирования поведения граждан с помощью обязательных к выполнению указаний, а другой — с обладанием средствами физического насилия, то есть инструментарием принудительного осуществления установленных норм. В этом смысле именно наличие полицейской власти радикально отличает государство от всех остальных форм человеческого общежития, поскольку это позволяет ему на законных основаниях осуществлять принуждение — в случае необходимости даже насильственным образом (Charman, 1972: 13).

Кстати, в дальнейшей истории политической карьеры понятия «полиция» и его общественной рецепции различное комбинирование этих двух элементов — поощрения и насилия — будет во многом определять форму конкретного осуществления политического господства посредством (чисто) полицейских мер. Апофеозом может считаться феномен «полицейского государства» в смысле практической реализации (утопии) бюрократического порядка, как она была воплощена в жизнь в Пруссии в XVIII веке.

В немецкоязычном пространстве слово *Policey/Polizey/Policzey* использовалось с конца Средневековья (XV век) в широком значении благого управления. Тогда же в Германии возникает учение о *ius politiae*, согласно которому государь каждого княжества не просто имел право, но был обязан заботиться о «добром порядке» («gute Ordnung») в своих владениях. Именно в этом смысле в позднесредневековом и ранненововековом языке немецкого права выражение «gute Policey» используется для характеристики хорошего управления как такового. Самое раннее упоминание слова *Policzey* зафиксировано в распоряжении епископа Вюрцбурга 1476 года. В 1492 году выходит Нюрнбергское предписание, начинающееся со слов: «Для поддержания доброго порядка (gute Polizey)...» Под полицией первоначально-

но понимался вовсе не орган поддержания порядка, а само состояние благополучия и спокойствия, являвшееся целью и результатом правильного управления¹⁶. После того как в Вормсе в 1495 году была принята имперская резолюция о «вечном земском мире», в Священной Римской империи появилось правовое основание для создания общеимперского полицейского регламента, что и было осуществлено на Аугсбургском рейхстаге 1530 года, принявшем соответствующую резолюцию¹⁷. Она примечательна крайней «многопредметностью» регуляции, поскольку, помимо определения собственно уголовных санкций в отношении нарушителей правового порядка и общественной морали, регламентировала деятельность в самых различных сферах жизни, включая такие экзотические на нынешний взгляд, как торговля имбирем и игра на трубе (Melcher, 1926: 41).

Подобное широкое толкование значения понятия «полиция» сохранилось и в эпоху абсолютизма. Именно в это время, в начале XVIII века, это слово в известной нам форме попало в русский язык в результате административно-полицейских реформ Петра I, о чем еще будет сказано в заключении¹⁸.

В ходе дискурсивного и институционального развития понятие «полиция» в Новое время претерпело значительные изменения¹⁹. Сохраняя свое значение состояния доброго порядка в городе или общине, оно также начало применяться для обозначения полицейского органа и его сотрудников, то есть приобрело институциональное и персональное измерение. Сначала в рамках этих семантических изменений термин «полиция» стал обозначать государственную деятельность, направленную на достижение и сохранение состояния «доброй полиции», соответственно, регулируемые полицейскими регламентами предметы стали называться «делами полиции», а отдельные органы и чиновники — «полицейскими» (Knepper, 1967: 166f.).

Подобная институционализация полиции в эпоху абсолютизма произошла на правовой основе *ius polittiae*, являвшимся следствием суверенитета отдельных государств, что позволило монархам XVIII — первой половины XIX века охватить административным (полицейским) регулированием все мыслимые сферы жизни. Особенно если учесть, что до реализации идеи разделения властей тогда было еще очень далеко и что *ius polittiae* означал концентрацию в руках суверенного государя функций как установления, так и исполнения норм в полицейской сфере. Именно из-за расширительного толкования понятия полиции как государственного управ-

16. Другими словами, в раннее Новое время еще не существовало институционального понятия полиции, являющегося сегодня для нас само собой разумеющимся и, по сути, единственно представимым (см.: Schärmeli, 2011: 40).

17. «Römischer kaiserlicher Majestät Ordnung und Reformation guter Polizey im Heiligen Römischen Reich».

18. Как пишет по этому поводу А. Ф. Филиппов, русские императоры, начиная с Петра Первого, находились под сильным впечатлением от истолкованной столь широко идеи полиции и пытались ввести в России нечто подобное (Филиппов, 2012б).

19. Ср.: «...с XVII и до конца XVIII в. слово „полиция“ имеет значение, совершенно отличное от того, то мы понимаем под ним сегодня» (Фуко, 2011: 406).

ления и максимально обширного объема ее функций в абсолютистских монархиях для их обозначения используется *terminus technicus* «полицейское государство»²⁰.

3. Классическое полицейское государство как исторический феномен

Традиционное полицейское государство является исторически уникальным способом организации политического: оно пыталось обеспечить мобилизацию ресурсов и общественное развитие путем концентрации широких полномочий в руках полиции в значении общего управления социальной жизнью, подчиненного одной руководящей политической воле — воле просвещенного абсолютного монарха. В этом смысле данный тип государственного устройства можно считать реализованной утопией я- или мы-интенционального порядка²¹, ведь в распоряжении этой воли находился бюрократический аппарат, который, помимо обеспечения безопасности, собственно, и надзирал за соблюдением правовых норм и общественной морали. Таким образом, реализованный в германских государствах XVIII века — прежде всего в Пруссии и Австрии — тип государства считается классическим «полицейским государством» именно в силу впервые задействованных здесь техник осуществления власти правителя, в личности которого была воплощена воля государства. Эта воля определялась как высшая максима существования политического сообщества как такового, то есть как *raison d'état*²². Ведь абсолютный правитель действует в интересах всего государства и не ищет своей личной выгоды, являясь таким же слугой государства, как и все остальные подданные и государственные чиновники²³.

20. Как отмечает М. Штолльайс, пока правители позиционировали себя в качестве «судей», их действия легитимировались посредством формул, отсылающих к справедливости и поддержанию порядка. Однако со смещением приоритетов в сторону «управления» их власть стала обосновываться посредством идеи служения общему благу, что и нашло соответствующее языковое выражение в слове *polizei* (Stolleis, 1988: 369).

21. В Британии примерно в то же время в рамках моральной философии возникает альтернативное теоретическое решение, сочетающее одновременно гарантии устойчивости социального порядка и эффективного экономического развития. Концептуальная инновация ранней политэкономии и теории институтов заключалась в развитии интеллектуальной перспективы на общество как на спонтанный порядок с обоснованием социальной эффективности именно не-интенциональных институтов. Подобные представления о социальном порядке как (в значительной степени) непреднамеренном общественном результате преднамеренных индивидуальных действий разделяли крупнейшие британские мыслители XVIII века (А. Фергюсон, Э. Бёрк, А. Смит и др.) (см.: Кильдюшов, 2007).

22. Как точно подметил Мишель Фуко, в идее *raison d'état* манифестируется искусство управления, в котором уже предполагается апелляция к населению, но которое само еще не является предметом специальной рефлексии (Фуко, 2011).

23. Эта абсолютизация государственного интереса со временем даже стала общим местом в самопонимании многих абсолютистских монархов Европы, например, того же Фридриха II. В России традиция самодержцев называть себя «слугой государства» идет от Петра I и Екатерины II. Еще более анахроничной на этом фоне представляется знаменитая «социально-профессиональная» характеристика Николая II, данная им самому себе во время первой всероссийской переписи населения 1897 года, когда в графе «род занятий» последний русский самодержец указал: «хозяин Земли Русской».

Здесь следует отметить один важный момент: при формулировании столь амбициозных задач, как взять подданных под полную государственную опеку и обеспечить их благополучие, правители XVIII века, по сути, не обладали средствами их реализации — ни полицейско-политическими техниками управления, ни необходимым для них аппаратом, так как тогда просто отсутствовали сами «полицейские» как таковые. Поэтому для достижения своих целей основателям полицейского государства пришлось создавать (более) структурированную модель общества с формализованной управленческой иерархией²⁴.

Идейно-теоретическое обоснование для процесса рационализации и бюрократизации техник господства подготовила новая школа науки об управлении — камералистика. Разработанная прусскими камералистами философия полицейского государства предполагала всевластие государства как институциональной рамки реализации целей благого управления. В этом смысле полицейское государство являлось не только политическим феноменом эпохи абсолютизма, но и продуктом философской рефлексии эпохи Просвещения²⁵. Полицейское государство, как мы его видим в той же Пруссии XVIII века, есть результат осознанных административно-, хозяйственно- и социально-политических мер правительства, осуществлявшихся в рамках общей идеологии меркантилизма. Причем регулирование всей социальной и экономической жизни в целях обеспечения всеобщего блага была направлено не только на процветание отдельных подданных, но также на планомерное укрепление ресурсов и компетенций самого государства, в том числе военно-мобилизационного характера (Charpman, 1972: 14).

Исследователи полицейского государства подчеркивают этот интенциональный и даже проектный²⁶, т. е. преднамеренный и сознательный характер его мер в области хозяйственной и социальной жизни, которые «являлись продуктом тех политических теорий, которые обычно охватываются понятием „меркантилизм“». Разработанная в них идея полиции направлена не только на сохранение государства, но и на его развитие посредством авторитарной экономической политики²⁷.

24. Как показал Фуко, именно для вмешательства в область общественной практики был создан аппарат, призванный обеспечить государственный: этот аппарат — полиция (Фуко, 2011).

25. Крупнейший современный немецкий исследователь темы призывает к осторожности в оценках прогрессивности/реакционности полицейских установлений. По его словам, многие полицейские меры были направлены вовсе не на модернизацию, а на сохранение *status quo* и даже на восстановление прежних порядков, т. е. являлись реакционными по своей политической направленности (Stolleis, 1988: 371).

26. Примечательно, что перу крупнейшего теоретика полицейского государства — И. Г. фон Юсти — также принадлежит трактат «Мысли о прожектах и прожектерах» (1761), в котором он не просто утверждает, что «все люди суть прожектеры», но и призывает правительства в любом случае прислушиваться к прожектерам, поскольку «какими авантюристичными ни были бы те, кто составляет большинство прожектов, тем не менее иногда среди них можно наткнуться на хорошее изобретение» (Justi, 1761: 257, 268; Projektemacher, 2004).

27. Ср.: «С XVII в. начинают называть „полицией“ совокупность средств, которыми можно способствовать росту сил государства, поддерживая строй этого государства. Иными словами, полиция — это расчет и техника, позволяющие установить мобильное, но несмотря на это, стабильное и контролируемое отношение между порядком в государстве и ростом его сил» (Фуко, 2011: 363).

Необходимым условием осуществления этой политики выступает административно-полицейское регулирование жизни граждан внутри страны, которое впоследствии — в силу внешнеэкономического положения — становится вопросом выживания самого государства» (Wolzenhof, 1918: 18)²⁸.

Стоит ли говорить, что в сконструированном таким образом государстве его собственный «агрегированный» интерес (*raison d'état*) доминировал над благом отдельных индивидов и выходил далеко за пределы специфических интересов подданных. Более того, именно правитель являлся единственным законным интерпретатором того, что должно являться их благом и интересом. Лучшее всего сущность этой «полицейско-политической педагогики» выразил один из выдающихся теоретиков и практиков полицейского государства король Пруссии Фридрих II: «Народу, как больному ребенку, должно указывать, что ему есть и что пить» (Андреевский, 1874–1876: 50–51).

Как подчеркивает уже упоминавшийся исследователь полицейского государства Брайан Чепмен, это учение имело далеко идущие конституционные последствия: во-первых, в нем были слиты воедино политическая власть и административное управление (законодательство и правоприменение), которые рассматривались как аспекты полиции в описанном выше смысле государственной заботы о благе подданных; во-вторых, частное лицо не имело никаких правовых возможностей защитить свои интересы в случае их столкновения с истолкованным определенным образом государственным интересом. Однако было бы ошибкой отождествлять традиционное, т.е. абсолютистское полицейское государство с чиновным произволом и голым принуждением. Дело в том, что сами чиновники должны были придерживаться тщательно разработанных правил и действовать строго в рамках имеющихся у них полномочий (Charman, 1972: 17–18).

К тому же пронизывавшая всю государственную активность философия меркантилизма служила своеобразной защитой от (избыточного) произвола, поскольку фундаментальный интерес полицейского государства заключался именно в справедливости и установлении этических отношений между властями и гражданами. С одной стороны, индивид был подчинен высшему благу государства, а с другой — само это благо государства в принципе означало не что иное, как благополучие его граждан. То есть на ранней стадии своего развития «полиция» означала систему мобилизации наличных ресурсов общества, которые направлялись на развитие экономики страны в целом и процветания отдельных подданных в частности²⁹.

Таким образом, полицейское государство эпохи абсолютизма преследовало свою высокую цель — не только банального самосохранения, но и развития соци-

28. Таким образом, внешнеполитическая и внешнеэкономическая конкуренция различных германских государств также находит свое отражение в идее полиции как важнейший мотив подобного «принуждения к развитию», осуществляемого посредством административно-полицейских мер.

29. Это отражалось в политическом словаре эпохи. Ведь не случайно в XVIII веке понятие «полиция» переводилось на русский язык как «благочиние». Так, ключевой документ административной и полицейской реформы Екатерины II назывался «Устав благочиния, или полицейский».

альной структуры, обеспечения благополучия и защиты общества, а полицейские меры были — с учетом тогдашнего развития политико-правовой и административной техник — единственно доступным для него средством ее достижения. В этом смысле классическое полицейское государство (Polizeistaat) одновременно является государством всеобщего благоденствия (Wohlfahrtsstaat), т.е. социальным государством, в котором «полиция» означает прежде всего попечение об общем благе (Wohlfahrtspflege). Апофеоз этих представлений — понятийная конструкция «Wohlfahrtspolizei»: полиция как забота об общем благе подданных.

Лучше всего подобное представление о двойном функционале полицейского государства, состоящего как в защите существующего порядка, так и в попечении общества, выражается в нормативных документах эпохи, например, в прусском «Общем предписании» 1808 года, согласно которому полицейские органы должны были

«печься об общем благе наших (т.е. короля) верных подданных, причем как в негативном, так и в позитивном отношении. Они не столько наделены правами, сколько обязаны не допускать и предотвращать все, что может представлять угрозу и ущерб государству и его гражданам, и способствовать деятельности учреждений, необходимых для поддержания общественного покоя, безопасности и порядка, а также обеспечивать и увеличивать всеобщее благоденствие так, чтобы каждый гражданин имел возможность развивать свои способности и таланты как в нравственном, так и в физическом отношении, применяя их самым подходящим образом в границах права» (цит. по: Chapman, 1972: 19).

При этом полицейское государство эпохи Просвещения, несмотря на всю свою «просвещенность» и апелляцию к рациональному праву, оставалось абсолютистским в той мере, в какой оно принуждало своих подданных к «процветанию» и «благоденствию», дискурсивно маскируя преобладающий государственный интерес (Staatsräson, raison d'état) идеей заботы об общем благоденствии³⁰.

Институционально это означало, что за исключением чисто финансовых, военных и судебных дел, все остальные сферы жизни находились в ведении королевского министра внутренних дел, фактически являвшегося главным (первым) министром, а само функционирование регламентов и привилегий этого «социального государства» было возможно лишь в рамках действенной власти абсолютно монарха. Его «просвещенность» проявлялась в понимании значимости хозяйственной жизни в рамках меркантилистской системы политического мышления и действия. В этом заключается принципиальный структурный момент, позволяющий делать определенные выводы об идейном и фактическом родстве традиционного полицейского государства эпохи Просвещения и современного государства

30. Видным теоретиком подобного «государственного эвдемонизма» является универсальный ученый и философ немецкого Просвещения Христиан Вольф. Считается, что именно он обеспечил прусскому государству легитимацию с точки зрения естественного права (Röd, 1970: 292).

общего блага («социального государства») эпохи массовой демократии. Ведь просвещенный абсолютизм осуществляет свою цель (обеспечение общего блага) на основе *ius politiae*, т. е. посредством полицейских мер, тогда как полиция («Polizey») в смысле заботы о благополучии подданных является одновременно и целью, и деятельностью государства. В рамках подобных представлений полиция есть «I) добрый порядок всеобщей жизни и в происходящем, II) обеспечение внешнего благоденствия подданных»³¹ (Moser, 1773).

Примечательно, что хотя интеллектуальным стимулом к утверждению полицейского государства стала прусская камералистика, а фактическую историю его основания невозможно представить без организационного гения прусских королей Фридриха Вильгельма I и Фридриха II, тем не менее, по мнению некоторых исследователей, наиболее последовательная и систематическая попытка создания современного государственного аппарата, основанная на широком применении полицейских сил, была предпринята в Австрии императором Священной Римской империи Иосифом II. К тому же он пытался систематически контролировать общественное мнение, ставшее важным фактором поддержания стабильности существующего порядка, используя для этого полицию в качестве мощного инструмента государства с всеохватывающими компетенциями, в том числе для контроля над действиями правительства (Hoke, 1996: 259–261).

Как истинный представитель просвещенного абсолютизма Иосиф II также считал себя «первым слугой своего государства», был сторонником «господства правовых предписаний»: хотя абсолютная власть монарха, т. е. его собственная, не ставилась им под сомнение, тем не менее необходимость использовать ее в целях достижения всеобщего процветания и максимального благополучия даже для самого последнего подданного привела к тому, что некоторые исследователи называют «правовым государством в позднеабсолютистском смысле» (Baltl, Kocher, 2008: 185). В рамках административных реформ обеспечивающая общественную безопасность полиция (Sicherheitspolizei) была выделена из общей системы управления, так что наряду с аппаратом управления в широком смысле возник собственно полицейский аппарат. Теперь понятие «полиция» применялось в основном к той части администрации, что отвечало за поддержание порядка и надзор (Hoke, 1996: 261).

Кстати, позже его институциональные инновации в области полицейского строительства будут восприняты и развиты на новом уровне в постреволюционной Франции знаменитым министром полиции Жозефом Фуше. Этот выдающийся полицейский администратор, получивший за свои достижения от Наполеона титул герцога Отрантского, не просто увеличил полицейский аппарат, но и раз-

31. А для Иоганна фон Тойченбрунна, сочинение которого (Johannes Neumann von Teutschenbrunn. *Initia iuris politiae Germanorum*, 1757) называют первой попыткой научной систематизации абсолютистского понятия «Polizey», она заключается «in perfecta vitae civilis felicitate», а ее предписания суть «leges publicae ad optatissimum iustum vitae civilis statum consequendum accommodatae» (цит. по: Piepenbrock, 1964: 53).

работал целую полицейскую идеологию, представлявшую собой смешение идей тотального шпионажа с патернализмом. Центральную роль в этой конструкции занимала правильно организованная полицейская служба во главе с министром полиции, т. е. им самим. Фуше видел себя в роли третейского судьи и защитника общества, для которого общественный порядок является нравственной ценностью и высшим благом. Согласно его концепции, именно полиция, опираясь на ценности покоя и порядка и исходя из своего особого положения, лучше всего способна понять общество и помочь ему (Charman, 1972: 20, 31–35)³².

Итак, лишь в конце XVIII века впервые возникает различие между «полицией безопасности» (Sicherheitspolizei), защищающей от опасностей, грозящих государству и отдельным гражданам, и позитивной деятельностью полиции как «благочиния» (Wohlfahrtspolizei). В начале XIX века это постоянно усиливающееся представление превратится в однозначное утверждение, очень близкое к современному пониманию функций полиции: «Полиция всегда имеет дело лишь с безопасностью, а повышение благосостояния лежит вне ее непосредственной цели» (Gönnner, 1804: 549; цит. по: Badura, 1967: 34). Однако окончательное размежевание функций надзора и попечения с выделением последнего из функционала полиции произойдет лишь после 1848 года, с наступлением во многих странах Европы, прежде всего в Германии, новой эпохи буржуазного правового государства (Badura, 1967: 32).

В этом смысле нужно понимать, что говоря сегодня о «полиции» в значении органа легального насилия в государствах современного, т. е. буржуазно-правового типа, мы имеем в виду лишь один из аспектов исторически амбивалентного и многозначного понятия, а именно «полицию безопасности» эпохи позднего абсолютизма.

Именно к «полиции безопасности» со временем был отнесен и функционал тайной (политической) полиции, призванной защищать позднеабсолютистские режимы от надвигающейся угрозы революции. Постепенно эта охранительная, контрреволюционная деятельность полиции, направленная против политической оппозиции, станет восприниматься либеральной и радикально-демократической общественностью как деятельность полицейского государства *par excellence*, а его «образцовыми» представителями — такие малосимпатичные организации, как охранка, ЧК—ОГПУ—НКВД—КГБ или гестапо. В результате подобной «политизации полиции» репутации старого доброго полицейского государства был нанесен непоправимый урон: отныне оно воспринималось прогрессивной общественностью, а затем и массовым сознанием исключительно как синоним аппарата подавления законных прав и свобод граждан в интересах одиозных архаичных

32. Здесь примечателен момент «полицейской социологии» à la Fouché: полиция занимается постоянным наблюдением (надзором) за обществом, посредством которого выявляет слабые места в организации государства. Именно это «включенное» наблюдение позволяет впоследствии улучшить организационную структуру, поскольку только люди, трезво взвешивающие на общество и знающие человеческие слабости, могут поддерживать существующий порядок. Не случайно А. Ф. Филиппов говорит о социологии как полицейской науке: Филиппов, 2013б.

режимов. Именно в этом значении понятие используется и сегодня в известных политико-полемиических целях, в том числе применительно к путинской России.

4. Полицейская наука как философия доброго порядка

Как уже говорилось, полицейское государство XVIII века создало свой собственный политический дискурс — «полицейскую науку» (*Polizeywissenschaft*), которая была не столько правовой дисциплиной в современном смысле, сколько частью рамочной теории общего блага с разработанными техниками управления практически всеми сферами социальной и хозяйственности деятельности граждан³³.

Корни подобного позднесредневекового и ранненовременного учения об управлении можно обнаружить как в классической практической философии — например, в аристотелевском учении о добродетелях, так и в многочисленных средневековых княжеских «зеркала» и сборниках моральных наставлений, а также в трактатах о торговле, деньгах и налогах, земледелии и скотоводстве, медицине и других вещах, знание которых считалось необходимым для доброго правления (Möllers, 2011: 19).

Применительно к этой эпохе Мишель Фуко зафиксировал удивительный, по его словам, феномен: «Начиная с XVI в., а если быть более точным, с середины XVI и вплоть до конца XVIII столетия появляется очень большое число сочинений, назвать которые сборниками советов государю, строго говоря, уже нельзя, хотя, с другой стороны, это пока еще и не трактаты из области науки о политике» (Фуко, 2011: 134). Все эти сочинения были посвящены искусству управления.

Содержательно меркантилистское учение об управлении представляло собой смешение знаний в области экономики, финансового дела, географии, техники и политики, объединенных в «камеральные» или «меркантильные» науки, отличные от права³⁴.

Здесь следует отметить, что описываемое историческим понятием «*Polizey*» пространство государственного надзора и вмешательства в социально-экономическую жизнь в эпоху абсолютизма было изъято из компетенций обычных судов, что создавало дополнительную потребность в точном определении того, что относится к ведению полиции (*Polizeisachen*), т. е. в определении материального понятия полиции. Так что возникшая в XVIII веке полицейская наука была вынуждена разрабатывать и эту проблематику (Knemeyer, 1967: 153ff.).

33. Ср. определение «полицейской науки» как «политической науки абсолютистского государства». Указывая не только на исторический контекст абсолютизма, но и на более древнюю традицию практической философии, Ганс Майер подчеркивает, что «полицейская наука» XVIII–XIX веков имела мало общего с возникшими впоследствии дисциплинами — с теорией управления и административным правом (Maier, 1966: 25, 293ff.).

34. Так, преподававший в Галле крупный камералист Рюдигер возмущался тем, что «...отдельные юристы пытаются негативно высказываться о занимающихся наукой камералистикой», тогда как «польза камеральных наук особенно в наше время стала очевидна всем» (Rüdiger, 1777; цит. по: Möllers, 2011: 19).

Решая эту и ряд других задач, наука о полиции была призвана изучать деятельность правительства, направленную на обеспечение общего благосостояния, которое постулировалось как конечная цель государства. Поэтому ее содержанием выступала вся совокупность государственных учреждений и мер, поддерживающих безопасность общества и способствующих его материальному благосостоянию и духовному развитию. Таким образом, по своей задаче и по своему содержанию полицейская наука относилась к кругу политических дисциплин, поскольку изучала свою предметную область прежде всего с точки зрения политической, т. е. с точки зрения наиболее эффективного устройства государственных институтов (Дерюжинский, 1903).

Policeywissenschaft объединила в себе все науки и техники, которые рассматривались в качестве наук об управлении: на основе широко понятого понятия «полиция» любое внутривластное действие государства рассматривалось систематически в рамках обширных представлений о задачах и полномочиях государства. Лишь внутри подобного государственно-теоретического концепта было возможно ценностное обоснование решений относительно тех или иных «полицейских» мер (Stolleis, 1988: 378).

Полицейская наука заняла важное место в академическом ландшафте эпохи: в качестве научной дисциплины она была представлена на специальных кафедрах «экономики и полицейских и камерных дел» («Ökonomie, Policey und Cammersachen»), созданных в это время в немецких университетах. В Пруссии она официально введена в 1727 году специальным декретом кабинета, предписывавшим начать ее преподавание в университетах Галле и Франкфурта-на-Одере. Вслед за ними подобные кафедры были учреждены в других немецких землях и государствах — Ринтельне (1730), Лейпциге (1742), а позже — в Брауншвейге, Штутгарте, Гиссене и др. Полицейская наука понималась тогда как «ученая наука, или часть камеральной науки, которая учит тому, какие добрые полицейские законы и учреждения следует делать для доброй полиции с помощью экономии, в частности, в Германии» (Möllers, 2011: 20).

В распоряжении прусского короля Фридриха Вильгельма I об открытии в Галле кафедры полицейских наук необходимость этого научно-политического мероприятия обосновывалась тем, что «...учащаяся молодежь, прежде чем поступить на службу, сможет получить прочную опору в означенных науках (камералистика, экономия и полицейские дела)» (Schuster, 2003: 42).

Таким образом, заявленной целью прусского правительства здесь была подготовка кадров для государственного аппарата, способных эффективно действовать в новых институциональных условиях просвещенного абсолютизма. Открытия отдельных кафедр полицейских и камеральных наук требовал основатель и первый президент Берлинской академии наук Готфрид Вильгельм Лейбниц, которого в этом поддерживали философы Томазий, Христиан Вольф и другие крупные личности тогдашней интеллектуальной жизни Германии (Maier, 1966: 176).

В результате совместных действий ведущих интеллектуалов эпохи и королевской власти университет (и особенно его кафедры камеральных наук) превратился в прикладную образовательную площадку для обучения государственных чиновников. Именно здесь формировалась новая полицейская культура, именно отсюда в государственный аппарат прусского государства транслировались новые идеи о порядке и управлении. Со временем эти кафедры превратились в важнейший фактор возвышения новой европейской державы, а сама камералистика и полицейская наука стали незаменимым инструментом господства меркантилистского государства Пруссия³⁵.

Дальнейшие реформы Фридриха II привели к тому, что для желающих сделать карьеру на государственной службе образовательный ценз стал обязательным: для занятия высших должностей чиновники должны были пройти университетский курс камералистики, что подразумевало изучение уже упоминавшихся практически-релевантных предметов: финансов, земледелия, административного права и науки управления (полиции) и т. д. (Charman, 1972: 16)³⁶.

Как уже говорилось, полицейская наука являлась прежде всего политической наукой о правильном ведении государственных дел и включала в себя всю сферу внутреннего управления, а присутствовавшее в ее названии понятие «Polizey» не сводилось к «полиции» в современном, узком смысле. Строгую научную систематизацию эта дисциплина впервые получила в трудах Иоганна Генриха Готтлоба фон Юсти и Йозефа фон Зонненфельса, которые стали классиками полицейско-теоретической мысли. Их сочинения долгое время сохраняли свою теоретическую и практическую значимость: их активно читали и рецепировали не только в XVIII, но еще и в XIX веке, в том числе в России³⁷.

Крупнейший теоретик «полицейской науки» второй половины XVIII века И. Г. Г. фон Юсти, впервые употребивший сам термин «Policey-Wissenschaft», в качестве сверхзадачи своей дисциплины называл учреждение такого государства, в котором благополучие отдельных граждан было бы всегда связано с общей пользой, а конечной целью камералистики определял достижение состояния «всеобщего благоденствия». В своих «Принципах полицейской науки» (1756) он заложил идейно-теоретический фундамент для создания упорядоченной и эффективной

35. Некоторые исследователи даже говорят в этой связи о том, что тем самым были заложены институциональные основания радикальности и строгости прусского управленческого инструментария, для которого характерна «повышенная интенсивность господства» (Neugebauer, 1981: 578).

36. Анализ матрикулов первого оплота полицейской науки — университета Галле — показал, что уже в 1730–1740 годы его студенчество в значительной мере состояло из отпрысков влиятельных берлинских семей, многие из которых впоследствии сделали удачную карьеру на государственной службе, став крупными чиновниками, полицейскими администраторами, министрами и членами Академии наук (см.: Preuß, 1992: 7).

37. Вопрос о влиянии идей Юсти на Екатерину II является спорным. С одной стороны, изучение влияний французских и немецких авторов, в том числе Юсти, на русские реформы XVIII века — старая тема, которой посвящено много исследований. Например, см.: Наказ императрицы Екатерины II, 1907). С другой стороны, некоторые современные исследователи исключают Юсти из числа возможных источников идей для Екатерины II (ср.: Омельченко, 2004а).

системы полиции современного государства, определив на годы вперед формы полицейских действий и мер. Для формулировки стоящих перед полицейским государством задач Юсти использовал широкое понятие полиции, характерное для раннего абсолютизма:

«В широком смысле под полицией понимают все меры, касающиеся внутренних дел страны и позволяющие укрепить и приумножить общее могущество государства, правильно использовать его силы и достичь общего благоденствия. В этом смысле к полиции относятся коммерция, финансы, городское и сельское хозяйство, *управление шахтами, лесное хозяйство* и им подобные — в той мере, в какой правительство заботится о них в соответствии с общим благом государства» (Justi, 1969: 4)³⁸.

Помимо этого, у него есть более узкое понятие полиции: «В узком смысле под полицией понимают все то, что необходимо для доброго устроения гражданской жизни и что позволяет наилучшим образом поддерживать хорошую дисциплину и порядок среди подданных, а также меры, увеличивающие жизненные удобства и рост средств пропитания» (Ibid.).

При этом Юсти дал формулу типичного понимания полицейского порядка в эпоху просвещенного абсолютизма, от которой уже недалеко до понятия полиции в смысле государственной деятельности по обеспечению общественной безопасности: «В конечном счете правительство должно поддерживать покой и порядок среди них [подданных] и решительно ограждать от всякого вреда и насилия. Коротче говоря: конечной целью заботы земельной полиции является внутренняя безопасность государства, поскольку она столь существенна для благоденствия республик» (Ibid.: 5).

Йозеф фон Зонненфельс в «Принципах полиции, торговли и финансов» (1765) выводил свое понятие полиции из самого исследуемого предмета: «Государственная наука есть наука об использовании благосостояния государства». В его системе достижению четырех конечных целей государства — приумножения пропитания, финансирования государства, внешней безопасности и внутренней безопасности — служили соответствующие науки: торговая наука, финансовая наука, политическая наука и полицейская наука. Иными словами, полицейская наука учила принципам установления и поддержания внутренней безопасности. Тем самым он уже отказался от устаревшего, нечеткого понятия благоденствия (Wohlfahrt), связанного с милостью государя, считая полицию в узком смысле лишь частью государственной деятельности, а не ее общим понятием (Sonnenfels, 1787: 16; цит. по: Schuster, 2003: 48–49).

Важно отметить, что серьезной проблемой полицейской науки XVIII века являлось отсутствие тщательно разработанного, целостного и общепринятого понятия полиции, что было обусловлено общим состоянием камеральных наук: во

38. По мнению Фуко, упоминаемое здесь Юсти «правильное использование сил государства» — это и есть точная формулировка целей полиции (Фуко, 2011: 408.)

многих регионах Германии кафедры камералистики вообще делали основной упор на экономической сфере, превращая ее в дескриптивную науку об управлении хозяйственной жизнью. Еще одной трудностью было недостаточное внимание к повседневной практике органов управления, что препятствовало трансформации абстрактных философско-камералистских принципов в практические стимулы для деятельности начинающих чиновников. Хотя оба выдающихся теоретика полицейской науки — и Юсти, и Зонненфельс — стремились дать максимально точную дефиницию, это не слишком способствовало установлению консенсуса относительно даже базовых понятий (Schuster, 2003: 44).

В этом смысле полицейская наука с самого начала своего существования столкнулась с рядом серьезных трудностей содержательного и структурного свойства, разрешить которые она так и не смогла. По мнению крупного русского полицейста В. Ф. Дерюжинского, она практически с первых шагов пребывала в состоянии перманентного кризиса: еще в XVIII веке

«обнаружилось чрезвычайное и в высшей степени характерное разнообразие в понимании основных вопросов науки полиции, или, как ее стали называть иначе, полицейского права. Из всей массы писателей полицейстов трудно найти хотя бы двух вполне согласных между собою по столь существенным вопросам, как: задачи науки, определение круга явлений, подлежащих ее изучению, характера ее и приемов исследования. Чуть не каждый писатель понимал ее по-своему. Одни более или менее тесно примыкали к учениям Юсти и Зонненфельса и считали науку полиции наукой политической; другие признавали ее наукой юридической и стремились выработать особую систему юридических норм под общим названием полицейского права; третьи пытались согласить обе точки зрения — политическую и юридическую и создать параллельно две научные системы: философскую систему науки полиции и особую систему полицейского права; были, наконец, и такие писатели, которые вполне отрицали даже самую возможность существования особой науки полицейского права» (Дерюжинский, 1903).

Радикальные общественные изменения XIX века внесли существенные коррективы в научный дискурс о полиции, поскольку полицейские и камеральные науки уже не соответствовали той усиливавшейся дифференциации социальной и особенно хозяйственной жизни. Объем стоявших перед ними аналитических задач и широта охватываемых ими сфер стали настолько необозримыми, что единственным выходом оказалась специализация³⁹. В результате многие области знания выделились из полицейских и государственных наук, представление о задачах полиции в условиях конституционных монархий стало приближаться к современному,

39. Большинство вопросов, связанных с условиями развития материального благосостояния (составлявших один из главных предметов изучения науки полиции), отошло в область политической экономики. В результате наука о полиции как особая отрасль знания, по словам Дерюжинского, потеряла как минимум половину смысла своего существования (см.: Дерюжинский, 1903).

а само понятие «полиция» — использоваться в более узком смысле, соответствующем эпохе классического либерализма.

Вместо постулируемого полицейской наукой неразрывного единства государства и его подданных появляется имевшее далекоидущие дискурсивные и институциональные последствия разделение на государство и общество⁴⁰. И уже в 1829 году выдающийся немецкий правовед Роберт фон Моль различал государственное и административное право: если первое регулирует функционирование государственных органов, то второе затрагивает воздействие государственного аппарата на общество, считавшееся теперь более или менее свободным от государства. Если использовать военную метафору, это скорее «арьергардные бои» вокруг идеи полицейского государства, которое после этого исчезает из политико-дискурсивного пространства Европы. По сути, это не столько завершение истории старого понятия «полиция», сколько начало радикально новой истории. Ведь к концу XIX — началу XX века полицейская наука, ранее охватывавшая все пространство административного права, и вовсе лишилась своего бывшего значения, и задачи полиции все больше концентрировались на аспекте обеспечения общественной безопасности (Möllers, 2011: 21–22).

Тем не менее полицейская наука оставила после себя мощную традицию (идеологию) интерпретации (просвещенного) авторитарного государства как единственного легитимного субъекта политического волеобразования и единственного легального актора в области управления рядом важнейших сфер общественной жизни. Рецидивы подобной полицейско-государственной «теоретической культуры» регулярно проявляются даже сегодня в разнообразных попытках обосновать необходимость государственного интервенционизма — вплоть до обратного огосударствления (резатизации) и повторной полицеизации управления обществом, эмансипировавшегося от государства в эпоху классического либерализма.

5. Российская империя как (несостоявшееся) полицейское государство?

В свете вышесказанного неизбежно возникает ряд вопросов применительно к русскому опыту полицирования, которые можно объединить в один рамочный: в какой мере историческая Россия XVIII — начала XX века может рассматриваться в качестве полицейского государства, структурно схожего с европейскими аналогами?

40. Как справедливо замечает по этому поводу А. Ф. Филиппов, история *Polizeiwissenschaft* вообще очень показательна в том отношении, чего можно, а чего нельзя ожидать даже от самой доброкачественной полицейской мысли: «Не все возможно даже в мире идей, а вся история идеи полиции... говорит о том, что внешний порядок, который выдается (искренне или притворно) за порядок заботы о благоденствии, на самом деле может либо оказаться проблематичным для устройства тех дел, которые относятся к управлению хозяйством, либо, при ближайшем рассмотрении, окажется лишь порядком, насаждаемым в интересах имущих, безо всякого субстанциального приобщения к этому порядку большинства населения. Он остается внешним порядком, он не впущен внутрь, это порядок кары и принуждения, но не порядок поощрения и побуждения» (Филиппов, 2011: 31).

С одной стороны, начиная с Петра I, русские правители также позиционировали себя в качестве модернизаторов и реформаторов, строящих новую, европейскую, «просвещенную» Россию. В рамках этих усилий они заимствовали множество европейских административных и правовых институтов, включая полицию, а для легитимации своей абсолютистской власти — идеи из общеевропейского дискурсивного багажа⁴¹.

В качестве одного из институтов в глазах русских просвещенных монархов, безусловно, предстала система полиции в европейском духе. Здесь можно пытаться понять — независимо от личных мотивов русских государей, пытавшихся адаптировать иностранный институциональный опыт, — в каком виде тот или иной институт был трансферирован в реальную практику функционирования русского государственного аппарата — в усеченном или в более или менее «корректном» виде, с соответствующим дискурсивным обоснованием или совсем без такового. В любом случае, очевидно, что полиция в европейском, прежде всего прусском, смысле в России так никогда и не возникла. Есть все основания полагать, что Российская империя так и не стала полицейским государством в виде целостной и стройной системы социального администрирования (я- или мы-интенционального управления общественным развитием в самом широком значении). Ведь «если в Европе результатом камералистского управления полицейским государством стало пробуждение творческой энергии подданных, то в России суверены не располагали необходимыми для этого социальными ресурсами и стали опираться на дорогостоящую и чуждую большинству населения полицию» (Филиппов, 2012б).

Что же пошло не так в русском полицейском строительстве, почему здесь не удалось создать столь же эффективные институты производства и поддержания порядка посредством перманентного полицирования социальной и экономической жизни подданных, как в той же Пруссии?⁴² Чтобы разобраться в причинах неудачи полицейского государства по-русски, необходимы специальные исследования русской рецепции полиции и полицейско-административного институционального трансфера в целом. Пока же ограничимся указанием на очевидные различия, выявляемые на различных уровнях анализа.

Прежде всего обратимся к дискурсивному уровню. С одной стороны, многие программные документы русского полицейского государства эпохи просвещенного абсолютизма сильно напоминают западные аналоги. Так, в Регламенте Главному магистрату, утвержденном Петром I 16 января 1721 года, говорится то же самое, что и в европейских полицейских регламентах того времени:

41. Правда, по мнению некоторых исследователей, основным мотивом данного «трансфера» западных идей и институтов было вовсе не желание перенести по частям идеальное государственное устройство, а прагматическая ориентация на «лучшие практики» (см.: Омельченко, 2004б).

42. Впрочем, не стоит особо идеализировать прусского полицейского: по словам американского исследователя К. Фосдика, осуществившего перед Первой мировой войной сравнительное исследование полицейских систем европейских стран, обычное поведение берлинского шуцмана, находящегося при исполнении служебных обязанностей, «привело бы на Трафальгарской площади к восстанию в течение двух часов» (Fosdick, 1969: 296; цит. по: Chapman, 1972: 60).

«Полиция споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравования, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне и приносит довольство во всем, потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам; и в домах запрещает излишество в домовых расходах и все явные погрешения; призирает нищих, бедных, больных, увечных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных, по заповедям Божиим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкратце же над всеми сими полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобности» (Законодательство Петра I, 1997: 446).

Под этим петровским регламентом, как и под многими документами, вышедшими из-под пера Екатерины II⁴³, могли бы подписаться европейские реформаторы полиции — прусский король Фридрих II и его австрийский коллега Иосиф II. В этом смысле и Петра I, и его самозваную наследницу Екатерину II можно отнести к правителям-камералистам. Как и их западные коллеги, они также пытались управлять и контролировать всю социально-экономическую активность своих подданных посредством полицирования, стремясь в том числе с помощью обстоятельных и подробных полицейских регламентов, обеспечить населению безопасность и мобилизовать его ресурсы в государственных интересах.

С другой стороны, реальная практика дальнейшего полицейского строительства в Российской империи показывает, что действительно существовавший «полицейский порядок» здесь являлся не столько результатом рационального дискурса просвещенных бюрократов, объективированного в системе административных институтов, сколько спонтанно сложившимся (бес)порядком — своеобразным хаосом формальных институтов и неформальных практик. Стоит ли говорить, что этот «стихийно», т. е. исторически сложившийся полицейско-административный ландшафт очень слабо корреспондировал с заимствованным у Запада дискурсом полиции эпохи просвещенного абсолютизма. Так, даже в начале XX века система полиции в России была не просто сложной, а порой настолько запутанной, что сами ее сотрудники не всегда более или менее ясно понимали границы своих компетенций. В подтверждение этого достаточно привести поразительное признание бывшего директора Департамента полиции А. А. Лопухина: «...не только обывателю, но даже должностным лицам, даже центральному, ведающему дело полиции органу МВД нет иногда возможности определить, для какой местности какие полицейские органы в ней действуют» (Лопухин, 1907: 9–10).

Кроме того, в имперской России существовало множество видов полиции, часто находившихся в различном подчинении: наружная, сыскная, охранная, пор-

43. Прежде всего — «Устав благочиния, или полицейский» 1782 года.

товая, речная, фабричная, железнодорожная и т.д. Еще в качестве примера подобного институционального хаоса полицейских органов можно привести такой важнейший институт, как Отдельный корпус жандармов, учреждения которого на местах по строевой и хозяйственной линии были подведомственны самому Корпусу, по оперативно-розыскной — Департаменту полиции, а как воинские формирования — входили в систему Военного министерства. В этом — институциональном — смысле не очень понятно, как такая запутанная система русской полиции вообще могла эффективно функционировать длительное время (Перегудова, 2013: 124). Не менее хаотичным было само законодательно-правовое регулирование деятельности русской полиции, представлявшее собой несистематизированный набор документов разных эпох, частично противоречащих друг другу просто из-за того, что старые нормы не были отменены даже после принятия новых⁴⁴.

Таким образом, даже на формально институциональном уровне русская полиция мало напоминала организованную на рациональных принципах немецкой полицейской науки XVIII–XIX вв. систему управления, осуществляющую властные полномочия от имени суверена в интересах общего блага. Да и сами административные институты и полицейский аппарат учреждался и реформировался скорее в результате решений, мотивированных, например, европейской модой (создание министерства полиции в 1811 году по французскому образцу), или просто придворно-политическими (аппаратными) компромиссами различных групп влияния.

И, наконец, на персональном уровне русская полиция также была очень далека от идеала чиновника, который воспитывался на прусских кафедрах камералистики в рамках философии меркантилизма⁴⁵. Прежде всего это касалось подготовки и отбора самих полицейских чиновников. Ведь традиционное полицейское государство в Европе XVIII века опиралось на такие полицейско-чиновнические ценности, как порядок, форма и дисциплина, которые проецировались не только на действия чиновников в присутственных местах, но и на частную и общественную жизнь самих граждан. А рекрутировавшийся, как правило, из отставных военных персонал полицейских служб Российской империи, помимо перманентного насилия над находившимся в его ведении населением, также «прославился» системной коррупцией, включая прямые поборы с граждан (Гурьев, 2013).

Благодаря великой русской литературе XIX века мы представляем себе типических представителей полицейского аппарата Российской империи. Перед глазами у каждого из нас со времен школьного курса стоит череда ярких портретов служителей правопорядка и законности, созданных выдающимися писателями, начиная

44. Деятельность русской полиции регулировалась множеством узаконений и положений, принятых в различные эпохи, не согласованных между собой и давно устаревших. Так, некоторые положения «Устава о предупреждении и пресечении преступлений», которым руководствовалась полиция в начале XX века, относились к XVIII и даже XVII веку! (см.: Перегудова, 2013: 381).

45. В недавно вышедшей в США книге ставятся под сомнение добродетели прусских камералистов и утверждается, что насаждавшийся ими порядок был не таким уж добрым, а сами они — малокомпетентными и коррумпированными персонажами (Wakefield, 2009).

с Н. В. Гоголя. Стоит ли говорить, как далеки они от идеальной бюрократии Фридриха II с ее заботящимися об общем благе чиновниками, одновременно полезными и дружественными в отношении населения и лояльными в отношении власти: городничий (глава административно-полицейской власти уездного города) Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, частный пристав Степан Ильич Уховерт, полицейский Держиморда и другие не менее колоритные персонажи...

Таким образом, делая предварительные выводы относительно полицейского государства по-русски, можно прийти к амбивалентному заключению. С одной стороны, начиная с XVIII века развитие полицейско-административных органов Российской империи внешне проходило в русле общеевропейских тенденций дискурсивной тематизации и практической реализации идеи доброго порядка. С другой стороны, русская полиция сильно отличалась от своего немецкого образца, что объясняется многими причинами структурного свойства: в России полицейское строительство шло сугубо сверху и не встречало резонанса в местных социальных и административных порядках (Raeff, 1975; Раев, 2000).

В Европе идея полиции во многом была результатом рационального политического дискурса, являвшегося в свою очередь продуктом европейского интеллектуального развития, прежде всего — концепции общего блага. И даже если считать нормативные тексты западного полицейского государства скорее его идеализацией, нежели реальным описанием, все же очевидно, что само полицейское государство в Европе возникло в рамках имманентного процесса модернизации и рационализации управления в Новое время.

В России же полиция как ключевой институт производства и поддержания порядка никак не была укоренена в структурах социального действия, включая реальные практики функционирования госаппарата. Естественно, в таких условиях не могло быть и речи о шансах на возникновение некоего общего (внутриэлитного) консенсуса о чиновничьем долге и государственной службе, который впоследствии мог бы транслироваться сверху вниз на все общество в целом. Как показал русский опыт полицейского государства, без совместно или хотя бы широко разделяемых базовых представлений о правильно устроенном социальном порядке «полиция» невозможна не только как рациональный дискурс общего блага или общественного интереса, но даже как эффективный институт легитимного насилия⁴⁶.

Впрочем, этот и другие «сильные» тезисы данной статьи нуждаются в дополнительной разработке в рамках дальнейших исследований русской рецепции идей и практики осуществления политики через полицию.

46. Стоит ли говорить, что сегодня подобные общие представления могут возникнуть, распространиться и стать доминирующими лишь в результате публичной тематизации в рамках поля общественности и в процессе свободного политического волеобразования. Перефразируя известное высказывание Карла Шмитта, применительно к нынешнему полицейско-государственному строительству в РФ это означает, что не может быть полиции там, где нет политики.

Литература

- Андреевский И. Е. (1874–1876). Полицейское право. СПб.: Типография Э. Праца.
- Гурьев В. И. (2013). Московская полиция 1881–1917 гг. М.: Спутник+.
- Дерюжинский В. Ф. (1903). Полицейское право. СПб.: Сенатская типография.
- Законодательство Петра I. (1997) / Отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М.: Юридическая литература.
- Кильдюшов О. В. (2007). «Невидимая рука» и «хитрость разума». Классическая версия парадокса непреднамеренных последствий // Логос. № 5. С. 21–53.
- Лазарев В. В. (2001). Общая теория права и государства. М.: Юристъ.
- Лопухин А. А. (1907). Из итогов служебного опыта: настоящее и будущее русской полиции. М.: В. М. Саблин.
- Монтескье Ш. (1955). О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы. С. 159–733.
- Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. (1907) / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб.: Типография Императорской Академии Наук.
- Омельченко О. А. (2004а). Голландский литератор Э. Люзак и Наказ императрицы Екатерины II (новые сведения об источниках текста Наказа) // Омельченко О. А. Власть и закон в России XVIII века. М.: МГИУ. С. 387–400.
- Омельченко О. А. (2004б). Государственно-правовая система России XVIII века и политическая культура Европы: итоги исторического взаимодействия // Омельченко О. А. Власть и закон в России XVIII века. М.: МГИУ. С. 414–438.
- Перегудова З. И. (2013). Политический сыск России (1880–1917). М.: РОССПЭН.
- Раев М. (2000). Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Императорский период. Самара: Самарский университет. С. 48–79.
- Филиппов А. Ф. (2011). Несколько тезисов о действии, порядке и полицейском государстве // Сократ. № 3. С. 6–11.
- Филиппов А. Ф. (2012а). Новое рождение политического из деполитизированного: кризис полицейского управления и множественные солидарности // Развитие и экономика. № 3. С. 246–263.
- Филиппов А. Ф. (2012б). Полицейское государство и всеобщее благо: к истории одной идеологии. Статья первая // Отечественные записки. № 2. С. 328–340.
- Филиппов А. Ф. (2013а). К исторической ситуации полиции в России // Социологическое обозрение. Т. 12. № 2. С. 41–42.
- Филиппов А. Ф. (2013б). Советская социология как полицейская наука // Новое литературное обозрение. № 5. С. 48–63.
- Фуко М. (2010). Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / Пер. с франц. А. В. Дьякова. СПб.: Наука.
- Фуко М. (2011). Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / Пер. с франц. В. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука.

- Штолльвайс М.* (2012). Око закона: история одной метафоры / Пер. с нем. А. В. Дорониной. М.: РОССПЭН.
- Abdelnabi M.* (1974). Die Aufgaben und Stellung der Polizei im Rechtsstaat. Inauguraldissertation. Graz.
- Badura P.* (1967). Das Verwaltungsrecht des liberalen Rechtsstaates. Göttingen: Verlag Otto Schwartz & Co.
- Baltl H., Kocher G.* (2008). Österreichische Rechtsgeschichte. Graz: Leykam.
- Behr R.* (2000). Cop Culture: der Alltag des Gewaltmonopols. Opladen: Lese&Budrich.
- Chapman B.* (1972). Der Polizeistaat. München: List.
- Endrweit G.* (2003). Resümee der Polizeisozioogie — als Versuch der Etablierung einer neuen speziellen Soziologie // Die Polizei der Gesellschaft: Zur Soziologie der inneren Sicherheit / Hrsg. H.-J. Lange. Opladen: Leske und Budrich. S. 399–411.
- Feltes T.* (2002). Scientia Ante Portas. Flüchten oder standhalten? Zur Perspektive einer Polizeiwissenschaft in Deutschland // Die Polizei. № 9. S. 245–250.
- Fosdick R. B.* (1969). European police systems. Montclair: Patterson Smith.
- Gönner N. Th.* (1804). Teutsches Staatsrecht. Landshut: Krüll.
- Hoke R.* (1996). Österreichische und Deutsche Rechtsgeschichte. Wien: Böhlau.
- Jaschke H.-G., Neidhardt Kl.* (2007). Moderne Polizeiwissenschaft als Integrationswissenschaft: Ein Beitrag zur Grundlagendiskussion // Schriftenreihe der Deutschen Hochschule der Polizei. Sonderheft. S. 98–119.
- Justi J. H. G. von.* (1761). Gedanken von Projecten und Projectmachern // *Justi J. H. G. von.* Gesammelte Politische und Finanzschriften über wichtige Gegenstände der Staatskunst, der Kriegswissenschaften und des Cameral- und Finanzwesens. Bd. 1: Auf Kosten der Rothenschen Buchhandlung. Kopenhagen, Leipzig: Rothe. S. 256–281.
- Justi J. H. G. von.* (1969). Grundsätze der Policywissenschaft, Göttingen 1756. Frankfurt am Main: Sauer & Auermann.
- Knemeyer F.-L.* (1967). Polizeibegriffe in Gesetzen des 15. bis 18. Jahrhunderts: Kritische Bemerkungen zur Literatur über die Entwicklung des Polizeibegriffs // Archiv für öffentliches Recht. № 92. S. 154–181.
- Lange H.-J.* (2002). Polizeiforschung, Polizeiwissenschaft oder Forschung zur Inneren Sicherheit? Über die Etablierung eines schwierigen Gegenstandes als Wissenschaftsdisziplin // Polizei & Wissenschaft. № 3. S. 48–62.
- Maier H.* (1966). Die ältere deutsche Staats- und Verwaltungslehre (Polizeiwissenschaft): ein Beitrag zur Geschichte der politischen Wissenschaft in Deutschland. Neuwied am Rhein: Luchterhand.
- Melcher K.* (1926). Die Geschichte der Polizei. Berlin: Gersbach & Sohn.
- Möllers M. H. W.* (2011). Einführung zum Begriff Polizeiwissenschaft // Polizeiwissenschaft. Bd. 2: Rezensierte Polizeiwissenschaft / Hrsg. M. H. W. Möllers, R. Chr. van Ooyen. Frankfurt am Main: Verlag für Polizeiwissenschaft. S. 17–30.
- Moser J. J.* (1773). Von der Landeshoheit in Polizeysachen. Stuttgart: Metzler.
- Neidhardt K.* (2007). Die Entwicklung der Polizeiwissenschaft als Aufgabe der Deutschen Hochschule der Polizei // Schriftenreihe der Deutschen Hochschule der Polizei. № 1. S. 63–80.

- Neugebauer W.* (1981). Zur neueren Deutung der preußischen Verwaltung im 17. und 18. Jahrhundert in vergleichender Sicht // *Moderne Preußische Geschichte 1648–1947*. Bd. 2 / Hrsg. O. Büsch, W. Neugebauer. Berlin: De Gruyter. S. 541–597.
- Piepenbrock R.* (1964). Der Gedanke eines Wirtschaftsrechts in der neuzeitlichen Literatur bis zum ersten Weltkrieg. Köln: C. Heymann.
- Preuß Ch. L.* (1992). Matrikel der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Bd. 2: 1730–1741. Halle: Universitäts- und Landesbibliothek.
- Projektmacher: zur Produktion von Wissen in der Vorform des Scheiterns. (2004) / Hrsg. M. Krajewski. Berlin: Kulturverlag Kadmos.
- Raeff M.* (1975). The well-ordered police state and the development of modernity in seventeenth and eighteenth century Europe: an attempt at a comparative approach // *American Historical Review*. Vol. 80. № 5. P. 1221–1243.
- Reichertz J.* (2000). Empirisch-wissenssoziologische Polizeiforschung in Deutschland // *Polizei & Wissenschaft*. № 1. S. 4–12.
- Röd W.* (1970). Geometrischer Geist und Naturrecht: Methodengeschichtliche Untersuchungen zur Staatsphilosophie im 17. Und 18. Jahrhundert. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.
- Schärmeli L.* (2011). Entwicklung und Tragweite des Polizeibegriffs im Verwaltungsrecht // *Der Schutz polizeilicher Güter: Entwicklungen und Spannungsfelder* / Hrsg. O. A. Youssef, A. Töndury. Zürich: Dike. S. 37–58.
- Schuster H.* (2003). «Das Amt der Polizey»: die Entwicklung des exekutiven Handelns in Preußen am Beispiel der Berliner Polizei (1715–1816). Dissertation. Hagen: Fern Universität.
- Senellart M.* (1995). Les Arts de gouverner: du regimen médiéval au concept de gouvernement. Paris: Seuil.
- Sonnenfels J. von.* (1787). Grundsätze der Polizey, Handlung und Finanz: zu dem Leitfaden des politischen Studiums. Wien: Joseph Edlen von Kurzbek.
- Stolleis M.* (1988). Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. Bd. 1: Reichspublizistik und Policeywissenschaft 1600–1800. München: Beck.
- Stolleis M.* (1988–2012). Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland. 4 Bände. München: Beck.
- Stolleis M.* (1990). Staat und Staatsraison in der frühen Neuzeit: Studien zur Geschichte des öffentlichen Rechts. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Stolleis M.* (2011). Ausgewählte Aufsätze und Beiträge. Frankfurt am Main: Klostermann.
- Stölting E.* (2009). Geleitwort zur Soziologie der Polizei // *Beiträge zu einer vergleichenden Soziologie der Polizei*. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam. S. 4–12.
- Wakefield A.* (2009). The disordered police state: German cameralism as science and practice. Chicago: University of Chicago Press.
- Wolzendorf K.* (1918). Der Polizeigedanke des modernen Staats: ein Versuch zur allgemeinen Verwaltungslehre unter besonderer Berücksichtigung der Entwicklung in Preussen. Breslau: Marcus.

Police as Science and Politics: On the Birth of Contemporary Order from Philosophy and Political Practice

Oleg Kildushov

Leading Research Fellow, National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

The article examines various aspects of a “police state” — a historically unique phenomenon which originally appeared in German absolutist states of the XVIII century (Prussia being the first of such states). Such states were characterized by a developed discourse of state administration (cameralistics) coupled with intensive state interference into social and economic life of its citizens by means of police control. First, brief introduction into the problematics of a police state is given. We point out the inadequate contemporary reading of a “police state”, exclusively viewed in the light of latter bourgeois law-based states of the nineteenth and twentieth centuries. The heuristic value of such social order analysis for general modern theory and particular theories of political power is also considered. The paper continues with a brief digression into the case history of the term “the police”. The main semantic changes of the term are traced, beginning from its appearance in ancient Greece, and concluding with the absolutist epoch. The main part of the paper deals with the traditional police state as a historical phenomenon representing an attempt to implement an intentional utopia as an administrative practice and as a frame mercantilist concept of public good developed in cameralistics. Then, “police science” (“Polizeywissenschaft”) of the eighteenth century is examined as the police state’s own political discourse. The problematics of “police state” are applied to the Russian administrative experience in the conclusion.

Keywords: police science, cameralistics, absolutism, Prussia, Frederick II, police state, mercantilism, Justii

References

- Abdelnabi M. (1974) *Die Aufgaben und Stellung der Polizei im Rechtsstaat* (Inauguraldissertation), Graz.
- Andreevsky I. (1874–1876) *Policejskoe pravo* [Police Law], Saint-Petersburg: Tipografija E. Praca.
- Badura P. (1967) *Das Verwaltungsrecht des liberalen Rechtsstaates*, Göttingen: Verlag Otto Schwartz & Co.
- Baltl H., Kocher G. (2008) *Osterreichische Rechtsgeschichte*, Graz: Leykam.
- Behr R. (2000) *Cop culture: der Alltag des Gewaltmonopols*, Opladen: Leske und Budrich.
- Chapman B. (1972) *Der Polizeistaat*, München: List.
- Chechulin N. (ed.) (1907) *Nakaz imperatricy Ekateriny II, dannyj Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozhenija* [The Instruction of Catherine II to the Commissioners for Composing a New Code of Laws], Saint-Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk.

- Deruzhinsky V. (1903) *Policejskoe pravo* [Police Law], Saint-Petersburg: Senatskaja tipografija.
- Endrueit G. (2003) Resumee der Polizeisoziologie — als Versuch der Etablierung einer neuen speziellen Soziologie. *Die Polizei der Gesellschaft: zur Soziologie der inneren Sicherheit* (ed. H.-J. Lange), Opladen: Leske und Budrich, pp. 399–411.
- Feltes T. (2002) Scientia Ante Portas. Flüchten oder standhalten? Zur Perspektive einer Polizeiwissenschaft in Deutschland. *Die Polizei*, no 9, pp. 245–250.
- Filippov A. (2011) Neskol'ko tezisov o dejstvii, porjadke i policejskom gosudarstve [Several Thesis on Action, Order and Police State]. *Socrat*, no 3, pp. 6–11.
- Filippov A. (2012) Novoe rozhdenie politicheskogo iz depolitizirovannogo: krizis policejskogo upravljenija i mnozhestvennye solidarnosti [New Birth of Political from Depolitized: A Crisis of Political Government and Multiple Solidarities]. *Razvitie i jekonomika*, no 3, pp. 246–263.
- Filippov A. (2012) Policejskoe gosudarstvo i vseobshhee blago. K istorii odnoj ideologii. Stat'ja pervaja [Police State and Common Good: Toward a History of One Ideology. Paper One]. *Otechestvennye zapiski*, no 2, pp. 328–340.
- Filippov A. (2013) K istoricheskoj situacii policii v Rossii [Toward a Historical Situation of Police in Russia]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 12. no 2, pp. 41–42.
- Filippov A. (2013) Sovetskaja sociologija kak policejskaja nauka [Soviet Sociology as a Police Science]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 5, pp. 48–63.
- Fosdick R.B. (1969) *European Police Systems*, Montclair: Patterson Smith.
- Foucault M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics: Lectures at the College de France, 1978–79], Saint-Petersburg: Nauka.
- Foucault M. (2011). *Bezopasnost', territorija, naselenie. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population: Lectures at the College de France, 1977–78], Saint-Petersburg: Nauka.
- Gönnér N.Th. (1804) *Teutsches Staatsrecht*, Landshut: Krull.
- Gurjev V. (2013) *Moskovskaja policija 1881–1917 gg.* [Moscow Police at 1881–1917], Moscow: Sputnik.
- Hoke R. (1996) *Osterreichische und Deutsche Rechtsgeschichte*, Wien: Bohlau.
- Jaschke H.-G., Neidhardt Kl. (2007) Moderne Polizeiwissenschaft als Integrationswissenschaft: Ein Beitrag zur Grundlagendiskussion. *Schriftenreihe der Deutschen Hochschule der Polizei*, Sonderheft, pp. 98–119.
- Justi J. H. G. von (1761) Gedanken von Projecten und Projectmachern. *Gesammlete Politische und Finanzschriften uber wichtige Gegenstände der Staatskunst, der Kriegswissenschaften und des Cameral- und Finanzwesens, Bd. 1: Auf Kosten der Rothenschen Buchhandlung*, Koppenhagen, Leipzig: Rothe, pp. 256–281.
- Justi J. H. G. von (1969) *Grundsätze der Polizeywissenschaft, Göttingen 1756*, Frankfurt am Main: Sauer & Auermann.
- Kildushov O. (2007) “Nevidimaja ruka” i “hitrost' razuma”. Klassicheskaja versija paradoksa neprednamerennyh posledstvij [“Invisible Hand” and “Trick of Reason”. Classical Version of the Paradox of Unintended Consequences]. *Logos*, no 5, pp. 21–53.

- Knemeyer F.-L. (1967) Polizeibegriffe in Gesetzen des 15. bis 18. Jahrhunderts: Kritische Bemerkungen zur Literatur über die Entwicklung des Polizeibegriffs. *Archiv für öffentliches Recht*, no 92, pp. 154–181.
- Krajewski M. (ed.) (2004) *Projektemacher: zur Produktion von Wissen in der Vorform des Scheiterns*, Berlin: Kulturverlag Kadmos.
- Lange H.-J. (2002) Polizeiforschung, Polizeiwissenschaft oder Forschung zur Inneren Sicherheit? Über die Etablierung eines schwierigen Gegenstandes als Wissenschaftsdisziplin. *Polizei & Wissenschaft*, no 3, pp. 48–62.
- Lazarev V. (2001) *Obshhaja teorija prava i gosudarstva* [A General Theory of Law and State], Moscow: Jurist.
- Lopukhin A. (1907) *Iz itogov sluzhebnogo opyta: nastojashhee i budushhee russkoj policii* [Some Conclusions from Work Experience: Present and Future State of Russian Police], Moscow: V.M. Sablin.
- Maier H. (1966) *Die altere deutsche Staats- und Verwaltungslehre (Polizeiwissenschaft): ein Beitrag zur Geschichte der politischen Wissenschaft in Deutschland*, Neuwied am Rhein: Luchterhand.
- Melcher K. (1926) *Die Geschichte der Polizei*, Berlin: Gersbach & Ssohn.
- Mollers M.H.W. (2011) Einführung zum Begriff Polizeiwissenschaft. *Polizeiwissenschaft, Bd. 2: Rezensierte Polizeiwissenschaft* (eds. M.H.W. Mollers, R. Chr. van Ooyen), Frankfurt am Main: Verlag für Polizeiwissenschaft, pp. 17–30.
- Montesquieu Ch. (1955) O duhe zakonov [The Spirit of the Laws]. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works], Moscow: Gospolitizdat, pp. 159–733.
- Moser J.J. (1773) *Von der Landeshoheit in Polizeysachen*, Stuttgart: Metzler.
- Neidhardt K. (2007) Die Entwicklung der Polizeiwissenschaft als Aufgabe der Deutschen Hochschule der Polizei. *Schriftenreihe der Deutschen Hochschule der Polizei*, no 1, pp. 63–80.
- Neugebauer W. (1981) Zur neueren Deutung der preußischen Verwaltung im 17. und 18. Jahrhundert in vergleichender Sicht. *Moderne Preußische Geschichte 1648–1947, Bd. 2* (eds. O. Busch, W. Neugebauer), Berlin: De Gruyter, pp. 541–597.
- Omelchenko O. (2004) Gollandskij literator Je. Ljuzak i Nakaz imperatricy Ekateriny II (novye svedenija ob istochnikah teksta Nakaza [Holland Man of Letters E. Luzac and the Instruction of Catherine II (New Data on the Sources of the Instruction's Text)]. *Vlast i zakon v Rossii XVIII veka* [Power and Law in 18th Century Russia], Moscow: MGIU, pp. 387–400.
- Omelchenko O. (2004) Gosudarstvenno-pravovaja sistema Rossii XVIII veka i politicheskaja kul'tura Evropy: itogi istoricheskogo vzaimodejstvija [State-Legal System of 18th Century Russia and European Political Culture: Results of Historical Interaction]. *Vlast i zakon v Rossii XVIII veka* [Power and Law in 18th Century Russia], Moscow: MGIU, pp. 414–438.
- Peregudova Z. (2013) *Politicheskij sysk Rossii (1880–1917)* [Political Spying in Russia (1880–1917)], Moscow: ROSSPEN.
- Piepenbrock R. (1964) *Der Gedanke eines Wirtschaftsrechts in der neuzeitlichen Literatur bis zum ersten Weltkrieg*. Koln: C. Heymann.

- Preobrazensky A., Novitskaya T. (eds.) (1997) *Zakonodatel'stvo Petra I* [The Laws of Peter I], Moscow: Juridicheskaja literatura.
- Preuß Ch.L. (1992) *Matrikel der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Bd. 2: 1730–1741*, Halle: Universitäts- und Landesbibliothek.
- Raeff M. (1975) The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach. *American Historical Review*, vol. 80, no 5, pp. 1221–1243.
- Raev M. (2000) Reguljarnoe policejskoe gosudarstvo i ponjatje modernizma v Evrope XVII–XVIII vekov: popytka sravnitel'nogo podhoda k probleme [Regular Police State and the Concept of Modernism in Europe in 17–18th Centuries: An Attempt of Comparative Approach to the Problem]. *Amerikanskaja rusistika. Imperatorskij period* [American Russian Studies. Imperial Period], Samara: Samarskij universitet, pp. 48–79.
- Reichertz J. (2000) Empirisch-wissenssoziologische Polizeiforschung in Deutschland. *Polizei & Wissenschaft*, no 1, pp. 4–12.
- Rod W. (1970) *Geometrischer Geist und Naturrecht: Methodengeschichtliche Untersuchungen zur Staatsphilosophie im 17. und 18. Jahrhundert*, Munchen: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.
- Scharmeli L. (2011) Entwicklung und Tragweite des Polizeibegriffs im Verwaltungsrecht. *Der Schutz polizeilicher Güter: Entwicklungen und Spannungsfelder* (eds. O.A. Youssef, A. Tondury), Zurich: Dike, pp. 37–58.
- Schuster H. (2003) “Das Amt der Polizey”: Die Entwicklung des exekutiven Handelns in Preußen am Beispiel der Berliner Polizei (1715–1816) (Dissertation), Hagen: Fern Universität.
- Senellart M. (1995) *Les Arts de gouverner: du regimen medieval au concept de gouvernement*, Paris: Seuil.
- Sonnenfels J. von (1787) *Grundsätze der Polizey, Handlung und Finanz: zu dem Leitfaden des politischen Studiums*, Wien: Joseph Edlen von Kurzbek.
- Stolleis M. (1988) *Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland, Bd. 1: Reichspublizistik und Policywissenschaft 1600–1800*, Munchen: Beck.
- Stolleis M. (1988–2012) *Geschichte des öffentlichen Rechts in Deutschland*, Munchen: Beck.
- Stolleis M. (1990) *Staat und Staatsraison in der fruhen Neuzeit: Studien zur Geschichte des öffentlichen Rechts*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Stolleis M. (2011) *Ausgewählte Aufsätze und Beiträge*, Frankfurt am Main: Klostermann.
- Stolleis M. (2012) *Oko zakona: istorija odnoj metafory* [The Eye of the Law: The History of the Metaphor], Moscow: ROSSPEN.
- Stolting E. (2009) Geleitwort zur Soziologie der Polizei. *Beiträge zu einer vergleichenden Soziologie der Polizei*, Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, pp. 4–12.
- Wakefield A. (2009) *The Disordered Police State: German Cameralism as Science and Practice*, Chicago: University of Chicago Press.
- Wolzendorf K. (1918) *Der Polizeigedanke des modernen Staats: ein Versuch zur allgemeinen Verwaltungslehre unter besonderer Berücksichtigung der Entwicklung in Preussen*, Breslau: Marcus.

О государствах, королях и законах: Франсиско де Витория и его лекция «О гражданской власти»

*Александр Марей**

В статье, предваряющей перевод лекции Ф. де Витории, дается краткий обзор биографии автора и его письменного наследия. Особый упор делается на приверженность Витории схоластическому методу, обуславливающему как особенности построения его текстов, так и подбор аргументации. Также коротко рассматриваются основные идеи, сформулированные Виторией в лекции «О гражданской власти», среди которых следует выделить вопросы о происхождении государства и о природе верховной власти. В последней части статьи комментируются основные принципы перевода лекции с латыни на русский язык.

Ключевые слова: Франсиско де Витория, схоластика, Саламанкская школа, государство, власть, монархия

Франсиско де Витория (1492–1546) мало известен отечественному читателю — в России практически нет посвященной ему литературы¹, отсутствуют переводы его работ на русский язык². Между тем значение этой фигуры для истории философской, богословской, этической и правовой мысли XVI–XVII вв. сложно переоценить. Основоположник философского течения второй схоластики, Франсиско де Витория заслуживает самого пристального внимания со стороны как историков, так и философов, богословов и юристов. Предлагаемый в данной публикации перевод с латыни лекции Фр. де Витории «О гражданской власти» впервые знакомит отечественного читателя с основами политико-правовой мысли родоначальника Саламанкской школы³.

* Марей Александр Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры практической философии философского факультета, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ. Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000. E-mail: amarey@hse.ru

© Марей А. В., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Кроме нескольких статей в печатных и сетевых энциклопедиях (БСЭ, Российская католическая энциклопедия, Wikipedia, Новая философская энциклопедия, глоссарий сайта «Библистика и гебраистика: материалы и исследования») можно назвать разве что разделы в двух монографиях: Шмонин, 2006: 36–38; Полдников, 2011: 342–347.

2. Единственное исключение — перевод нескольких фрагментов лекции Фр. де Витории «Об индейцах и о праве войны». При этом уровень перевода и комментариев к нему оставляет желать много лучшего (см.: Витория, 1991: 273–277).

3. О содержании понятий «вторая схоластика» и «Саламанкская школа», а также об основной литературе, в которой обсуждалась традиция их использования, см.: Шмонин, 2006: 3–36.

Витория родился в Бургосе — древней столице Старой Кастилии — в семье королевского чиновника Педро де Аркайи и его супруги Каталины де Комплудо⁴. В возрасте 14 лет, в 1505 г., он поступил в орден доминиканцев, где и принял прославившее его имя⁵. Через три года Витория был направлен в Париж для продолжения обучения и получения степени, где пробыл до 1523 г. и вернулся в Испанию уже зрелым богословом. В 1522 г. Витория получил степень доктора богословия и примерно в это же время был рукоположен в священнический сан.

По возвращении в Испанию Витория был назначен на кафедру теологии в конвенте св. Григория в Вальядолиде и занимал этот пост до 1525 г. В следующем году в жизни Фр. де Витории произошел крутой поворот: его пригласили на первую кафедру теологии крупнейшего на тот момент испанского университета Саламанки. Там он и проработал до самой своей смерти в 1546 г.

Основную массу творческого наследия Фр. де Витории составляют лекции двух видов: традиционные университетские курсы (*lecturae*), посвященные разбору «Сентенций» Петра Ломбардского и «Суммы теологии» Фомы Аквинского, и так называемые *relectiones* — открытые лекции (Д. В. Шмонин предложил называть их «актовыми» [Шмонин, 2006: 41])⁶, читавшиеся им публично, при большом стечении народа, раз в несколько лет. Ни те ни другие лекции никогда не публиковались Фр. де Виторией и, по всей видимости, не предназначались для публикации. После смерти профессора они были восстановлены по студенческим конспектам и опубликованы в виде отдельных книг: в 1557 г. в Лионе вышли «Богословские лекции» (*Relectiones theologicae*), а в 1565 г. в Саламанке были изданы «Комментарии ко второму разделу второй части „Суммы теологии“». Впоследствии оба текста неоднократно переиздавались, хотя наибольшую популярность — и наибольшую славу их автору — снискали именно «Богословские лекции».

В традиционном виде этот текст разбит на два тома⁷, в первый вошли семь лекций, объединенных вокруг социально-политической проблематики: первая и вторая лекции «О церковной власти» (1532–1533), ставшая предметом данной статьи лекция «О гражданской власти» (1528), лекция «О власти Папы и собора» (1534), первая и вторая лекции «Об индейцах или о праве войны» (1532), лекция «О браке». Второй том включает в себя шесть лекций, посвященных различным вопросам правового и морально-богословского толка: «Об увеличении любви», «О симонии», «Об убийстве», «Об умеренности», «О магическом искусстве» и последняя лекция «О том, к чему обязывается человек, впервые обращающийся к доводам рассудка». Нередко, впрочем, оба тома публиковались под одной обложкой,

4. Биография Фр. де Витории дается с опорой на фундаментальный труд проф. Д. В. Шмонина (Шмонин, 2006: 36–38); см. также: Belda Plans, 2000; Beltrán de Heredia, Barcia Trelles, Garcia-Villoslada, 1946; Castillo Urbano, 1992; Hamilton, 1963, и т. д.

5. Родовое имя Витории — Аркайя де Комплудо. Поступив в орден, он, по обычаю тех времен, взял имя по месту происхождения рода своего отца, — маленького городка Витории.

6. См. также: Martín de la Hoz, 1993.

7. Существует критическое издание текста в 3-х томах: Vitoria, 1960.

сохраняя внутреннее свое разделение⁸. Некоторые из названных лекций в разное время переводились на европейские языки (прежде всего на английский [Vitoria, 1991, 1997]), однако полный перевод существует лишь на испанский язык. При подготовке данной работы принимались во внимание как испанский (Vitoria, 1998: 1–54), так и английский переводы.

Лекция «О гражданской власти» (далее — DPC) была прочитана, по всей видимости, в 1528 году, это самая ранняя из открытых лекций Фр. де Витории (Beltrán de Heredia, 1928: 134–135; Vitoria, 1991: 1). Существуют два варианта ее текста, один из которых отражен в рукописи, хранящейся в Паленсии, второй же — во всех печатных изданиях, начиная с вышедшего в Лионе в 1557 г. Основное отличие версий в том, что в паленсийской рукописи присутствует в виде вставки в конце 1-й *quaestio* (DPC I.11) экскурс о Царстве Христовом, сопровождаемый припиской копииста следующего содержания: «Этого текста о Царстве Христовом не было в записанной лекции. Учитель (т.е. Витория. — А. М.) изложил его иным способом и в другом месте. Но я нашел среди его записей эту, хотя она и разнится по стилю с текстом остальной лекции» (цит. по: Vitoria, 1998: 32). По мнению американского исследователя творчества Фр. де Витории Э. Пэгдена, этот фрагмент изначально входил в текст лекции, но был убран оттуда в ходе последующей редактуры Виторией собственных записей приблизительно около 1530 г. (Vitoria, 1991: 1). Представленный ниже перевод сделан с издания, вышедшего в Мадриде в 1765 г. (Vitoria, 1765), и сверен по лионским изданиям 1557 и 1586 гг. Ни в одном из названных текстов экскурса о Царстве Христовом нет, что и объясняет отсутствие его в нашем переводе.

Прежде чем перейти к содержанию лекции, необходимо сделать существенное замечание. Согласно общему мнению исследователей, основным нововведением Фр. де Витории как педагога следует признать то, что он внес серьезнейшие изменения в преподавание курса теологии. До него теология в университетах читалась по «Сентенциям» Петра Ломбардского. Витория заменил основной текст для комментирования, предложив вместо «Сентенций» «Сумму теологии» Фомы Аквинского⁹. Очевидно, что подобная замена не проходила одновременно, но представляла собой достаточно долгий и непростой процесс. Например, университетские статуты Саламанки предписывали читать теологию только по «Сентенциям», и понятно, что Витория не мог открыто пренебрегать данными требованиями. Но интересно то, что сама структура лекции Витории уже содержит элемент новаторства: при внимательном ее рассмотрении видно, что она выстроена по образцу, предложенному Фомой Аквинским и воплощенному им в «Сумме теологии».

Построенная в полном соответствии с канонами схоластического метода, окончательно оформленного как раз «Суммой теологии»¹⁰, лекция Витории делится на

8. См., например, упоминавшееся издание 1557 г., а также издание 1586 г., использованное при подготовке данного перевода: Vitoria, 1586.

9. См.: Шмонин, 2006: 39.

10. О схоластическом методе см. подробнее Дж. Макдизи: Makdisi, 1974, а также классическую работу М. Грабманна: Grabmann, 1957.

две части, в первой из которых автор рассматривает вопросы о необходимости и причинной обусловленности гражданской власти, а также обосновывает превосходство королевской власти над всеми остальными, а во второй обращается к анализу законодательной функции власти. Первая часть лекции, в свою очередь, делится на два вопроса (*quaestiones*), подразделяющихся на 15 разделов (*articuli*) и завершающихся «заключениями» (*conclusiones*). Вторая часть лекции включает в себя только один вопрос, распадающийся на семь разделов. Каждый раздел как первой, так и второй части содержит тезис, который подвергается детальному разбору путем приведения аргументов за (*pro*) и против (*contra*), в свою очередь, распадающихся на суждения (*propositiones*). В конце разбора тезиса Витория предлагает свой ответ на него (*responsio*), вслед за чем выдвигает новый тезис. Каждый из трех вопросов помимо выводов снабжен несколькими короллариями.

Открывается лекция прологом, в котором Витория возносит хвалу богословию как важнейшей из наук, которой внятно любое знание¹¹. Этим заявлением он добивается одновременно двух вещей: во-первых, позиционирует себя как богослова, и во-вторых, относит дискурс о государстве к сфере богословской науки, подчиня тем самым богословию и философию, и зарождающуюся политическую науку. Для разбора в рамках лекции Витория берет не всю проблематику государства, но лишь проблему государственной власти, которой и посвящает свою лекцию.

В первой части ДРС обосновывается необходимость существования власти в обществе и ее божественное происхождение, а также анализируются основные причины ее существования. При этом Витория не дает определения понятия «власть», отводя под него начало первой лекции «О церковной власти»¹², где власть (*potestas*) представляется как мощь, могущество, связанное прежде всего с насилием и правом его применения. Анализируя причинную обусловленность власти, Витория прибегает к аристотелианской схеме, выделяя целевую, побуждающую и материальную причины ее существования, на рассмотрении которых следует остановиться подробнее.

Трактуя человека как существо разумное, добродетельное и общительное, Витория вслед за Аристотелем и его средневековыми комментаторами (в первую очередь имеется в виду, разумеется, Фома Аквинский) указывает на необходимость формирования человеческого общества (*societas humana, communitas humanorum etc.*), построенного на естественной дружбе между людьми. Идеальной формой общности людей Витория считает гражданское общество (*societas civilis*), которое, по его утверждению, «представляет собой естественнейшее общение, наиболее сообразное природе»¹³. Одна из основных характеристик подобной общности заключается в ее самодостаточности, выражающейся прежде всего в способно-

11. ДРС, prooem.: Officium ac munus theologi tam late patet, ut nullum argumentum, nulla disputatio, nullus locus alienus videtur a theologica professione & instituto. <...> Est autem theologia omnium disciplinarum, studiorumque orbis prima...

12. 1 ДРЕ, I.1: Neque enim omnino videtur esse potestas, quod potentia. Nec materiam siquidem, neque sensus, imo nec intellectum aut voluntatem potestates, sed potentias vocamus.

13. ДРС I.4.

сти отражать силу силой и направлять свои усилия к достижению общего блага (*bonum commune, b. publicum*). Однако для того чтобы гражданское общество могло существовать и действовать как единый организм, ему необходима некая направляющая и управляющая сила, способная противостоять интересам частных лиц во имя общего блага, — таковой и является власть (*potestas*), возникающая по естественному праву по причине «сильнейшей необходимости, которой не могут сопротивляться даже боги»¹⁴. И поскольку все созданное по естественному праву, равно как и оно само, имеет своим творцом Бога, то власть определяется Виторией как божественное установление, которое не может быть отменено никаким людским соглашением, более того — любое людское соглашение, направленное на упразднение власти, Витория определяет как противоречащее естественному праву и уже потому не имеющее никакой силы¹⁵. Наконец, материальную причину появления власти Витория видит в самом государстве, которое должно управляться самим собой, что с необходимостью подразумевает наличие некоей публичной власти¹⁶.

В свою очередь, власть становится необходимым элементом для появления и бытования еще одной сущности, сотворяемой Божьей волей. Речь идет о государстве (*respublica*) или родственном ему политическом образовании, которую Витория называет «городом» (*civitas*). На протяжении лекции Витория нигде не проводит разграничений между двумя этими понятиями, и потому представляется, что они употреблялись им в качестве частичных синонимов. Так, городам, как и государствам, позволяется ставить себе королей¹⁷, и те и другие установлены Богом, и те и другие самодостаточны и имеют своей целью общее благо. Вместе с тем из текста лекции с очевидностью проистекает, что Витория обозначает термином *civitas* не просто гражданскую общину, могущую стать частью государства, но именно некий политический организм, город как полис или даже город-государство, приводя в качестве примера таких *civitates* современные ему Венецию и Флоренцию.

Здесь мы подходим к одному из наиболее тонких различий во всей политической теории Фр. де Витории. Государство, по его утверждению, устанавливает власть и потому может сотворять королей. Эта власть (*potestas*), однако, принадлежит не самому государству, а Богу, и поставленный король, таким образом, становится слугой Бога, а не государства. Оно же, не будучи в силах перенести на короля *potestas* (из-за ее единства и неделимости), переносит на него свою *auctoritas*¹⁸. Различие между понятиями *potestas* и *auctoritas*, чуждое отечественной политико-правовой доктрине и практике, требует отдельного детального исследования. Пока же можно ограничиться замечанием, что государство, согласно Витории, облакает

14. DPC I.5.

15. DPC I.10.

16. DPC I.7.

17. См. например, DPC I.8, а также королларий ко второму вопросу в DPC I.14.

18. DPC I.8: Videtur ergo quod regia potestas non sit a Republica, sed ab ipso Deo, ut catholici doctores sentiunt. Quamvis enim a Republica constituatur (creat namque Republica regem) non potestatem sed propriam auctoritatem in regem transfert, nec sunt duae potestates, una regia, altera communitatis.

короля тем, что мы в определенном контексте могли бы назвать авторитетом, т. е., по выражению испанского философа и юриста А. д'Орса, «социально признанным знанием» (D'Ors, 1972; Domingo, 1999), или общественным признанием правомерности его действий вплоть до права назначать наказания и лишать подданных жизни.

Король, получая от Бога власть, а от государства — *auctoritas*, — становится над государством и имеет право не апеллировать в своей деятельности к мнению отдельных граждан или даже их совокупности. Но раз королевская власть имеет двойственную легитимацию, то и ответственность устанавливается двусторонняя — не только король отвечает перед Богом за грехи своего народа и своего государства, но и государство может быть наказано за грехи своего короля. Этот тезис, сформулированный Виторией, впоследствии лег в основу его концепции права войны, развитой в соответствующей лекции и на сегодняшний день ставшей предметом исследования многих авторов.

Во второй части лекции Фр. де Витория обращается к анализу законодательной функции гражданской власти, совершая при этом краткий экскурс в теорию права. В качестве опорных пунктов этой части лекции выделяются вопросы о том, обязывает ли светский закон к суду совести, могут ли законы обязывать правителя, их издавшего, и следует ли считать обязательными к исполнению законы, принятые тираном.

Фр. де Витория наделяет светский закон силой не только *in foro externo*, но и *in foro interno*. Преступник, таким образом, обязывается по закону не только к мирскому суду, но и к суду совести. Исходными позициями для подобного утверждения можно считать, во-первых, обоснованный Виторией в первой части лекции тезис о божественном происхождении власти и государства, а во-вторых, принцип «не всякий грех есть преступление, но всякое преступление — грех», легший в основу всей христианской этической и правовой мысли Средних веков и раннего Нового времени. Особенно примечательным в данном вопросе представляется то, что, по утверждению Витории, светский закон может обязывать в том числе к смертному греху, а мерой тяжести греха служит лишь качество совершенного проступка и нарушенной им нормы. Основным критерием различения преступлений, совершенных против человеческого закона, Витория предлагает считать общественную опасность совершенного. Не формулируя в своей лекции напрямую определения понятий «преступление» или «грех», Витория тем не менее приходит к пониманию преступления как виновно совершенного общественно опасного деяния, запрещенного человеческим законом, что полностью совпадает с современными определениями преступления, фигурирующими в большинстве уголовных кодексов стран мира, включая РФ.

Свойство человеческих законов обязывать их нарушителя к суду совести приводит Виторию к утверждению о подвластности правителей изданным им же законам. Монархи, согласно доминиканскому профессору, обязываются двояко: во-первых, потому, что они являются частью государства, а изданные ими зако-

ны обязательны для всего государства без исключения; во-вторых, в силу своей человеческой природы, они обязываются собственными законами к суду совести точно так же, как и всякий другой человек.

Применительно к тирании точка зрения Витории смотрится гораздо мягче, нежели у большинства последующих мыслителей, прежде всего — так называемых «монархомахов». Осуждая тиранию, Витория все же призывает повиноваться законам, издаваемым тираном, поскольку «лучше повиноваться законам тирана, чем не повиноваться никаким»¹⁹, ведь подобное неповиновение ведет к распаду государства, что гораздо губительнее любой тирании. Наконец, в последнем пункте лекции Витория уподобляет обращенные к детям и женам поучения и наставления отцов и мужей светским законам и утверждает, что у них также есть сила обязывать преступившего их к суду совести.

Несколько слов о принципах, которыми я руководствовался при переводе лекции Витории на русский язык. Основную трудность для меня представлял слабо разработанный словарь отечественной политической философии, из-за чего перевод многих терминов в тексте следует считать сугубо конвенциональным и подлежащим дальнейшему обсуждению и корректировке.

Так, прекрасно осознавая уязвимость занимаемой мною позиции, я все же перевожу *respublica* в тексте Витории как «государство», а *civitas* — как «город». Витория сознательно использует в своей лекции лексику трактатов М. Туллия Цицерона, иногда давая прямые ссылки на его тексты, иногда цитируя его латентно. Вместе с тем очевидно, что *res publica* из одноименного трактата Цицерона и *respublica* Фр. де Витории — две совершенно разные сущности, сильно отличающиеся друг от друга. В данном случае мне видится не вполне корректной позиция, занимаемая переводчиками Витории на английский язык, без колебаний переводящих *respublica* как *commonwealth*, так же как это делалось в переводах памятников древнеримской мысли. Свою позицию я проиллюстрирую анализом цитаты из трактата Цицерона «De re publica», приведенной Виторией в начале своей лекции.

В оригинальном тексте Цицерона мы видим его знаменитую формулу государства: «Ибо ничто так не угодно высшему божеству, правящему всем миром — во всяком случае, всем происходящим на земле, — как собрания и объединения людей, связанные правом и называемые государствами». Однако сравнив исходный текст Цицерона с его цитатой в тексте Витории, несложно увидеть несколько серьезных различий, отображенных в таблице:

De Re publ.VI.13: Nihil est enim illi principi deo, qui omnem mundum regit, quod quidem in terris fiat , acceptius quam concilia coetusque hominum iure sociati , quae ‘civitates’ appellatur	DPC, I.3.1: Nihil est illi principi deo, qui omnem mundum regit, & quicquid est in terris fecit acceptius quam concilia cujusque hominum iure societatis , quae ‘civitates’ appellatur
---	--

19. DPC II.23.

Характер этих отличий, а также отсутствие разночтений в этом месте во всех изданиях DPC мешает признать их ошибкой редактора. В первой части фразы Витория меняет конструкцию *quidam... fiat* на *quicquid... fecit*, подчеркивая тем самым роль Бога как Творца всего сущего на земле. Изменения, сделанные во второй части фразы, вызывают больше сомнений, но тоже могут быть объяснены. По всей видимости, Витория подчеркивает, что право может существовать только в обществе (*societas*) и потому собрания, созданные по праву, возможны только в его рамках. Тем же аргументом подтверждается (хотя Витория и не заостряет на этом внимания) отделенность общества от города (*civitas*) и государства (*res publica*) и его первичность по отношению к ним.

Вторая терминологическая пара, вызывающая серьезные затруднения при переводе на русский язык, — это упоминавшиеся выше понятия *potestas* и *auctoritas*. За исключением единственного места в тексте, где *auctoritas* переведено как «авторитет» (DPC I.8), она везде переводилась мной как «власть» и сопровождалась заглавной буквой (А), забранной в круглые скобки.

При переводе остальных терминов, в особенности относящихся к общественно-политической сфере, я по мере возможности старался, с одной стороны, избегать тавтологических конструкций, могущих исказить смысл текста, а с другой — соблюдать принцип перевода одного латинского термина одним русским. Так, словом «общество» в тексте всегда переводится латинское *societas*, словом «общность» — *communitas*, словом «множественность» — *multitudo*. Как «гражданин» переводится латинское *civis*, как «гражданский», соответственно, — прилагательное *civilis*. Единственным исключением смотрятся слова *plebs* и *populus*, употребленные Виторией по одному разу каждое, переведенные в русском тексте словом «народ». Этот перевод обусловлен синонимией приведенных понятий в лексиконе Витории.

Цитаты из Священного Писания в переводе приводятся по Синодальному тексту Библии, за исключением нескольких, отдельно оговоренных в сносках фрагментов, когда Витория вольно или невольно искажал библейский текст. Цицерон цитируется в переводе В. О. Горенштейна, Лукреций — в переводе Ф. П. Петровского. Цитаты из Аристотеля приводятся по переводам Н. В. Брагинской («Никомахова этика»), С. А. Жебелева («Политика»), В. П. Карпова («Физика») и В. Ф. Асмуса («Метафизика»).

Литература

- Витория Фр. де. (1991). Лекции об индейцах и военном праве (фрагмент) // Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. М.: Государственное изд-во политической литературы. С. 273–277.
- Полдников Д. Ю. (2011). Договорные теории классического *ius commune* (XIII–XVI вв.). М.: Academia.

- Шмонин Д. В. (2006). В тени Ренессанса: вторая схоластика в Испании. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Belda Plans J. (2000). La escuela de Salamanca y la renovación de la teología en el siglo XVI. Madrid: BAC.
- Beltrán de Heredia V. (1928). Los manuscritos del Maestro Fray Francisco de Vitoria. Valencia: Tipografía Moderna.
- Beltrán de Heredia V., Barcia Trelles C., García-Villoslada R. (1946). Fray Francisco de Vitoria Fundador del Derecho Internacional Moderno (1546–1946). Madrid: Ediciones cultura hispanica.
- Castillo Urbano F. (1992). El pensamiento de Francisco de Vitoria: filosofía, política e indio americano. Barcelona: Anthropos Editorial.
- D'Ors A. (1972). Lex e ius nell'esperienza romana dei rapporti tra *potestas* e *auctoritas* // Bolletino informativo dell'Istituto giuridico spagnolo in Roma. Vol. XX. № 65. P. 3–8.
- Domingo R. (1999). Auctoritas. Barcelona: Ariel.
- Grabmann M. (1957). Die Geschichte der scholastischen Methode. Vol. 2. Berlin: Akademie.
- Hamilton C. (1963). Political thought in sixteenth century Spain: a study of political ideas of Vitoria, Soto, Suárez and Molina. Oxford: Clarendon Press.
- Makdisi G. (1974). The scholastic method in medieval education: an inquiry into its origins in law and theology // *Speculum*. Vol. 49. №4. P. 640–661.
- Martín de la Hoz J. C. (1993). Las Relecciones teológicas en la Universidad de Salamanca. Siglo XVI // *Archivo Dominicano*. Vol. 14. P. 149–194.
- Vitoria F. de. (1586). Relecciones theologicae tredecim partibus per varios sectiones in duos libros divisae. Lugduni: Expensis Petri Landry.
- Vitoria F. de. (1765). Relecciones theologicae. Madrid: Manuel Martin.
- Vitoria F. de. (1960). Relecciones teologicas. Madrid: La Editorial catolica.
- Vitoria F. de. (1991). Political writings / Ed. A. Pagden and J. Lawrance. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vitoria F. de. (1997). On homicide / Ed. J. P. Doyle. Milwaukee: Marquette University Press.
- Vitoria F. de. (1998). Sobre el poder civil. Sobre los indios. Sobre el derecho de guerra. Madrid: Tecnos.

About Commonwealths, Kings and Laws: Francisco de Vitoria and His Lecture “On the Civil Power”

Alexander Marey

Assistant Professor, National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: amarey@hse.ru

This is an introductory article to the translation of Fr. Vitoria's lecture “On Civil Power”, consisting of some biographical notes about Vitoria, as well as several of his lectures and considerations of his political theory. Although Vitoria did not give any clear definition of civil power in the text of this *Relectio*, he marked its three principal causes (*finalis, efficiens, materialis*), according to Aristotelian methodology. The appearance of power is a result of the nature of human society and, consequently, by the nature of the human himself. Following the philosophy of St. Thomas Aquinas and Aristotle, Vitoria declared the social and political nature of a human being that calls him to live in society. In turn, in order to develop into the perfect community, such a society needs some *vis directiva*, i.e., the power. Only this power can stimulate the birth of a Commonwealth, although not belonging to the Commonwealth. The Commonwealth, in turn, can create the King but can not give him the power (because power belongs only to God and can not be divided) but transfers authority (*authoritas*) to the king. Therefore, the King stands over all of his citizens and the entire Commonwealth while being responsible for his actions only before God.

Keywords: Francisco of Vitoria, Scholasticism, School of Salamanca, state, power, monarchy

References

- Belda Plans J. (2000) *La escuela de Salamanca y la renovación de la teología en el siglo XVI*, Madrid: BAC.
- Beltran de Heredia V. (1928) *Los manuscritos del Maestro Fray Francisco de Vitoria*, Valencia: Tipografía Moderna.
- Beltran de Heredia V., Barcia Trelles C., Garcia-Villoslada R. (1946) *Fray Francisco de Vitoria Fundador del Derecho Internacional Moderno (1546–1946)*, Madrid: Ediciones cultura hispanica.
- Castillo Urbano F. (1992) *El pensamiento de Francisco de Vitoria: filosofía, política e indio americano*, Barcelona: Anthropos Editorial.
- D’Ors A. (1972) Lex e ius nell’esperienza romana dei rapporti tra potestas e auctoritas. *Bolletino informativo dell’Istituto giuridico spagnolo in Roma*, vol. 20, no 65, pp. 3–8.
- Domingo R. (1999) *Auctoritas*, Barcelona: Ariel.
- Grabmann M. (1957) *Die Geschichte der scholastischen Methode*, vol. 2, Berlin: Akademie.

- Hamilton C. (1963) *Political Thought in Sixteenth Century Spain: A Study of Political Ideas of Vitoria, Soto, Suarez and Molina*, Oxford: Clarendon Press.
- Makdisi G. (1974) The Scholastic Method in Medieval Education: An Inquiry into Its Origins in Law and Theology. *Speculum*, vol. 49, no 4, p. 640–661.
- Martin de la Hoz J.C. (1993) Las Relecciones teologicas en la Universidad de Salamanca. Siglo XVI. *Archivo Dominicano*, vol. 14, p. 149–194.
- Poldnikov D. (2011) *Dogovornye teorii klassicheskogo ius commune (XIII–XVI vv.)* [Contract Theories of Classical Ius Commune (13–14th Centuries)], Moscow: Academia.
- Shmonin D. (2006) *V teni Renessansa: vtoraja sholastika v Ispanii* [In the Shadow of the Renaissance: Second Scholasticism in Spain], Saint-Petersburg: SPSU.
- Vitoria F. de. (1586) *Relectiones theologicae tredecim partibus per varios sectiones in duos libros divisae*, Lugduni: Expensis Petri Landry.
- Vitoria F. de. (1765) *Relectiones theologicae*, Madrid: Manuel Martin.
- Vitoria F. de. (1960) *Relecciones teologicas*, Madrid: La Editorial catolica.
- Vitoria F. de. (1991) Lekcii ob indejcah i voennom prave (fragment) [Lectures on the American Indians and on the Law of War (Fragment)]. *Chelovek: Mysliteli proshlogo i nastojashhego o ego zhizni, smerti i bessmertii* [The Human Being: Thinkers of the Past and Present about His Life, Death, and Immortality], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, pp. 273–277.
- Vitoria F. de. (1991) *Political Writings*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Vitoria F. de. (1997) *On Homicide*, Milwaukee: Marquette University Press.
- Vitoria F. de. (1998) *Sobre el poder civil. Sobre los indios. Sobre el derecho de guerra*, Madrid: Tecnos.

Лекция о гражданской власти

Данную лекцию Фр. де Витория посвящает проблеме гражданской власти, противопоставляя ее власти церковной. Им последовательно анализируются вопросы о необходимости и причинной обусловленности гражданской власти, обосновывается превосходство монархии над прочими видами правления, проводится разбор законодательной функции власти. Отдельно следует отметить, что дискурс о власти и, шире, о государстве, Витория относит к сфере компетенции богословов, подчиняя, тем самым, политическое теологическому. Власть (*potestas*) Витория определяет как мощь (*potentia*) и возводит ее к природе, а через нее — к Богу. Соответственно, государство (*Respublica*) выводится Виторией, с одной стороны, из природной склонности людей к общежитию, с другой же — из Божественного установления. Власть короля, таким образом, ставится людьми, но легитимируется Богом, откуда следует невозможность низложения короля даже в результате общественного договора. Отдельно Витория рассматривает сущность светского закона, обосновывая его действительность не только *in foro externo*, но и *in foro interno*. В вопросе о повиновении тирану Витория занимает охранительную позицию, заявляя, что лучше подчиняться законам тирана, чем не подчиняться никаким законам.

Ключевые слова: Испания, политическая мысль, гражданская власть, политическая власть, монархия, тирания

Сумма

1. Любая власть, публичная либо частная, коей управляет светское государство, не только справедлива и законосообразна, но и имеет Бога своим творцом, так что не может быть упразднена или отменена даже и согласием всего человеческого рода.
2. Власть двойственна, т. е. публичная и частная.
3. Какова цель гражданской власти.
4. Разбирается бедственное положение человека и обсуждается, что следует сделать, дабы позаботиться о его нуждах.
5. Источник и начало городов и государств не в человеческой мысли, но в самой природе.
6. Какова побудительная причина гражданской власти.
7. Откуда в государстве гражданская власть. И о материальной причине той же власти. И в чьих руках она остается по естественному и божественному праву.

* Пер. с лат. А. В. Марей. Источник: *Vitoria F. de. (1586). Relectiones theologicae tredecim partibus per varios sectiones in duos libros divisae. Lugduni: Expensis Petri Landry.*

© Марей А. В., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

8. Монархия, или королевская власть, не только справедлива и законосообразна; но короли имеют власть также по божественному и естественному праву, а не получают ее от самого государства или прямо от людей.
9. Являются ли законосообразными власти предержажшие, управляющие государствами неверных, или существуют ли среди язычников законосообразные правители и магистраты.
10. Объясняются три причины светской публичной власти.
11. В королевском правлении свободы не меньше, чем в аристократическом или в демократическом.
12. Все государство может быть законно наказано за грех короля.
13. О том, когда всякая война несправедлива.
14. Как большая часть государства может установить короля надо всем государством, против воли остальных, так и большая часть христиан, при возражении остальных, может по праву создать единого монарха, которому будут обязаны повиноваться все правители и провинции.
15. Каким образом законы и установления правителей обязывают к суду совести; и то же о предписаниях родителей детям и мужей женам.
16. В чем различаются и в чем сходятся человеческий и божественный законы.
17. Божественный закон имеет такую же силу обязывать к вине, что и человеческий.
18. К какой вине обязываются нарушители человеческих законов: к смертной или же лишь к простительной.
19. Как можно распознать, когда человеческие законы обязывают к смертной вине, а когда к простительной.
20. Может ли король, если пожелает, не обязывать к вине.
21. Обязывают ли светские законы законодателей, и прежде всего королей.
22. Когда прекращается основание закона, прекращается ли обязательство по нему.
23. Обязывают ли законы тиранов.
24. Предписания родителей обязывают тем же образом, как и светские законы; и то же о предписаниях мужей женам.

Пролог

Столь широко распространяются обязанности богослова, что ни один довод, ни одно рассуждение, ни одно место не представляются чуждыми богословским занятиям и учреждениям. И, возможно, также и в этом кроется причина того, о чем говорит Цицерон в диалоге «Об ораторе»¹, что во всякого рода занятиях и искусствах столь мало находится светлых и превосходных мужей, что столь велика, чтоб не сказать больше, нехватка добрых и серьезных богословов. Ведь именно

1. Цицерон. Об ораторе. I.2–5.

богословие, которое греки называют θεολογία², — первое из круга всех учебных и научных занятий, а потому совершенно не должно удивлять, что в столь сложном деле столь немногие достигают настоящего совершенства³. И потому на столь обширном и столь широко открытом писаниями всех докторов поле, хотя на нем хватает неизвестного, я избрал для себя одно наилучшее место: конечно, мужи ученейшие и превосходнейшие, если я смогу изложить его во всей его важности достойным Вашего внимания образом. Место же это о государстве, и хотя об этом многократно рассуждали серьезнейшие и образованнейшие мужи, все же осталось много неразобранного. И поскольку тема эта слишком широка, чтобы быть разобранный в одном выступлении, я сегодня обратился к публичной и частной власти, которыми управляются государства.

Лемма, подлежащая рассмотрению и разбору, взята из Магистра Сентенций⁴, а им — из Послания апостола Павла: Нет власти не от Бога⁵. И хотя по поводу этой леммы можно было бы сказать весьма многое, все же в настоящий момент все наше рассуждение будет ограничено некоторым образом лишь светской или мирской властью, дабы, развившись более, чем это будет необходимо, оно не сбилось бы с пути. Следовательно, вся данная лекция будет сведена к трем заключениям.

Часть I

1. Первое заключение таково. Любая власть, частная или публичная, которой управляется светское государство⁶, не только справедлива и законосообразна, но и имеет своим творцом Бога, чтобы она не могла быть устранена или упразднена даже согласием всего человеческого рода. Прежде чем я перейду к доказательству данного заключения, мне следует сделать некоторые предварительные замечания, необходимые для дальнейшего объяснения и понимания. Я решил не исследовать всего, что можно только собрать в этой обширнейшей теме, но в сжатой и краткой, по схоластическому обычаю, речи изложить только то, что необходимо, в сколь возможно немногих словах.

2. И поскольку власть двойственна, то есть публичная и частная, то сначала мы расскажем о публичной, затем же сразу о частной. И так как Аристотель напоминает в конце 2-й книги «Физики», мы полагаем, что знаем что бы то ни было, лишь

2. Θεολογία (греч.) — наука о богах, богословие; в тексте Витория ставит слово в винительный падеж, причём делает это по правилам не греческого языка, а латыни, используя падежное окончание -и вместо -в.

3. Аристотель. Метафизика. I.2 (983a).

4. «Магистр Сентенций» — прозвище Петра Ломбардского (1095–1160), автора «Сентенций», откуда Витория и взял лемму для своей лекции (Sent. II.44).

5. Рим. 13:1.

6. Витория употребляет здесь словосочетание *respublica saecularis*, противопоставляя его в других местах *respublica christiana* (она же — *r. fidelium*, *r. ecclesiastica*, *r. spiritualis*), которая отождествляется им с Церковью (1 DPE.proem.7 etc.).

когда узнаем его причины⁷, считаю, что я придам своей работе цену, если исследую причины гражданской и светской власти, о которой пойдет вся последующая речь.

Когда же они будут определены, и сила, и действие самой власти откроются легко. Итак, во-первых, следует заметить то, чему сам Аристотель учит в «Физике»: что решительно во всех человеческих делах следует прежде всего искать необходимость, поскольку она и первое, и наиболее сильное из всех оснований. Это положение, было ли оно изобретено Аристотелем или заимствовано у Платона, стало важным доводом философии и пролило свет на все вещи. Прегние люди, не весьма образованные, но первыми носившие имя философов, приписывали необходимость первоначально вещей, как, например (воспользуюсь примером самого Аристотеля), они полагали, что дом построен необходимо не потому, что это отвечало бы человеческим нуждам, но поскольку тяжелые вещи своей упорядоченной природой тянутся вниз, и потому камни и фундамент находятся под землей, сверху же, по причине легкости своей, находится дерево. Также и люди имеют ноги внизу не для ходьбы, но потому, что эта их часть наиболее плотная. Подобно этому и кости есть у животных не потому, что так было необходимо, чтобы плоть и члены тела имели бы устойчивость, но для того, чтобы их материя была бы жестче и крепче⁸.

Ведь и правда, люди были проникнуты невежественными мнениями и полностью, как говорят, заблуждались в отношении неба, так, что, согласно их мнению, невозможно было установить причины ни одной вещи, и ни с помощью философии, ни, в крайнем случае, хитростью не было возможности изъяснить творение наилучших и величайших вещей. Так как же они расскажут [хотя бы] о соединении отдельных частей и членов человека в единое тело, если не спрашивать, каким многообразием материи украшается земля, размещенная в центре мира, целостная, шарообразная, сжатая со всех сторон своим тяготением, украшенная цветами, травами и деревьями, если не говорить ни о неиссякаемости прохладных источников с прозрачной водою, ни о зеленеющих одеяниях берегов? Что же это за сила материи, что дала человеку лучшие глаза среди всех животных, повелела ему видеть небо и, выпрямившись, обратить лицо к звездам? Ведь они ответили бы, что по-другому и быть не могло, чем так, чтобы человек был прямым, животные же — склоненными и согбенными; и не ради чьей-либо цели или выгоды, но потому, что материя и положение животных неравны.

Также из этого основания проистекает нелепейшее убеждение Эпикура и его ученика — Лукреция. Ведь в нем говорилось, будто глаза созданы не для того, чтобы видеть, а уши не для того, чтобы слышать, но все возникло случайно, из того разнообразного сочетания атомов, что складывается в бесконечном и бессмысленном их полете. Об этом нельзя ничего ни сказать, ни солгать глупее, бессмысленнее и легковеснее, нежели доказывать эту, столь очевидную, глупость, что весь-

7. Аристотель. Физика. II.2 (194b), II.7 (199b).

8. Источником данного пассажа стало известное рассуждение Аристотеля о причинности всего сущего (Физика. II.7–9 [199a–200b]).

ма красноречиво обосновали Цицерон в трактате «О природе богов» и Лактанций в произведении «О творении Божиим». Но для нашего начинания и выбранной темы достаточно, чтобы мы придерживались высшей истины, отойдя от которой, неизбежно впадаешь в заблуждение. Мы верим, что не небо, или земля, или прочие части мира, или сам человек являются началом мира, но все, что находится под небом, помещено там ради чьей-либо цели и использования и что все создано и необходимо создано ради цели так, что следует признать существование причины и необходимости всех вещей⁹.

3. Итак, нам надлежит рассмотреть и исследовать, что же является той целью, ради которой установлена власть, о которой мы будем говорить. При этом следует иметь в виду, что, хотя человек превосходит прочих животных рассудком, мудростью и даром речи, все же этому вечному, бессмертному и мудрому животному управляющим Провидением отказано во многом, что дано и позволено прочим животным. Ведь еще прежде, чем озаботиться общением и защитой людей, в самом начале, мать-природа снабдила своими одеяниями всех прочих животных, чтобы им было легче переносить снега и зимние холода¹⁰. Так, одним, для отражения чужих атак, она дала их собственную защиту, либо чтобы они естественными средствами отражали бы хищников, либо — что слабее, — чтобы спасались от опасностей быстротой бега, или защищали бы себя клювом, как будто копьем, или прятались бы в укрытиях; и потому одни из них поднимаются ввысь на легких перьях, иные снабжены когтями, иные украшены рогами, но никто не лишен своей защиты¹¹.

4. Одного лишь человека, дав ему разум и добродетель, природа оставила слабым, немощным, бессильным и больным, лишенным всякой помощи, во всем нуждающимся, нагим и бесперым¹². Но вопреки самой себе, она спасла его от гибели, рассеяла по его жизни тяготы так, что тот с самого начала не может ничего иного, кроме как в рыданиях оплакивать хрупкость своего состояния, как сказано: Переполняться многими печальями¹³, и ему лишь остается, как сказал поэт, испытать

9. Пассаж, в котором Витория оспаривает материалистическую теорию строения мира, послужил основой для аналогичных рассуждений многих последующих авторов. В свою очередь, сам Витория в этом фрагменте текста активно цитирует произведения Цицерона («О природе богов») и Лактанция («О творении Божиим»), хотя и не дает прямых ссылок на конкретный текст. Подробнее об этом см.: Vitoria F. de. Political writings. P. 5–7, infra 7–15.

10. В этой фразе Витория играет словами *animantes* — *animalia*, используя первое из них для обозначения людей как существ одушевленных, второе же, традиционно, для всех остальных животных.

11. Этот пассаж представляет собой общее место для всей средневековой схоластической мысли, обращавшейся к проблеме естественного состояния человека. См., например, аналогичные мысли у Фомы Аквинского: De regno. I.1. Однако, обращаясь к присущим человеку характеристикам, Витория к разуму (*ratio*), выделяемому еще Аквинатом, добавляет добродетель (*virtus*), чем подчеркивает изначально этическую сущность человека.

12. В тексте *incrimetque*. По всей видимости, Витория дает скрытую аллюзию на Диогена Лаэртского (Диоген Лаэртский, 6, 2) с его знаменитой псевдоцитатой из Платона «Человек есть животное о двух ногах, лишенное перьев».

13. Искаженная цитата из книги Иова (Job. 14:1: homo natus de muliere brevi vivens tempore repletus multis miseriis = Иов. 14:1: Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печальями).

злоклучений при жизни¹⁴. Для того же, чтобы помочь в такого рода нужде, было, в свою очередь, необходимо, чтобы люди не скитались бы, бродяжничая и рассеиваясь, наподобие зверей, в одиночестве, но жили бы в обществе, взаимно поддерживая друг друга. Ибо горе одному, — говорит мудрец, — поскольку, если он упадет, не найдется того, кто поднимет его; если же будет их много, то согреются вместе¹⁵.

Также по этому поводу учит Аристотель во 2-й книге «Этики», что мысль не может совершенствоваться без обучения и опыта¹⁶, который совершенно невозможно получить в одиночестве. И представляется даже, что в этом месте мы уступаем диким животным, поскольку они могут сами по себе познать необходимое для себя, люди же не могут этого сделать никоим образом. Напротив, речь есть посланник мысли, и была дана лишь для этого, как говорит Аристотель, и лишь в этом человек превосходит прочих животных¹⁷. Но речь невозможна вне человеческого общества. И даже если бы было возможно, чтобы мудрость существовала бы без речи, бесплодной и отчужденной была бы она. Ведь так об этом написано в Книге премудрости Иисуса сына Сирахова: мудрость укрытая и сокровище невидимое, какова польза в них обоих?¹⁸ Утверждает по этому поводу Аристотель в 1-й книге «Политики», что человек от природы есть существо гражданское и общительное¹⁹. И даже воля, украшениями которой являются справедливость и дружба, необходимо становится бесформенной и практически увечной вне людского сообщества: ведь справедливость может осуществляться лишь множественностью, дружба же, без которой, как многократно говорил Цицерон, мы не пользуемся ни водой, ни огнем, ни солнцем²⁰ и без которой, согласно мнению Аристотеля, не существует ни одна добродетель, совершенно гибнет без жизненного общения. И если бы человеческая жизнь и существовала бы и была бы самодостаточной, то все же в одиночестве она могла бы быть лишь неплодородной и отталкивающей. Ведь природа не любит ничего одиночного, но все мы, по словам Аристотеля, приро-

14. Лукреций. О природе вещей. V.227. Цитата дается в переводе Ф. П. Петровского.

15. Витория соединяет части двух стихов Экклезиаста, искажая тем самым их смысл. В оригинале так: Eccl. 4:10–11: Si unus ceciderit ab altero fulciatur vae soli quia cum ruerit non habet sublevantem. Et si dormierint duo fovebuntur mutuo unus quomodo calefiet (= Эккл. 4:10–11: Ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его. Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться?).

16. Этика (к Никомаху). II.1 (1103a); в указанном месте Аристотель выстраивает разделение добродетелей на дианоэтические (мыслительные, в другом переводе) и этические, указывая, что первые «возникают и развиваются путем обучения». В соответствующем месте латинского текста «Никомаховой этики», которым, по всей видимости, пользовался Витория, ἀρετῆς... διανοητικῆς передаются либо как *virtus intellectualis* (в переводе Р. Гроссетеста), либо как *v. intellectiva* (в переводе Аргиропула). Витория же, как видно из текста, производит подмену понятия, заменяя *virtus intellectualis (intellectiva)* на *intellectus*. В данном случае это, очевидно, не имеет для него основополагающего значения — основной его аргумент призван подтвердить общественную природу человека, — но сама по себе эта подмена привлекает внимание.

17. Политика. I.1 (1253a).

18. Sir. 41:17: disciplinam in pace conservate filii sapientia enim abscondita et thesaurus occultus quae utilitas in utrisque.

19. Политика. I.1 (1253a)

20. См. например: О дружбе. VI.22.

дой побуждаемся к общению²¹. Если кто-либо, — сказал Цицерон, — взойдет бы на небо и обозрел бы устройство вселенной и великолепие светил, несладким было бы для него управление этим без друга²². Потому и Тимон-афинянин, отделивший себя от общности людей, был сочтен Аристотелем в 1-й книге «Политики» нечеловеческой и жестокой натурой, и подобные ему люди помещены среди зверей²³. Как по этому поводу говорит Августин: «Я же, скорее, назову не людьми, но зверями тех, кто говорят, что следует жить так, чтобы никому не быть ни в утешение, ни в бремя, ни в горесть, кто не чувствует никакой радости от чужого добра, никакой горечи от чужой испорченности, кто заботится о том, чтобы никого не любить и никем не быть любимыми»²⁴. Итак, поскольку человеческие общества установлены, разумеется, ради той цели, чтобы каждый нес бремя другого, и промеж прочих обществ гражданское общество — то, в котором люди легче приходят на помощь в нужде, следовательно, эта общность, так сказать, представляет собой естественнейшее общение, наиболее сообразное природе. Ведь хотя они предоставляют друг другу взаимные услуги, все же каждая семья не является самодостаточной, прежде всего при отражении насилия и несправедливости. Представляется, что это и была основная причина, которую приводили Хам и Нимрод, дабы первыми собрать всех людей в город, как написано в главе 10 книги «Бытия»²⁵.

5. Следовательно, ясно, что источник и начало городов и государств не является человеческим изобретением и не числится среди искусственно созданного, но происходит от природы, которая, в заботе о защите и сохранении смертных, дала им такое основание. Из этого положения неизбежно следует, что публичные власти имеют ту же цель и ту же необходимость. Ведь если собрания необходимы для человеческой целостности, а толпа людей никак не сможет стать обществом без какого-либо насилия и управляющей и провидящей власти, то польза от публичной власти, общности и общества совершенно одна и та же. Ведь если все были бы равны и не подчинены никакой власти и каждый вступал бы в противоречие с другими, основываясь на своих мнениях и суждениях, то государство неизбежно бы развалилось, город бы рассеялся, если бы только не было проявлено какой-либо заботы, направленной на общее и пекшейся об общем благе. Ибо всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет²⁶. И где нет правителя, — как говорит мудрец, — рассеивается народ²⁷. И как тело человеческое не могло бы со-

21. Политика. I.2.

22. О дружбе. XXIII.88; цитата из Цицерона приводится в переводе В. О. Горенштейна. *Admiratio* в тексте Цицерона заменено в тексте Витории на *administratio*, что и отражено в нашем переводе.

23. Здесь Витория смешивает два текста. Цицерон в трактате «О дружбе» (XXIII.87) говорит о Тимоне из Афин как о человеке «сурового и дикого нрава», избегавшем общения с людьми, а Аристотель в 1-й книге «Политики» (Pol. I.2 [1253a]) говорит о том, что подобный человек становится «либо животным, либо божеством».

24. Aug. De amicitia, cap. 8.

25. Быт. 10:8–12. Нужно отметить, что в указанных стихах речь идет о царстве Немрода, что передается латинским понятием *regnum*.

26. Лк. 11:17.

27. Прит. 11:14.

храняться в своей целостности, не будь некоей упорядочивающей силы, сводящей отдельные члены к пользе иным членам тела, а более же всего — к выгоде всего человека — так, с необходимостью, должно было бы случиться и в городе, если бы каждый беспокоился лишь о своей выгоде и каждый гражданин презрел бы публичное благо. Итак, мы имеем целевую и важнейшую причину гражданской и светской власти в пользе, а также в сильнейшей необходимости, которой не могут сопротивляться даже боги.

6. Побудительную же причину этой власти легко понять из сказанного. Ведь если мы рассмотрим публичную власть как установленную по естественному праву, а естественное же право признает своим создателем лишь Бога, то становится ясно, что публичная власть от Бога, а не содержится в каком-либо человеческом состоянии или в позитивном праве. Бог же тот, кто создал все в мудрости своей, кто доходит в силах от края до края и все устраивает к удовольствию²⁸, чьи труды все упорядочены, как говорит апостол, кто создал людей такой природы и состояния, что не могли они жить иначе, как в обществе. Даже как у Цицерона рассуждает Сципион: «Ничто так не угодно Богу-повелителю, правящему всем миром и создавшему все, что есть на земле, как [созданные] по праву собрания людей любого общества, которые называются городами»²⁹. И если государства и общества создаются божественным или естественным правом, то также и власти, без которых государства не могут существовать. Дабы не оставалось никакого сомнения, мы подтвердим это положение о божественном праве доводами и свидетельствами. И во-первых, Аристотель в 8-й книге «Физики» утверждает, что и тяжелые, и легкие тела приводятся в движение чем-то движущим не по какой-либо иной причине, но лишь по той их природной склонности, которую они получают от движущего начала и по необходимости движения. Следовательно, если Бог дал людям эту склонность и эту необходимость, чтобы они не могли жить иначе, как в обществе и под управлением некоей власти, необходимо признать, что и власть, и общество имеют творцом Бога. Ведь то, что естественно для всех, без сомнения, сотворено Богом; тот же, кто придает вид или форму, как говорит тот же Аристотель, дает и последствия этого вида или формы. Именно поэтому Павел также и предупреждает: Кто противится власти, противится Божьему установлению³⁰.

7. Следовательно, государство имеет эту власть по Божественному установлению: материальная же причина, на которой подобная власть зиждется по естественному и божественному праву, есть само государство, которому по его природе подобает управляться самим собой и направлять все свои власти к общему благу. Доказывается это так: поскольку по естественному и божественному праву существует некая власть для управления государством, и в отсутствие общего позитивного и человеческого права нет серьезных оснований для того, чтобы эта

28. Прем. 8:1.

29. В данном случае в тексте Витории перефразирован фрагмент из трактата Цицерона «De re publica» (VI.13).

30. Рим. 13:2.

власть была более у одного, нежели у другого, то необходимо, чтобы сама общность была бы самодостаточна и обладала бы властью для самоуправления. Если же прежде, чем люди объединились в город, не было над ними никого вышестоящего, то нет оснований, чтобы в самом собрании или на гражданской сходке кто-либо истребовал бы себе власть над остальными; тем более что каждый человек по естественному праву обладает властью и правом на самозащиту, ведь нет ничего более естественного, чем отражать силу силой. И, разумеется, нет никаких оснований для государства не противостоять этой власти своих граждан, как своих членов, в интересах целого и сохранения общественного блага. И ясно из Десяти заповедей, что человекоубийство запрещено божественным правом; следовательно, подобает, чтобы власть (А) убийства давалась бы по божественному праву. Но государство, как это видно из обыкновения и обычая, имеет таковую власть (А), следовательно, оно имеет ее по божественному праву. И недостаточно сказать, что божественное право не вовсе запрещает убивать человека, но лишь убивать невинного, поскольку, определенно, частному человеку не дозволено убивать другого, хотя бы он и был преступником. Следовательно, государство обладает некоей властью (А) убивать человека, которой не обладает частное лицо, и она не может относиться к позитивному праву. Следовательно, она относится к праву божественному.

И поскольку эта власть главным образом лежит на королях, которым государство передает свои функции, следует порассуждать о королевском правлении и власти. Есть некоторые, также и из числа христиан, кто не только отрицает, что королевская власть от Бога, но также утверждает, что все короли, герцоги, князья суть тираны и похитители свободы. Потому эти люди враждебны любому правлению и власти, за исключением лишь только республики³¹, что они и пытаются доказать различными доводами и обращениями к авторитетам. Во-первых, тем, что человек создан свободным. Ведь в том счастливом состоянии невинности не было никакого господина и никто не был рабом. Во-вторых, тем, что людям изначально было сказано: владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными³². И затем: Сотворил Бог человека, чтобы властвовал он над рыбами морскими, но не было сказано: над людьми. В-третьих, поскольку мы нигде не прочтем, что среди последователей Бога истинного по естественному закону был хотя бы один правитель. В-четвертых, тем, что правление берет начало от тирании: Первым был Нимрод, бывший сыном Хама, из потомства, отвергнутого Ноем, и принял он тиранию³³.

Не обошли это молчанием и святые учителя. Так, Григорий утверждал, что весьма противоестественно для человека желать власти, поскольку по естественному праву все люди равны. И Исидор говорит, что «по естественному праву владение

31. В тексте — *Respublica*.

32. Быт. 1:28.

33. Аллюзия на стихи Быт. 10:8–9.

для всех общее и свобода для всех одна и пользование собственной свободой»³⁴. Если же до Евангельского закона королевское правление и не было запрещено, то, по крайней мере, христиане, как говорят, получили свободу от Христа. И это ясно из того места, где Господь говорит: цари земные с кого берут пошлины, с сынов ли своих, или с посторонних? И Петр отвечает: с посторонних³⁵. Из этого, как они говорят, ясно, что христиане не должны платить пошлин, кроме как в случае столкновений, что и подтверждается этими словами апостола: не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви³⁶; и также: не делайтесь рабами человеков, ведь вы куплены дорогой ценой³⁷. И также в Послании к Ефесянам говорит: один Господь, одна вера, одно крещение³⁸. Следовательно, не дозволено нам дополнительно устанавливать христианских правителей, ведь люди властолюбивы, развращены гордыней и тщеславием, и нет ничего удивительного, если против правителей поднимаются восстания.

8. Мы же, вместе со всеми мудрецами, скажем более правильно, что монархия, либо королевская власть, не только справедлива, но и законосообразна. И скажу также, что короли имеют свою власть по естественному и божественному праву, а не от самого государства, либо же прямо от людей. Докажем это. Ведь если государство имело бы власть в своих частях, все же эта власть не могла бы осуществляться самой множественностью (ведь она не могла бы с удобством издавать законы и оглашать эдикты, разрешать тяжбы и наказывать нарушителей) и, следовательно, было необходимо, чтобы распоряжение властью было бы передано кому-либо, одному или нескольким, кто взял бы на себя подобного рода заботы. И нет разницы, одному ли человеку передавалась бы власть, или же многим; но так можно было бы передать лишь ту власть, что принадлежит государству. Это доказывается с помощью авторитетов. Известно, что королевская власть, как они полагают, не противна естественному праву, а естественное право, в свою очередь, неизменно, как доказывает Аристотель в 5-й книге «Этики»³⁹, и то же самое есть и в декретах⁴⁰. Ведь если бы королевская власть была бы противна естественному праву, она не смогла бы быть справедливой ни в один век и ни в одну эпоху. То же, что это не так, ясно видно из Ветхого Завета, где восхваляются Мелхиседек, царь Салимский⁴¹, и Иосиф, управитель царства фараона и сборщик податей⁴², и Иаков, муж справедливый, что принял от фараона область для заселения, и Даниил с товарищами

34. Етум. V.4.1; фрагмент Исидора дополнен и вырван из контекста. Параграф, откуда приведена цитата, посвящен определению того, что есть естественное право.

35. Мф. 17:25–26.

36. Рим. 13:8.

37. 1 Кор. 7:23.

38. Еф. 4:5.

39. Этика. V.7 (1135a).

40. Словом «декреты» (или «каноны») обычно обозначались взятые совокупно нормы канонического права, так же как понятием «законы», как правило, обозначались нормы римского права. В данном случае Витория ссылается на «Декрет Грациана» (D.I.q.1.c.7).

41. Быт. 14:18; Евр. 7:1–2.

42. Быт. 41:39–56.

своими, поставленный Навуходоносором наместником провинции⁴³, чего святые мужи никогда бы не допустили, если бы считали царскую власть тиранической. И в книге Второзакония⁴⁴ устанавливаются законы и условия для царей, которые должны были править над сынами Израилевыми, и им не запрещалось устанавливать себе царя, только чтобы тот, кого следовало поставить, не был иноземцем. И там указывалось, чтобы царь, под страхом смерти, держался предписаний и установлений первосвященника, а следовательно, не было никакой разницы, будет то первосвященник или царь, поскольку оба имеют одинаковую власть. А левиты устанавливались судьями, имевшими власть над жизнью и смертью. В книгах же Царств говорится, что одни цари были установлены самим Богом, другие же поставлены по его распоряжению, чего, опять-таки, Господь никогда бы не сделал, если бы это было против естественного права. И Маккавеи всеми считались сильнейшими и святейшими мужами, которые при этом либо получали трон своих отцов со временем, либо истребовали его для себя на справедливых основаниях.

Совершенно абсурдно полагать, что нечто, что служило для управления человеческими делами, противно естественному или божественному праву. Как мудро говорит Иов: Бог не отбрасывает от себя власть как бы с робостью, поскольку сам могущественен⁴⁵. И евангельская свобода не является помехой королевской власти, несмотря на то, что бунтовщики безыскусно нашептывают в уши народу. Ведь, как было показано в другом месте, Евангелием не запрещается ничего из того, что разрешено естественным законом, и в этом прежде всего и состоит евангельская свобода. И потому, если прежде Евангелия городам было дозволено ставить себе королей, не следует считать, что после Евангелия это не дозволено. И безусловно, если бы короли не были бы правителями, сообразными закону, никогда бы Христовы апостолы не заповедали бы нам, чтобы мы им подчинились. Ведь представляется, что Павел говорит именно об этом: Всякая душа да будет покорна высшим властям. И дальше: Нет власти не от Бога. Противящийся власти противится Божию установлению⁴⁶. И многое другое в этом же высказывании. Также в Послании к Титу: напоминай, — говорит, — им повиноваться и покоряться начальству и властям⁴⁷. И в Первом послании к Тимофею: Прежде всего прошу совершать молитвы за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную⁴⁸. И в Первом послании Петра, во 2-й главе: будьте покорны всякому человеческому начальству, для Бога: царю ли...⁴⁹ и т. д.

Следовательно, представляется, что королевская власть исходит не от государства, но от самого Бога, как утверждают католические доктора. Ведь хотя устанавливается она государством (ибо государство создает короля), но оно переносит

43. Дан. 2:48.

44. Втор. 17:14–20.

45. Иов. 36:5; цитата серьезно дополнена Виторией.

46. Рим. 13:1–2.

47. Тит. 3:1.

48. 1Тим. 2:1–2.

49. 1Пет. 2:13.

на короля не власть (*potestas*), но свой авторитет (*auctoritas*), и не существует двух властей — одной королевской и другой, принадлежащей общности. И потому, как мы говорим, что власть государства установлена Богом и естественным правом, полностью то же самое мы с необходимостью скажем о королевской власти, что представляется достаточно созвучным и обычаю, и Писанию, которое называет правителей служителями Бога, а не государства. Так и Соломон говорит: Мною цари царствуют⁵⁰. И Господь отвечает Пилату: ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше⁵¹, то есть с неба. Следовательно, представляется, что заблуждаются авторы, признающие, что власть государства установлена по божественному праву, королевская же нет. Если же люди, либо государство не имели бы власти от Бога, но пожелали бы, по всеобщему соглашению, установить над собой власть, то она происходила бы от людей, подобно той, которую монахи передают аббату. Но это неверно, поскольку в государстве установлена власть управлять самим собой даже и вопреки всем гражданам, и на это поставлены гражданские короли⁵².

9. Но можно усомниться, так ли обстоит дело с властями, которыми управляются государства неверных, то есть есть ли среди язычников правители, поставленные сообразно закону, и прочие магистраты? И представляется, что нет, поскольку, если кто-либо из христиан станет неверным, он, согласно праву, полностью лишается за свою неверность всякой публичной власти. Следовательно, пока аргумент о неверности останется в силе применительно к нему, это будет препятствовать законосообразному правлению или власти. А Ричард, муж выдающегося таланта, в книге «О бедности Христа»⁵³ считает, что не только неверность, но и любой смертный грех препятствует любой власти, господству и юрисдикции⁵⁴, как публичной, так и частной, и полагает, что основанием всякой власти является благодать. Доводы его я опускаю, поскольку они столь слабы, что не заслуживают разъяснения.

Не должно возникать никакого сомнения в том, что у язычников существуют законосообразные правители и господа, так как апостол в вышеназванных местах предписывает во всякое время повиноваться властям и правителям, которые в его время, разумеется, были неверными. И Иосиф, и Даниил были правителями и распорядителями, и служителями у неверных. И ни светские, ни церковные христианские правители не могут лишить неверных подобного рода власти и правления лишь на том основании, что они неверные, если только те не совершат иного беззакония.

10. И все три причины публичной светской власти хорошо объясняются определением, данным авторами, согласно которому публичная власть есть возмож-

50. Пр. 8:15.

51. Ин. 19:11.

52. В тексте — *reges civiles*.

53. Richard Fitzralph (Armacanus). *De pauperie Salvatoris*, 2, 20. ML, CXCVI, 196.

54. В тексте — *potestas, dominium, jurisdictio*.

ность, воля и право управлять гражданским государством. Из сказанного ясно следует доказательство этого определения.

В том, что касается публичной власти, мы утверждаем, что она есть от Бога и потому справедлива и законосообразна. Из этого следует доказательство последней части вышеизложенного заключения, в котором мы говорили, что ни одна власть не может быть упразднена соглашением людей. Ведь если человек не может уступить право и возможность защищать себя и пользоваться собственным телом ради своего удобства, то он также не может отдать и власти, поскольку она подобает ему по естественному и по божественному праву. Точно так же и государство никоим образом не может быть лишено подобной власти управлять собою и защищать себя от несправедливостей и внутренних, и внешних, чего оно не сможет делать без публичных властей. Итак, если бы все граждане согласились в том, что они упразднят все эти власти и не станут подчиняться никаким законам, и никем не будут повелевать, то это соглашение было бы ничтожным и не имеющим силы, как направленное против естественного права.

Из вышесказанного следует королларий, заслуживающий внимания, тем более со стороны тех, кто проживает под единым королевским правлением, ибо города, не имеющие короля и управляемые народной администрацией⁵⁵, имеют обыкновенные потрясать своей свободой⁵⁶.

11. Королларий таков: при королевском правлении свободы не меньше, чем при аристократическом или демократическом. Ведь так Аристотель в 3-й книге «Политики» разделяет способы правления на монархию, то есть правление одного, аристократию, то есть правление оптиматов, и демократию, то есть правление множественности или народное правление. И я говорю, следовательно, что в королевском правлении свободы не меньше, чем в прочих. Это доказывается, поскольку, как это было показано выше, власть будет одна и та же, будь она у одного или у многих (ведь господ столько же, сколько вышестоящих) и, следовательно, там, где все подчинены одному, свободы не меньше, чем там, где многим, тем более что там, где много господствующих, много и тех, кто добивается власти, из чего необходимо следует, что государство часто страдает от возмущений и разногласий из-за разницы в их взглядах. Как сказал поэт, верности нет никакой в соучастниках власти⁵⁷. И Господь рек через пророка: множество пастухов испортили Мой виноградник⁵⁸. Наилучшее, следовательно, правление одного, подобно тому как весь мир управляется одним правителем и мудрейшим господином.

55. В тексте — *administratio popularis*.

56. В паленсийской рукописи лекции, с которой делался английский перевод, присутствует продолжение этой фразы: «...обвиняя прочие гражданские сообщества в том, что они представляют собой рабов их владык. Есть также некоторые и в этом королевстве [Кастилии. — А. М.], кто подписался бы под этой точкой зрения». В данной фразе очевидна отсылка к восстанию коммунаров, прошедшему в Кастилии в 1520–1521 гг.

57. Лукан. Фарсалия. I.89–93.

58. Иер. 12:10.

12. Второй королларий, который можно вывести из вышесказанного, таков: все государство может быть справедливо наказано за грехи короля. Потому, если король начнет несправедливую войну против другого правителя, тот, обиженный, сможет, по праву войны, и грабить, и совершать иные вещи, и убивать подданных короля, даже если все они будут невиновны. Ведь после того как король установлен государством, если он совершит что-либо неправомерное, это вменяется в вину государству, так как оно ответственно за то, чтобы передавать власть лишь тому, кто будет ее исполнять справедливо и правильно, иными словами, оно передает власть на свой риск.

13. Третий королларий: ни одна война не справедлива, если известно, что она ведется более к ущербу для государства, нежели к его благу и к выгоде, какие бы ни приводились с другой стороны доводы и основания справедливой войны. Это доказывается тем, что раз у государства нет власти начинать войну, кроме как в целях заботы о себе и своем имуществе, а также самозащиты, то, следовательно, если в результате войны государство более ослабевает и умалывается, нежели прирастает, война будет несправедливой, будет ли она начата королем или государством. И даже если одно государство будет частью всего мира как целого или, более того, христианская провинция будет частью государства, и война будет выгодна данной провинции или государству, но принесет ущерб миру или христианству, я в силу этого полагаю такую войну несправедливой. Например, война Испании против французов, пусть даже она будет начата на справедливых основаниях, и кроме того, выгодна королевству Испании, все же она будет вестись к большому ущербу и потерям для христианства (к примеру, турки в это время захватят христианские провинции) и должна быть прекращена. И это было разъяснение первого заключения.

14. Второе заключение таково. Как большая часть государства может поставить короля над всем государством против воли остальных, так и большая часть христиан, при сопротивлении оставшихся, может по праву создать единого монарха, которому все правители и провинции будут обязаны подчиняться.

Первая часть этого заключения достаточно ясна из вышесказанного. Ведь если государство может делегировать свою власть кому-то одному, и это делается ради выгоды государства, то, разумеется, этому не может помешать несогласие одного или немногих, поскольку остальные имеют в виду благо государства. В ином случае, если бы требовалось согласие всех, государство не было бы в достаточной степени защищено, поскольку множественность достигает согласия либо редко, либо никогда. Следовательно, достаточно, чтобы большая часть согласилась бы в чем-то одном, чтобы это было сделано по праву. Также это с успехом доказывается следующим образом. Когда возникает разногласие между двумя сторонами, обязательно нужно, чтобы победило бы мнение какой-либо стороны. Но после этого рождаются разногласия, и потому не должно победить мнение меньшей стороны, но надлежит следовать мнению большей. И если для избрания короля требуется

согласие всех, то почему же оно не требуется для его избрания? Почему всеобщее согласие требуется более для утверждения, нежели для отрицания?

Вторая часть такова, что подобным образом избранный король стоит над всем государством: я хочу сказать, что при королевском правлении король правит не только отдельными людьми, но также и всем государством, то есть всеми совместно. И хотя по этому поводу между философами существуют различные мнения и ведутся многие споры, все же я докажу эту часть нашего заключения. Ведь если бы государство было бы над королем, то это было бы демократическое, то есть народное правление и, следовательно, не монархическое, то есть правление одного; и об этом, как представляется, мнение Аристотеля в 3-й книге «Политики»⁵⁹. Также государство может дать кому-либо власть не только над отдельными людьми, но и над всеми сразу, и этот человек получил бы королевскую власть, и это было бы не чем иным, кроме как правлением одного, а не демократическим или аристократическим правлением: следовательно, король стоит над всеми. Также король не апеллирует к государству, следовательно, государство не больше и не выше короля.

Третья часть заключения гласит, что большая часть христиан может установить монарха. Докажем это. Вся Церковь есть некоторым образом государство и единое тело. Об этом говорят апостолы: Мы составляем одно тело⁶⁰. Следовательно, у Церкви есть власть сохранять себя, заботиться о себе, устанавливать наилучшее основание, на котором лучше было бы защищаться от врагов. Также, поскольку светская цель подчиняется цели духовной и к ней направляется (о чем в другом месте было рассказано подробнее), то если наличие одного монарха окажется благоприятно для защиты и распространения культа христианской веры, я не вижу, почему те, кому надлежит духовная власть, не могут подвинуть христиан к избранию одного монарха, так же как ради веры церковные правители отлучают еретиков от правления, во всем прочем законосообразного. Также, поскольку некогда род человеческий имел власть избирать монарха, то есть изначально, до разделения народов, то он и теперь может это делать, так как эта власть основывается на естественном праве и не прекращается.

Из этого заключения следует королларий, что в свободных городах, каковы суть Венеция и Флоренция, большая часть может выбирать себе короля, хотя остальные и выступают против. И это представляется верным не только потому, что это откровенно выгодно государству, но и потому, что это более на пользу аристократическому или демократическому устройству⁶¹. Ведь раз государство имеет право самораспоряжения, и то, что делает большинство, делают все, то следовательно, оно может принять то устройство, которое пожелает, даже если оно и не будет наилучшим, как, например, Рим принял аристократическое устройство, которое не является наилучшим.

59. Политика. III.14 (1284b–1285b), III.7–8 (1279b–1280a).

60. Рим. 12:5; 1Кор. 10:17; 1Кор. 12:13–14.

61. В тексте — *politia*.

Часть II

15. Третье заключение. Законы и постановления правителей обязывают так, чтобы их нарушители были виновны на суде совести, и ту же силу имеют предписания родителей по отношению к детям и мужей — к женам. По этому поводу и по сути этого заключения можно было бы сказать весьма многое, достойное упоминания и небесполезное, если бы позволяло время. Но я, пользуясь удобным случаем, изложу все дело так кратко, как смогу.

Прежде всего есть те, кто полагает, что законы не имеют никакой силы, чтобы обязывать преступивших их к суду совести, но вводят лишь то обязательство, по которому правители и магистраты могли бы справедливо наказывать нарушителей законов, и отрицают, что подданные должны отвечать перед Богом за что-либо иное. Так же многие духовные лица в своих постановлениях заявляют, что законы обязывают лишь к наказанию, а не к вине⁶², и не безумствуют в этом безо всякого основания, но доказывают это серьезными основаниями и доводами.

Во-первых, в противном случае, если бы светская власть обязывала к суду совести, она была бы духовной.

Во-вторых, потому, что цель государства и светской власти есть нечто сугубо мирское, как, например, мирное положение и совместная жизнь граждан, а это не имеет никакого отношения к совести.

В-третьих, любая светская власть в таком смысле была бы ущербна, ибо могла бы лишь обязывать, но не разрешать.

В-четвертых, поскольку в таком случае каждый наказывался бы за грех дважды, так как в этом мире его карали бы правители, в другом же — Бог.

В-пятых, светская власть не может налагать духовного наказания и, следовательно, не может обязывать к вине, поскольку не представляется, что основание одного больше, нежели другого.

В-шестых, либо во власти правителя обязывать к вине, либо не во власти; если первое, то против этого то, что церковные прелаты могут не обязывать к вине, как это видно на примере орденов, если же второе, то каким образом станет ясно, когда они желают обязать к вине, когда в них самих этого не объясняется?

Но невзирая на эти доводы, выдвинутые серьезными докторами, для меня нет сомнения в том, что гражданские законы обязывают к суду совести, как об этом ясно свидетельствует Павел в 13-й главе Послания к Римлянам: власти повинуйтесь не только из страха наказания, но и по совести⁶³. И Петр говорит: будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти⁶⁴, что также, представляется, невозможно было бы понять никоим образом, если бы

62. В тексте — *ad poenam non ad culpam*; в данном тексте понятие вины уже употребляется в типичном для современного уголовного права понимании, т. е. как психического отношения человека к совершенному им проступку.

63. Рим. 13:5.

64. 1Пет. 2:13; см. также 1Пет. 2:14: правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро.

законы обязывали лишь к состязательному суду, а не к суду совести. Но поскольку кто-нибудь сможет возразить, что не одно и то же — обязывать к суду совести и к вине, тем более когда орденские монахи заявляют, что их законы обязывают их к суду совести, но не ведут к вине, потому я говорю также, что гражданские законы обязывают под страхом наказания греха и вины так же, как и законы церковные. И это ясно доказывается словами Павла: те же, кто противится, — говорит он, — сами навлекут на себя осуждение⁶⁵, а осуждение не навлекается иначе, как из-за вины. Следовательно, нарушители законов впадают в настоящую вину пред лицом Бога.

16. С целью большего прояснения и подтверждения этих тезисов, следует заметить, что человеческий и божественный законы в чем-то различаются, а в чем-то сходятся. Различаются же в том, что божественный закон дается лишь от Бога и, следовательно, не может быть отменен или упразднен никем, кроме него. Человеческий же закон, так как устанавливается человеком, может быть отменен или упразднен человеком же. Различаются они также и в том, что, применительно к божественному закону, для того чтобы он был справедлив и, как следствие, обязательен, достаточно лишь воли законодателя, поскольку воля является достаточным основанием. Для того же, чтобы человеческий закон был справедливым и мог обязывать, недостаточно лишь воли законодателя, но необходимо, чтобы он был полезен государству и соразмерен прочим законам. Также они различаются и в том, что божественный закон обязывает с большей крепостью и силой. Во многих же случаях, где человеческий закон не обязывает, божественный обязывает. И я не могу найти иного между ними различия.

Сходятся же они в том, что божественный закон устанавливает сущность и родовые признаки добродетели или порока так, что уже в силу того, что что-либо предписывается божественным законом, оно есть благое и должное, а то, что им запрещается, должно быть дурным и порочным; и это не могло бы быть так без предписания или запрета, что ясно видно из примера крещения, и исповеди, и прочих таинств, благодать которых происходит лишь от того, что они предписаны Христом. И потребление мяса, и прочие законные [установления] Ветхого Закона не имели никакого другого порока, кроме того, что они были запрещены законом. Отсюда ясно, что нет иных пороков, кроме запрещенных в законе, и нет иных добродетелей, кроме тех, что были предписаны или восхвалены в законе. Вся же благодать человеческой воли, как убедительно доказывают учителя, происходит из соответствия ее божественной воле и закону, а всякая порочность ее — из несоответствия божественному закону, которые есть правило всех действий человеческих⁶⁶. Также и закон человеческий имеет силу устанавливать сущность и родовые признаки добродетели и порока. Например, как пьянство запрещено в божественном законе, поскольку это неумеренность, так пост есть дело добродетели,

65. Рим. 13:2.

66. Это скрытая цитата из «Суммы теологии» Фомы Аквинского (ср.: STh. I-IIae, q. 96 a. 1 arg. 3: Praeterea, *lex est regula et mensura* humanorum actuum).

поскольку восхваляется тем же законом, а воздержание от какой-либо пищи есть добродетель, поскольку так установлено человеческим законом. И дабы нам не приводить примера лишь из церковных законов, скажем, что покупка должности за деньги есть подкуп, так как это запрещено человеческим законом. Также ношение шелков есть чрезмерная роскошь лишь потому, что это запрещено. Раздача на пиру больше разрешенного законом есть неумеренность, хотя прежде закона она могла бы считаться умеренностью и щедростью. И в этом нет серьезной разницы между законом человеческим и божественным, ведь как благоденствие относится к делу добродетели, так вина — к делу порока.

17. Поэтому, как божественный закон, так и человеческий имеют силу обязывать к вине. И чтобы не казалось, что это говорится произвольно, докажем это так. Человеческий закон происходит от Бога и, следовательно, обязывает он таким же образом, как и божественный. Сказанное подтверждается тем, что творением Бога называется не только то, что он произвел сам по себе, но также и то, где он действовал посредством вторичных причин, следовательно, божественным законом называется не только тот, который Бог установил сам, но также и тот, который принесли люди властью Бога. Так и законами понтификов называются не только те, что Папа издал сам по себе, но также и те, что издали иные низшие чины властью (А) Папы; ведь именно так называются папскими уставами университетов и коллегиев, которые, как известно, Папа не издавал сам по себе, но устанавливали их другие, его властью (А). Или, чтобы доказательство было более ясным, скажем так: имея в виду, что Папа имеет власть (А) издавать законы, обязывающие к суду совести, если бы он поручил бы кому-либо, чтобы тот дал законы некоей общности, предписывая ее членам повиноваться, то разве не имели бы предписания легата силы обязывать к суду совести? И раз Бог говорит: Мною цари царствуют и повелители узаконяют правду⁶⁷, почему же их повеления не будут также обязывать к суду совести? И чтобы было более понятно, представляется абсолютно абсурдным признавать, что если Папа предписывает, чтобы в этом городе все повиновались бы кардиналу-легату, то постановления легата обязывали бы к вине, как все и говорят, и отрицать, что законы правителей обязывают к вине, хотя Христос и повелевает повиноваться правителям. Наконец, те, кто признает, что законы понтификов обязывают к вине, никоим образом не могут отрицать, что также обязывают и гражданские законы.

Ведь Господь установил светских правителей для управления светским государством так же, как понтификов — для управления церковным. И слова Господа отвергающий вас Меня отвергается⁶⁸ относится не только к церковным, но и к гражданским магистратам; и в Писании не менее тщательно предписывается повиноваться светским правителям, чем церковным. Ведь нет никакой разницы применительно к обязывающей силе, будут то человеческие законы или божественные, как равно истинным было бы таинство, установленное апостолами или Церковью,

67. Прит. 8:15.

68. Лк. 10:16.

если бы они имели эту власть, или самим Христом; и не меньше обязывал Ветхий Закон, данный через ангелов, а не напрямую Богом, чем обязывает закон Евангелия, данный непосредственно самим Христом, и это следует считать верным.

18. Можно, однако, усомниться, к какой вине обязывают человеческие законы: к смертной или же только к прощительной⁶⁹. И то, что они обязывают к смертной вине, может быть установлено с достаточной определенностью на основании уже приводившегося высказывания Павла: те же, кто противится, сами навлекут на себя осуждение⁷⁰. Также Дафан и Авирон были поглощены землей за то, что противились Моисею и Аарону: а ведь они не были бы наказаны смертью за прощительную вину.

Напротив, представляется, что они никогда не обязывают к смертной вине, поскольку если бы столкнулось божественное предписание, обязывающее к прощительной вине, с каким-либо человеческим законом, скорее надлежало бы преступить человеческий закон, нежели солгать; если же какой-либо человеческий закон обязывал бы к смертной вине, то, скорее, следовало бы повиноваться ему, нежели предписанию о прощительной, поскольку смертной вины следовало бы избегать.

Ответ на это серьезное сомнение заключается в словах, сказанных незадолго до этого. Ведь было сказано, что применительно к обязывающей силе человеческие и божественные законы равны; также и в рассуждении о том, каким образом или насколько обязывают человеческие законы, надлежит рассуждать о них так же, как если бы они были божественными. Ведь человеческий закон, будь он божественным и обязывай к прощительной вине, обязывает к прощительной, а будь он божественным и обязывай к смертной вине, обязывает к смертной. И сказано, что применительно к этому между ними нет никакой разницы, поскольку они обязывают тем же образом, как если бы они были божественными, хотя и не столь сильно. Следовательно, как между божественными законами одни обязывают к смертной вине, другие же к прощительной, так и человеческие — одни к прощительной, иные же к смертной.

19. Но как можно распознать, когда человеческие законы будут обязывать к прощительной вине, а когда к смертной, раз в самом гражданском законе это не обозначается, и даже законодатель не помышлял об этом, когда устанавливал закон? Отвечаю, что также и в божественном законе, и, более того, в естественном, не всегда обозначено, какая норма обязывает к смертной вине, какая к прощительной, а между теми, что обязывают к смертной, не прописывается различие в тяжести, то есть какая из них тяжелее. Ведь как говорится «не убий», так же говорится «не укради» и «не солги», и «за каждое праздное слово следует отвечать».

69. Витория опирается на классификацию грехов, разработанную в богословии и каноническом праве, начиная с Иеронима и Августина. Согласно данной классификации, грехи делились на смертные, т. е. губящие душу, и прощительные, которые могли быть отпущены на исповеди. В некоторых вариантах этой классификации выделялись также и преступные (*criminales*) грехи. Подробнее об этом см., например: *Марей А. В.* (2008). Язык права средневековой Испании: от Законов XII Таблиц до Семи Партид. М.: УРСС. С. 117–119.

70. Рим. 13:2.

Следовательно, для различения тяжести тех или иных грехов есть одно правило и основание, поскольку все, что остается, это рассматривать содержание нормы. Так, в естественном и божественном законе считается смертным то, что направлено против чести Бога, либо против любви к ближнему, каковы суть богохульство и человекоубийство, тогда как прощительным — то, что не соответствует требованиям рассудка и закона, но все же не направлено против чести Бога или любви к ближнему, например, суесловие и прочее того же рода. То же будет и в человеческих законах, ведь если устанавливается нечто, весьма полезное для мира среди граждан, для увеличения общественного блага или для честности нравов, то нарушение этого представляется смертным грехом. Если же то, что устанавливается, не будет столь необходимым, но чем-то более легким, нарушение его будет прощительным. Примеры здесь не столь очевидны, как в божественных законах, но можно в качестве такового принять налоги, которые представляются совершенно необходимыми для защиты государства и прочих публичных занятий и свершений. Потому, если кто не уплатил бы их, это было бы смертным грехом, хотя бы по этому вопросу ни одного закона и не было дано Богом, но вся забота по установлению их была бы поручена им людям, и это был бы гражданский закон, как не убий и не солги; первый из них обязывал бы к смертной вине, второй — к прощительной, хотя сейчас это и есть божественные законы. А если бы кто-либо охотился, несмотря на запрет гражданского закона, или одевался бы в виссон, это не представлялось бы смертным грехом. Можно было бы привести и другие, более показательные примеры, так как это зависит не от воли законодателя, но от природы, качества и содержания дела.

Отсюда явствует, сколь велика ошибка некоторых юных богословов, говорящих, что тяжесть грехов следует устанавливать и оценивать исходя из объема обязательства, хотя следует поступать совершенно наоборот, ведь его объем следует устанавливать исходя из объема предмета. Естественно, мы знаем, что обязательство не убивать больше обязательства не красть лишь исходя из самого их предмета, а не наоборот. И не следует обращать внимание на то, что устанавливаемое или запрещаемое к большой пользе или вреду для государства совершается лишь сейчас или единожды, но на то, каково это, совершается ли это всем сообща, всеми ли вместе или многими. Ведь если запрещается кому-либо вывозить деньги за пределы королевства, а некоторые их вывозят, они совершают смертный грех, хотя один случай вывоза наносит лишь небольшой вред государству. Но так как, если бы это происходило постоянно, королевство бы обеднело, этого достаточно, чтобы общий закон обязывал бы за это к смертной вине, так же как один случай разврата мало чем вредит, но если он происходит постоянно, вред будет велик, и потому каждый его случай есть смертный грех.

Но против сказанного существует серьезный довод, ведь если тяжесть греха следует оценивать исходя из его предмета, то следовательно, закон не устанавливает вины. Ведь если данное преступление направлено во вред государству после издания закона, следовательно, оно было таким и до его издания; следовательно, грех был и прежде закона, и был столь же тяжким, как и после его издания.

На это следует ответить, во-первых, что закон обязывает не только запрещая, но и предписывая, и то, что прежде закона было благом для государства, но все же не необходимым, закон может закрепить предписанием, и тогда, после его издания, преступление этого станет грехом, хотя прежде и не было таковым.

Во-вторых, скажу, как видно из предложенных примеров, может существовать нечто, что прежде издания закона для кого-то было злом, а для кого-то нет, тогда как после издания закона это станет злом для всех, поскольку появилось достаточное основание для того, чтобы запретить это всем. Например, чтобы никто не носил шелковых или золотых одежд, что прежде было злом лишь для бедного дворянина, после же закона стало таковым для всех, поскольку появилось основание, достаточное для того, чтобы запретить это для всех, хотя прежде и не было бы ничего неприличного в том, чтобы кто-либо из магнатов носил бы золотую или шелковую одежду.

20. Еще остается одно сомнение в том, может ли король, если пожелает, не обязывать к вине?

Ответ таков, что, без сомнения, может, как может это и церковный законодатель, который иногда создает некоторые уставы без какого-либо обязательства, как, например, орденский прелат для своих братьев. Было бы неразумным утверждать, что постановления церковного прелата не всегда обязывают к вине, а постановления светских не могут не обязывать. Ведь порой законодатель, будь он церковным или светским, не хочет в своих законах требовать должного подчинения от подданных, но всего лишь указывает, что надлежит делать, говоря и направляя скорее, чем предписывая; есть много подобных законов и прагматик, как гражданских, так и церковных. Так и кредитор, когда просит денег, не всегда требует, желая обязать.

21. Наконец, спрашивается: обязывают ли гражданские законы законодателей и более всего королей? Ведь некоторым представляется, что не обязывают, поскольку короли стоят над всем государством, а обязывать не может никто, кроме вышестоящего. Но более правильно и возможно, чтобы законы их обязывали.

Это доказывается, во-первых, тем, что таким образом законодатель наносит государству оскорбление, если он, являясь частью государства, не принимает часть бремени, сообразно своей личности и статусу, и достоинству. Но это обязательство не прямое, и потому есть и иное доказательство. Ведь, как было заявлено выше, законы, изданные королем, имеют такую же силу, как если бы они были изданы всем государством. Но законы, изданные государством, обязывают всех, и, следовательно, даже если они издаются королем, они обязывают и самого короля. Это подтверждается: ведь в аристократическом правлении постановления сената обязывают и самих сенаторов, их авторов, а при народном правлении плебисциты обязывают и сам народ; следовательно, подобно этому королевские законы обязывают и самого короля. И хотя в воле короля издавать закон, все же не в его воле обязываться им или не обязываться. Так же и в соглашениях: ведь каждый свободен заключать соглашения, но обязывается ими.

Из всего сказанного выводится королларий о том, что право народов не только имеет силу из соглашения и уговора между людьми, но также имеет силу закона, ведь весь мир, который в известном смысле есть одно государство, имеет власть издавать законы, справедливые и подходящие для всех, каковые и содержатся в праве народов. Отсюда ясно, что преступающие право народов, совершают смертный грех, в состоянии мира или войны. В вещах же наиболее важных, как, например, в вопросе неприкосновенности послов, ни одному королевству не позволено не желать придерживаться права народов, поскольку оно установлено властью (А) всего мира.

22. По поводу третьего заключения есть сомнение: если прекращается основание закона, прекращается ли обязательство по нему? Например, если законом запрещено, чтобы никто не носил бы ночью оружия, и основание этого закона в ночных опасностях, я же знаю, что от меня не проистекает никакой опасности, так буду ли я виновен, нося оружие?

Ответ таков, что основание закона может прекратиться двояко. Одним образом, когда вовсе прекращается основание, на котором был издан закон: как, например, если во время войны запрещается передавать французам оружие, то в мирное время закон не будет обязывать. Ведь одно и то же основание необходимо как для того, чтобы закон обязывал и чтобы обязательство длилось, так и для того, чтобы его отменяли; если же исчезает основание для установления закона, исчезает и смысл его сохранения. И это подтверждается, поскольку вещь уничтожается по тем же причинам, по которым и возникает. И если закон более не полезен государству, это уже не закон.

Во-вторых, основание закона может прекратиться, в частности, применительно к кому-либо, не то чтобы применительно ко всем сразу, но применительно ко многим, как в описанном случае. И в этом случае каждый тем не менее обязывается законом. Ведь поскольку из ночного ношения оружия зачастую проистекают опасности, это достаточное основание для того, чтобы запретить его всем. В противном же случае закон никак не сможет действовать, так как каждый будет полагать, что закон составлен не для него, а для других; итак, применительно к прочим установлениям надлежит принимать во внимание не частное, но всеобщее основание.

23. Возникает сомнение в том, обязывают ли законы, изданные тиранами, и представляется, что они не имеют никакой власти.

Против этого то, что если государство угнетается тираном и не является самовластным, и не может ни само издавать законы, ни соблюдать ранее изданные, оно погибнет, если только не будет повиноваться тирану.

Впрочем, представляется, что законы, подходящие государству, будут обязывать, даже если устанавливаются тираном не как изданные тираном, но как принятые по согласию государства⁷¹, поскольку лучше исполнять законы, данные ти-

71. В тексте — *consensus reipublicae*.

раном, чем не исполнять никаких. Ведь в самом деле, если правители, не имеющие справедливого основания, захватят королевство и в нем, на том основании, что тиран не является судьей законосообразно и его законы не обязывают, не будет никаких судов, и преступники не смогут быть ни сдержаны, ни наказаны никоим образом, это приведет к очевидной гибели государства.

24. Последняя часть заключения касается того, что предписания родителей, а также предписания мужей их женам обязывают тем же образом, что и гражданские законы. Докажем это применительно к детям. Ведь как предписывается повиноваться вышестоящим, так же рекомендуется и слушаться родителей, что ясно из текста: дети, повинуйтесь родителям⁷². Следовательно, если не повиноваться вышестоящим есть грех, также грехом будет и не слушаться родителей. И в Послании к Римлянам, среди преступлений и грехов, в которые Бог попустил впасть язычникам, перечисляется и это: непослушны родителям⁷³. Также поскольку законы предписывают послушание родителям, то следовательно, если законы обязывают к вине, также будет виной не слушаться родителей. Впрочем, представляется, что это включено в предписание о воздаянии почестей родителям и, как было сказано выше, что законы иногда обязывают к смертной вине, иногда же к простительной, и это следует сказать и о нормах о послушании родителям. Потому несомненно, что если отец предпишет что-либо, имеющее серьезное отношение к управлению семьей, то нарушение этого представляется смертным грехом; то же верно и применительно к предписаниям, относящимся к распоряжению его собственным сыном. Но так как сказано, что не всякий закон обязывает к вине, как, например, тот, в котором король более направляет, нежели предписывает, то это гораздо более верно применительно к родителям, которые не всегда хотят требовать долга послушания, но предписывая что-либо, лишь хотят обозначить свою волю.

Все же следует отметить, что поскольку семья является частью государства, законы могут определять, в каких вещах дети обязаны послушанием родителям, а в каких нет, точно так же как они определяли, до какого возраста обязывает послушание и в каких вопросах не грех не повиноваться родителям. Точно так же законами должно определяться, какое наказание может отец применить к непослушному сыну, чтобы отцу не было бы дозволено наказывать чрезмерно.

Так же можно доказать и право мужей давать предписания своим женам. Ведь семья не может существовать иначе, кроме как имея одного главу, которому все прочие обязаны повиноваться, а это муж, который есть глава дома и жены своей, как сказано в Послании к Ефессянам: жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу⁷⁴. И затем: жена да боится своего мужа⁷⁵. Так же, поскольку законы это повелевают, жены обязаны повиноваться, но законами, как выше мы сказали о детях, должно устанавливаться и в какой мере жена обязана повиноваться мужу, и может ли муж наказывать жену побоями.

72. Еф. 6:1; Кол. 3:20.

73. Рим. 1:30.

74. Еф. 5:22.

75. Еф. 5:33.

On the Civil Power

Francisco de Vitoria

Alexander Marey
(translator)

Assistant Professor, National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: amarey@hse.ru

This lecture of Fr. de Vitoria is dedicated to the problems of genesis, essence and forms of the civil power (naming this power *civilis* Vitoria contrasts it with the ecclesiastical one). He analysed consequently the necessity of the civil power and its causality examining them in the context of four causes elaborated by Aristotle and developed by the medieval Aristotelians. Vitoria described and explained the ultimate supremacy of a monarchy over the other forms of government (although he permitted an existence of other good forms such as republic or the aristocracy), considered the legislative function of the civil power. According to him the secular law could oblige a man not only *in foro externo*, but also *in foro interno*, that proves the divine nature of the political power. The appearance of a power is caused by the nature of human society and, consequently, by the nature of a human himself. Following the philosophy of St. Thomas Aquinas, Vitoria declared the social and political nature of a human being that calls him to live in the society. In turn, such society, in order to become the Commonwealth, needs a power. The Commonwealth can create the King, but can not give him the power (because it belongs only to God and can not be divided into parts) and transfers to him the authority (*auctoritas*). Thereby the King stands over any of his citizens and, at the same time, over all Commonwealth, being responsible for his acts only before God.

Keywords: Spain, political thought, civil power, political power, monarchy, tyranny

Легальность и легитимность (послесловие к изданию 1958 г.)*

Карл Шмитт

Перевод послесловия к работе «Легальность и легитимность» (1932), написанного Карлом Шмиттом в 1958 г. для издания в составе сборника «Конституционно-правовые сочинения 1924–1954 гг.». В послесловии Шмитт еще раз обращается к ситуации в Германии в начале 30-х гг. и к полемике против влиятельных немецких юристов, которые отвергли его трактовку Веймарской конституции. Он отвергает распространенное мнение о том, что именно он желал введения чрезвычайного положения, и настаивает на том, что эта книга — последняя попытка спасти президентскую республику Веймарской Германии. Шмитт доказывает слабость тогдашнего юридического позитивизма и специально останавливается на нескольких ключевых пунктах своей аргументации. Во-первых, по Шмитту, позитивисты не знали, что легальность первоначально была существенной частью западного рационализма и формой проявления, но отнюдь не абсолютной противоположностью легитимности. Во-вторых, необходимо различать закон и меры, потому что они имеют разный правовой статус. Это важно, поскольку государство законодательства постепенно становится государством администрации, в котором действия управленческих институтов фактически более весомы, чем парламентские законы, а решения парламента о наделении исполнительных органов соответствующими полномочиями могут быть затруднены, когда в парламенте нет дееспособного большинства. В-третьих, Шмитт исследует вопрос о так называемых «премиях за легальное обладание властью». Послесловие завершается кратким обзором ситуации в конце января 1933 г. Публикацию предваряет предисловие переводчика, в котором дается обзор основных положений книги Шмитта «Легальность и легитимность».

Ключевые слова: легальность, легитимность, Веймарская Германия, конституция, юридический позитивизм, нацизм

Предисловие переводчика

Брошюра «Легальность и легитимность», вышедшая в свет в 1932 г., — одно из ключевых политически значимых теоретических сочинений Карла Шмитта, написанных в Веймарской Германии. В скором времени Шмитт перестал защищать ее конституционный строй и после прихода к власти нацистов перешел на сторону победителей. Собрание небольших работ Шмитта, выпущенное в 1940 г., называется «Позиции и понятия в борьбе с Веймаром — Женевой — Версалем» (Schmitt,

* Пер. с нем. А. Ф. Филиппова. Источник: *Schmitt C. (1958). Legalität und Legitimität // Schmitt C. Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924–1954. Berlin: Duncker & Humblot. S. 345–350.*

© Verlag von Duncker und Humblot © Филиппов А. Ф., 2013 © Социологическое обозрение, 2013

1940). Имена городов обозначают то, что во многом определяло политический облик Западной Европы после Первой мировой войны: Веймарская конституция Германии, Женевская Лига Наций и Версальский мирный договор. «Веймар» здесь стоит на первом месте, и это в высшей степени примечательно для крупнейшего конституционалиста Германии. Широко распространено мнение, будто Шмитт не просто перешел к нацистам, но и способствовал их победе, по меньшей мере, сочинениями начала 1930-х гг.¹ В самом деле, между брошюрой «Легальность и легитимность», а также вышедшей годом ранее книгой «Хранитель конституции» (Schmitt, 1931) и первыми сочинениями нацистского периода (Schmitt, 1933, 1934) нет теоретической пропасти, и вопрос, конечно, заключается лишь в том, есть ли между ними пропасть политическая². Этот вопрос остается предметом оживленных дискуссий.

В конце 1950-х гг. Шмитт переиздал «Легальность и легитимность» в составе большой книги «Сочинения по конституционному праву 1924–1954 гг.». Подборка того, что было сделано за тридцать лет, должна была демонстрировать преемственность и непрерывность в развитии его идей. Включение в нее брошюры 1932 г. означало, что Шмитт не считает свою позицию, выраженную в ней, неправильной или уязвимой. Напротив, он стремился показать, что был прав еще тогда, когда критиковал положение дел в Веймарской Германии. Дополнительные разъяснения по этому поводу и содержит послесловие, которое мы публикуем³.

Политическая обстановка в Германии была в это время крайне сложной. «Работа „Легальность и легитимность“ вышла в свет летом 1932 г. с пометкой „Завершено 10 июля 1932 г.“», — пишет Шмитт. Дата указана не случайно (это было сделано по совету издательского редактора Людвиг Фейхтвангера, брата знаменитого писателя), поскольку фактически книга появилась у книготорговцев на исходе лета, уже после драматических событий в Пруссии 20 июля того же года. По-немецки это событие именуют труднопереводимым словом «Preußenschlag», что буквально означает «удар по Пруссии». Иногда его называют «государственным переворо-

1. В сущности, этого не оспаривают даже те, кто, как, например, Клаус Рот, детально опровергает тезис о постоянной враждебности Шмитта Веймарской конституции ссылками на его сочинения середины 1920-х гг., времени относительной стабильности в Германии. См.: Roth, 2005. В свою очередь, Рейнхард Меринг указывает на то, что Шмитт, по мнению ряда авторов, своей конструктивной критикой Веймарской конституции заложил основы для будущей конституции ФРГ. Впрочем, сам Меринг более осторожен в оценке результатов, полученных Шмиттом. См.: Mehring, 2009: 286f.

2. Меринг приводит свидетельства в пользу того, что летом 1932 г., незадолго до выхода «Легальности и легитимности», Шмитт уже смирился с грядущей победой нацистов. См.: Mehring, 2009: 288. Это, впрочем, не помешало ему и далее работать на установление консервативной диктатуры, при которой нацистская партия была бы запрещена. См. в этой связи ниже о судебном процессе «Пруссия против Рейха».

3. После этого «Легальность и легитимность» переиздавалась несколько раз отдельной книжкой. В немецкие переиздания это послесловие не включают. Особый интерес представляет 8-е издание 2012 г., в котором учтены недавно обнаруженные пометки и дополнения, сделанные Шмиттом в принадлежавших ему экземплярах. На основе этого издания и данного послесловия готовится новое издание «Легальности и легитимности», которое выходит в свет в следующем году в издательстве «Наука» в Санкт-Петербурге.

том», но, вероятно, нам нелегко сегодня понять, что это такое, потому что произошло «всего лишь» смещение правительства Пруссии, которое уже не опиралось на парламентское большинство. Вместо него было установлено прямое, центральное правление назначенного рейхскомиссара. Отдаленно представить себе характер произошедшего можно на примере так называемого путча ГКЧП в Москве в 1991 г. Здесь также была сделана попытка перейти к прямому имперскому правлению, в том числе и в первую очередь — в самой большой из республик СССР, к тому же имевшей столицей тот же самый главный город империи со всеми его полицейскими частями и прочей управленческой инфраструктурой. Однако сходство на этом заканчивается. В РСФСР не было парламентского кризиса и правительство в тот момент не враждовало с парламентом. Президент РСФСР имел все преимущества легальности (Шмитт называет их «премией»), которых был лишен ГКЧП. Этим отчасти может быть объяснено поражение путча. В Германии все происходило по-другому. Прямое управление Пруссией было введено на основании статьи 48 Веймарской конституции, которая предполагала использование особых полномочий рейхспрезидента в кризисных ситуациях, требующих чрезвычайного положения. Возникла коллизия: юридически в Пруссии — самой крупной земле Германии — оставалось подотчетное земельному парламенту коалиционное правительство, возглавляемое социал-демократом О. Брауном, однако фактически действовало правительство рейхскомиссара. Прусское правительство, располагавшее крупными полицейскими силами, не стало развязывать гражданскую войну, но и не признало действий центральной власти и направило жалобу в Конституционный суд. В октябре 1932 г. происходил судебный процесс «Пруссия против Рейха», на котором Шмитт (вместе с еще двумя юристами) представлял рейхскомиссара фон Папена и отстаивал правомочность действий рейхспрезидента. Решение суда было половинчатым: мероприятия фон Папена для сохранения законности и порядка были признаны оправданными, но и правительство Брауна сохранило свой правовой статус, не имея, правда, реальной власти. Развитие кризиса продолжалось и привело, в конце концов, к трагическим последствиям в 1933 г.

Самым кратким образом аргументы Шмитта в «Легальности и легитимности» могут быть представлены следующим образом. В Германии, говорит он, наступил кризис «государства законодательства» («*Gesetzgebungsstaat*»). Это понятие нуждается в пояснении. Шмитт выделяет несколько основных типов государств, в соответствии с характерными для них «системами легальности»: государство юрисдикции, государство правления, государство администрации. Термины, несколько неловкие и непривычные также и для немецкой речи, означают следующее: в разных политических сообществах «высшее и решающее выражение общей воли» или «решающая политическая воля» (Schmitt, 2012: 7, 8) выступают в разных формах. Иначе говоря, высшей инстанцией последнего, ключевого решения, от которого зависят все остальные и в котором дает о себе знать политическое единство как таковое, может быть суд, правитель, государственная администрация. В этом же ряду оказывается и парламентское государство законодательства. «Государство

законодательства — это государственное образование [Staatswesen], подчиненное безличным (и потому всеобщим) и предопределенным (и потому рассчитанным на длительный срок) нормативным установлениям, содержание которых изначально поддается измерению и определению, т. е. это такое государственное образование, в котором закон и его исполнение, законодатель и применяющие закон учреждения отделены друг от друга. В таком государстве «господствуют законы», а не люди, не какие-либо авторитеты и власти» (Schmitt, 2012: 8). Почему же наступает кризис такого государства? В общих чертах Шмитт писал об этом уже в 1920-е гг.:

«Трудности парламентского предприятия и парламентских учреждений протекают на самом деле из состояния современной массовой демократии. Прежде всего оно приводит к кризису самой демократии, потому что посредством всеобщего равенства людей нельзя решить неизбежную для демократии проблему субстанциального равенства и гомогенности. Оно приводит, далее, к кризису парламентаризма, который, видимо, следует отличать от кризиса демократии. В наши дни оба кризиса проявились одновременно и взаимно усиливаются, но понятийно и фактически между ними следует проводить различие. Современная массовая демократия, как демократия, стремится осуществить на деле тождество правящих и управляемых и сталкивается на этом пути с парламентом как более непонятным, устаревшим институтом» (Шмитт, 2009: 15).

Что это значит, если свести довольно сложное рассуждение к нескольким простым положениям? Прежде всего Шмитт считает, что демократия и парламентаризм — не одно и то же. Равенство людей, которое зафиксировано во всеобщем избирательном праве, превращает в фикцию единство, на котором базируется парламент как репрезентативный институт, выражающий общую волю. В тех случаях, когда масса оказывается способной к единству всеобщей воли, парламент, в котором происходят якобы рациональные дискуссии, позволяющие выработать наилучшее решение, ей только мешает. Но если это происходит в государстве законодательства, получается, что безлично действующие законы стоят на пути непосредственного волеизъявления. Значит ли это, что парламент *должен* быть сокрушен в пользу более новых форм демократии? Такой вывод, в принципе, не совсем исключают сочинения Шмитта о парламентаризме, что и позволяет считать его одним из тех, кто привел к гибели Веймарскую республику. Однако в 1920-е гг., как уже сказано выше, Шмитт скорее дружелюбен к конституции, а в ретроспективе, как мы увидим, он утверждает, что даже и в начале 1930-х спасал президентскую систему — сердцевину тогдашнего политического строя. В чем здесь существо проблемы?

В «Легальности и легитимности» Шмитт выступает, несомненно, как оппонент не только именитых и влиятельных юристов своего времени, но и скончавшегося на заре существования Веймарской республики, одного из идеологов нового конституционного строя Германии Макса Вебера, чьи социологически-юридиче-

ские формулы выражали совсем иное видение парламентаризма и политических перспектив современности. Легальность для Вебера, напомним, это одна из возможных форм легитимного господства, наряду с господством традиционным и харизматическим. Речь идет о «значимом порядке», т. е. порядке, следование которому предполагает не просто регулярность или подчинение чему-то внешнему, но и определенное «чувство долга», приверженности со стороны тех, кто ему следует. Порядок легитимен, если в нем видят нечто большее, чем сложившуюся расстановку сил. Одна из форм легитимности — «вера в легальность сформулированных порядков и права отдавать приказы, которым наделены те, кто этими порядками призван осуществлять господство» (Weber, 1985: 124). Рациональные формулы права, рациональные процедуры, сквозная, не знающая исключений легальность (законсообразность) — все это связывалось как раз с современной парламентской демократией, ряд проблем которой Вебер, впрочем, хорошо понимал. Шмитт, однако, видит ситуацию совершенно по-другому. На передний план он выводит не легитимность как субъективный смысл (представление о значимости порядка), но легальность, которая может принимать самые разные формы. Легитимность этой легальности может быть более или менее устойчивой, и как раз внутреннюю проблематичность всей системы легальности, а не просто поколебленной субъективной веры в нее, он стремится продемонстрировать.

Шмитт устанавливает в Веймарской конституции противоречие между двумя ее частями, он говорит о том, что вторая часть представляет собой, по сути, вторую конституцию. Самым тщательным образом он исследует вопрос, носящий на первый взгляд совершенно технический характер и, казалось бы, представляющий интерес только для историков права. В первой основной части Веймарской конституции речь идет о государственном устройстве Германии, во второй — о правах и обязанностях немцев, причем многие из этих прав и гарантий расписаны весьма детально. Именно конституционный характер этих статей и не устраивает Шмитта.

«Здесь речь идет не о том, являются ли сами по себе разумными и оправданными материально-правовые гарантии или же конституции наподобие второй основной части Веймарской конституции. Они, безусловно, таковы, но тем не менее они находятся в композиционном противоречии с той установкой на ценностную нейтральность, которая заявлена в ее первой части, и тем самым не только ограничивают возможности парламентского государства законодательства, но и вообще разрушают его. Прежде всего это происходит потому, что всякая гарантия и установление такого рода является гарантией, направленной против простого, регулярного и нормального законодателя, т. е. против парламентского большинства, и в результате этого подрывается до сих пор прочно удерживаемая основа парламентского государства законодательства (т. е. безусловное доверие к правомочному законодателю), причем подрывается, так сказать, самими конституционными процедурами» (Schmitt, 2012: 44).

Парламентское государство законодательства, разъясняет Шмитт, устроено таким образом, что в каждый момент, когда необходимо принять решение, простое парламентское большинство, по идее, может принять его, обладая на то полным правом именно по самому принципу этого устройства. Но если в конституцию вводятся положения материально-правового характера, т.е. конкретные установления, касающиеся, например, семьи и прав внебрачных детей, пожизненного обеспечения чиновничества, прав религиозных объединений и т.п., возникает коллизия: по своему характеру это те самые законы, которые парламент может и принять, и отменить, а по правовому статусу они стоят выше обычных законов и для их изменения требуется квалифицированное или конституционное большинство. При этом получается, что принцип простого большинства в отношении таких законов или статей конституции больше не действует. Иначе говоря, то главное, на чем стоит парламентское государство законодательства, а именно текущая деятельность парламента, правомочного, при соблюдении процедуры, изменить, принять, отменить любой закон, ставится под угрозу с совершенно неожиданной стороны. Например, действующее правительство, имеющее значительную поддержку в парламенте, имеет также ресурсы и для того, чтобы добиваться угодных для себя судебных решений и — в самый благоприятный момент — добивается принятия выгодных для себя законов. Если расстановка сил меняется и конституционное большинство утрачивается, но противная сторона приобретает простое большинство, не приобретая конституционного, новые решения не могут быть приняты. Таким образом, парламентское большинство оказывается бессильным по отношению к парламентскому меньшинству, которое в прошлом обладало конституционным большинством. Сиюминутность, как называет ее Шмитт, парламентского решения (принимаемого в данной ситуации и данным простым большинством), его важнейший принцип ставится под вопрос. Между тем в тяжелых ситуациях, когда нет фактического единства общей воли, когда партии ставят под угрозу нормальное функционирование государства, простое большинство оставалось бы, по крайней мере, тем принципом, на который могли бы согласиться все, принципом отчетливой процедуры, при которой достаточно перевеса в один процент голосов, чтобы решение считалось принятым. Если такой процедуры нет, парламентаризм подрывает свои основы.

Однако и первая часть конституции была не свободна, как считал Шмитт, от радикального противоречия. Это противоречие между ординарной, регулярной законодательной деятельностью парламента и плебисцитом, который объявлялся источником высшей законодательной силы. Шмитт неизменно повторяет, что речь идет не столько о том, что надо, скажем, заменить или отменить парламентскую демократию, сколько о том, что неправильно, нелогично вмещать разнородные принципы в одну конституцию. Должна быть внутренняя связность и последовательность. Но смысл его претензий к устройству конституции состоит не в том, чтобы показать логические неувязки. Критика этого рода правильно читается лишь в сочетании с постоянно повторяющимися рассуждениями Шмитта

о кризисе парламентаризма и о том, что формальное равенство граждан как избирателей отнюдь не означает реального политического единства народа. Поэтому получается, что затруднения, которые возникают как раз в вопросах выражения общей воли в рутинной законодательной деятельности, можно преодолеть лишь чрезвычайным законодательством.

«Парламентское государство законодательства в принципе не знает материально-правовых гарантий, потому что оно безусловно доверяет парламенту как регулярному законодателю. Но если регулярному законодателю не доверяют, к нему можно приравнять и диктатора, которому не доверяют точно так же. Тогда может лишь показаться очевидным (на деле же это противно смыслу и разрушает систему), что доверие, которого лишен обычный законодатель, автоматически передает законодателю, меняющему конституцию. <...> Мыслимо, конечно, и логически отнюдь не противоречиво было бы объявить все организационные определения доступными для изменений, а все материально-правовые гарантии второй части — священными и неприкосновенными. Однако тогда это было бы совсем другое государственное устройство, чем парламентское государство законодательства, которое все еще мерещится в Веймарской конституции» (Schmitt, 2012: 76).

Наиболее сильным выходом из создавшегося положения Шмитт считает обращение к плебисцитарной демократии, но референдумы предоставляют возможность дать ответ на радикальные, важнейшие вопросы, однако ни сами вопросы не формулируются на референдумах, ни текущее управление невозможно через постоянно происходящие общенародные решения. Это заставляет серьезно задуматься над тем, как переустроить немецкую конституцию. Ни один из способов обеспечения легитимности не годится в качестве сугубо технического. Нынешнее положение дел недопустимо. Дело в том, что при ослаблении парламентски-законодательной системы легальности на передний план фактически выходят другие инстанции, прежде всего административные. Предполагается, что вершиной конституционного строя является парламентское представительство, а на деле все решают чиновники, формально исполняющие волю народа, выраженную в парламентских постановлениях, но фактически стоящие и над парламентом, и над народом.

«Прежде всего необходимо как следует уяснить первый и самый важный вопрос, перед которым сегодня стоит любой серьезный план преобразований немецкого конституционного строя. Речь идет об основополагающей альтернативе: или признать наличие какого-то субстанционального содержания и сил в немецком народе, *или* сохранять и развивать функционалистскую установку на ценностную нейтральность — сохраняя при этом фикцию равных шансов для все равно каких целей, направлений и содержаний» (Schmitt, 2012: 90–91).

Итак, Шмитт желает реального единства народа, а также реального, не формального единства руководящей воли.

Известно, как он представлял себе дальнейшее. Легальная власть, полагал Шмитт, может использовать то время, покуда приостановлен законодательный парламентский процесс, чтобы восстановить текущее управление, издать необходимые постановления, создать все условия для оформления всеобщей народной воли. Что парламентское государство себя изжило и потому возвращаться к нему в чистом виде нет никакой необходимости, понималось само собой. Однако в послевоенном послесловии он делает упор на другое. Шмитт не раз и не два повторял, что партия, пришедшая к власти, может использовать легальные процедуры, чтобы отменить именно те гарантии политических прав и свобод, благодаря которым она пришла к власти. Именно это, утверждает он после войны, и случилось с нацистами. Они пришли к власти легально (хотя и отнюдь не безусловно легально, вопреки распространенному у нас заблуждению), а уже потом был принят закон против образования новых партий в Германии, не говоря о знаменитом «Ermächtigungsgesetz» (закону о придании полномочий), по которому нацистское правительство получало законодательные полномочия. Шмитт в послесловии пытается утверждать, что знаменитые слова, которыми кончается «Легальность и легитимность»: «И тогда истина отомстит» — относятся именно к этой части истории.

ЛЕГАЛЬНОСТЬ И ЛЕГИТИМНОСТЬ.
(ПОСЛЕСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1958 Г.)

Работа «Легальность и легитимность» вышла в свет летом 1932 г. в издательстве «Duncker & Humblot» в Мюнхене и Лейпциге с пометкой: «Завершено 10 июля 1932 г.»⁴.

1. Тогдашний кризис затронул уже и самое понятие конституции. Моя работа была отчаянной попыткой спасти президентскую систему — последний шанс на сохранение Веймарской конституции — от юриспруденции, которая отказывалась ставить вопрос о друге или враге конституции. Вот что сообщило ему в истории конституции такую интенсивность. Ожесточенное сопротивление вызвал именно центральный тезис: отрицать легальность какой-либо партии можно лишь тогда, когда полномочия по изменению конституции ограничены. Именно этот тезис как неюридический был отвергнут ведущими специалистами по конституционному праву, разоблачавшими его как политико-правовую фикцию (politisches Wunschrecht).

Я раз и навсегда показал здесь, как это происходит: партия входит через дверь легальности, чтобы тут же закрыть эту дверь за собой, — такова, иначе говоря, модель легальной революции. В работе приводится длинная, почти на страницу цитата из моей книги «Гарант конституции» (Schmitt, 1931), где спор идет с веду-

4. См. разъяснения относительно даты завершения в предисловии переводчика. — *Прим. ред.*

щими правоведами-демократами Веймарской эпохи. Вообще цитирование самого себя, особенно столь обширное — это не мой стиль. Но я же выражал протест, я заклинал! В конце работы я предостерегаю: «Тогда истина за себя отомстит» — это же крик о помощи! В те годы он прозвучал и смолк без ответа. Но было бы несправедливо и по существу неправильно писать историю президентской системы Веймарской конституции, не зная об этой работе и не отдавая ей должного.

Почему крик о помощи должен был остаться без ответа? «Учение о том, что полномочия предпринимать изменения в конституции не включают в себя полномочия фундаментально преобразовывать структуру конституции, в настоящее время нашло недвусмысленное признание в статье 79 Боннского Основного закона⁵ и в многочисленных конституциях земель. К сожалению, это ученое мнение, столь очевидное для нас ныне, в Веймарскую эпоху мало кто одобрил. Герхард Аншюц⁶, знаменитый комментатор конституции, не вдаваясь в подробности, отверг точку зрения, согласно которой изменения в конституции ни в коем случае не могут разрушать ее политическую субстанцию, заметив, что данное политическое требование имеет значение лишь *de lege ferenda*⁷, но в действующем конституционном праве Веймарской Германии оно не находит себе никакой опоры» (Schneider, 1953: 216)⁸.

Господствовавший в то время юридический позитивизм⁹ покоился на вере во всемогущество законодателя и на том очевидном выводе, что раз уж законодатель всемогущ, то всемогущество законодателя, меняющего конституцию, должно быть куда более всемогущим. Это повсеместно господствовавшее учение уже не отдавало себе отчета в своих исторических и теоретических предпосылках. Ему было неизвестно, что легальность первоначально была существенной частью западного рационализма и формой проявления, но отнюдь не абсолютной противоположностью легитимности. Всеобщая нейтрализация ценностей была частью всеобщей функционализации и превращала демократию в принципиально релятивистское мировоззрение. В философии права это нашло свое выражение у Густава Радбруха¹⁰, во влиятельнейшем учебнике по философии права как раз в том же самом 1932 г., в третьем его издании провозгласившего: «Кто способен [*вопреки всему*] привести в действие право, доказывает тем самым, что призван полагать право. <...> Мы пре-

5. Конституция ФРГ. — *Прим. перев.*

6. Герхард Аншюц (Gerhard Anschütz) (1867–1948) — немецкий юрист, сторонник юридического позитивизма, ведущий комментатор Веймарской конституции, в соавторстве с Рихардом Тома написал двухтомное «Руководство по немецкому государственному праву». — *Прим. перев.*

7. С точки зрения законодательного предположения (*лат.*). Ср. выше выражение «*politisches Wunschrecht*». Речь идет о желательном праве, в противоположность действующему. — *Прим. перев.*

8. Эта статья была напечатана также отдельной брошюрой. Другие примеры см. выше в тексте.

9. Юридический позитивизм исходит из того, что право — это всегда лишь позитивное, действующее в настоящий момент право. — *Прим. ред.*

10. Густав Радбрух (Gustav Radbruch) (1878–1949) — немецкий юрист и философ права, в начале 1920-х гг. в течение нескольких лет депутат парламента от социал-демократов и министр юстиции в нескольких правительствах. Шмитт после войны неоднократно и очень едко критикует Радбруха. — *Прим. перев.*

зираем священника, проповедующего вопреки своим убеждениям, но чтим судью, не смущаемого в своей верности закону противящимся ему правовым чувством».

2. Таково было главенствующее учение о праве, которое всем своим авторитетом представлял ведущий юрист, побывавший во времена Веймарской конституции министром юстиции Германии. В большой критической рецензии на мою работу, напечатанной в «*Vossische Zeitung*» 11 сентября 1932 г., интеллигентный и образованный демократический юрист Георг Кваббе даже использовал слово «хулиганство». Однако было бы несправедливо считать эту слепоту лишь следствием юридической позитивистской узости взгляда и профессиональной изоляции, возникающей в результате специализации научного предприятия, основанного на разделении труда. Законодательному оптимизму предшествующей эпохи гораздо больше отвечало понимание закона не как в первую очередь средства стабилизации, но как средства и способа осуществлять мирные реформы и прогрессивное развитие. Для социал-демократии, самого сильного партнера Веймарской коалиции¹¹, сюда еще добавлялось то, что Отто Кирххеймер в статье «Об изменениях в политической оппозиции» называет «химерой большинства в 51%», «которая играла столь важную роль в ранней социалистической литературе и служила тому, чтобы преобразовать общественный порядок *in o actu*, словно бы взмахом волшебной палочки» (Kirchheimer, 1957: 67).

Но эту, как называет ее Кирххеймер, *химеру* следовало бы распознать как таковую уже в 1932 г. «Дававшиеся до сих пор ответы Ленина, Троцкого и Радека на работу Каутского «Терроризм и коммунизм» (Kautsky, 1919) не оставляют никаких сомнений в том, что не только нет принципиальных возражений против использования демократических форм, но и что вопрос этот, как и всякий другой (то есть также и вопрос о легальности и нелегальности), должен рассматриваться по-разному, в зависимости от отношений в данной конкретной стране, и являться лишь одним из моментов в стратегических и тактических мероприятиях коммунистического плана» (Schmitt, 1921: VI). Однако химера оказалась очень живучей. Ее следы можно все еще найти в конституции земли Гессен от 1 декабря 1946 г. (статья 46). В конституциях других земель Федеративной республики, принятых позже, ее следы пропадают.

Легальность, как одна из трех типичных форм проявления легитимности в смысле Макса Вебера (харизматическая, традиционная и рациональная), предполагает рациональное установление норм. «Если содержательно понятие закона уже никак не соотносится с разумом и справедливостью, причем одновременно сохраняется государство законодательства с его специфическим понятием легальности, концентрирующим в законе все величие и достоинство государства, тогда всякое распоряжение, приказ или мера могут стать легальными» (выше в этом сочинении). Господствовавший в 1932 г. юридический позитивизм должен был признать эту логику, он даже считал ее само собой разумеющейся.

11. Правительства в Веймарской Германии были коалиционными. — Прим. перев.

3. По мере того как государство законодательства становится государством администрации, на передний план выходит *принятие мер*¹², и потому требуется разъяснение отношения между законом и мерами. И если при этом еще ссылаются на чистую «ценность» в противоположность «простой целесообразности», то тем самым лишь пытаются уклониться от подлинной проблемы. Различение закона и мер впервые было подробно рассмотрено в 1924 г. на первой конференции немецких преподавателей государственного права в ряде докладов о диктатуре рейхспрезидента в соответствии со статьей 48 Веймарской конституции¹³. Как опыт военного и осадного положения во время Первой мировой войны, так и практика применения статьи 48 в период действия Веймарской конституции привели к тому, что меры стали правительственными постановлениями [Rechtsverordnungen], а постановления — мерами. Для правового государства было нормальным идти путем законодательного предоставления полномочий. Когда из-за негативно настроенного большинства в парламенте это стало невозможным, статья 48 оказалась единственным средством спасти конституцию от парламента, который был уже неспособен принять необходимые решения о наделении полномочиями и потому вынужден был терпеть практику применения статьи 48 при издании постановлений.

Боннский Основной закон 1949 г. нацелен на восстановление классического понятия закона; он допускает законное ограничение основных прав лишь как общую норму (статья 19, абзац 1). Кроме того, он пытается сузить (статья 80) те возможности перехода к мерам, которые заключает в себе законодательное уполномочивание. Герхард Вакке даже объявляет противоречащим конституции уполномочивание на принятие мер (Wacke, 1957). В действительности законы о превентивной мере неизбежны также и при Боннском Основном законе, и речь может идти лишь о том, чтобы правильно понять и определить место этой тенденции. Ведь и сам Основной Закон дает санкцию на «экспроприацию по закону» (статья 14), то есть санкционирует важнейший случай издания закона о превентивной мере и самое серьезное и открытое вторжение меры в закон. Эрнст Форстхофф в основополагающей статье «Относительно законов о превентивной мере» (Forsthoff, 1955) рассматривает специфику таких законов именно в том аспекте, что законы о превентивных мерах предоставляют для судебно-административного контроля другие средства, нежели обычные законы. Курт Баллерштедт приходит к выводу, что хозяйственное право, как замкнутая в себе дисциплина, не может избежать различения правового закона (Rechtsgesetz) и закона о превентивных мерах (Ballerstedt,

12. Все рассуждения Шмитта в этом пункте основаны на выяснении юридического характера *меры* (Maßnahme) в смысле *мероприятия* (а не мерила или эталона). Точный перевод термина осложнен, поскольку единственный имеющийся вариант русского перевода термина «Maßnahme-Gesetz», о котором речь идет ниже, — «закон о превентивных мерах». Оставляя в стороне вопрос, считать ли всякую меру в данном случае исключительно превентивной, мы предпочли повсюду переводить «Maß» просто как «мера», а «Maßnahme-Gesetz» как «закон о превентивных мерах». — *Прим. перев.*

13. Шмитт выступал на этой конференции с докладом, в котором впервые поставил вопрос о правовом характере мер. См.: Huber, 1963: 114ff. — *Прим. перев.*

1957). Однако, продолжает он, при помощи этого различения можно лучше разобраться в юридической проблеме, которая возникает в связи с государственными интервенциями в экономику; необходимо это различие и для гарантий свобод в статьях 2, абзац 1, а также 9, 12 и 14 Основного Закона.

Итак, различие закона и меры проникло в сам закон и привело к различению правовых законов и законов о превентивных мерах¹⁴. В этом дает о себе знать не что иное, как неодолимая тенденция, ведущая к государству администрации жизнеобеспечения. Легальность есть модус функционирования бюрократии, а бюрократия тех политических образований, которые должны заниматься социальным обеспечением индустриальных масс, уже не обходится понятием о законе, что вышасяется над классическим разделением государства и общества; она приспосабливает юридические понятия к развитию социального государства.

4. В связи с рассуждением о легальности и равных шансах выше развивается учение о трех видах *премий* за легальное обладание властью: предполагаемая правосообразность, предварительная исполнимость и повиновение (*obéissance préalable*), а также исполнение общих оговорок. Теоретическое и практическое значение этих премий столь велико, что пройти мимо них не может ни одно учение о конституции, ни одна философия права. Из них даже должно исходить юридически состоятельное учение о праве на сопротивление. И несмотря на это, именно данное учение о нормальных премиях осталось без внимания.

Премии другого рода, напротив, привлекли к себе внимание, по меньшей мере, за рубежом: при плюралистическом расщеплении электората, в соответствии с законами о выборах, искусственное большинство появляется благодаря тому, что к определенной части голосов или мандатов добавляются дополнительные мандаты. Вот основные примеры: французский закон о выборах от 9 мая 1951 г., а также итальянский закон о выборах от 31 марта 1953 г. Это — методы так называемого *apparentement*¹⁵ (см. об этом Burdeau, 1951: 251ff.). Запретительные оговорки и сходные с ними меры (*Vorkehrungen*) суть негативные премии для меньшинств, *субпремии*, да будет мне позволено такое словоупотребление по аналогии с термином «субпривилегии». Такого рода премии, предусмотренные законами о выборах, в высшей степени симптоматичны. Но в них есть что-то искусственное, ибо они ориентированы на то, чтобы привести к появлению легального большинства, тогда как упомянутые выше нормальные премии за легальное обладание властью как раз и предполагают таковое обладание властью и для каждого политического образования они столь же нормальны, сколь и фундаментальны. Таким образом, они нуждаются во внимании со стороны теоретиков конституции, а общие рассуждения о правовых гарантиях здесь далеко еще недостаточны.

14. Правовой закон — это закон, выражающий правовой принцип, самое идею права. В этом смысле он противоположен всякого рода мерам, цели которых определяются меняющимися ситуациями. — *Прим. перев.*

15. Присоединение, образование блоков (*фр.*). — *Прим. перев.*

Однако наряду с тремя ординарными и нормальными премиями за легальное обладание властью, а также наряду с вышеупомянутыми более искусственными премиями есть еще и другие, совершенно экстраординарные. О них здесь следует говорить особо, поскольку они связаны с актуальным, но, к сожалению, еще не осознанным в теории конституции вопросом о различии внутри самой конституции, которая, с одной стороны, является системой организационных и конституционно-правовых регуляций, а с другой — может содержать сумму правил материального права, которым, в силу включенности в конституцию, сообщается более высокий ранг и достоинство более высокой нормы, чем массе других регуляций, относящихся к области обычного материального права. Я считаю, что пришло время осознать это различие, пока не сместилась вся прежде существовавшая система традиционного государства законодательства. В случае такой экстраординарной премии партия или партийная коалиция использует момент подготовки конституции (для чего достаточно простого большинства) или конституционного законодательства, чтобы простое большинство впоследствии было связано с конкретными определениями материального права (см. об этом выше). Вероятно, эта тенденция соответствует развитию плюрализма. Во всяком случае, ее разъяснение способствовало бы более глубокому пониманию, в контексте теории конституции, современного положения правового государства и разделения властей. Отец либерального правового государства Джон Локк правильно заметил (это его высказывание, направленное против законов об уполномочивании и делегирования легислатуры, часто цитируют), что законодатель должен создавать не законодателей, а законы. Аналогичным образом можно будет сказать, что те, кто готовят и принимают конституцию, должны создавать хороших законодателей и процесс законодательства, но отнюдь не законы. Иначе пришлось бы логичным образом выпускать конституцию как некоторого рода *Corpus Juris*¹⁶ с приложением в виде многолетних планов. Однако тенденция, как уже сказано, именно такова, и конституции становятся все длиннее. В новой индийской конституции уже 315 статей и 8 приложений. Кто находит это хорошим и правильным, тот должен был бы знать, по меньшей мере, что здесь речь уже не идет о конституции такого же рода, на которой до сих пор строились европейское конституционное право, учение о разделении властей и учение о правовом государстве и разделении властей.

5. Как размышлял о легальности и нелегальности влиятельный немецкий партийный и фракционный лидер в решающую неделю перед 30 января 1933 г., показывает открытое письмо, направленное 26 января 1933 г. рейхсканцлеру Шляйхеру лидером партии центра господином прелатом профессором Каасом¹⁷. Каас говорит о юридических конструкциях, которые касаются так называемого чрезвычайного положения в стране и переноса сроков выборов, он настойчиво предупреждает правительство о «релятивирующих все государственное право фундаментальных тенденциях Карла Шмитта и его сторонников». Кого он, собственно говоря, имел

16. Свод законов (лат.). — Прим. перев.

17. Оно перепечатано в: Archiv für öffentliches Recht, 1933/34, Bd. 21, 141–142.

в виду под этими сторонниками — тех ли, кто разделял некоторые мои научные позиции или моих тогдашних друзей Попитца, Отта и Маркса, либо же кого-то еще, я так и не сумел выяснить. Каким образом он получил информацию о моих конституционно-правовых конструкциях, я не знаю. Видимо, у него не было времени читать мои работы или расспросить меня лично. Я никогда не принимал участия в разговорах о введении чрезвычайного положения, потому что знал, что тем самым легальность конституции отдается на растерзание ее врагам; я также держался того мнения, что легальные возможности, связанные с премиями за легальное обладание властью, еще отнюдь не исчерпаны. О моей позиции по вопросам государственного права следует судить по моим работам, а не по слухам или комбинациям, или же, *ex post* переносясь в прошлое, судить о ней по совершенно иначе структурированным позднейшим ситуациям, возникшим в результате крушения Веймарской легальности.

Тогда — в решающую неделю с 23 по 30 января 1933 г. — было очевидно, что Рейхстаг снова должен быть распущен. Он оставался всего лишь ареной для акций и демонстраций тех, кто составлял негативное большинство. Новый роспуск не был нелегальным. Вопрос заключался лишь в том, *какое* правительство в предстоящей электоральной борьбе будет удерживать в своих руках государственную власть и использовать в своих интересах премию за легальное обладание властью: правительство фон Шляйхера или, как того требовал Каас, новый рейхсканцлер правительства, сформированного на основе «надежных комбинаций», то есть Гитлер. Власть германского правительства в связке с рейхскомиссариатом Пруссия¹⁸ была велика, что наводило на размышления о властных позициях современного государства. Но в решающие дни перед 30 января германское правительство капитулировало перед лицом ложного понятия легальности¹⁹, а угрозы новых процессов в государственной судебной палате²⁰ стали действенным легальным оружием. После открытого письма прелата Кааса 26 января 1933 г. назначение Гитлера рейхсканцлером должно было казаться настоящим выходом из кризиса.

Это новое средство борьбы — угроза политическими процессами в государственной судебной палате — затрагивало самый нерв ситуации и наносило удар по самосознанию президента Гинденбурга. Находясь, в силу почтенного возраста, в изоляции, этот носитель нейтральной власти был неуместным и несвоевременным в своем противостоянии напряженности, которую несли с собой методы массовой демократии, а также ввиду возможных внезапных изменений. Он был верен своей клятве на конституции, но по существу своему не мог уже знать, что такое эта конституция. Честный и рассудительный, он готов был выслушивать поуче-

18. Рейхскомиссариатом в Германии называлось правительство земли, назначаемое центральным («имперским») правительством. С 3 декабря 1932 г. до 28 января 1933 г., т. е. и в «решающую неделю», рейхскомиссаром Пруссии был рейхсканцлер К. ф. Шляйхер. — *Прим. перев.*

19. Роспуск парламента, к которому стремился Шляйхер, воспринимался как государственный переворот. Эту идею отверг президент Гинденбург. Шляйхер был отправлен в отставку, а место канцлера получил Гитлер. — *Прим. перев.*

20. Staatsgerichtshof — Конституционный суд Веймарской Германии. — *Прим. перев.*

ния, а поучения свелись в конце концов к тому, что предмет его верности, его клятвы оказался всего лишь переходным процессом, вратами, открытыми для любого врага, стоило ему лишь предстать «надежной правительственной комбинацией» и тем самым выступить в качестве легального.

Литература

- Шмитт К.* (2009). [Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания \(О противоположности парламентаризма и демократии\)](#) / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологическое обозрение. Т. 8. № 2. С. 6–16.
- Ballerstedt K.* (1957). Über wirtschaftliche Maßnahmegesetze // Festschrift zum 70. Geburtstag von Walter Schmidt-Rimpler unter Mitwirkung von Freunden und Kollegen. Karlsruhe: Müller C.F. S. 369–402.
- Burdeau G.* (1951). Traité de science politique. Vol. 2. Paris: Librairie générale de droit et de jurisprudence.
- Forsthoff E.* (1955). Über Maßnahme-Gesetze // Forschungen und Berichte aus dem öffentlichen Recht: Gedächtnisschrift für Walter Jellinek. München: Isar-Verlag. S. 221–236.
- Huber K.* (1963). Maßnahme-Gesetz und Rechtsgesetz. Berlin: Duncker und Humblot.
- Kautsky K.* (1919). Terrorismus und Kommunismus: ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution. Berlin: Neues Vaterland, E. Berger & Co.
- Kirchheimer O.* (1957). Vom Wandel der politischen Opposition // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. Bd. 43. S. 59–80.
- Mehring R.* (2009). Carl Schmitt: Aufstieg und Fall. München: C. H. Beck.
- Roth K.* (2005). Carl Schmitt — ein Verfassungsfreund? Seine Stellung zur Weimarer Republik in der Phase der relativen Stabilisierung (1924–29) // Zeitschrift für Politik. Jg. 52. № 2. S. 141–156.
- Schmitt C.* (1921). Die Diktatur: von den Anfängen des modernen Souveränitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf. München: Duncker und Humblot.
- Schmitt C.* (1931). Der Hüter der Verfassung. Berlin: Duncker und Humblot.
- Schmitt C.* (1933). Staat, Bewegung, Volk: die Dreigliederung der politischen Einheit. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
- Schmitt C.* (1934). Über die drei Arten des rechtswissenschaftlichen Denkens. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
- Schmitt C.* (1940). Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
- Schmitt C.* (2012). Legalität und Legitimität. Berlin: Duncker und Humblot.
- Schneider H.* (1953). Das Ermächtigungsgesetz vom 24. März 1933: Bericht über das Zustandekommen und die Anwendung des Gesetzes // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. Bd. 1. Hft. 3. S. 197–221.
- Wacke G.* (1957). Staatsrechtliche Prüfung der Zusatzsteuer: Kritische Untersuchungen zu § 8 des Umsatzsteuergesetzes. Köln: O. Schmidt.
- Weber M.* (1985). Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: Mohr (Siebeck).

Legality and Legitimacy (1958 Edition Afterword)

Carl Schmitt

Alexander Filippov
(translator)

Professor of Sociology, National Research University Higher School of Economics
20 Myasnikskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: filippovaf@gmail.com

This is a translation of the afterword of *Legality and Legitimacy* (1932), rewritten by Carl Schmitt in 1958 for his collection *Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924–1954*. In the afterword, Schmitt once again describes the situation in Germany in the early 1930's, and argues against the influential German lawyers who rejected his interpretation of the Weimar Constitution. He rejects the wide-spread opinion that he wanted a state of emergency in Germany to be introduced, and insists that this book was his final attempt to rescue the presidential republic of Weimar Germany. Schmitt then demonstrates the weakness of legal positivism and specifically stops at the several key points in his argument. First, according to Schmitt, the positivists did not know that legality, an unopposed form of the manifestation of legitimacy, had originally been an essential part of Western rationalism. Second, it is necessary to distinguish between the law and the sanctions because of their different legal statuses. This distinguishing is important because the legislative state was gradually becoming the administrative state. As a result, the governing institutions are more powerful than the parliamentary laws. Any parliamentary decision providing executive bodies relevant authority cannot be executed without an effective parliamentary majority. Thirdly, Schmitt explores the question of the so-called “premiums” for the legal possession of power. The afterword concludes with a brief overview of the situation at the end of the January 1933. The Publication includes the translator's preface providing an overview of the main provisions of Schmitt's book, *Legality and Legitimacy*.

Keywords: legality, legitimacy, Weimar Germany, constitution, legal positivism, Nazism

References

- Ballerstedt K. (1957) Über wirtschaftliche Maßnahmegesetze. *Festschrift zum 70. Geburtstag von Walter Schmidt-Rimpler unter Mitwirkung von Freunden und Kollegen*, Karlsruhe: Muller C.F, pp. 369–402.
- Burdeau G. (1951) *Traite de science politique, vol. 2*, Paris: Librairie generale de droit et de jurisprudence.
- Forsthoff E. (1955) Über Massnahme-Gesetze. *Forschungen und Berichte aus dem öffentlichen Recht. Gedachtnisschrift für Walter Jellinek*, München: Isar-Verlag, pp. 221–236.
- Huber K. (1963) *Massnahme-Gesetz und Rechtsgesetz*, Berlin: Duncker und Humblot.

- Kautsky K. (1919) *Terrorismus und Kommunismus: Ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution*, Berlin: Neues Vaterland, E. Berger & Co.
- Kirchheimer O. (1957) Vom Wandel der politischen Opposition. *Archiv fur Rechts- und Sozialphilosophie*, vol. 43. pp. 59–80.
- Mehring R. (2009) *Carl Schmitt: Aufstieg und Fall*, Munchen: C. H. Beck.
- Roth K. (2005). Carl Schmitt — ein Verfassungsfreund? Seine Stellung zur Weimarer Republik in der Phase der relativen Stabilisierung (1924–29). *Zeitschrift fur Politik*, vol. 52, no 2, pp. 141–156.
- Schmitt C. (1921) *Die Diktatur: von den Anfängen des modernen Souveränitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf*, Munchen: Duncker und Humblot.
- Schmitt C. (1931) *Der Hüter der Verfassung*, Berlin: Duncker und Humblot.
- Schmitt C. (1933) *Staat, Bewegung, Volk: Die Dreigliederung der politischen Einheit*, Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
- Schmitt C. (1934) *Über die drei Arten des rechtswissenschaftlichen Denkens*, Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
- Schmitt C. (1940) *Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles*, Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
- Schmitt C. (2009) Duhovno-istoričeskoe sostojanie sovremennogo parlamentarizma. Predvaritel'nye zamečanja (O protivopoložnosti parlamentarizma i demokratii) [The Intellectual-Historical Situation of Today's Parliamentarism. Preliminary Notes (On the Contradiction between Parliamentarism and Democracy)]. *Sociologičeskoe obozrenie*, vol. 8, no 2, pp. 6–16.
- Schmitt C. (2012) *Legalität und Legitimität*, Berlin: Duncker und Humblot.
- Schneider H. (1953) Das Ermächtigungsgesetz vom 24. März 1933: Bericht über das Zustandekommen und die Anwendung des Gesetzes. *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte*, vol. 1, no 3, pp. 197–221.
- Wacke G. (1957) *Staatsrechtliche Prüfung der Zusatzsteuer: Kritische Untersuchungen zu § 8 des Umsatzsteuergesetzes*, Köln: O. Schmidt.
- Weber M. (1985) *Wirtschaft und Gesellschaft*, Tübingen: Mohr (Siebeck).

Репрезентативная культура¹

Фридрих Тенбрук

В статье рассматривается проблема социологического понимания культуры и концепция репрезентативной культуры немецкого культурсоциолога Фридриха Тенбрука. Обращается внимание на концептуальную неразработанность понятия «культура» в социологии по сравнению с понятием «структура» («общество») — центральным понятием структурного функционализма. Обращаясь к интеллектуальной истории, Тенбрук прослеживает траекторию понятий, определяя различные функции в социальном словаре XIX–XX веков. Фиксируются представления о культуре, разработанные в подходах М. Вебера и Т. Парсонса. Демонстрируется редуцированное использование понятия культура в парсонсианской социологии (как универсальной нормативной сферы). Обосновывается роль репрезентативной культуры в обеспечении структурированности и инновационности (открытости) актуальных социокультурных процессов, что достигается благодаря относительной автономии (содержаний) культуры.

Ключевые слова: М. Вебер, Т. Парсонс, интеллектуалы, интерпретация, структура, репрезентативная культура, ценности, плюрализм

Мы можем исходить из того, что понятие социальной структуры является общеизвестным, так как социология уже давно использует, разъясняет и популяризирует его. При этом дело не столько в самом слове, сколько в допущении, что любое общество определяется своим социальным членением, которое объективно дано во внешних отношениях. В этом смысле социология и на Востоке, и на Западе, несмотря на остальные противоречия, занималась именно структурой, практически отождествляя ее с обществом, в результате чего изучение собственно культуры казалось просто избыточным.

Вопрос о соотношении структуры и культуры проблематизирует это базовое допущение. В нем отражается новая ситуация для дисциплины, которая разными путями пытается выйти за рамки привычного структурного анализа и в этих поисках социальной действительности постоянно натывается на давно забытую культуру, что и выражается в интересе к повседневной культуре.

1. Пер. с нем. А. В. Комаровского под ред. О. В. Кильдюшова. Источник: *Tenbruck F. (1996). Repräsentativ Kultur // Tenbruck F. Perspektiven der Kultursoziologie: gesammelte Aufsätze. Opladen: Westdeutscher Verlag. S. 99–124.* Статья представляет собой переработанную версию англоязычного доклада, сделанного на «Европейской конференции по теории», прошедшей в Бремене в 1987 году в рамках темы «Социальная структура и культура». Впервые опубликована в сборнике: *Sozialstruktur und Kultur. (1990) / Hrsg. H. Haferkamp. Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 20–53.* Перепечатка осуществлена с разрешения издательства Suhrkamp.

© Springer Science+Business Media B.V., 2013 © Камаровский А. В., 2013 © Кильдюшов О. В., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

Но чтобы выявить общественное значение культуры, таких «открытий» недостаточно. Дискуссия в целом проходит в неравных условиях, поскольку «структура» является очерченным и интернационально употребимым профессиональным термином, тогда как «культура» если и используется внутри дисциплины, то в самых разных значениях и весьма расплывчато. Это часто приводит к ошибочному выводу, что структура является объективной данностью, а культура, напротив, произвольным субъективным представлением. Но различие между ними заключается прежде всего в разной степени понятийной проработанности. Ведь «структура» очень долгое время оставалась совершенно диффузным понятием, которое постепенно, со временем, приобрело свои очертания благодаря тому, что оно развивалось посредством других понятий — таких как институт, статус, роль, класс и т. д. И если понятие культуры выглядит сегодня нечетким и размытым, то это в первую очередь свидетельствует лишь о том, что оно не получило аналогичной проработки. Поэтому здесь у социологии, полностью опирающейся на «структуру», не хватает надежных понятий. Ведь подобные понятия возникают лишь в результате постоянной работы над предметом и не могут подменяться скороспелыми дефинициями там, где таковой просто отсутствует.

В сегодняшнем словоупотреблении понятие культуры многозначно, почти произвольно и, кроме того, изменчиво. Именно поэтому необходимо зафиксировать его в том специфическом значении, которым оно обладает применительно к социологии. Сначала я с помощью небольшого экскурса в историю понятий и историю науки напомним о том, что вообще известно о культуре. Мы зафиксируем, что якобы произвольные значения этого понятия согласно внутренней архитектонике вытекают из базового обстоятельства, которое применительно к социологии приводит к понятию репрезентативной культуры. Ведь именно таким и был исходный смысл выражения, от которого социальные науки не могут отказаться даже сегодня.

1. Культура и общество: к истории понятия

Являясь частью классического наследия, римские термины *cultura* и *societas* без значительных изменений пережили почти 2000 лет благодаря латыни — единому образовательному языку Европы. Однако около 1800 года эти термины неожиданно приобрели совершенно иные важные значения, с которыми они и вошли во многие европейские национальные языки. С тех пор они повсюду относятся к ключевым понятиям, без которых совершенно невозможно обойтись в общественной коммуникации, в частном разговоре или в науке.

Стремительное возвышение этих старых слов до уровня новых ключевых понятий с всеобщим употреблением — это не обыденный процесс в истории языка. Скорее, оно маркирует важнейший процесс в истории современного общества².

2. Для большинства европейских языков внезапное появление и последующая судьба этих концептов хорошо задокументированы. Множество материалов было использовано для исследований в

Стремительное распространение этих терминов в национальных языках демонстрирует, что старые представления о человеке, обществе и истории вышли из обращения. В этом смысле понятия «культура» и «общество» означали радикально новую переориентацию, которая, скорее, указывала на проблемы, нежели на решения. Мы не можем останавливаться здесь на многоплановых моментах, которые пытались выразить посредством новых ключевых слов, поэтому ограничимся самым необходимым. Во-первых, новые понятия стали ответом на фактические изменения в социальных отношениях, а не просто их отражением. К слабостям социологии структуры относится ее склонность выводить общественные изменения напрямую из объективных структурных изменений, влияние которых на самом деле зависит от того, когда и как они будут восприняты. Напротив, общественные сдвиги происходят лишь тогда, когда люди по тем или иным причинам начинают видеть свое объективно не изменившееся положение в новом свете. Эти субъективные определения ситуации переводят в действия существующее положение, выявляемое наблюдателем.

При восприятии своей собственной ситуации акторы зависят от социального словаря, который они, как правило, и обнаруживают в своем обществе. Этот «словарь» состоит из ряда взаимосвязанных понятий, идей и образов, позволяющих акторам упорядочивать и классифицировать множество своих социальных восприятий через общие категории и направлять свое поведение соответствующим образом. В центре данного словаря находятся несколько ключевых понятий, выражающих общее самопонимание общества и связанных с основополагающими представлениями о действительности — с картинами мира. Если фактические отношения радикально изменяются, традиционный социальный словарь уже не может их охватить и выходит из употребления. С другой стороны, новый социальный словарь — т. е. новые представления об обществе — может изменить сами отношения, так как по-новому определяет ситуацию. В этом смысле ключевые понятия социального словаря сами всегда являются конститутивными элементами общества.

Этим объясняется то, какое фундаментальное общественное значение имело неожиданное возвышение «культуры» и «общества» до уровня ключевых понятий современного общества³. Их проникновение в национальные языки отражает тот факт, что социальные отношения породили новое образование, новый тип общества. «Культура» и «общество» вытеснили старый словарь, так как зафиксировали два важнейших изменения, которые ощущали на себе люди. Во-первых, это автономное и динамическое превращение культуры в самостоятельную сферу и, во-вторых, формирование общества на основе добровольного объединения.

рамках истории идей, тогда как в социальных науках, сконцентрированных на изучении социального положения, не было проявлено никакого интереса к ключевым понятиям современного социального вокабуляра. Работа Раймонда Уильямса «Культура и общество» является редким исключением (Williams, 1962).

3. Обстоятельный анализ социального значения этих двух ключевых понятий читатель найдет в моей книге: Tenbruck, 1989, особенно во введении и главе 4.

Одновременно и неизбежно в этих понятиях отразились новые субъективные установки, ожидания и ориентации. Новые понятия создали новый тип социального словаря, который до того поддерживал существующий нормативный порядок и был связан с сущностными религиозными или иными представлениями. В отличие от них, «культура» и «общество» обозначали открытые ситуации, на конститутивные силы и процессы которых они могли лишь намекнуть. Понятия, без которых теперь нельзя было обойтись, поставили будущее в зависимость от непредсказуемого развития культуры и общества и потому остро нуждались в социальном и интеллектуальном прояснении. Они стали поводом для возникновения новых важных форм знания, а именно наук о культуре и социальных наук, от которых ожидали объяснения новых феноменов, уже не поддававшихся описанию с помощью нормативных представлений.

В дальнейшей истории этих ключевых понятий возникают национальные варианты. Некоторые страны, как Франция, вместо «культуры» выбрали «цивилизацию», хотя долгое время они считались равнозначными. Фактически сами понятия «культура» и «общество» повсюду долго использовались почти случайно и синонимически, пока не разошлись между собой как два разных аспекта действительности. При этом они оказались втянутыми в политический конфликт, дав повод к возникновению характерных идеологий и картин мира. В социализме и либерализме понятие «общество» стало оружием в политической борьбе, направленным на подчинение государства желаниям и указаниям отдельных групп и партий. В остальном новый словарь развивался в отдельных странах по-разному — в зависимости от их исторических ситуаций, социальных сил и общественных дискуссий, так что «культура» и «общество» до сегодняшнего дня в каждом языке обладают специфическим значением, сформированным национальной историей этих стран. Если с помощью понятия структуры социальным наукам удалось создать некий единый подход к понятию общества, то понятие культуры все еще пестрит национально окрашенными смыслами. Глупо считать, что глубинные трудности взаимопонимания можно преодолеть с помощью общего языка, каким сегодня выступает английский.

Наука не играла особой роли при возникновении этих двух понятий. Конечно, ученые внесли вклад в их изобретение и распространение, но делали они это не в качестве представителей дисциплин, а как образованные люди — вместе с поэтами, философами, художниками и писателями. Аналогичным образом лица, наделенные общественными полномочиями, или граждане, выражающие общественные интересы, использовали возможность задействовать эти понятия в коммуникации с целью поиска новых ориентаций. Это лишь подтверждает тот факт, что данные понятия являлись хотя и достаточно смутными, но востребованными идеями, благодаря чему они стали ключевыми понятиями современных языков и социального словаря.

В каждом обществе социальный словарь доверяется определенным людям, от которых ожидается правильное использование и истолкование ключевых поня-

тий. Так, в Европе ответственными за понятия старого словаря были преимущественно теологи и юристы. Когда новые понятия достигли значимости ключевых понятий, они приобрели общественно-политическое значение, что сразу потребовало прояснения, поскольку были активно задействованы в борьбе за установление определенного общественного порядка. Социальные науки и науки о культуре возникли именно из этих запросов и потребностей как попытка посредством эмпирических исследований найти истину о человеке, обществе, культуре и истории, которую уже невозможно было установить нормативным путем.

Первыми возникли дисциплины, позднее названные науками о культуре и науками о духе, т.е. *humanities* или *sciences humaines*. Вдохновленные человеческой способностью к созиданию культуры, эти науки изучали все культуры в их историческом разнообразии, происхождении и связи. И хотя ими отчасти переоценивалась роль «идей», они посредством настойчивой фиксации постоянно развивали познание и понимание культур как исторических и общественных фактов, охватывая огромные пространства и времена. Не в последнюю очередь зафиксированные ими результаты позже были использованы Георгом Зиммелем, Максом Вебером и другими учеными в их социологических трудах. В основе этого лежало явное согласие с понятием культуры, которого было достаточно для проведения все более точной и полной фиксации культурных фактов, без детальной концептуальной или систематической проработки⁴.

Позднее социальные науки также строились на этих основаниях. Этнология в любом случае возникла как исследование культур. Никто не сомневался в том, что культура есть данная реальность, тогда как «общество», несмотря на постоянное употребление, казалось многим крайне сомнительным и размытым понятием. Еще Макс Вебер отмечал это, когда писал о том, что всеобщность социального основывается «ни на чем ином, как на его неопределенности» (Weber, 1973: 166). Но из этой традиции выделилась социология, исходившая из совсем других предпосылок. Она поставила себе целью стать по образцу естествознания строго генерализирующей наукой, способной разработать законченную «теорию общества». Этот чисто формальный концепт основывался на ряде скрытых посылок относительно онтологической реальности общества. Кратко говоря, речь идет о следующих посылах: а) фактически общества существуют как единства или системы социального действия; б) они являются случаями и вариациями одного феномена «общество» и потому конституируются его общими свойствами; в) эти общие определения являются решающими детерминантами всех остальных состояний; г) выявление этих общих компонентов позволит создать всеобщую «теорию общества». Именно эти послыки вынуждали определять «общество» посредством общих структурных признаков.

4. Работа Вильгельма Дильтея «Введение в науки о духе» (Dilthey, 1922) стала попыткой систематического понимания культуры без притязания на теорию культуры. Эта книга оказала большое влияние на немецкую социологию, но, помимо прочего, страдала от того, что первостепенное внимание в ней было обращено на науки о культуре, а не на саму культуру.

Ни одна из этих посылок не получила эмпирического подтверждения. Скорее, они стали необходимыми элементами концепта общей «теории общества». Восхищение этой концепцией частично основывалось на — не только интеллектуальной — привлекательности генерализирующей науки, но и в значительной мере на надежде посредством подобной науки добиться «технического» контроля над ходом вещей. Поэтому данная концепция утвердилась в первую очередь в странах, где общественное мнение, политические институты и национальные традиции были малознакомы с результатами наук о культуре, и потому там можно было громко призывать к созданию технической науки об обществе.

Таким образом, культура оказалась забытой социологией, основанной на определенных посылах. Если мы сегодня вновь задаемся вопросом о ее общественном значении, нам нужно заранее отказаться от этих замалчиваемых посылок. Наша натуралистическая аксиома о том, что общества являются четко очерченными и непосредственно наблюдаемыми образованиями, — это лишь результат привычки к понятию, получившему свое сегодняшнее значение в ходе долгой концептуальной проработки и прежде всего общественной популяризации. Долгое время «культура» считалась четким и устойчивым понятием, а общество — размытым и неопределенным. Но этих двух предметов мы не встречаем в нашем собственном опыте. Все, что мы можем наблюдать, — это бесконечные конкретные и индивидуальные действия и их продукты, которые как таковые не являются ни «социальными», ни «культурными». Лишь когда мы отбираем и упорядочиваем явления по определенным аспектам, мы получаем эти понятия, которые не обозначают никаких познаваемых в опыте предметов, а лишь конструируют предполагаемые взаимосвязи. Одно дело — логическое образование понятий, а другое — их фактическое использование. Лишь попадая в обиход, они начинают направлять наше восприятие явлений. Таким образом, социологическое недоверие к понятию культуры связано с его недостаточной проработанностью из-за отсутствия интереса. Мы не сможем выйти из данного положения с помощью поспешных дефиниций и комментариев. Нам нужно вновь осознать те факты, которые должно отражать понятие культуры.

2. Понятие культуры: его корни и структура

Все многообразие значений слова «культура» возникает из одного общего корня, а именно из своеобразия человека как культурного существа. К сожалению, социальные науки предпочли классифицировать человека как «социальное существо», хотя это свойство он разделяет с большинством животных, от которых человек отличается способностью связывать с собственным действием субъективный смысл⁵. Животные просто реагируют на внутренние или внешние раздражители, тогда как человек действует на основании своей уникальной способности (и необ-

5. Это та перспектива, в которой Макс Вебер развивал свою понимающую социологию в ответ на науку об «объективных» социальных фактах. См.: Weber, 1968: 4.

ходимости) противостоять действительности с помощью осмысленного действия. Для человека действительность представляется не скоплением ощущений, а миром объектов со смыслом и значением. Вариативность человеческого действия основана на его способности созидать мир значений, помимо чувственных ощущений. Поэтому наше действие является не специфически видовым, как у животных, а культурно обусловленным. Действительность оставалась бы для нас хаосом чувственных восприятий, если бы мы не умели наделять их смыслом и значением, поэтому факты, с которыми мы имеем дело, всегда уже содержат толкования. На этой необъяснимой способности основывается уникальность человека как культурного существа. Ведь культура — и это основное значение — охватывает все, что возникает в результат человеческого действия и потому обладает значением. Все наши действия и их продукты — как материальная культура, так и социальные, духовные и художественные явления — это явления культуры, поскольку они наделены значениями. И наоборот — все то, что обладает значением, относится к культуре. В отличие от социального поведения животных, человеческие общества, соответственно, также суть явления культуры. Наша социальность осуществляется лишь с помощью смыслов и значений и потому находит выражение в историческом многообразии различных обществ и культур.

С таким широким понятием культуры, исключающим лишь чистую природу, и работала социальная мысль XIX века, как это демонстрирует знаменитое определение, которым Э. Б. Тэйлор открывает свой влиятельный труд «Первобытная культура» (1871). Не он один выступал с предложением создать для каждой культуры инвентаризационную опись всех ее «элементов», что оказалось практически невозможным уже из-за одного только количества подобных «элементов». Более поздние попытки выявить, по крайней мере, характерные «черты», «образцы» и «конфигурации» определенной культуры оказались полезными в лучшем случае применительно к простым обществам. Однако невозможно и бессмысленно делать предметом эмпирического исследования культуру в широком смысле слова, поэтому науки о культуре разделили эту задачу между собой. Таким образом, в своем широком значении это понятие не дает социологии никакого надежного инструмента, однако оно остается необходимой предпосылкой для правильного понимания общественных явлений и не может быть заменено плоской формулой «человек = социальное существо» или вводящим в заблуждение представлением о том, что общества в качестве самостоятельных объектов существуют до или вне культуры. Четкое понимание культуры как результата своеобразия человека как культурного существа защищает от искушения объяснить общественные явления с помощью натуралистических посылок бихевиоризма, биологии, «базовых потребностей», «естественных интересов» или теории приспособления. Поэтому широкое понятие культуры остается необходимой предпосылкой любой осмысленной социологической работы⁶.

6. Все эти подходы упускают из вида тот фундаментальный факт, что общества являются комплексными сетями осмысленных действий. Уже исходя из того что человеческие действия частично

Из базового значения этого понятия вполне логически вытекают различные особые случаи. В первую очередь всякая культура существует лишь в определенном обществе, так что хотя человек в целом и является творцом всякой культуры, однако конкретно он является творением специфической культуры, передаваемой от поколения к поколению. Ведь как культура не может существовать без общества, так и общество не может существовать без культуры. Скорее, с помощью этих двух понятий мы затрагиваем различные аспекты одних и тех же явлений, нежели реально разделенные сферы. Если мы называем определенные феномены «социальными» или «культурными», то этим выражается наш интерес к чертам, которые мы хотим выделить. В принципе, сами явления целостны и могут в одинаковой мере пониматься и классифицироваться нами как с «культурной», так и с «социальной» точки зрения⁷.

Именно потому данные понятия могли взаимно заменять друг друга, а долгое время вообще говорили скорее о «культурах», нежели об «обществах». Это могло приводить к недооценке социальных аспектов действительности, но с другой стороны, внимание обращалось на то, что все общества имеют свою культуру и потому не могут рассматриваться в качестве образцовых представителей человеческого рода. Лишь с исключением понятия культуры смогло утвердиться ошибочное представление о том, что общества являются самодостаточными социальными системами. Уже ради того, чтобы избежать веры в детерминистскую силу социальных моментов, нам необходимо сохранять понятие культуры, напоминающее о культурной обусловленности и исторической уникальности любых социальных явлений. Пока мы можем назвать общества еще и культурами, мы понимаем, что имеем дело с нашими конструктами, а не с самими сущностями действительности. В таком случае «культура» обозначает общество в тотальности его конкретной культуры. Однако насколько сложно охватить все общество в его тотальности — и потому приходится ограничивать понятие определенными социальными явлениями, рассматриваемыми в качестве важных, настолько же сложно постигнуть индивидуальные культуры в их тотальности — и потому приходится это понятие также разделять на его сущностные элементы. Так поступают науки о культуре; так же необходимо поступать и социологии.

Это можно делать с разных точек зрения — в зависимости от постановки вопроса. Некоторое время придерживались различия материальной и нематери-

детерминированы природными факторами, акторы должны делать собственные осмысленные выводы применительно к своим собственным действиям. Это справедливо и для непредвиденных последствий социальных действий, в которые акторы регулярно вовлекаются. Они должны постоянно решать, как им реагировать на эти последствия.

7. Легитимное право — и даже конститутивное условие — любой науки заключается в критической проверке фактов в определенной перспективе, восходящей к ее доминирующему интересу. Но каждая наука должна осознавать границы собственной частной перспективы. Социальная наука должна подробнее изучать социальные аспекты фактов, но не переходить к априорному утверждению о том, что факты можно объяснить через их социальные аспекты. Потому любая социальная наука должна в принципе отдавать себе отчет в значимости культуры.

альной культуры, хотя они неразрывно связаны друг с другом. Но базовая идея, лежащая в основе современного понятия культуры, с самого начала была направлена на установление тех идей, значений и ценностей, которые в качестве основных характерных образцов лежали в основе общественных явлений, поскольку разделялись членами данного общества. В основании современного понятия культуры изначально в качестве само собой разумеющегося находилось представление именно о «репрезентативной культуре», так что это прилагательное вообще было избыточно. Но сегодня, чтобы вновь понять культуру в ее общественном значении, нам нужно использовать это прилагательное. Если остальные науки о культуре могут рассматривать культурные явления с других точек зрения, то социальная наука может заниматься только репрезентативной культурой, т. е. теми элементами, которые обладают непосредственным общественным значением.

3. Репрезентативная культура

Культура является социальным фактом, так как она репрезентативна, т. е. производит идеи, значения и ценности, которые действительны в силу их фактического признания. Она охватывает те убеждения, представления, картины мира, идеи и идеологии, которые влияют на социальное действие, так как активно разделяются или пассивно принимаются. Другие науки о культуре могут изучать явления культуры ради них самих, особо не задаваясь вопросом об их общественном значении и влиянии. Но в случае социальных наук речь идет именно об изучении культуры в ее общественном значении и потому — в ее репрезентативных качествах. Ведь социология, за исключением явного натурализма, и так всегда учитывала репрезентативную культуру. Еще Дюркгейм пытался учитывать это с помощью «коллективных представлений» (*«représentations collectives»*), а Парсонс — с помощью конструкта нормативной сферы поверх ролей и позиций. Но уже они оба стремились представить репрезентативную культуру как анонимный продукт общественных отношений и тем самым исключить ее как самостоятельную общественную величину. Чтобы обеспечить «обществу» полную самостоятельность — или, по крайней мере, сплошное доминирование — культура не должна была быть непредсказуемой силой, производящей репрезентативные значения и осуществляющей общественное влияние по собственной логике. Структурная теория также не в последнюю очередь была попыткой приручения культуры, когда социализация сведена к обучению социальным ролям, нормам и ценностям, наряду с некоторыми отклонениями. Даже те немногие стандартные формулы культуры, что иногда еще используются социологами, звучат выхолощено. Те, кто использует культуру лишь в значении «традиции» и трансляции, тем самым лишают ее продуктивности и воображения. Даже формула «совместная культура» только мешает поставить вопрос о том, как эта общность возникла, и то же самое касается «символического кода». Во всех этих формулах культура анонимно висит над обществом как статичный непостижимый туман, о возникновении и собственной силе которого

не спрашивают. Так социальными науками была утрачена старая идея репрезентативной культуры как потенциально творческой и непредсказуемой общественной силы⁸. Поэтому прежде всего необходимо вновь вспомнить об этом представлении и его основополагающих фактах. При этом в первую очередь я буду затрагивать досовременные культуры.

Следует начать с того, что наука о «социальных фактах» остается сомнительной, если забывает о том, что человеческое действие не идентично с видимым поведением и, следовательно, общество не идентично с «объективными социальными фактами», лишёнными значения. Этот вывод «понимающей социологии» ставит вопрос о том, как возникают значения, конституирующие социальное действие. Как постоянно подчеркивает Макс Вебер, всякое социальное действие ориентировано на объекты и ситуации таким образом, как их воспринимают действующие люди. Но при этом даже в простейшем случае речь идет не о безбрежном разнообразии чувственных фактов, но уже всегда об их истолковании. Ведь это истолкование является не капризом спекулятивного разума, а базовым условием любого действия, поскольку это основополагающее состояние человека как культурного существа⁹. Это нуждается в пояснении.

Необходимо освободиться от естественного обыденного представления о том, что действительность дана нам как собрание отдельных фактов, которые мы просто отражаем в познании. Наоборот, действительность для нас — это всегда уже взаимосвязь объектов и ситуаций, незримо сформированная нами через выбор и переработку восприятий в наши представления о действительности, на которые может ориентироваться наше действие. Лишь в виде таких представлений чувственные данные, которые в противном случае оставались бы хаосом бессмысленных впечатлений, имеют значение для действия. Поэтому всякое действие основано на истолковании действительности, которое упорядочивает внутренние и внешние впечатления в систему референций и тем самым придает им значение. В этом плане мы всегда имеем дело с уже проинтерпретированной действительностью. Из практической необходимости действовать вырастает потребность связать между собой внутренние и внешние восприятия, т. е. полностью упорядочить

8. Это произошло в этнологии, когда социальная антропология вытеснила культурную антропологию. За исключением немецкой традиции, и особенно Г. Зиммеля и М. Вебера, социология (как «наука об обществе») никогда не занималась каким-либо пониманием и исследованием культуры. Для такой работы требовались исследователи с европейской традицией, которые отваживались бы на такие исследования, как, например, Питирим Сорокин («Социальная и культурная динамика» и «Общество, культура и личность») и Флориан Знанецкий («Науки о культуре»). Но они остались редкими исключениями, не оказавшими влияния на академическую социологию. Не обладала влиянием и книга Алвина Гоулднера «Enter Plato», хотя и была посвящена Роберту Мергону. Аналогичным образом попытки антропологов использовать понятие культуры, как в «Интерпретации культуры» Клиффорда Гирца, были почти не замечены социологией.

9. Здесь следует отослать читателя к характеристике человека как культурного существа и в целом к богатой литературе по этому вопросу в немецкой антропологической традиции, едва ли известной за рубежом. Хочу лишь зафиксировать, что «действительность» является не собранием фактов, но всегда суммой интерпретаций фактов, как это доказывает развитие детей. Для простоты я использую понятие «интерпретация действительности», хотя оно может вводить в заблуждение.

их. Ведь даже простое обращение с отдельными объектами должно опираться не на моментальные впечатления, а на устойчивые порядки вещей. Поэтому все культуры создают идеи о порядке в природе и обществе, о сущности человека и богов. При этом в интерпретацию действительности должны входить также аффективные, эмоциональные, оценочные и символические отношения действующих лиц к объектам и ситуациям.

По этим причинам люди с древности создавали культуру, выходящую за пределы практических техник существования и служебных институтов. Эта — как ее часто называют — «нематериальная культура» не добавилась как позднейшее приобретение к уже существующей «материальной» культуре; она изначально была такой же элементарной практической необходимостью для человека как действующего существа, как и материальная культура. Мифы, религия, поэзия, музыка, искусство и философия в их простейших формах — это универсальные культурные элементы, соответствующие практическим потребностям, а не только досужим спекуляциям. Вопреки сегодняшнему мнению, что «материальная культура» может существовать сама по себе, удовлетворяя общественные потребности, история доказывает нам, что никакое общество не может существовать без «нематериальной» культуры, или, как стоило бы говорить, без «идей» в языковой и символической форме¹⁰. Не стоит избегать этого выражения, хотя сегодня оно непопулярно и вызывает недоразумения. Пока нет лучшей замены — из-за недостаточной проработки понятия культуры, — именно это выражение указывает на характерную особенность подразумеваемых явлений. Универсальность и роль подобных «идей» настолько несомненны, что социальные науки больше не могут их игнорировать. Они ставят центральный вопрос: почему люди повсюду создали подобные представления, выходящие за рамки практических техник существования и полезных для жизни институтов. Ответ заключается именно в своеобразии человека как зависящего от действия культурного существа, которое может выявить свои практические потребности посредством истолкования действительности.

Отсюда возникает понимание репрезентативной культуры. Эта мысль, изначально лежавшая в основе понятия культуры, соотносится с основополагающими «идеями», которые внутри определенного общества воспринимаются или почитаются как справедливые, истинные и значимые. В прошлом они выражались в мифах, религии, картине мира, морали и подобных формах, сообщавших действующим людям об основополагающих порядках действительности. В этом смысле репрезентативная культура являлась практическим условием действия. Ведь действующие люди зависят от истолкования действительности, которые им предоставляет культура. Какими бы ни были их материальные и нематериальные интересы, с одной стороны, и социальные институты и контроль — с другой, их действия будут обусловлены основополагающей интерпретацией действительности. Ввиду ограниченности жизни и опыта индивиды никогда не смогут сами об-

10. «Идеи» — это традиционный концепт, в целом соотносящийся с символическими репрезентациями смысла и не ограниченный вербализованными учениями.

разовать представление о существующем окружающем порядке действительности, так что в своих действиях они зависят от интерпретации действительности, осуществляемой их культурой. Лишь там, где репрезентативная культура обеспечивает совместную интерпретацию действительности, социальное действие может приобрести силу и устойчивость. Ведь история также показывает, что общества могут существовать длительное время при условии, если они создают репрезентативную культуру.

Все это было хорошо известно ранее, но оказалось отодвинуто в сторону, когда социология возвела «общества» в самостоятельные объекты и потому рассматривала репрезентативные культурные элементы в качестве анонимных продуктов социальных сил и процессов. Не только Дюркгейм и Парсонс не оставляли места идеям, их собственной логике и динамике, элиминировав тем самым характерные особенности культуры, повсеместно наблюдаемые в истории. Укажем лишь на важнейшие моменты.

Прежде всего универсальность репрезентативных «идей», выходящих за рамки практических жизненных целей, указывает на исходное разделение труда в культуре, обнаруживаемое уже в простейших обществах. Люди разных талантов и склонностей всегда зависели от тех, кто мог дать фактам связное истолкование и таким образом придать значение действиям. Тем самым сплошное разделение труда в культуре указывает на социальную роль «интеллектуалов», от которых зависели уже самые простейшие общества. Интеллектуалам повсюду доверялась общественная задача по истолкованию порядков действительности, включая общественный порядок, который может существовать длительное время лишь при наличии общего понимания. Это и было заботой «интеллектуалов», которые могли эффективно претендовать на высшее знание. Таким авторитетом обладали старейшины, мудрецы, обожествляемые цари, маги и жрецы, которые при этом полностью опирались на свою собственную репутацию или на политическую поддержку.

А еще важнее то, что продукты репрезентативной культуры возникают посредством индивидуальных творений, хотя часто — серии малых шагов. Это наблюдается повсюду, где мы имеем письменные свидетельства. Даже простые общества подтверждают значимость индивидуального вклада «интеллектуалов». Нигде такие общества не состоят лишь из структурных отношений, социального взаимодействия и общих ценностей. Они всегда рефлексируют о себе в сложных картинах мира, повествующих о происхождении и порядке в космосе, обществе, культуре и морали, о силах природы и природе человека. Культы и ритуалы связывают живых с мертвыми, символически представляют смысл существования и выражают непостижимые чувства и эмоции. Лишь немногие элементы этой репрезентативной культуры могут быть анонимным продуктом социального взаимодействия, как это становится ясно при ближайшем рассмотрении. Даже общие обычаи и ценности, которые могут возникать таким путем, нигде не существуют сами по себе, но связаны с когнитивными, религиозными, моральными, экспрессивными и эмоци-

ональными идеями репрезентативной культуры, поддерживаемыми лишь интеллектуалами, и сначала должны быть созданы ими. Да и в тех случаях, когда репрезентативные культурные образцы кажутся неизменными в течение длительного времени, невозможно пройти мимо вопроса о том, как они когда-то возникли. Так как речь всегда идет об истолковании действительности, они не могут возникнуть ни посредством имеющихся структур, ни по приказанию. Даже если это играло важную роль, все же они не могут одного: порождать идеи, без которых невозможно истолкование действительности.

Все это имеет крайне важную обратную сторону. Поскольку репрезентативная культура посредством языка или символов выражается в идеях, которые истолковывают всегда многозначные факты, она обладает потенциальной свободой относительно реальных отношений. Поскольку идеи должны добавляться к отношениям, чтобы выявить их смысл и значение, они основываются на силе погружения в интеллектуальное или художественное истолкование фактов, которое может простирается от невидимого вклада до значительных усилий. Поэтому репрезентативная культура, сколь бы упорно она ни сохранялась во многих случаях, в принципе обладает большей неустойчивостью, чем реальные отношения, остающиеся привязанными к твердым данностям. Именно из-за того, что идеи восходят к индивидуальным интеллектуальным достижениям, они в качестве истолкований фактов в любой момент могут быть принципиально поставлены под вопрос посредством новых истолкований. Поэтому сохранение репрезентативной культуры повсюду зависит от непрерывной работы интеллектуалов, которые в качестве культурных авторитетов общества отвечают за его репрезентативные культурные элементы, но при этом могут частично сами переинтерпретировать их, а частично должны считаться с подобными переинтерпретациями, сделанными другими. Даже в культурах, долгое время сохранявшихся неизменными — или, по крайней мере, утверждавших о себе подобное, — в силу замкнутости и жестких условий существования мы все же должны быть готовы к появлению подобных новых истолкований, даже если в данных обстоятельствах они не могли оказывать устойчивого воздействия на реальные жизненные формы. Подобную продолжительность репрезентативная культура достигла в таких замкнутых государствах, как Китай или Египет, где правителям удалось, успешно мотивировав интеллектуалов, постоянно сохранять репрезентативную культуру. В противном случае следует исходить из того, что репрезентативная культура, интерпретирующая действительность посредством идей, несмотря на заботу о сохранении со стороны культурных авторитетов, потенциально остается хрупким образованием, так как идеи по своей природе не могут обладать такой же устойчивостью (и часто мощным воздействием), как практические техники жизни. С другой стороны, ввиду этой меньшей привязанности к реальным жизненным отношениям идеи могут легко заменяться и при определенных обстоятельствах даже преобразовывать сами жизненные отношения.

Наукам о культуре, возникшим в прошлом веке, все это было более или менее известно. Хотя они вряд ли занимались прояснением понятий, ими была основательно изучена роль репрезентативной культуры и культурной интеллигенции в письменных и даже (с помощью археологии и этнологии) дописьменных культурах. Так, Эдуард Мейер в своей знаменитой «Истории древности» (Meyer, 1978: 18) и Макс Вебер в соответствующих работах проследили роль идей и культурной интеллигенции вплоть до древних времен¹¹. Они понимали силу традиции, но так же хорошо представляли себе значение, неустойчивость и динамичность репрезентативной культуры, суть которой Якоб Буркхардт выразил формулой: «Дух — это смутьян» (Burckhardt, 1978: 8)¹². Все это в конечном счете коренится в понимании человека как культурного существа, действие которого обусловлено его представлениями о действительности и потому даже в простом обращении с реальностями зависит от истолкования их порядков, которое в принципе может осуществляться лишь «интеллектуалами» посредством индивидуального вклада. Сюда относятся не только великие и поразительные достижения мысли, остающиеся редкими исключениями. Речь, как правило, скорее идет о незаметных результатах и спонтанных идеях, которые часто посредством формулировки лишь придают силу и направление уже наличествующей готовности. При этом имеются в виду не только — а часто и не столько — схваченные в языке значения, сколько зашифрованные в образах и символах идеи. Но как бы незаметно и незримо ни возникали элементы репрезентативной культуры, это всегда происходит благодаря индивидуальным прозрениям, авторов которых обобщенно, в духе Макса Вебера, называют «интеллектуалами», а учитывая их социальную роль — «культурной интеллигенцией».

В этом смысле понятие культуры в целом напоминает социологии о роли «идей» и «интеллектуалов». Хотя сегодня это замкнутое понятие остро нуждается в концептуальном развитии, которое постоянно получало понятие общества, оно все еще обладает достаточно четким и важным базовым значением, если понимается согласно исходной интенции, т. е. как репрезентативная культура. Само собой разумеется, остается эмпирический вопрос: в какой мере определенное общество развило репрезентативную культуру? Как и эмпирический вопрос: в какой мере социальные явления образуют «общество» в социологическом смысле? С этой точки зрения в обоих случаях — и это касается всех характерных понятий социального знания — речь идет об идеально-типических понятиях. Во всяком случае, понятие репрезентативной культуры предохраняет социологию от ошибочного взгляда на культуру как статичную анонимную систему, дедуцируемую из общественных данностей. Оно сохраняет в обороте эмпирические данные наук о культуре, кото-

11. См. мою статью: Tenbruck, 1985: 150ff.; английская версия: Tenbruck, 1987: 234ff.

12. Для адекватной оценки этого изречения Буркхардта ср. его с общими замечаниями о культуре: «[Культура] непрерывно оказывает модифицирующее и разрушительное воздействие на эти оба стабильных жизненных учреждения — за исключением случаев, когда они становятся полностью полезными для нее и ограничиваются ее целями» (Burckhardt, 1978: 57).

рые показывают принадлежность к культуре динамики и борьбы идей, открывая тем самым для социологии путь к ее собственному изучению культуры, где предстоит решить следующие задачи: а) выявление репрезентативных элементов культуры, б) идентификацию их создателей и хранителей, в) обнаружение средств и путей их распространения и г) оценку их влияния на социальное действие.

Таким образом, социология может и должна исходить из концепта репрезентативной культуры как наследуемого набора основополагающих толкований действительности, которые разделяются или почитаются всеми, но не имеет права на этом останавливаться. Ведь этот набор не вырастает сам по себе из социальной жизни, не передается автоматически вместе с ней как явное благо и также не является анонимным продуктом символического кода или системы. Скорее, он возникает благодаря незаметно создаваемым интеллектуалами «идеям», которым удается прочно утвердиться. Возникнув как определенные толкования мира, они также могут незаметно изменяться или революционизироваться посредством новых идей. Говоря схематически, это может быть делом уже существующих культурных авторитетов, а может происходить из-за того, что успешно утверждаются новые идеи, выдвинутые другими. Репрезентативные элементы культуры образуются именно тогда, когда какие-либо «идеи» (в самом широком смысле этого понятия) находят отклик и приверженцев, и до тех пор пока не получают общего признания. В случае репрезентативной культуры речь идет именно о значимых общественных процессах. «Идеи» значимы для социальных наук как основания для возникновения новых образцов поведения и даже для образования групп последователей и общин сторонников. Поэтому репрезентативная культура не является статичным, постоянно всеми разделяемым или просто социально дифференцированным общим достоянием, в остальном — структурированным в самом себе, которое достаточно лишь передавать следующим поколениям. Напротив, она подвержена постоянным угрозам со стороны новых идей, которые, в случае широкого распространения, сами становятся репрезентативной культурой.

Таким образом, понятие репрезентативной культуры предохраняет социальные науки от ошибочного взгляда на «общества» как на «объективные социальные факты», так как напоминает, что всякое действие основано на представлении и истолковании фактов. Оно проясняет, что любые интересы формируются не из всегда запутанных фактов, а из их толкований, поэтому политические партии также в первую очередь должны внушать избирателям, что является их интересами. Это понятие предохраняет от ошибочного мнения, что «идеи» возникают анонимно и принудительно из социальных взаимодействий и отношений. Оно защищает от веры в то, что общественная действительность сводима к социальным регулярностям, и от заблуждения, что социология может стать технической наукой...

Это было необходимо сказать для понимания понятия культуры и его значения для социальных наук.

4. Парсонс и Вебер: к истории понятия культуры в социальных науках

Такое понятие культуры было привычным в XIX веке, его продуктивность известна благодаря успешной работе исторических наук о культуре, в которых, впрочем, мало заботились о понятийном прояснении собственного концепта. Тем более бросается в глаза, что в развитии социальных наук в разных странах культура играла разные роли. Следует помнить, что «культура» и «общество» возникли как ключевые понятия нового социального словаря и потому в разных исторических и общественных контекстах находили разную поддержку, что, в свою очередь, отразилось в положении и развитости обеих групп дисциплин. В одних национальных и академических традициях социология развивалась на фундаменте признанных наук с уже устоявшимся фондом эмпирических знаний, а в других она начинала как размытая программа еще только создаваемой дисциплины.

Этими причинами объясняется то, что американская социология строилась не на богатом эмпирическом материале наук о культуре. Это касается даже Парсонса, который заимствовал понятие культуры не у наук о культуре. Его понимание культуры еще более интересно тем, что он, отказываясь от всякого бихевиоризма, вполне придерживался идеи существования культуры и прямо определял себя «скорее как культурного, чем социального детерминиста» (Parsons, 1966: 113). Правда, он хотел быть «детерминистом», поскольку верил в «социальную систему», и потому сводил культуру к социальному механизму производства ценностей. Вырванные из целостности культуры нормы и ценности стали надежными строительными блоками для социальной системы, в которой уже не нашлось места культуре как самостоятельной продуктивной силе.

Такое прирученное понятие культуры Парсонс перенял не у наук о культуре, а у культурной антропологии, обладавшей в то время в США большим влиянием и доверием, чем еще не воспринимавшаяся всерьез социология. Адаптированный к исследованиям примитивных обществ, которые якобы передавали прочную систему значений, этот концепт был таким же аисторичным, как и понятие культуры у Парсонса. Довольствовались существованием «культурных паттернов», не задаваясь вопросом об их происхождении. В результате «culture patterns» превратились в анонимный продукт социального взаимодействия. Да и самого Парсонса интересовало функционирование, а не возникновение «социальной системы», существование которой являлось для него само собой разумеющимся. «Крестными отцами» при этом выступили влиятельные в то время культурные антропологи, среди которых были Рут Бенедикт и Маргарет Мид, объявившие «patterns of culture» системами ценностей. В 1952 году ведущие культурные антропологи А. Л. Кребер и К. Клакхон начали свою книгу о культуре с утверждения: «Идея культуры в техническом антропологическом смысле является одним из ключевых понятий современной американской мысли» (Kroeber, Kluckhohn, 1952: 3). Клакхон входил в группу ученых, дискуссии которых привели в 1952 году к изданию в Гарварде книги «К общей теории действия», для которой он сам подготовил главу «Ценности

и ценностные ориентации в теории действия». Именно оттуда Парсонс позаимствовал для своей работы «Социальная система» (1951) аисторический и статичный концепт культуры, разработанный для примитивных обществ. Огромному успеху этой книги способствовал семинар в Гарварде, в рамках которого группа уважаемых ученых (некоторые из них вели крупные исследования проблем национального уровня) публично подтвердила то, что до того вряд ли всерьез воспринимавшаяся социология теперь стала зрелой наукой, способной обеспечить мировую державу техническими инструментами для глобального планирования общественного развития. Лишь коллективное поручительство социальных наук позволило тогда социологии в США приобрести — достаточно поздно и неожиданно — публичное признание и вес как ключевой науки, которую нужно было немедленно экспортировать по всему миру. Будущие историки науки еще выяснят, насколько сильно это развитие американской социологии зависело от внутреннего и внешнего политического положения мировой державы. Цепь случаев, обстоятельств и ситуаций привели к тому, что социология пожертвовала остатками своего понимания культуры в пользу концепта общей науки об обществе¹³.

Парсонс строил свою социологию согласно предшествующему концепту, который в качестве самоочевидного одновременно предполагал как объективную предсказуемость общества, так и техническую применимость социологии, не учитывая при этом культуры. Однако и так всегда было ясно, насколько глубоко работа социологии определяется соответствующими предпосылками и, следовательно, базовыми знаниями о «культуре» и «обществе», из которых она исходит. Не случайно социологи, знакомые с историческими разработками наук о культуре, учитывали культуру и потому не стремились к технически применимой социологии и даже по возможности избегали понятия «общество», поскольку оно загоняет конкретную действительность в ловушку родового объекта. Макс Вебер крайне реалистически учитывал условия, нужды и интересы действующего человека и знал, что из социального действия могут анонимно возникать новые социальные процессы и установки. Но он никогда не терял из виду роль «идей» и «интеллектуалов», так как был хорошо знаком с достижениями наук о культуре. Его крупные работы по социологии религии начинаются с оценки революционного значения новых идей, которые создали Лютер и Кальвин. Когда Луйо Brentano назвал эти «идеи» простым аккомпанементом к реальным жизненным отношениям, Вебер ответил ему столь же кратко, сколь и поучительно: «Тем более удивительно, что отдельные исследователи верят, что такое новаторство может проходить бесследно для человеческого действия. Я признаю, что не могу понять этого» (Weber, 1972: 72). При ближайшем рассмотрении веберовская социология политики, несмотря на изучение реальных отношений, также питается вопросом о том, какими «идеями» и какими «интеллектуалами» интерпретируются эти отношения, т. е. какие «картины мира» здесь задействованы.

13. Один из редких комментариев по поводу влияния политических условий на трансформацию американской социологии см.: Casanova, 1979.

У Парсонса не было чувствительности ко всему этому. Его очень обстоятельное изучение сочинений Вебера завершилось, как теперь известно, рядом заблуждений, вытекающих не из случайных ошибок, а из предшествующих базовых посылок, с которыми он приступил к работе. Не зная реальных достижений наук о культуре, он начал с концепта, в котором общество понималось как система, с целью разработки социологии как технической науки по управлению обществом. Тем не менее Парсонсу можно лишь условно поставить в вину эти ложные толкования, поскольку, как было показано, он позаимствовал свои послышки из запасов американских социальных наук. В сущности, его концепт науки лишь развил распространенные там убеждения; свое понятие культуры он заимствовал у американской этнологии. Заблуждения Парсонса совпадали с традициями и глубинными предпосылками американских социальных наук и потому не были обнаружены ими в течение десятилетий.

Эти случаи показывают, что работа социологии глубоко обусловлена не просто соответствующими фактами и аргументами, но имеющимися базовыми послышками относительно «общества» и «культуры». Понимание культуры как важного социального факта было утеряно социологией по мере ее превращения в самостоятельную науку, в итоге она перестала учитывать результаты исторических наук о культуре. Необходимое концептуальное уточнение социологического понятия культуры как репрезентативной культуры без обращения к историческим данным наук о культуре остается голой терминологией.

5. Современная культура: новый тип

Применимость понятия репрезентативной культуры к досовременным обществам убедительно доказана в работах наук о культуре и этнологии, однако оно кажется неприменимым к современному обществу, секулярный плюрализм которого отвергает любой культурный авторитет.

Однако здесь следует учесть, что «культурный авторитет» — это категория наблюдателя, но не обязательно действующего человека. Довольно часто такой авторитет основан на субъективной убежденности акторов в том, что они, с одной стороны, распространяют объективную истину, а с другой — воспринимают ее так, что хотя авторитет и присутствует, но его не замечают. Поэтому субъективное мнение о неподверженности авторитетам не обязательно исключает их существования и сегодня.

Нет сомнений в том, что современная культура возникла посредством радикальных трансформаций, когда в XVIII веке началось свержение прошлых авторитетов. В качестве принципиально секулярной культуры она больше не знает последней инстанции интеллектуального авторитета, оставляя право принятия окончательных решений науке, когда речь идет о фактах, и индивидуальной совести или усмотрению, когда дело касается морали и религии. Современная культура является совершенно новым типом культуры. Она освободилась от религиозных и

политических авторитетов и в условиях этой автономии наращивает продуктивность и динамику, предлагая все новые истолкования действительности, хотя в основном в определенных ее сферах и областях. Растущее число «интеллектуалов» свидетельствует о том, что все новые области действительности тем или иным образом получают культурное толкование и потому постоянно зависят от культурной работы. Познанная действительность получает все новые предложения по интерпретации и производит все новые потребности в ней. При этом динамика встроена в автономную культуру, поскольку все ее продукты опять-таки становятся предметом новых толкований, так что изменение стало ее законом. Одновременно она увеличивает разнообразие, частично — посредством собственной дифференциации и специализации, частично — благодаря разнообразию конкурирующих предложений, которые оставляют свободу выбора публике и даже производят множество особых публик. Все это еще более усиливается современными массмедиа, предоставляющими каждому возможность свободного выбора из неограниченного, а часто даже принудительного предложения. При этом множественность мнений и убеждений соединяется с множественностью стилей жизни и поведения в сплошной плюрализм, исключая любой мысль о репрезентативной культуре.

При этом нельзя упускать из виду, что речь идет о новом типе культуры, пробившем себе дорогу в XVIII веке, что хорошо описано в исследованиях по истории духа. Каким бы продолжительным ни было при этом влияние идей Просвещения и Французской революции, социология должна и дальше задумываться о законах устройства современной культуры, не ограничиваясь генезисом «буржуазного общества», которое, как считается, не создало своей собственной «буржуазной культуры», а само возникло лишь благодаря и одновременно с буржуазной культурой. Как я показал в другой работе, в основе буржуазного общества лежит культурное обобществление (*Vergesellschaftung*), т. е. свободное согласие людей не только относительно практических проблем, но и относительно основополагающего понимания совместной жизни¹⁴. Заметно, как идеи приобретают новую актуальность в процессе культурного обобществления, поскольку теперь они стали условием для свободного согласия и обобществления. На этом основывается новое для общества значение автономной культуры, приводящее именно к тому — ограничимся здесь только этим, — что теперь толкование действительности предоставлено свободной игре «предложения» со стороны «интеллектуалов» и «спроса» со стороны публики, при сохранении некоего особого положения у «фактических наук». Отсюда возник тот плюрализм, что, как кажется, уже не обладает никакой репрезентативной культурой. Но и это лишь видимость. Автономная, секулярная, современная культура породила свой собственный тип репрезентативности и, подобно досовременным культурам, только с большим трудом может обнаруживать свои культурные авторитеты.

14. См. мою книгу: Tenbruck, 1989, особенно введение и главу 4. Краткий анализ представлен в статье: Tenbruck, 1986: 263ff.

Термин «плюрализм» уже вышел на передний план, поскольку пытается придать значение неоспоримым фактам. В частности, он внушает нам, что наблюдаемое множество мнений и убеждений подтверждает самостоятельность индивидуальных воззрений и тем самым отсутствие любых культурных авторитетов и репрезентативной культуры. Здесь сокрыта принципиальная посылка о нормальности плюрализма, когда-то с трудом подавлявшегося посредством социального принуждения. Как «естественное» состояние плюрализм не нуждается в дальнейшем объяснении, ведь он сразу проявляется при устранении принуждения.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что этот плюрализм означает не столько изначальную диспозицию акторов, сколько их постоянное столкновение с множественностью интерпретаций действительности, простирающихся от новостей о фактах до истолкования мира и жизни. Это не объясняется ни анонимными социальными процессами, ни естественными интересами социальных групп. Как показывает вся история, плюрализм наступает не тогда, когда изменяются социальные условия, а лишь когда хлынут «идеи». При всем отдельном недовольстве принципиальные различия возникают лишь тогда, когда их выражают «интеллектуалы», и потому сначала они охватывают соответствующие образованные слои и их публику. Так объясняется знаменитая «буржуазность» рабочих или консервативный традиционализм низших слоев в целом. Требования свобод в эпоху Просвещения тоже не были анонимным результатом реальных ситуаций и интересов; сначала они должны были быть сформулированы, легитимированы и распространены «интеллектуалами». Они стали возможными лишь благодаря тому, что истолкование реального положения выходит далеко за рамки представительства конкретных интересов. Даже одновременная ликвидация социального принуждения набирала силу лишь после провозглашения интеллектуалами идей индивидуальной свободы и нового общества. Без их «идей» конкретные ситуации и интересы никогда не породили бы образ новой общности людей, возникающей на основе свободного согласия акторов. Эти новые идеи свободы сразу же потребовали дальнейших инструкций о возможностях и правильности использования свободы, т. е. опять же работы «интеллектуалов».

На протяжении всей истории мы постоянно видим, насколько анонимные подходы и готовность к новому поведению остаются ограниченными и недолговечными, пока не будут преобразованы «интеллектуалами» в «идеи». Как в большом, так и в малом плюральность мнений, убеждений и стилей жизни формируется лишь в той мере, в какой существует множественная интерпретация действительности. Именно сегодняшний плюрализм был бы невозможен без особой автономии, продуктивности и динамики современной культуры, непрерывно изобретающей, выявляющей, предлагающей и пропагандирующей новые интерпретации и возможности жизни. Таким образом, этот плюрализм есть прежде всего результат постоянного роста производства и распространения «идей», который при ограничении этого предложения сократился бы до обычных объемов. Как специфическое явление современного общества он является специфическим продуктом

современной культуры, подтверждая то, насколько, с одной стороны, интеллектуалы влияют на интерпретацию действительности акторами (и тем самым на их действия), а с другой стороны, насколько акторы зависят от интерпретации действительности со стороны интеллектуалов. Короче говоря, сегодняшний плюрализм не является, как обычно принято считать, результатом естественного многообразия индивидуальных способов поведения, ранее подавляемого посредством социального принуждения и навязанных догм, как и просто результатом социальной дифференциации. Скорее, он возник вместе с длительной работой современной индустрии образования и культуры, с увеличением числа профессиональной культурной интеллигенции и ее постоянным присутствием в массмедиа, а также посредством постоянной «идейной работы» политических партий и иных групп. Он еще больше усилился в процессе международного взаимодействия. Он должен постоянно поддерживаться посредством работы интеллектуалов, предлагающих толкования и варианты существования для разных областей жизни¹⁵. Таким образом, сам плюрализм — это опосредованное явление, в котором находит свое подтверждение зависимость социального действия от истолкования действительности со стороны «интеллектуалов», этих мастеров слова, образа и звука.

Понимание этого открывает глаза на то, что этот плюрализм не является просто фактом, а сам содержит в себе идеологию, наделенную собственным принуждением. Поскольку он в целом считается доказательством реализации индивидуальной свободы, он стал легитимным принципом современного общества и тем самым всеобщим императивом. От каждого человека, помимо принципиального признания плюрализма, ожидается активное участие в его практиках, проявляющееся в поддержке новых истолкований и возможностей существования. При этом новые мнения, убеждения и стили жизни требуют для себя не только права на существование, но и публичного признания собственной ценности.

В любом случае для отстаивания своей собственной позиции каждый должен обратиться к каким-либо образцам и предложениям, которые посредством работы культуры попадают в публичное пространство. Поэтому множество предлагаемых, возможных и используемых мнений, убеждений и стилей жизни кажется безграничным, но по факту обставлено табу и санкциями, на которых заканчивается плюрализм. Как всегда и везде, в плюрализме также есть вещи, которые просто не называются вслух, не делаются и вряд ли мыслятся, поскольку затрагивают идеи, которые эпоха охраняет как свою святую веру. Сюда же относится обязательный культ массовой и партийной демократии, в чьих полупустых лозунгах свободы и прав человека не разрешается сомневаться, как и в исторических образах прошлого и будущего, которые он диктует. Даже сегодня памятники и мемориалы, то, как их сносят или возводят, прямо указывают нам, какие идеи времени священны и где каждый современник во избежание общественного порицания должен, по крайней мере, молчать, преклоняться и выражать почтение, если не клясться, и

15. См. мою книгу: Tenbruck, 1989: гл. 2.

чаще всего — добровольно. Однако в таком публичном поведении воплощаются не исходные убеждения и опыт, а идеи, навязанные людям как значимые и высокие толкования существования и потому обставленные нерушимыми табу. Каким бы запутанным ни был современный плюрализм, он свидетельствует именно о силе и распространенности идей, повсеместно поддерживающих его. При ближайшем рассмотрении этот плюрализм также демонстрирует нормативные черты репрезентативной культуры, которые порождают обязательные интерпретации действительности. Форма и содержание изменились в эпоху модерна. Репрезентативные представления культуры производятся не определенными авторами, а чаще всего в полупрозрачной сети культурной работы, как бы анонимно, но они редко становятся жесткими догмами и учениями, вполне допускают варианты, являясь при этом обязательными. Культурные авторитеты нелегко распознаются в эпоху массмедиа и социальной мобилизации. Тем не менее и современное общество порождает собственный тип репрезентативной культуры, основанный на работе интеллектуалов, поэтому для анализа современного общества социология и сегодня нуждается в идее репрезентативной культуры.

6. Культура и повседневная культура

В течение продолжительного времени разные научные направления стремятся заняться «повседневной культурой», что встречает все большее одобрение. Эта реакция на объективистскую социологию, редуцирующую общественную действительность к искусственным конструктам, усложненным абстракциям и агрегированным данным, не принимающую во внимание проживаемую и переживаемую социальную действительность, понятна и оправдана. Столь же полезным оказался концепт «жизненного мира», который вновь представляет нам действующего человека, а не просто исполнителя ролей, и тем самым напоминает о человеке как культурном существе.

Тем не менее невозможно не заметить границ использования этих новых концептов, плохо подходящих для понимания институтов. Укажем здесь лишь на то, что «повседневная культура» — если останемся на ее уровне — вновь повторяет ошибки социального детерминизма, упуская из виду роль «интеллектуалов». Как у Парсонса структура взаимодействия производит совместные ценности, так и повседневная культура должна порождать новые формы жизни и ее понимание. Не обязательно полностью отрицать эти анонимные процессы, чтобы утверждать, что они приобретают силу лишь там, где происходит культурная работа. Жизненный мир и повседневная культура не конституируются свободно в наших социальных отношениях. То, что мы переживаем как наш жизненный мир, уже пронизано репрезентативными интерпретациями действительности, задающими рамку для наших целей и потребностей, понятий и образов, мнений и убеждений. Жизненный мир исходно основан на репрезентативной культуре. Из реальных жизненных отношений медленно и анонимно могут вырастать новые потребности и ориен-

тации. Но такие коллективные диспозиции приобретают силу, направленность и устойчивость лишь тогда, когда они эксплицитно артикулированы, т. е. выражены «интеллектуалами» в слове, образе или звуке. Часто новые потребности и ориентации исходно пропагандируются интеллектуалами и лишь кажутся анонимными продуктами социальной интеракции. Новым концептам угрожает опасность по-своему повторить прежние послышки социологии, будто изменение ценностей и аналогичные процессы возникают из среднестатистической реакции акторов на их жизненные ситуации и из их социального обмена. Напротив, всегда видно, что заметные и действенные трансформации восходят к движениям, успешно воплощающим в жизнь новые обобществления во имя каких-либо «идей». Мы упускаем из виду, что новые формы жизни, ориентации и ценности в большинстве случаев порождаются социальными группами, образовавшимися на основе идей, произведенных репрезентативной культурой или пропагандируемых вопреки ей другими «интеллектуалами». При наличии поддержки они сами становятся репрезентативной культурой. Контркультуры протестных, коммунитарных и маргинальных движений в 1960-е годы дали жизнь сплетениям групп и объединений, образовавшихся во имя новых идей, созданных и распространяемых интеллектуалами. Аналогичная ситуация и с альтернативными и постмодернистскими движениями, последовавшими за ними. Повсюду реальные ситуации и латентные тенденции не создают сами по себе новые формы жизни, ориентации и ценности. Скорее, те утверждаются сначала в новых группах и движениях, представляющих новые обобществления во имя новых идей.

Всем этим подтверждается созидательная сторона культуры и особенно ее модерновая динамика. Все новые социальные изменения и движения возникают из-за того, что индивиды вне до сих пор действующей репрезентативной культуры создают, распространяют и перенимают новые идеи. Однако часто эти новшества являются лишь прямыми или косвенными следствиями интерпретаций действительности, ранее произведенных репрезентативной культурой. В любом случае протестные движения в значительной степени лишь сделали выводы из политического просвещения, донесенного до этого поколения системой воспитания и распространенного через массмедиа. Здесь опять проявляется то, что без понимания культуры мы постоянно недооцениваем последствия, которые все еще влечет за собой политика в области культуры и образования как производитель интерпретаций ситуаций и жизни. Так что в этом смысле представление об анонимном, коллективном и неизбежном процессе ценностной трансформации является концептом, исходно освобождающим политику от всякой ответственности.

Это расплата за то, что социальная наука придерживается представления о том, что социальные факты должны объясняться социальными фактами. Если культуру отодвигают в сторону, то уже невозможно понять, какую роль «интеллектуалы» и «идеи» играют при возникновении социальных движений, ценностей и трансформаций. Поэтому нужно различать то, что действительно возникает в результате коллективного взаимодействия, а что возникает лишь благодаря культурной

работе интеллектуалов и идей. Вместо простого наблюдения за взаимодействием и коллективными феноменами нам нужно искать их причины в динамическом конституировании и реконституировании репрезентативной культуры, выявлять источники и пути распространения ключевых идей. Однако концепты жизненного мира и повседневной культуры служат, скорее, старой вере в то, что мнения, убеждения, ценности и стили жизни возникают из анонимного социального взаимодействия. Таким образом, эти понятия не представляют собой достойной альтернативы социологическому пониманию культуры, которое не может обойтись без идеи репрезентативной культуры.

7. Значение понятия культуры для социологии

«Культура» и «общество» были новыми понятиями, с помощью которых Модерн попытался дать реалистическое описание совместной жизни людей и, следовательно, разработать соответствующие эмпирические науки; при этом долгое время отсутствовало строгое разделение «сфер» ответственности наук. Ведь социальные науки долго определяли себя как науки о культуре и использовали соответствующие достижения этих дисциплин. При этом они получали выгоду от двух главных преимуществ понятия культуры: 1) объяснение специфики человеческого, т. е. социального действия и человеческого понимания действительности, и 2) концентрация внимания на специфике и значении (репрезентативной) культуры как общественного явления.

Социальные науки по многим причинам утратили такое понятие культуры. С одной стороны, получила развитие натуралистическая концепция социологии, овеществившая «общество» как собственную «вещь» и стремившаяся создать завершенную «теорию» о ней. При этом понятие общества получило концептуальную проработку, тогда как понятие культуры осталось в своем сыром состоянии многозначности и без знакомства с наработками наук о культуре превратилось в пустую оболочку. Наряду с этим изменилась агрегация современной культуры, в результате чего концепт (репрезентативной) культуры выглядит как досовременная особенность «примитивных» обществ и ранних «высоких культур». Наконец, процессы глобализации стимулируют «мультикультурные» ситуации, ставящие под сомнение как видимую идентификацию отдельных культур, так и наблюдаемый в них самих «плюрализм».

В таком положении охотно отказались бы от понятия культуры, если бы ему существовала достойная замена. Но, как показывает бледность и ограниченность таких вариантов, как «символический код», «ментальность» или «повседневность», ее нет. Но также ясно, что социологическая теория лишь фиксирует феномены «глобализации» и «плюрализма», но не может разрабатывать их в смысле предсказуемого развития. Так что именно эти факты доводят мечту о завершенной «теории общества» до абсурда и тем самым неохотно подтверждают общественную значимость культуры. Именно здесь лежат причины нового интереса социальных

наук к «культуре», как и общественного интереса и политической воодушевленности ею. Чисто общественное истолкование и управление этими реальными ситуациями уже изжило себя как практически, так и теоретически. Однако с помощью реабилитации неопределенного понятия культуры столь же невозможно ответить на эти общественные запросы и политические ожидания, как и сохранить социологию как структурно-функциональную теорию.

Задача же эмпирической социальной науки состоит скорее в том, чтобы подвергнуть понятие культуры долго отсутствовавшей и именно потому необходимой концептуальной проработке ради использования его в содержательных эмпирических исследованиях. Речь идет в особенности о том, чтобы задать контуры понятию репрезентативной культуры, т. е. социологически и понятийно «разбавить» не совсем удачные понятия «идеи» и «интеллектуалы», что доставляло трудности уже Максус Веберу, так как эти термины сужали репрезентативную культуру до активности «образованных» риториков и толкователей внутри особой письменной элиты. Однако центральное значение социологического понятия культуры заключается в том, чтобы оживить фактическую силу различных «символических» содержаний и обобществлений. Если социология вновь обращается к культуре, то она не может редуцировать ее ни к повседневности субъективно переживаемой действительности, ни к истории идей или духа. Ей стоит держаться базовой идеи, придающей понятию культуры собственно социологическое значение: все реальные общественные ситуации «открыты», т. е. могут и должны «истолковываться».

Ограничимся этими общими рассуждениями, добавив еще одно замечание. Иная «теория общества» нацелена на окончательное объяснение и предсказание «общественных» процессов и потому ориентирована на «техническую» науку. Это неизбежная судьба любой социологии, не оставляющей места понятию культуры и потому сводящей общество к калькулируемой «системе». Напротив, социология, обращаясь к культуре как к общественному факту, учитывает недетерминированность «структур» и потому, как это можно найти у Макса Вебера, вместо того чтобы становиться технической дисциплиной для принимающих решения, она выделяет в качестве задачи социологии самоосмысление относительно культурного значения желаемого. Именно поэтому «культура» остается главным вопросом для самопонимания социологии и ее общественного воздействия.

Литература

- Burckhardt J.* (1978). *Weltgeschichtliche Betrachtungen*. Stuttgart: Kröner.
- Casanova J.* (1979). *Legitimacy and the sociology of modernization // Conflict and control: challenge to legitimacy of modern governments / Ed. A. J. Vidich and R. M. Glassman*. London: SAGE. P. 219–252.
- Dilthey W.* (1922). *Einleitung in die Geisteswissenschaften*. Leipzig: Teubner.
- Kroeber A. L., Kluckhohn C.* (1952). *Culture: a critical review of concepts and definitions*. N. Y.: Vintage Books.

- Meyer E.* (1978). *Geschichte des Altertums*. Bd. 1. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Parsons T.* (1966). *Societies: evolutionary and comparative perspectives*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Tenbruck F.* (1985). Max Weber e Eduard Meyer // *Comunità*. № 39. P. 150–197.
- Tenbruck F.* (1986). Bürgerliche Kultur // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Sonderheft 27. S. 263–285.
- Tenbruck F.* (1987). Max Weber and Eduard Meyer // *Max Weber and his contemporaries* / Ed. W. J. Mommsen and J. Osterhammel. London: Allen and Unwin. P. 234–267.
- Tenbruck F.* (1989). *Die kulturellen Grundlagen der Gesellschaft: der Fall der Moderne*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Weber M.* (1973). *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen: Mohr.
- Weber M.* (1968). *Economy and society*. N. Y.: Bedminister Press.
- Weber M.* (1972). *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Bd. 1. Tübingen: Mohr.
- Williams R.* (1962). *Culture and society: 1780–1950*. Harmondsworth: Penguin Books.

Representative Culture

Friedrich Tenbruck

Andrei Kamarouski
(translator)

Junior Research Fellow, Institute of Sociology of NAS of Belarus
1 Surganov Str., Build. 2, Minsk, Republic of Belarus 220072
E-mail: kamardudar@gmail.com

This paper uncovers the problem of the sociological understanding of culture and the concept of representative culture by German sociologist Frederick Tenbruck. The paper focuses on the conceptual underdevelopment of the concept of “culture” in sociology as compared with the concept of “structure”, or “society”, which is the central concept of structural functionalism. Turning to intellectual history, Tenbruck traces the trajectory of these concepts, defining the various functions in the social dictionary of the 19th–20th centuries. The dictionary also fixes notions of culture as developed in the approaches of Max Weber and Talcott Parsons, demonstrating the use of the reduced concept of culture in Parsons’ sociology as a universal normative sphere. The paper justifies the role of representative culture in the structuring and innovation (openness) of actual socio-cultural processes, achieved by the relative autonomy of culture (contents). The paper develops the thesis that an adequate study of the sociology of culture requires a return to the notion of ‘representative culture’ that had been lost during the process of segmentation of this discipline, as well as the segmentation of the history of culture. Cultural sociology is presented as a self-reflexive, meta-paradigmatic approach to the analysis of the institution of (social) science and its critical and constructive role in modern society.

Keywords: Weber, Parsons, intellectuals, interpretation, structure, representative culture, values, pluralism

References

- Burckhardt J. (1978) *Weltgeschichtliche Betrachtungen*, Stuttgart: Kroner.
- Casanova J. (1979) Legitimacy and the Sociology of Modernization. *Conflict and Control: Challenge to Legitimacy of Modern Governments* (eds. A.J. Vidich, R.M. Glassman), London: SAGE, pp. 219–252.
- Dilthey W. (1922) *Einleitung in die Geisteswissenschaften*, Leipzig: Teubner.
- Kroeber A.L., Kluckhohn C. (1952) *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*, New York: Vintage Books.
- Meyer E. (1978) *Geschichte des Altertums, Bd. 1*, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Parsons T. (1966) *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*, Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Tenbruck F. (1985) Max Weber e Eduard Meyer. *Comunita*, no 39, pp. 150–197.

- Tenbruck F. (1986) Bürgerliche Kultur. *Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, Sonderheft 27, pp. 263–285.
- Tenbruck F. (1987) Max Weber and Eduard Meyer. *Max Weber and His Contemporaries* (eds. W.J. Mommsen, J. Osterhammel), London: Allen and Unwin, pp. 234–267.
- Tenbruck F. (1989) *Die kulturellen Grundlagen der Gesellschaft: der Fall der Moderne*, Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Weber M. (1973) *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, Tübingen: Mohr.
- Weber M. (1968) *Economy and Society*, New York: Bedminister Press.
- Weber M. (1972) *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie, Bd. 1*, Tübingen: Mohr.
- Williams R. (1962) *Culture and Society: 1780–1950*, Harmondsworth: Penguin Books.

Город как культурная форма

*Алексей Мусиездов**

Статья посвящена интерпретации города как культурной формы. Быстрые общественные изменения приводят к проблематизации личностной определенности; в попытках определить собственную идентичность люди обращаются к наиболее очевидным классификациям, в том числе к территориальным. Это, в свою очередь актуализирует проблематику городской идентичности. Особенностью города как социального образования является отсутствие единого городского сообщества как источника однозначных образцов для идентификации. Современное «информационное общество» лишь усиливает существующее разнообразие городских жителей и сообществ. Поэтому вместо традиционной интерпретации идентификации предлагается рассматривать городскую идентичность в логике концепции «воображаемого сообщества». Представлениями, лежащими в основе идентичности, в данном случае являются представления о городе, а не о сообществе. В поисках теоретического аппарата для описания содержания этих представлений автор обращается к понятию культурной формы. Оно используется Л. Иониным в его концепции «культурных инсценировок». «Классическая» социологическая модель, особенно в ее марксистском варианте, утверждает, что культурные образцы формируются на основе объективного социального интереса, который осознается, оформляется доктринально и затем становится основанием для соответствующего поведения. В обществе, переживающем глубокую трансформацию, где привычные модели идентификации утратили свое значение, а «интерес» редуцирован к необходимости выживания, такая модель вряд ли будет работать. Концепция культурной инсценировки предлагает объяснение становления идентичностей как развертывания культурных образцов, которые в течение некоторого времени были латентными, то есть не находили своего воплощения в общественной практике. Эти образцы и есть «культурные формы».

Ключевые слова: город, городское сообщество, городская идентичность, воображаемое сообщество, культурная инсценировка, культурная форма

Быстрые общественные изменения (чем бы они ни были вызваны) ставят под сомнение не только общественный порядок как систему норм и правил, но и систему значений, в которых осмысливаются социальный мир и место человека в нем. Изменение значений приводит к проблематизации личностной определенности, заставляя человека по-новому формулировать ответ на вопрос о том, кем он является. В попытках определить собственную идентичность люди обращаются

* Мусиездов Алексей Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Адрес: пл. Свободы, д. 4, Харьков, Украина 61022. Email: musiyezdov@gmail.com

© Мусиездов А. А., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

к классификациям, кажущимся наиболее очевидными, — они определяют себя главным образом посредством отнесения к семье, этническим и территориальным сообществам и т. д. (Ядов, 1994). Среди последних востребуемым оказывается сообщество городское.

Тем не менее вопрос, что значит принадлежать к городскому сообществу — быть горожанином, представителем данного города или города вообще, — остается весьма неоднозначным как в практической плоскости, так и в теории. Для обычного человека это может означать и принадлежность к тем, с кем он знаком с детства и/или поддерживает взаимодействие в данный момент, и приобщенность к возможностям удовлетворения тех или иных потребностей, и ориентацию на референтную группу «настоящих горожан» с их ценностями, взглядами, образом жизни, и просто привычку жить в данных условиях и т. д. В любом случае такую принадлежность и/или связь необходимо концептуализировать в социологической теории, где ее обычно обозначают как «идентичность».

Рассуждение о городской идентичности в традиционном ключе сразу же сталкивается с рядом препятствий. Так, если идентичность есть результат идентификации с группой, то «городское сообщество» в принципе сложно интерпретировать в качестве группы. Город «по определению» является средоточием различных сообществ, со своей структурой, культурой и т. д. — популярная идея о «городском образе жизни» (Вирт, 2005) оказывается пусть не полной иллюзией, но, скорее, не оправдавшимся ожиданием от распространения массовой культуры. Многочисленные исследования городских сообществ лишь подтверждают, что город характеризуется более чем одним образом жизни (Fischer, 1982; Gans, 1962; Wellman, Leighton, 1979). Современные городские исследования показывают, что в результате распространения информационных и коммуникационных технологий городские сообщества все больше «замыкаются в себе», выстраивая границы между собой и другими (Davis, 1998; Architecture of fear, 1997; Сеннет, 2008). Что тогда означает городская идентичность и городское сообщество, с чем идентифицируют себя и других?

Вариант ответа, который мы будем рассматривать, отталкивается от трактовки городского сообщества как воображаемого, т. е. основанного на совокупности разделяемых представлений (Андерсон, 2001). В данном случае речь может идти не столько о представлениях о *горожанах*, сколько о *городе*. Именно город оказывается носителем значений, способных так или иначе символически «преодолеть» различия между конкретными и очень разными городскими жителями и сообществами. Другими словами, идентитетом для городской идентичности выступает город, а не городское сообщество. Такая логика в принципе соответствует все более распространяющемуся в социальной науке представлению о роли воображения в функционировании (пост)современного общества (Маффесоли, 1991; Касториадис, 2003).

Идея Б. Андерсона о воображаемом сообществе очевидным образом отсылает к дюркгеймовской трактовке религии, представляющей собой систему «верова-

ний и обрядов, которые объединяют в одну моральную общину, называемую церковью, всех, кто им следует» (цит. по: Гараджа, 2005: 118). Важно подчеркнуть, что речь идет не просто о «системе координат», позволяющей «размечать» социальное пространство, но об определенной доктрине, предполагающей, среди прочего, ценностное измерение (Баньковская, 2001), т. е. — об общей культуре.

Мы здесь специально не рассматриваем «ритуальный аспект» городской культуры (практики, направленные на символическую реализацию и демонстрацию принадлежности к городу), хотя он, несомненно, имеет место и связан главным образом с потреблением (Zukin, 1995), — эта тема является самостоятельным предметом отдельных исследований. Нас интересует теоретический аппарат, позволяющий описать городскую идентичность как «принадлежность к культуре», в данном случае — к городу как «культуре»; средство для выражения содержания этой культуры¹. Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть в качестве такого инструмента понятие культурной формы, используемого в рамках «культурного анализа», — социологического подхода, развиваемого Л. Иониным (Ионин, 2004).

* * *

Понятие культурной формы используется Иониным в его концепции «культурных инсценировок». Он акцентирует внимание на том, что для воспроизводства общественных отношений они должны быть усвоены индивидами в процессе социализации, понимаемой в первую очередь как идентификация с некоторыми культурными образцами. Его концепция объясняет становление идентичностей как развертывание культурных образцов, которые в течение некоторого времени были латентными, т. е. не находили своего воплощения в общественной практике.

«Классическая» социологическая модель, особенно в ее марксистском варианте, утверждает, что культурные образцы формируются на основе объективного социального интереса, который осознается, оформляется доктринально и затем становится основанием для соответствующего поведения. Ионин полагает, что в обществе, переживающем глубокую трансформацию, где привычные модели идентификации утратили свое значение, а «интерес» редуцирован к необходимости выживания, такая модель вряд ли будет работать. Для осознания интереса и «оформления» культурных образцов необходимо время, а новый образ мира как фундамент для идентификации востребован уже сейчас.

«С другой стороны, известно множество готовых культурных форм, предлагающих как бы готовые варианты идентификации. Эти формы существуют в зародышевом состоянии, но „зародыш“ содержит почти все необходимое для развертывания полноценной культурной формы. <...> Отсутствует

1. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что городская идентичность не исчерпывается принадлежностью к городской культуре, а включает в себя и сугубо психологические аспекты (Proshansky, 1978; Breakwell, 1993; Lalli, 1992), и «функционально-активистские» (Lefebvre, 1996; Castells, 1977; Garbi, 2010), и, возможно, другие, но мы выбрали именно культурный аспект.

только одно — непосредственный социальный интерес, на основе которого, как предполагается, культурная форма возникла и сложилась когда-то давно, еще до того, как перешла в зародышевое состояние. Эти формы можно назвать свободно парящими: они не связаны в их нынешнем состоянии с социальными интересами и через них с определенными слоями и группами. <...> Они предлагают себя каждому, кто обеспокоен поиском идентичности, стремится обрести новый целостный образ мира, в котором можно четко фиксировать собственное место» (Ионин, 2004: 276–277).

Согласно Ионину, процесс идентификации индивидов в новой культурной форме является одновременно и процессом ее становления, развертывания из зародышевого состояния. Начинаясь с предметной и поведенческой презентации, завершается он формированием социального интереса.

Автор концепции отгалкивается от понятий культурного стиля, жизненного стиля, жизненной формы, который предлагает считать взаимозаменяемыми. В наиболее общем виде под «стилем» можно понимать специфический способ действия, выражения, жизни. Стиль, по Ионину, противопоставляется канону и традиции как то, что можно выбрать, тому, что выбрать нельзя.

Понятие жизненной формы (*Forma vivendi*) обозначает характерный для какой-либо группы способ удовлетворения потребностей, социальные институты, нормы поведения и т.п. В раннем Средневековье данное понятие употреблялось для описания особенностей монашеской жизни, позднее — жизни других народов.

Понятие жизненного стиля (*Lebensführung*) встречается у М. Вебера, обозначая способ ведения, способ организации жизни. Т. Веблен связал понятие жизненного стиля с демонстративным потреблением, которое должно символизировать принадлежность к определенной группе или классу (Веблен, 1984). В британской социологии стратификации 1960-х и 1970-х гг. понятие жизненного стиля (*life-style*) как совокупности образцов социальных отношений, потребления материальных благ и культуры использовалось для анализа классовых различий. Указанные различия понимались как видимые индикаторы классовой позиции, а жизненный стиль виделся одним из способов социальной презентации экономических классов. В американской социологии понятие стиля жизни использовалось для проведения различий между сельской и городской, а также между городской и пригородной формами социальной жизни. В последнее время оно применяется в более широком смысле, им обозначаются вкусы, установки, материальные блага или способы поведения любой социальной группы, которые отличают ее от других групп (Аберкромби, Хилл, Тернер, 2004).

Более распространенное в отечественном социологическом дискурсе понятие образа жизни акцентирует внимание на определенных *формах* (видах, способах, характере) жизнедеятельности, имеющих собственного *субъекта* (индивид, группа, общество) и *детерминированных* определенными условиями (Бутенко, 1978; Образ жизни, 1983). Соответственно, очевидно, что для специфики городского образа жизни (городских форм) принципиальными оказываются городские условия,

с одной стороны, и городское население как соответствующий субъект — с другой (Кобяк, 2003).

Если в указанных определениях речь идет преимущественно об объективных наблюдаемых особенностях, то культурная форма в ее латентном существовании представляет собой, скорее, идеальное образование. Ионин исходит из восходящей к Ф. Тенбруку трактовки культуры как «репрезентативной»: «Культура представляет собой общественное явление постольку, поскольку она является репрезентативной культурой, то есть вырабатывает идеи, значения, ценности, которые действуют в силу их фактического признания. Она охватывает, следовательно, убеждения, оценки, картины мира, идеи и идеологии, которые воздействуют на социальное поведение в той мере, в какой члены общества либо активно их разделяют, либо пассивно признают» (цит. по: Ионин, 2004: 224). Согласно Ионину, «репрезентативная культура репрезентирует, представляет в сознании членов общества все и любые факты, которые что-либо означают для действующих индивидов. И означают они для них именно то, что дано в культурной репрезентации. Только это существует для членов общества и только в этом, то есть в культурной репрезентации, и существует общество» (Ионин, 2004: 68). Другими словами, основную идею можно выразить следующим образом: социальные действия, отношения, институты и т. д. репрезентируют, т. е. выражают определенные, стоящие за ними представления — именно они и являются в данном подходе *детерминирующими условиями*.

Логика обретения идентичности в процессе приобщения к культурной форме посредством культурной инсценировки предполагает следующие этапы:

- Обретение внешних атрибутов культурной формы.
- Индоктринация — восприятие представлений о мире, в рамках которых интерпретируется место индивида и его группы, других групп по отношению друг к другу, их роль, различия, история и т. д. Эти представления и являются основой для идентификации в смысле «вписывания» индивида в картину мира, представляемую культурной формой. Так, например, П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают, что индивид идентифицирует себя с теми или иными социальными группами или позициями на основании собственных представлений обо всей структуре позиций (Бергер, Лукман, 1995).
- Выработка морально-эмоционального настроения, соответствующего культурной форме. Ионин пишет:

«Моральные установки предполагаются уже самим содержанием теории. Практически любая повседневная теория рисует черно-белый образ мира, разделяя людей на своих и чужих... Однако нормы поведения по отношению к своим и чужим в каждой теории разные. Они зависят от того, насколько конфликтными, несовместимыми, противоположно ориентированными или, наоборот, сходными и потенциально общими представляются в теории интересы своих и чужих. Преподавание теории одно-

временно является и преподаванием этих норм, и воспитанием морали и эмоций» (Ионин, 2004: 284).

Учитывая, что большинство населения сейчас является горожанами, вряд ли уместно говорить об обретении городской идентичности как о культурной инсценировке (за исключением тех случаев, когда речь идет об идентификации с новым городом или смене места жительства села на город). Однако интерпретация города как культурной формы дает возможность выделить ее элементы: *нормативную среду, идеологию, вещную среду, интерес* (Ионин, 2004: 285–286).

Характеризовать город как культурную форму позволяет целый ряд классических работ. Если следовать перечисленным Иониным элементам, то можно предложить следующие их описания:

Интерес. Социальный интерес — это осознание объективных условий существования группы². В случае города общий интерес связан в первую очередь с обеспечением возможности реализации различных частных интересов и целей городских жителей (Зиммель, 2002; Парк, 2002; Mumford, 1996). Это обеспечивается рационалистическим характером организации совместной жизни горожан, особенно — в отношении создания и сохранения необходимой инфраструктуры. Другими словами, речь идет об интересе, основанном в первую очередь на функциональности. Именно этот аспект оказывается основным, когда речь идет о формировании «сообщества горожан» или «местных городских сообществ», понимаемых в духе «гражданского общества» как «сообщества с ограниченной ответственностью» (Janowitz, 1961), ориентированного на защиту собственного «права на город» (Lefebvre, 1996).

Идеология. Классик урбанизма Льюис Мамфорд в работе «Что такое город?» (Mumford, 1996) пишет, что город представляет собой совокупность групп людей, преследующих собственные цели. Этих взглядов придерживаются многие авторы, одной из главных целей они видят задачу обрести индивидуальность и свободу от диктата локальных сообществ (Зиммель, 2002; Парк, 2002). В этом смысле город, конечно, выступает в качестве символа рациональности эпохи, которую таким образом характеризовали как классики социологии, так и представители постмодернизма, всего лишь инструментом для достижения собственных, частных целей, чем-то, принципиально лишенным сакральности. Как пишет Р. Парк о городе: «Он не естественен и не священен, но прагматичен и экспериментален. Под напором практической необходимости образование перестало быть исключительно формой социального ритуала, политика стала прикладной, религиозная вера теперь, скорее, поиск, а не традиция, то, что должно быть обретено, а не просто получено» (Парк, 2002: 4). Город здесь оказывается условием, площадкой, носителем возмож-

2. Такая трактовка относится к культураналитической концепции Ионина, в которой используется понятие репрезентативной культуры, но не к марксистской концепции интереса как объективной сущности, в которой он может до определенного момента вообще не осознаваться или осознаваться в «превращенных формах». В последнем случае интерес можно трактовать как эпифеномен структурной детерминации социальной группы.

ностей для достижения целей — ценным в качестве того, без чего данные цели вообще не могли бы быть достигнуты (а иногда и поставлены). То есть ценностью будет не только его (материальная) инфраструктура, но принципиальная гетерогенность его жителей — что выражается, например, в идеях З. Баумана о «миксофилии» (Бауман, 2008).

Идеологическими максимумами в данном случае будут выступать разнообразные возможности (включая возможность встречи с новым), самореализация, рационализм, но также — проистекающее из этого равенство в дюркгеймовском духе как выражение «органической солидарности» — взаимной функциональной зависимости, проявляющееся в том числе в признании равного для всех «права на город». Ориентация городской идеологии на целедостижение способствует также актуализации ценностей активности, успеха, прогресса, развития, а значит — современности, мобильности, динамичности и т. п. Именно эти ценности, как правило, используются для конструирования моделей «городского потребления» как выражения рекламируемого в коммерческих целях «городского образа жизни».

Нормативная среда. Данный элемент культурной формы определяет то, как следует относиться и вести себя по отношению к «своим» и «чужим». Если следовать идеям, например, Г. Зиммеля, то горожане по своей сути выступают друг для друга «чужаками» (Зиммель, 2008). Поэтому и вести себя по отношению к другим в городе необходимо соответствующим образом: кооперируясь с единомышленниками и отстраняясь от всех остальных (в том числе для «эмоциональной и информациональной экономики»). В наиболее радикальных вариантах такое отношение означает страх, подозрительность, недоверие, выражаемое, среди прочего, в выстраивании надежной защиты от разнообразных реальных или мнимых угроз — качественные замки на дверях квартиры, газовый баллончик в сумочке, передвижение только по знакомым и безопасным маршрутам, желательно в светлое время суток и в сопровождении знакомых и т. п. (Architecture of fear, 1997; Сеннет, 2008). В то же время предполагается достаточно ровное отношение ко всем, продиктованное простой осторожностью по отношению к неизвестному либо нежеланием вовлекаться в личностный мир другого.

Дальнейшие вариации, пожалуй, можно считать частными случаями. Так, можно следовать Г. Гансу, говорившему о различиях между «обычными» горожанами и «городскими сельскими жителями» (*urban villagers*) (Gans, 1962), М. Кастильсу, выделявшему «космополитичные» элиты и «локальные» массы (Castells, 1989), дискуссии Р. Флориды и Д. Коткина о характеристиках представителей «креативного класса» (Гнедовский, 2004) и т. д., не говоря уже о молодежных субкультурах. Неслучайно Р. Парк писал, что «в городе, на свободе, каждый индивид, каким бы эксцентричным он ни был, непременно находит ту среду, в которой он может развить и каким-либо образом проявить особенности своей природы. И маленькое сообщество иногда терпит эксцентричность, но город зачастую и вознаграждает ее. Несомненно, город притягивает тем, что здесь любой тип индивида — будь то преступник или попрошайка, равно как и гений — всегда найдет подходящую

компанию, и порок или талант, сдерживаемый в более тесном кругу семьи или в более узких рамках малого сообщества, обнаруживает здесь моральный климат, в котором он расцветает. А в целом все заветные чаяния и все подавленные желания находят в городе то или иное выражение» (Парк, 2002: 12). Соответственно, поскольку «каждое сообщество представляет собой в определенной степени независимое культурное образование, со своими стандартами, представлениями о должном, о приличиях и о том, что достойно уважения» (Парк, 2002: 8), выделенные характеристики нормативной среды культурной формы можно считать «общим знаменателем» городской нормативности.

Вещная среда. Если отталкиваться от материальности города, то очевидно, что он сам может считаться вещной средой культурной формы, а пребывание в городе — его потреблением. Однако когда речь идет о репрезентативной культуре вообще и о культурной форме в частности, под вещной средой имеется в виду свойство вещей быть знаками, символами, воплощениями представлений, что означает актуализацию демонстративности в использовании вещей.

Характеристика города как привилегированного «места потребления» — одна из ключевых. Город действительно предлагает для этого большие возможности, причем речь идет не только о потреблении материальном. Для многих признаком «настоящего горожанина» является культурное потребление. Нередко считается, что «культурный человек» (горожанин в традиционном противопоставлении города и деревни как, соответственно, «культуры» и «природы») хотя бы время от времени «должен» посещать театры, кино, выставки, ходить в рестораны, проводить время в кафе и т. д. При этом личностный смысл подобных занятий вполне может ограничиваться демонстративностью потребления и культивированием собственного статуса и/или городской идентичности. Здесь вещи репрезентируют принадлежность к городу, выступают «реквизитом» повседневного взаимодействия (Гофман, 2003; Вахштайн, 2006; Харламов, 2007).

Неудивительно, что современная экономика всячески поддерживает стремление к потреблению, предлагая разнообразные образцы «городского стиля» (*urban style*). Горожанин должен заботиться о себе и собственном комфорте, а для этого — потреблять только качественные продукты, обычно от ведущих мировых брендов, пользоваться разнообразной техникой, желательно новейшей разработки, жить в местах, близких к интересующим культурным событиям, носить одежду, ориентированную в первую очередь на удобство (*casual*³), но также и на самовыражение (Синожатская, 2011), и т. д. Сам город при этом выступает, пожалуй, скорее декорациями, в большей или меньшей степени подходящими для «завершения образа». В городе есть места для одних городских практик, а есть для других, есть символы

3. «Стиль *casual* — это функциональность, практичность и удобство, мягкость и комфорт. Никакого выпендрежа и эпатажа, только естественность и непринужденность, разумеется, с учетом стиля и эстетических требований» (Стиль *casual*, 2011); «Комфорт и свобода движения — неотъемлемое условие для активной жительницы мегаполиса» (Лисичкина, 2011).

будущего и прошлого, а есть «призраки» — элементы городской среды, «указывающие» на «забытые» смыслы (Серто, 2010).

Связь городской идеологии со статусом и демонстративным потреблением очевидна еще со времен развития капитализма, если не раньше, когда принадлежность к дворянству либо оказывается не столь заманчивой, либо остается по-прежнему затрудненной. В этих условиях «мещанство» становится тем сословием, которое означает более высокий по сравнению с крестьянами статус, причем «мещанин» — это не рабочий, хотя оба являются горожанами. Эти классы отчетливо противопоставляются друг другу, в частности, в советском идеологическом каноне. Однако стремление рабочих (бывших крестьян) приблизиться к «мещанскому» способу потребления также вполне логично. С XIX века слово «мещанин» стало означать не только и не столько представителя соответствующего сословия, но и определенный тип личности, отличающийся стремлением к обладанию вещами (часто при отсутствии вкуса), мелочностью и скупостью, отсутствием твердых убеждений, чувства ответственности перед обществом, стремлением к спокойному следованию большинству и жизни без потрясений (см., например, Горький, 1982; Федосюк, 2008). Если добавить к этому «уверенность в абсолютной правильности своего образа жизни и системы ценностей и, соответственно, нетерпимость к иным жизненным целям и устремлениям» (Табунов, 2004), то получим образ, вполне соответствующий представлениям о «массовом», «одномерном» человеке (Маркузе, 2002; Ортега-и-Гассет, 2001).

С одной стороны, поскольку массовая культура, производство и потребление свойственны современному урбанистическому обществу (Lefebvre, 1970; Castells, 1977), такая черта городской идеологии не представляется удивительной. Однако с другой — она явно противоречит обозначенным ранее ценностям успеха, достижения, самореализации и т. д. Это служит еще одним примером противоречивости городской идеологии, которая является выражением сознания различных городских слоев, формирует различные «городские стили жизни» (Gans, 1962). Соответственно, и наше описание содержания городской культуры как образца для идентификации вряд ли может считаться единственным. Скорее, мы предложили наиболее общее представление о «городской культуре», которое имеет различные вариации в зависимости от того, кто и в каких условиях к ней «приобщается».

* * *

Рассмотрение города как культурной формы — это способ хотя бы в общих чертах обозначить содержание городской культуры как источника значений для идентификации с городом. Культурная форма в интерпретации Ионина должна содержать в себе такие элементы, как нормативная среда, идеология, вещная среда, интерес. Город вполне может считаться образованием, обладающим этими элементами. В случае города *интерес* связан в первую очередь с обеспечением возможностей реализации различных частных потребностей, интересов и целей го-

родских жителей. Это, в свою очередь, предполагает определенный рационализм как в трактовке города в целом (*идеология*), так и достаточно ровное (но нередко настороженное) отношение к окружающим (*нормативная среда*). *Вещная среда* города может трактоваться не только в качестве «инфраструктуры» как сугубо утилитарного средства удовлетворения потребностей, но и как «реквизит» для выражения и культивирования собственной принадлежности.

Содержание статьи можно считать всего лишь «отправной точкой» для других, в том числе эмпирических исследований. Именно с этой точки зрения понятие культурной формы, как и концепция культурной инсценировки в целом, являются, на наш взгляд, удачным теоретическим инструментом в контексте анализа городской идентичности.

Литература

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. (2004). Жизненный стиль (life-style) // *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь* / Пер. с англ. И. Г. Ясавеева под ред. С. А. Ерофеева. М.: Экономика. С. 141.
- Андерсон Б. (2001). Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.
- Баньковская С. П. (2001). Воображаемые сообщества как социологический феномен // *Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма* / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле. С. 5–16.
- Бауман З. (2008). Город страхов, город надежд / Пер. с англ. А. Смирнова // *Логос*. № 3. С. 24–53.
- Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум.
- Бутенко А. П. (1978). Образ жизни: содержание проблемы и нерешенные вопросы // *Вопросы философии*. № 11. С. 41–56.
- Вахштайн В. С. (2006). Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // *Социология вещей* / Под ред. В. С. Вахштайна. М.: Территория будущего. С. 7–42.
- Веблен Т. (1984). Теория праздного класса / Пер. с англ. С. Г. Сорокиной под общ. ред. В. В. Мотылевой. М.: Прогресс.
- Вирт Л. (2005). Урбанизм как образ жизни // *Вирт Л. Избранные работы по социологии* / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: ИНИОН. С. 93–118.
- Гараджа В. И. (2005). Социология религии. М.: ИНФРА-М.
- Гарві Д. (2010). Право на місто // *Спільне*. № 2. С. 8–17.
- Гнедовский В. М. (2004). Современные проблемы развития постиндустриального общества в городах США и Европы. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/postindustrializm/version/contemporary-problem/> Дата доступа: 9.10.2013.

- Горький М.* (1982). Заметки о мещанстве // Русская литературная критика конца XIX — начала XX века. М.: Высшая школа. С. 178–184.
- Гофман И.* (2003). Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р. Е. Бумагина и др. под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М.: Институт социологии РАН.
- Зиммель Г.* (2002). Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. А. Кричевского // Логос. № 3. С. 1–12.
- Зиммель Г.* (2008). Экскурс о чужаке / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы / Под ред. А. Ф. Филиппова. СПб.: Владимир Даль. С. 9–13.
- Ионин Л. Г.* (2004). Социология культуры. М.: ГУ ВШЭ.
- Касториадис К.* (2003). Воображаемое установление общества / Пер. с франц. Г. Волковой. М.: Гнозис, Логос.
- Лисичкина А.* (2011). Модный стиль casual — универсальная и комфортная одежда для активной городской жизни! URL: <http://www.m-oda.ru/product/modnyj-stil-sasual-universalnaja-i-komfortnaja-odezhda-dlja-aktivnoj-gorodskoj-zhizni/> Дата доступа: 9.10.2013.
- Маркузе Г.* (2002). Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ. А. А. Юдина. М.: АСТ.
- Маффесоли М.* (1991). Околдованность мира, или Божественное социальное / Пер. с фр. И. И. Звонаревой // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс. С. 274–283.
- Федосюк Ю.* (2008). Мещанство // *Федосюк Ю.* Энциклопедия русского быта XIX века. URL: http://wordweb.ru/en_ru_byt/10_01.htm Дата доступа: 9.10.2013.
- Образ жизни. (1983) // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. С. 446.
- Ортега-и-Гассет Х.* (2001). Восстание масс. М.: АСТ.
- Парк Р.* (2002). Город как социальная лаборатория / Пер. с англ. С. П. Баньковской // Социологическое обозрение. Т. 2. № 3. С. 3–12.
- Сеннет Р.* (2008). Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость, безразличие / Пер. с англ. А. Смирнова // Логос. № 3. С. 95–107.
- Серто М. де.* (2010). Призраки в городе / Пер. с англ. А. Лазарева // Неприкосновенный запас. № 2. С. 108–121.
- Синожатская И.* (2011). Городской стиль одежды. URL: <http://stylish.ru/2011/03/18/gorodskoj-stil-odezhdy/> Дата доступа: 9.10.2013.
- Стиль casual. (2011). URL: <http://stylish.ru/2011/02/11/stil-casual/> Дата доступа: 9.10.2013.
- Табунов А.* (2004). О мещанстве и мещанах // Газета «Дуэль». № 45 (393). 9 ноября 2004. URL: <http://warrax.net/81/mezh.html> Дата доступа: 9.10.2013.
- Харламов Н.* (2007). Социальная конструкция повседневности в современном метрополисе. URL: http://people.hum.aau.dk/~nikita/files/texts/Kharlamov_2007_Povsednevnost.pdf Дата доступа: 9.10.2013.
- Ядов В. А.* (1994). Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. № 1. С. 35–51.

- Architecture of fear. (1997) / Ed. N. Ellin. Princeton: Princeton Architectural Press.
- Breakwell G. M.* (1993). Social representations and social identity // *Textes sur les Représentations Sociales*. Vol. 2. № 3. P. 1–217.
- Castells M.* (1977). *The urban question: a Marxist approach*. London: Edward Arnold.
- Castells M.* (1989). *The informational city: information, technology, economic restructuring and the urban-regional process*. Oxford: Blackwell.
- Davis M.* (1998). *Ecology of fear: Los Angeles and the imagination of disaster*. N. Y.: Metropolitan Books.
- Fischer C.* (1982). *To dwell among friends: personal networks in town and city*. Chicago: Chicago University Press.
- Gans H.* (1962). *Urbanism and suburbanism as ways of life: a re-evaluation of definitions* // *Human behavior and social processes: an interactionist approach* / Ed. A. M. Rose. Boston: Houghton Mifflin. P. 625–648.
- Janowitz M.* (1961). *The community press in urban settings: the social elements of urbanism*. Chicago: Chicago University Press.
- Lalli M.* (1992). Urban-related identity: theory, measurement, and empirical findings // *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 12. № 4. P. 285–303.
- Lefebvre H.* (1970). *La révolution urbaine*. Paris: Gallimard.
- Lefebvre H.* (1996). *Writing on cities*. Cambridge: Blackwell.
- Mumford L.* (1996). What is the city? // *The city reader* / Ed. R. T. LeGates and F. Stout. London: Routledge. P. 183–188.
- Proshansky H. M.* (1978). The city and self-identity // *Journal of Environment and Behaviour*. Vol. 10. № 2. P. 147–169.
- Wellman B., Leighton B.* (1979). Networks, neighborhoods and communities: approaches to the study of the community question // *Urban Affairs Quarterly*. Vol. 14. № 3. P. 363–390.
- Zukin S.* (1995). *The cultures of cities*. Oxford: Blackwell.

The City as a Cultural Form

Aleksey Musiyezdov

Assistant Professor, V. N. Karazin Kharkiv National University

4 Svobody Sq., Kharkiv, Ukraine 61022

E-mail: musiyezdov@gmail.com

The article deals with the interpretation of the city as a cultural form. Rapid social changes led to the problematization of personal certainty; in the attempt to define their own identity, people turn to the most obvious classifications, such as territorial ones. This search for personal certainty actualizes the problems of urban identity. The peculiarity of the city as a social entity is the absence of unambiguous patterns for identification within the urban community. The contemporary “information society” only enhances the existing diversity of urban residents and communities. Therefore, instead of the traditional interpretation of urban identification, it is proposed to consider urban identity in the logic of the concept of the “imagined community”. The bases of urban identity are the ideas about the city itself, not about the community. In the search for a theoretical apparatus to describe the contents of these ideas, the author refers to the concept of cultural form as used by L. Ionin in his concept of “cultural staging”. The “classic” sociological model argues that cultural patterns are formed from objective social interests that becomes the bases for corresponding behavior. In a society undergoing a profound transformation where the usual identification model had lost its meaning and the “interest” is reduced to the necessity of survival, such a model is unlikely to work. The concept of cultural staging offers an explanation for the formation of cultural identities as the deployment of the patterns which had been latent for some time, but not currently embodied in social practice.

Keywords: city, urban community, urban identity, imagined community, cultural staging, cultural form

References

- Abercrombie N., Hill S., Turner B.P. (2004) Zhiznennyj stil [Life-Style]. *Sociologicheskij slovar'* [Dictionary of Sociology], Moscow: Ekonomika, pp. 141.
- Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye soobshhestva: razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Moscow: Kanon-Press-C, Kuchkovo pole.
- Bankovskaya S. (2001) Voobrazhaemye soobshhestva kak sociologicheskij fenomen [Imagined Communities as a Sociological Phenomenon]. *Voobrazhaemye soobshhestva: razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Moscow: Kanon-Press-C, Kuchkovo pole, pp. 5–16.
- Bauman Z. (2008) Gorod strahov, gorod nadezhd [City of Fears, City of Hopes]. *Logos*, no 3, pp. 24–53.

- Berger P., Luckmann T. (1995) *Social'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sociologii znaniija* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge], Moscow: Medium.
- Breakwell G.M. (1993) Social Representations and Social Identity. *Textes sur les Représentations Sociales*, vol. 2, no 3, pp. 1–217.
- Butenko A. (1978) Obraz zhizni: sodержanie problemy i nereshennye voprosy [Way of Living: Content of the Problem and Unresolved Questions]. *Voprosy filosofii*, no 11, pp. 41–56.
- Castells M. (1977) *The Urban Question: A Marxist Approach*, London: Edward Arnold.
- Castells M. (1989) *The Informational City: Information, Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process*, Oxford: Blackwell.
- Castoriadis C. (2003) *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshhestva* [The Imaginary Institution of Society], Moscow: Gnosis, Logos.
- Certeau M. de (2010) Prizraki v gorode [Ghosts in the City]. *Neprikosnovennyj zapas*, no 2, pp. 108–121.
- Davis M. (1998) *Ecology of Fear: Los Angeles and the Imagination of Disaster*, New York: Metropolitan Books.
- Ellin E. (ed.) (1997) *Architecture of Fear*, Princeton: Princeton Architectural Press.
- Fedosjuk Y. (2008) Meshhanstvo [Philistinism]. *Jenciklopedija russkogo byta XIX veka* [Encyclopaedia of Russian 19th Century Everyday Life]. Available at: http://wordweb.ru/en_ru_byt/10_01.htm (accessed 9 October 2013).
- Fischer C. (1982) *To Dwell Among Friends: Personal Networks in Town and City*, Chicago: Chicago University Press.
- Gans H. (1962) Urbanism and Suburbanism as Ways of Life: A Re-evaluation of Definitions. *Human Behavior and Social Processes: An Interactionist Approach* (ed. A.M. Rose), Boston: Houghton Mifflin, pp. 625–648.
- Garadja V. (2005) *Sociologija religii* [Sociology of Religion], Moscow: INFRA-M.
- Gnedovsky V. (2004) *Sovremennye problemy razvitija postindustrial'nogo obshhestva v gorodah SShA i Evropy* [Contemporary Problems of the Development of Post-industrial Society in Cities of USA and Europe]. Available at: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/postindustrializm/version/contemporary-problem/> (accessed 9 October 2013).
- Goffman E. (2003) *Analiz frejmov: jesse ob organizacii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience], Moscow: Institut sociologii RAN.
- Gorky M. (1982) Zametki o meshhanstve [Notes on Philistinism]. *Russkaja literaturnaja kritika konca XIX — nachala XX veka* [Russian Literary Criticism of the End of 19th — Beginning of 20th Centuries], Moscow: Vysshaja shkola, pp. 178–184.
- Harvey D. (2010) Pravo na misto [The Right to the City]. *Commons*, no 2, pp. 8–17.
- Ionin L. (2004) *Sociologija kul'tury* [Sociology of Culture], Moscow: HSE.
- Janowitz M. (1961) *The Community Press in Urban Settings: The Social Elements of Urbanism*, Chicago: Chicago University Press.

- Kharlamov N. (2007) *Social'naja konstrukcija povsednevnosti v sovremennom metropolise* [Social Construction of Everyday Life in the Contemporary Metropolis]. Available at: http://people.hum.aau.dk/~nikita/files/texts/Kharlamov_2007_Povsednevnost.pdf (accessed 9 October 2013).
- Lalli M. (1992) Urban-Related Identity: Theory, Measurement, and Empirical Findings. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 12, no 4, pp. 285–303.
- Lefebvre H. (1970) *La revolution urbaine*, Paris: Gallimard.
- Lefebvre H. (1996) *Writing on Cities*, Cambridge: Blackwell.
- Lisichkina A. (2011) *Modnyj stil' sasual* [Fashionable Style Casual] Available at: <http://www.m-oda.ru/product/modnyj-stil-sasual-universalnaja-i-komfortnaja-odezhda-dlja-aktivnoj-gorodskoj-zhizni/> (accessed 9 October 2013).
- Markuse G. (2002) *Jeros i civilizacija. Odnomernyj chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshhestva* [Eros and Civilization. One-dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society], Moscow: AST.
- Maffesoli M. (1991) Okoldovannost' mira, ili Bozhestvennoe social'noe [Enchantment of the World, or Divine the Social]. *Socio-Logos*, Moscow: Progress, pp. 274–283.
- Mumford L. (1996) What Is the City? *The City Reader* (eds. R.T. LeGates, F. Stout), London: Routledge, pp. 183–188.
- OrientalCat I. (2011) *Stil' casual* [Casual Style]. Available at: <http://stylish.ru/2011/02/11/stil-casual/> (accessed 9 October 2013).
- Ortega-y-Gasset J. (2001) *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses], Moscow: AST.
- Park R. (2002) Gorod kak social'naja laboratorija [City as a Social Laboratory]. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 2, no 3, pp. 3–12.
- Proshansky H.M. (1978) The City and Self-Identity. *Journal of Environment and Behaviour*, vol. 10, no 2, pp. 147–169.
- Sennet R. (2008) Kapitalizm v bol'shom gorode: globalizacija, gibkost', bezrazlichie [Capitalism and the City]. *Logos*, no 3, pp. 95–107.
- Simmel G. (2002) Bol'shie goroda i duhovnaja zhizn' [The Metropolis and Mental Life]. *Logos*, no 3, pp. 1–12.
- Simmel G. (2008) Jekskurs o chuzhake [The Stranger]. *Sociologicheskaja teorija: istorija, sovremennost', perspektivy* [Sociological Theory: History, the Present, Perspectives] (ed. A. Filippov), Saint-Petersburg: Vladimir Dal, pp. 9–13.
- Sinozhatskaja I. (2011) *Gorodskoj stil' odezhdy* [Urban Clothing Style]. Available at: <http://stylish.ru/2011/03/18/gorodskoj-stil-odezhdy/> (accessed 9 October 2013).
- Tabunov A. (2004) O meshhanstve i meshhanah [On the Philistinism and Philistines]. *Duel Newspaper*, no 45 (393), 9 nojabrja. Available at: <http://warrax.net/81/mezh.html> (accessed 9 October 2013).
- Vakhshtayn V. (2006) Sociologija veshhej i “povorot k material'nomu” v social'noj teorii [A Sociology of Things and “Material Turn” in Social Theory]. *Sociologija veshhej* [Sociology of Things] (ed. V. Vakhshtayn), Moscow: Territorija budushhego, pp. 7–42.
- Veblen T. (1984) *Teorija prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class], Moscow: Progress.

- Wellman B., Leighton B. (1979) Networks, Neighborhoods and Communities: Approaches to the Study of the Community Question. *Urban Affair Quarterly*, vol. 14, no 3, pp. 363–390.
- Wirth L. (2005) Urbanizm kak obraz zhizni [Urbanism as a Way of Life]. *Izbrannye raboty po sociologii* [Selected Works in Sociology], Moscow: INION, pp. 93–118.
- Yadov V. (1994) Social'naja identifikacija v krizisnom obshhestve [Social Identification in Crisis Society]. *Sociologicheskij zhurnal*, no 1, pp. 35–51.
- Zukin S. (1995) *The Cultures of Cities*, Oxford: Blackwell.

Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта¹

Наталья Самутина*

Статья посвящена осмыслению феномена фанфикшн как социокультурной практики и литературного опыта. Главная особенность фанфикшн как нового типа современной литературы, полностью выведенного за рамки литературы как индустрии — это ключевое место читателя и повышенная роль читательского сообщества, обеспечивающие функционирование этого культурного пространства как формы читательского письма, обмена опытом, осмысления множественных контекстов литературного и социального поведения, зоны развития литературного и социального воображения, и т. д. Автор статьи подробно останавливается на особенностях функционирования этого поля литературного опыта и, опираясь на книгу Риты Фелски «Для чего используется литература» (2008), анализирует на материале русского фанфикшн по «Гарри Поттеру» модусы вовлеченности в текст, характеризующие отношения читателя с произведениями фанфикшн. В работе разбираются как общелитературные модусы вовлеченности в текст (узнавание, зачарованность, знание и шок), так и дополнительные, характерные именно для фанфикшн функции чтения (соотнесение с «каноном» и порнографическая функция), обеспечивающие в совокупности повышенную интенсивность, телесность, действенность этого читательского и писательского опыта. Одновременно подчеркиваются способствующие самоутверждению и саморазвитию функции фанфикшн как читательской и писательской активности. Междисциплинарный характер исследования позволил дополнить изучение конкретного сообщества постановкой теоретического вопроса о меняющейся роли читателя и писателя в новых формах литературной Интернет-коммуникации.

Ключевые слова: социология культуры, теория литературы, антропология сетевых сообществ, практики чтения в России, фанфикшн, «Гарри Поттер»

* Самутина Наталья Владимировна — кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник и руководитель Центра исследований современной культуры ИГИТИ НИУ ВШЭ, доцент кафедры анализа социальных институтов факультета социологии НИУ ВШЭ. Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000. E-mail: nsamutina@mail.ru

© Самутина Н. В., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

1. В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта №11-01-0004 «Антропология сетевых сообществ и феномен любительской литературы», реализованного в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг.

Я хотела бы также искренне поблагодарить Сергея Зенкина за консультации по научной литературе о проблемах чтения и Татьяну Венедиктову за создание пространства для продуктивных дискуссий на тему литературного опыта, в частности, на международной конференции «Социальные науки и литературоведение: актуальные возможности диалога» (МГУ им. Ломоносова, 15–17 марта 2012 г.).

Отдельная благодарность — Tavvitar, моей любимой фандомной читательнице.

I

«В нашем обществе — обществе потребления, а не производства, обществе чтения, видения и слышания, а не письма, смотрения и слушания, — все устроено так, чтобы блокировать ответный жест: любители письма рассеяны, вынуждены таиться, задавлены множеством стеснений, в том числе внутренних. Это общая проблема цивилизации; мое же глубокое и постоянное убеждение состоит в том, что мы никогда не сможем освободить акт чтения, если одновременно не освободим акт письма».

Ролан Барт. «О чтении» (Барт, 2003: 497)

«Переход на профессиональное производство радикально снизил распространенность такой формы досуга, как пересказ разных историй и баек в своем кругу, а потому нет никакой возможности узнать наверняка, похожи ли потребляемые анонимной публикой произведения на те, которые они бы создали для самих себя и друг для друга, если бы не имели возможности их купить».

Дженис Рэдуэй. «Читая любовные романы: женщины, патриархат и популярное чтение» (Рэдуэй, 2004: 77)

Замечание Ролана Барта о важности «читательского приключения», в котором не разделены желание чтения и желание письма, встроено в контекст существенной для него темы удовольствия читателя. «Чтение служит проводником Желания писать, — уточняет он. — Мы желаем того желания читателя, которое испытывал автор, когда писал» (Барт, 2003: 497) — и далее следует приведенное выше критическое замечание о цивилизации, где чтение и письмо разделены множеством барьеров, делающих письмо «элитарным». Дженис Рэдуэй, автор классического социально-антропологического исследования чтения массовой литературы, опубликованного в 1984 году — чтения женщинами американского городка Смиттон любовных романов, — не только делает методологическую оговорку по поводу невозможности узнать о предпочтениях и, соответственно, желаниях своих респондентов «наверняка». Рэдуэй последовательно анализирует конструкцию одного из самых клишированных жанров, современной любовной литературы, как с точки зрения задействованных в ней сюжетных формул, языковых норм и приемов эмоционального воздействия, так и с точки зрения распространенных практик восприятия этих произведений реальными читательницами. Она приходит к выводу, что чтение любовных романов во многом противоречиво; что доминирующие патриархатные идеологические конструкции этой литературы и практики ее чтения порой довольно заметно расходятся в своих ценностных предпосылках и возможных последствиях — в частности, само чтение как процесс и как время,

отвоеванное «для себя», делает читательниц самостоятельнее и увереннее, порой даже серьезно меняет их жизни; что во вкусах даже исследованной ею социально однородной группы читательниц одного и того же жанра существуют заметные различия. В процитированном фрагменте Дженис Рэдуэй последовательно обозначает барьеры, стоящие между читательницами и тем, что они, возможно, «на самом деле» хотели бы читать.

Во-первых, «профессиональное производство», то есть система книгоиздания с его массовыми тиражами, рассчитанными на трансляцию наиболее усредненных образцов, и с экспертным сообществом профессионалов, от издателя и редактора до писателя, продающего свой труд и свой бренд, защищенный законом об авторском праве. Во-вторых, «анонимность публики», обеспечивающая молчаливое массовое потребление. И в-третьих, проблематичность понятия «своего круга» и отсутствие постоянной коммуникации по поводу чтения и письма между самими читательницами². По последним двум пунктам, стоит заметить, массовая литература находится даже в худшем положении, чем литература «высокая» и классическая, с их институтами критики, практиками обучения интерпретации и развитыми сообществами высококвалифицированных, мотивированных к углубленному взаимодействию с книгой читателей. В целом же никакое коммерческое печатное книгоиздание, ни элитарное, ни сколь угодно массовое, не ориентировано на уменьшение барьеров между чтением и письмом. Устройство литературы как социального института современного общества подразумевает привилегированность письма и «немоту, безъязыкость базового читательского опыта» (Венедиктова, 2012: 75) в рамках любого литературного типа. Косвенным результатом этого является неоднократно отрефлексируемая в теориях чтения затрудненность доступа к этому опыту, проблематичность соотнесения конструкции «имплицитного читателя» с читателем эмпирическим и историческим (Компаньон, 2001: 172–192).

Однако новые медиа, в первую очередь Интернет, на наших глазах создают условия для изменения ряда базовых параметров литературной коммуникации. В Интернете возникают и множатся экспериментальные зоны, где письмо и чтение почти не разделены, где желания и потребности читателей формируются и удовлетворяются с максимальной точностью, где произведения создают «для самих себя и друг для друга», и тут же находят горячий отклик, выраженный в недвусмысленных, легко считываемых формах. Эти зоны уже позволяют и, безусловно, позволят в будущем очень многое «узнавать наверняка» как про самих читателей, так и про возможности разных литературных форм, с помощью которых люди

2. Подводя итоги книги, Дж. Рэдуэй специально останавливается на этом моменте, как на важном: «...хотя выпуск и чтение любовных романов создает нечто вроде женского сообщества, его составляющие разделены расстояниями, типичными для производства товаров массового спроса и капиталистического способа производства литературы. Протестные настроения передаются при помощи книг; а значит, процесса чтения, которое по определению является личным и изолирующим занятием, и потому читательницы никогда не собираются вместе, чтобы поделиться друг с другом опытом противостояния, выражающегося в бегстве в воображаемый мир или, что еще более важно, чувством неудовлетворенности, которое побудило их к чтению» (Рэдуэй, 2004: 274–275).

все более открыто выражают свой опыт, спорят о ценностях и нормах, реализуют свои желания или указывают на области нехватки, нереализуемого. Одной из таких стремительно развивающихся зон любительского литературного опыта стал фанфикшн, литературное письмо, опирающееся на элементы популярных книг и медийных продуктов (фильмов, телесериалов, комиксов и т. д.).

Фанфикшн имеет неплохо изученную доцифровую историю: он появился в любительских журналах, выпускаемых фанатскими сообществами (фанзинах), в начале 1970-х; его создание и распространение ограничивалось тогда относительно небольшими гомогенными группами фанатов, как правило, активно вовлеченных во все практики соответствующего сообщества³. Но в свете поставленного вопроса о конфигурациях читательского опыта и о функциях фанфикшн как средства литературной коммуникации, его существование в Интернете представляет собой принципиально новую ступень. Интернет позволил максимально развиться тем задаткам фанфикшн, которые сдерживались ранее ограничениями на распространение текстов, на взаимодействие читателей друг с другом, самими ограничениями на доступ в сообщества, характерными для фанатских практик до эпохи Интернета.

Современный фанфикшн представляет собой обширное, диверсифицированное, многоязычное пространство чтения и письма. Это поле литературного опыта, полностью выведенное за рамки литературы как индустрии: все фанфикшн-практики бескорыстны и реализуются в свободное от основной занятости время. Чтение и письмо фанфикшн осуществляется в сообществе, объединенном удовольствием: для того чтобы полноценно участвовать в фанфикшн-практиках, необходимо научиться некоторому набору выработанных коллективно правил и стратегий чтения, письма и поведения, а также испытывать как минимум интерес и симпатию, а еще лучше страсть, к «канону». То есть к какому-то вымышленному миру и его персонажам, будь то миры и персонажи «Шерлока Холмса», «Гарри Поттера», сериала «Звездный путь» или чрезвычайно популярных у молодых людей комиксов манга. Фанфикшн как литературная практика не существует вне рамок этого увлеченного читательского сообщества, вне подвижного набора конвенций этого сообщества по поводу чтения и письма, и сама его конструкция предполагает несколько уровней реализации прав читателя: право на (при)страстное чтение книг Джейн Остин и Джоан Роулинг или соответствующих аудиовизуальных текстов сериалов и комиксов; право на собственное читательское письмо «вместе» с упомянутыми авторами; право на чтение и письмо вместе со всеми, кто тоже пишет вместе с упомянутыми авторами, а также на сколь угодно развернутые интерпретации всех получившихся в результате этих практик текстов. Главная особенность фанфикшн, позволяющая говорить о нем как о новом типе современной литературы, — это ключевое место читателя, изменение читательской роли и роли читательского сообщества в системе литературной коммуникации.

3. Об истории фанфикшн см. например: Jenkins, 1992; Bacon-Smith, 1992; Coppa, 2006.

Фанфикшн в его современном виде — это определенная демократия чтения, реванш читателя, вырвавшего свое право на удовольствие из рук критика и издателя, а также из-под власти традиционно понимаемого автора. Благодаря Интернету это страстное сотворчество читателей обрело не только возможность глобального распространения, но беспрецедентную видимость и открытость. Фанфикшн сегодня — это десятки тысяч людей по всему миру, которые непрестанно читают, пишут, комментируют, редактируют тексты и помогают друг другу советами, участвуют в литературных конкурсах и играх, заказывают друг другу излюбленные сюжеты и исполняют эти заявки, зарабатывают репутации, осваивают новые зоны удовольствия, такие как изобретение новых жанров/сюжетов в рамках одного фандома или освоение новых миров (переход в другой фандом) конкретным читателем. Интерпретативные сообщества, сформированные фанфикшн, сегодня видимы и доступны для исследования в самых разных проекциях. Мы можем задавать им вопросы о чтении и письме, о роли литературного воображения в жизни их участников, об условиях, определяющих эту жизнь за пределами чтения и письма, но находящихся в их творчестве прямое и косвенное отражение — размышляя, таким образом, как о фанфикшн и тех, кто его пишет, так и о литературной коммуникации в целом. Я задала некоторые из этих вопросов той локальной зоне фанфикшн, которую изучала на протяжении двух лет, — русскому (русскоязычному) сообществу фанфикшн по «Гарри Поттеру»⁴.

Этот источник прежде всего репрезентативен для разговора о фанфикшн в его современной форме. Ибо «Гарри Поттер», с его вездесущностью, наличием равно популярных текстовой и кинематографической версии, с историей последовательного «развертывания» книг и фильмов на протяжении более 10 лет, идеально совпавшей с периодом роста и развития Интернета, на сегодняшний день «побил» по количеству произведений фанфикшн и активности участников своих сообществ даже такие обширные старые фандомы, как фандом по вселенной Дж.Р.Р. Толкиена и фандомы «Звездного пути» и «Секретных материалов». Немалую роль в этом сыграл созданный английской писательницей оригинальный, детализированный, объемный волшебный мир с множеством персонажей, находящихся друг с другом в сложных, часто конфликтных взаимоотношениях, — и множеством же лакун, недоговоренностей, противоречий, так и взывающих к заполнению/пересмыслению. Еще одна причина, обеспечившая «облегченный доступ» к волшебному миру Хогвартса и окрестностей для авторов/читателей всех возрастов и, соответственно, рост числа участниц фанфикшн-практик, — это гибкая возрастная адресация книги Джоан Роулинг, вырастающей, как известно, из детской сказки о

4. В дальнейшем я буду употреблять слово «русский», имея в виду именно привязанность данного интернет-сообщества к русскому языку и русской литературной культуре. Множество авторов текстов по «Гарри Поттеру» на русском языке проживают сегодня в странах бывшего СССР или эмигрировали из этого пространства, успев получить соответствующие читательские навыки; среди них есть люди самых разных национальностей, а также билингвы (например, одна из наиболее влиятельных авторов русского фанфикшн по «Гарри Поттеру» «первой волны», Juxian Tang, живет в Прибалтике и писала свои тексты и на английском, и на русском языке).

захватывающих приключениях в волшебной школе во взрослый текст о самопожертвовании, доверии и прощении, оформленный как «роман взросления». Точно так же фанфикшн-истории по «Гарри Поттеру», рассказываемые современными читательницами, включают в себя полный диапазон возможностей возрастной адресации: они варьируются от нежных школьных романов о первой любви и сказочных фантазий о приключениях подростков до серьезных и порой предельно жестких текстов о взрослых героях поттерианы и/или о жизни повзрослевшего Гарри и его друзей много лет спустя после окончания эпопеи Роулинг (последний тип историй условно объединяется понятием «постхог» — «события после окончания персонажами Хогвартса»).

Кроме того, подробная исследовательская работа с локальными версиями фандомов, как русского, так и, вероятно, любого другого, дает дополнительные преимущества. На фоне универсального англоязычного фандома, так же как и на фоне переводного первоисточника, становятся отчетливо видны как точки и места «схождения», принимаемых и разделяемых ценностей, так и региональные социокультурные различия во всем — от способов коммуникации в онлайн-пространстве до специфических языковых проблем и объема общего для участников сообщества репертуара чтения. Сама степень распространенности фанфикшн-практик в каком-либо локальном пространстве или степень развитости коммуникаций между англоязычным и неанглоязычным фандомом (степень владения английским языком, количество переводов, характер заимствований) может быть здесь показательна. Разговор о локальном литературном опыте фанфикшн позволяет также задействовать — и получать — знание о локальном социокультурном опыте, в полном соответствии с современным представлением о неразделимости этих категорий, очевидным не только культурным антропологам, но и теоретикам литературы. Ибо там, где имеется «принципиальность фокусировки: не на тексте-объекте, а на действиях, осуществляемых субъектом, или воздействиях, переживаемых им, на отношениях, связях, устанавливаемых внутри и по поводу текста», литературный опыт уместно рассматривать «в качестве синтезирующей категории, включающей в себя и опыт письма, и опыт чтения — в их взаимонаправленности, во-первых, и соотносимости с внелитературными культурными практиками, во-вторых» (Венедиктова, 2012: 72).

Поэтому, имея представление и об англоязычном фанфикшн по «Гарри Поттеру», и о других версиях англоязычных фандомов, я работаю с материалом русского «Гарри Поттера» и уделяю внимание его специфике в контексте того культурного пространства, в котором именно этот уникальный опыт расположен. Обобщения, сделанные в данной статье, основаны на продолжительном включенном наблюдении в русском фанфикшн-сообществе: знакомство с содержанием основных русских онлайн-архивов, читательский блог на главном коммуникативном ресурсе сообщества www.diary.ru, отслеживание множественных конкурсов и событий фандома, чтение и прослушивание радиоинтервью с популярными авторами, знакомство и проведение глубинных интервью с рядом авторов, как по переписке он-

лайн, так и лично. Большинство русских фанфикшн-блогов сегодня, к сожалению, являются подзамочными⁵, информация из них используется в тексте в обобщенном виде; в случае цитирования было получено разрешение у автора записи.

«База чтения» данного исследования составляет более 700 текстов на русском языке, всех возможных объемов и жанров, как относящихся к «классике фандома», так и произведений малоизвестных авторов. В статье я стараюсь приводить в основном примеры из популярных фанфиков, «одобренных» сообществом читателей, имеющих высокий «индекс цитирования» на внутренних рекомендательных сервисах фандома⁶. Кроме того, в декабре 2012 года мною было проведено онлайн-анкетирование наиболее активных двуязычных участниц русского фандома: авторов текстов, читателей и переводчиков, хорошо знакомых как с русским, так и с англоязычным фандомами по «Гарри Поттеру». Подробно заполненные анкеты вернули 11 человек; их возраст 30–47 лет; среди них есть профессиональные переводчики и филологи; есть те, кто сам пишет на английском и активно участвует в англоязычном фандоме наравне с русским; есть читательница англоязычных фанфиков с помощью машинного перевода. Кроме общих вопросов о круге чтения и степени владения языками в анкете содержались вопросы о сравнительных характеристиках текстов по «Гарри Поттеру» на английском и русском, о проблемах перевода фанфиков на русский язык, а также о коммуникации в сообществах. Обобщенные результаты анкетирования использованы в статье, а ответы респондентов цитируются с пометкой «Опрос 2012», с той степенью раскрытия анонимности, которую выбрали сами респонденты.

II

Однако прежде чем перейти к характеристике этого пространства и его читательских и писательских практик, необходимо пунктирно обозначить релевантные линии в истории изучения фанфикшн в современных англоязычных исследованиях. Эта история насчитывает уже более трех десятилетий, в ней немало достигнуто, и в то же время можно сказать, не кривя душой, что у нее многое еще впереди — особенно в области работы с фанфикшн как с современным литературным опытом в новых медийных условиях.

5. Записи в блогах могут видеть только те, у кого у самого есть блог и кто взаимно «добавлен в друзья». За два года, прошедшие с начала моих наблюдений в фандоме (с середины 2011 г.), закрытость личных дневников многократно возросла в связи с ухудшением ситуации со свободой слова и мнений в России, особенно же — в связи с пропагандистскими гомофобными государственными кампаниями 2012/13 года.

6. В специальных сообществах по поиску фанфиков и в дневниках популярных авторов регулярно возникают просьбы порекомендовать «лучшие» или «классические» фанфики, а также вопросы о том, что стоит почитать в какой-либо из категорий. Списки текстов, которые в таких случаях рекомендуют, позволяют составить представление о нескольких условных «центрах» этого обширного поля, даже со всеми поправками на разницу вкусов, возраст читателей и т. д.

Фанфикшн попал в поле зрения исследователей довольно рано, уже в 1980-е; изучение этого феномена продолжилось в 1990-е и получило широкое обсуждение благодаря выходу влиятельных работ таких авторов, как Генри Дженкинс (Jenkins, 1992), Констанс Пенли (Penley, 1997) и Камилла Бэкон-Смит (Bacon-Smith, 1992)⁷. Дисциплинарная принадлежность «первой волны» исследований фанфикшн надолго определила доминирующие подходы к его изучению, множественные достоинства и некоторые недостатки появляющихся текстов. Пионерские работы о фанфикшн либо написаны исследователями медиа, либо принадлежат перу гендерных теоретиков, заинтересовавшихся практикой фанфикшн как преимущественно женской. Более всего фанфикшн изучался на материале сообществ поклонников «культовых» телесериалов.

Исследователей в первую очередь интересовали практики и ценности их участников, а также свойства культуры, создаваемой активными зрительскими и читательскими сообществами, — получившей название «культура соучастия» (participatory culture) (Jenkins, 2006). Правда, Генри Дженкинс еще — без негативных коннотаций — назвал ее культурой «браконьеров» (textual poachers), «таскающих» значения и образы «канонических произведений» для создания огромного количества других текстов разного типа и статуса, в ходе самостоятельно изобретенных интерпретативных творческих практик: «Фандом включает в себя специфические наборы практик критики и интерпретации. Обучение этим предпочтительным в сообществе практикам чтения — важная часть процесса становления фанатом. Критика, практикующаяся в фан-сообществе, субъективна, спекулятивна, носит игровой характер. Фанатов волнуют точность деталей и общая внутренняя связность сериала от эпизода к эпизоду. Они заняты созданием убедительных параллелей между своей жизнью и событиями сериала. Фанатская критика направлена на заполнение лакун, на исследование возможностей избыточных мест и нераскрытых потенциалов» (Jenkins, 1992: 284)⁸. Обнаружение этого богатства возможных зрительских/читательских стратегий привело, в частности (уже под напором первой, но особенно второй волны исследований фанфикшн, начавшей в 2000-е работать с интернет-ресурсами), к падению популярной до этого в культурных исследованиях концепции, противопоставляющей вовлеченность зрителя или читателя в произведения массовой культуры практикам сопротивления (incorporation/resistance paradigm) (Abercrombie, Longhurst, 1998: 15–36)⁹. Эта концепция, исходящая из представления о «целостном» произведении медиа с определенным

7. Обширная библиография по исследованиям фанфикшн до 2006 года собрана в: Fan Fiction and Fan Communities, 2006: 33–40.

8. Здесь и далее перевод всех англоязычных текстов, не опубликованных на русском, мой.

9. Примечательно, что в сборнике «Fan fiction and fan communities in the age of the Internet» (Fan fiction and fan communities, 2006) лишь единичные статьи обходятся без того, чтобы более или менее развернуто указать на несостоятельность концепции зрительского/читательского сопротивления. Авторы этого во многих отношениях удачного сборника, одного из наиболее содержательных изданий, посвященных фанфикшн, уже единодушны в вопросе неприменимости этой концепции, но пока еще считают нужным это оговаривать.

смыслом и однозначной идеологией и об отвечающих этому смыслу пассивных «правильных» или оппозиционных «сопротивленческих» читательских/зрительских стратегиях восприятия, стала выглядеть архаичной на фоне открывшегося разнообразия интерпретативных стратегий, практикуемых реальными читателями/зрителями.

Еще одним существенным следствием медийной грамотности первых исследователей, работающих с фанфикшн-сообществами, стало практически полное отсутствие в этом поле вульгаризированных фольклорно-мифологических подходов. Говоря о «популярной культуре» и даже иногда, в синонимичном значении, о современной народной культуре (*contemporary folk culture*) (Jenkins, 1992: 285), исследователи не склонны забывать о создателях этой культуры: как правило, хорошо образованных, технически продвинутых, творческих участниках в высшей степени рефлексивной современной коммуникации, включающей в себя весь опыт массовой культуры XX века. В текстах любительской литературы, как и в произведениях, по которым они созданы, действительно множество повторений, жанрово-формульных элементов и легко опознаваемых традиционных нарративных структур. Однако эти структуры или «мотивы» используются для передачи современного социального, человеческого, нередко критического, смысла с помощью современных медиа, и выхолащивание этого смысла в изучаемых текстах делает само это изучение бессмысленным.

Социологическое наполнение ранней фанфикшн-этнографии связано с обнаружением и попытками дать интерпретацию того факта, что в наибольшей степени фанфикшн-практики привлекают женщин. Причем в случае с ранними англоязычными фандомами речь преимущественно шла о гетеросексуальных, незамужних женщинах среднего класса, достаточно хорошо образованных и благополучных в социальном смысле. Действительно, с появлением первых серьезных исследований фанфикшн полностью «пал» стереотип фаната-фрика, застенчивого подростка, заменяющего фантазийными мирами нехватку социализации в реальной жизни. Новые представления о фанатах во многом изменили прежнее отношение к фанфикшн как маргинальной практике, но сегодня и они тоже претерпели изменения. Любые «генерализирующие» концепции фанфикшн, как в отношении его типов и жанров, так и в отношении авторов и читателей, опровергнуты его развитием и продолжают критиковаться «второй волной» исследований (с начала 2000-х и по настоящее время).

Пожалуй, единственным неизменным моментом остается гендерная специфика: фанфикшн по-прежнему читают и пишут преимущественно женщины. Но сегодня это женщины всех возрастов, сексуальных ориентаций, уровней дохода и образования (доступ к Интернету становится здесь единственным условием), любого семейного положения. Они свободно выбирают в Интернете подходящий для себя фандом. Роль женщин, увлеченных читательниц, в развитии современных форм любительского литературного творчества некоторым образом напоминает их роль в другом эпизоде литературной истории — в становлении романа как

главного средства литературной коммуникации, инструмента биографического осмысления, проводника вертикальной мобильности на протяжении XIX века, в контексте повышения уровня грамотности и введения практики постоянного чтения в повседневный обиход (Гудков, Дубин, Страда, 1998; Лайонс, 2008). Женщины в современном обществе с самого начала его строительства неизменно читали, и сегодня они продолжают читать, не отказавшись к тому же воспользоваться средствами, которые им предоставили новые медиа, для того чтобы максимально приблизить свое чтение к желаемому, к тому, что они выбирают «для себя и друг друга».

Следующий немаловажный сюжет истории развития фанфикшн и истории его изучения связан со значительной ролью, которую в нем играет слэш: широко распространенный подвид фанфикшн-текстов, делающий акцент на любовных и/или сексуальных отношениях мужских персонажей «канона»¹⁰. Именно слэш, в особенности в его порнографической разновидности, первым попал в поле внимания исследователей фанфикшн, в область интереса гендерной теории, и на сегодняшний день насчитывается немало его интерпретаций различного свойства: феминистских, психоаналитических, культурно-антропологических и так далее. Первых исследователей вопрос, почему женщины пишут слэш, интересовал едва ли не больше всех остальных вопросов о фанфикшн. Обращу внимание на несколько принципиальных моментов. Прежде всего современный фанфикшн ни в коей мере несводим к слэшу. На это указывают все противники «генерализирующих» концепций фанфикшн, и это очевидно любому исследователю, дающему себе труд ознакомиться с системой фанфикшн-жанров и с целыми фандомами, построенными в гораздо большей степени на дженовых и гет-историях¹¹. Шина Пью, автор одной из немногих на сегодняшний день книг, посвященных литературным контекстам фанфикшн — носящей, правда, скорее описательный, чем теоретический, характер, — строит большинство своих рассуждений на текстах жанра джен, предоставляя, таким образом, неплохой материал для сравнения тем, кто работает с фандомами, где слэш играет более значительную роль (Pugh, 2005). Последнее имеет прямое отношение к русскому фанфикшн по «Гарри Поттеру», который в массе наиболее качественных образцов ориентирован именно на слэш: недовольство уровнем гета и недостаток хорошего джена составляют в русском фандоме постоянный фон обсуждений, как и жаркие дискуссии сторонников двух наиболее популярных слэш-пейрингов — «снарри» (профессор Снейп/Гарри Поттер) и «гарридраки» (Гарри Поттер/Драко Малfoy).

Далее, сам слэш довольно разнообразен, что обесмысливает любые попытки разобраться с его либидинальной экономикой как таковой. Общий глобальный

10. Он назван так из-за черточки (slash), разделяющей имена персонажей в «шапке» фанфика, т. е. в списке предупреждений о содержании текста, например: Гарри Поттер/Драко Малfoy. Образованная таким способом пара называется «пейринг» (pairing).

11. Категория джен (gen) включает в себя тексты, вообще не концентрирующиеся на любовных или сексуальных отношениях персонажей, категория гет (het) подразумевает наличие в центре истории гетеросексуального пейринга.

вопрос, почему женщины делают это, сменился, благодаря долгой истории изучения фанфикшн, на интерес к тому, что именно и в каких случаях они делают; какие возможности слэш как инструмент и форма условности предоставляет для реализации фантазий и желаний читательниц, против чего он направлен, почему в некоторых фандомах его много, а где-то мало, каким он в принципе бывает и так далее. Ответы на эти вопросы остаются убедительными до тех пор, пока они остаются контекстно и жанрово чувствительными, не претендуют на тотальность. Выскажу предварительное предположение, что для русского фанфикшн по «Гарри Поттеру» огромное значение имеют остраивающие и трансформирующие, а также критические функции слэша, как по отношению к существующим гендерным порядкам, так и по отношению к социальной реальности в целом. Эти функции были последовательно проанализированы сначала Генри Дженкинсом, а затем Сарой Гвенлиан-Джонс (Gwenllian-Jones, 2002)¹².

Генри Дженкинс утверждает, что привлекательность слэша для женщин — авторов и читателей фанфикшн — в том, что он переворачивает привычный гендерный порядок и позволяет ввести в поле повествования (осмысления, переживания) те конфигурации действий и эмоций, которые отрицаются или находят недостаточное выражение как в традиционных медийных репрезентациях мужского и женского, так и в самой повседневности: «Слэш противостоит наиболее репрессивным формам сексуальной идентичности и предлагает утопические альтернативы имеющимся гендерным конфигурациям» (Jenkins, 1992: 195). Так, слэш позволяет рассказывать истории о героях-мужчинах, с которыми привычно и легко отождествляться читателю любого пола — и притом наделять этих персонажей эмоциональностью и душевной уязвимостью, закрепленной в современной культуре за внутренним миром женщин. Косвенным аргументом в пользу этого тезиса Дженкинса стало объединение в своих литературных желаниях и способах идентификации с героями женщин традиционной и нетрадиционной сексуальной ориентации, четко фиксируемое на современном материале фанфикшн. Вариант слэша с женскими героями (фем-слэш) тоже существует, но он гораздо менее распространен, к примеру, в поле русского фанфикшн по «Гарри Поттеру»; зато немало писательниц «первого ряда» в жанре слэш не скрывают своей нетрадиционной ориентации. Это не мешает им читать и писать истории о героях-мужчинах, любящих друг друга, отождествляться с этими персонажами, в том числе в развернутых сексуальных описаниях, на которые богат фанфикшн. Слэш предоставляет и разыгрывает в многочисленных проекциях альтернативу традиционному устройству «мужского субъекта», репрессирующего эмоциональность, точно так же, как и репрессивным конструктам «женского», транслируемым официальной массовой культурой.

12. Стоит заметить, что именно от статьи Сары Гвенлиан-Джонс про сексуальную жизнь персонажей «культовых» телесериалов некоторые наблюдатели отсчитывают принципиально новый этап в работе со слэшем: не психологическим курьезом, а художественной конструкцией (Fan fiction and fan communities, 2006: 22).

Одна из жанровых форм выстраивания такой гендерной альтернативы в слэш-литературе была исключительно удачно обозначена Элизабет Вуледж как жанр «интиматопии», распространенный, по утверждению исследовательницы, не только в фанфикшн, но и в современной профессиональной беллетристике (Woledge, 2006: 97–112). Формула жанра интиматопии — путешествие или еще какое-то сложное предприятие, которое герои-мужчины реализуют вместе, не только совместно добиваясь поставленной цели, но раскрывая попутно эмоциональную и сексуальную сторону своих отношений. При этом секс в интиматопии неразрывно вплетен в сюжет и является только одним из способов проявить и усилить близость героев: «Массмедиа, реклама, порнография и популярная психология, так же как и немалая часть популярных и литературных текстов, посвященных гомосексуальной тематике, совместными усилиями пытаются утвердить секс в качестве центрального элемента межличностных взаимоотношений. В противовес этому, внося контрастные подрывные ноты в сложившиеся представления, тексты в жанре интиматопии настаивают на том, что интимность, близость, а вовсе не секс, управляет человеческими отношениями» (Woledge, 2006: 111).

В интиматопии, как и во многих других формах слэша, разделяемая условность позволяет авторам фанфикшн дистанцироваться не только от традиционных гетеросексуальных конструкторов субъективности, но от любых однозначно установленных гендерных порядков: так, будучи переполнены описаниями гомосексуальных контактов всех степеней откровенности, эти тексты репрезентируют не собственно гомосексуальность, а идеальные представления своих авторов и читательниц о гармоничном человеке и «правильных» человеческих отношениях. Один из наиболее известных текстов русского фанфикшн по «Гарри Поттеру», объемная фантазийная сага «Элизиум, или В стране Потерянных Снов» автора Dver_v_zimu, выполнена с соблюдением всех неписаных законов жанра интиматопии. Повзрослевшие Гарри Поттер и Драко Малфой, мужественность и сдержанность которых в начале текста всячески подчеркивается, отправляются в опасное путешествие по волшебной стране Сомнии, пытаясь спасти заболевшего сына Драко, и в ходе множественных испытаний все больше открываются друг другу и миру, реагируют эмоционально на возникающие по ходу действия ситуации, срывают маски неуязвимых победителей (особенно это касается Гарри) и находят друг в друге опору. Где-то в середине повествования их отношения приобретают сексуальный характер, потом один из персонажей говорит о любви, но развитие сюжета продолжает задаваться приключенческой и ценностной («познание себя», «принятие прошлого», «готовность на жертву» и т. д.), а не любовной линией. Показательно, что среди читательских отзывов на «Элизиум», очень любимый и обсуждаемый в сообществе фанфик, регулярно встречаются ремарки по поводу «необязательности» и «дополнительности» сексуальной линии в этом тексте, хотя в основном читательницы ей рады. Любовь и сексуальная близость в «Элизиуме» знаменуют ступени открытости, становления героев «правильными людьми», способными спасти другого и целый мир, а не финальный результат движения.

Сара Гвенлиан-Джонс, анализируя рецепцию «культовых» телесериалов, выделяет еще одну важную функцию слэша. Она видит в слэше прежде всего бунт против традиционного гетеросоциального порядка, против обыденности как таковой, выраженной не только в традиционных санкционированных сексуальных отношениях, но в санкционированных жизненных сценариях вообще. «Нарративы, связанные с гетеросексуальными отношениями, — это, наверное, самая базовая и повсеместно распространенная структура обыденной реальности... Гетеросексуальность как социальная практика прямо противоположна экзотичности и духу приключений, которыми проникнуты вымышленные миры культовых телесериалов» (Gwenllian-Jones, 2002: 87). Совершенно неудивительно, что авторы и читательницы, обращающиеся к сказочно-героическому миру «Гарри Поттера» в том числе потому, что он далек от обыденности, осмысляют варианты борьбы с этой обыденностью в сфере личных отношений с помощью острающей конструкции слэша. Она частично берет на себя в этой ситуации критические функции по отношению к тому миру рутины, которому противопоставлена. Использование этой рамки в пространстве фанфикшн сегодня, с одной стороны, повсеместно и само в каком-то смысле рутинизировалось. С другой стороны, благодаря многообразию форм текстов и возможностей их прочтения, практикуемых в фанфикшн, «настройку» этой оптики для адекватного восприятия и получения удовольствия от написанного читателю каждый раз приходится производить заново: между жесткой порно-фантазией с участием «злодеев» или магических существ, испытывающей границы допустимого в читательском восприятии, и романтическим повествованием о первой влюбленности учеников Хогвартса нет почти ничего общего, кроме того, что они объединены понятием «слэш». Читательницы и писательницы имеют возможность выбрать искомую степень дистанции от обыденности или сыграть на смещении ожидаемых границ.

Для русского фанфикшн-сообщества использование этой острающей рамки имеет повышенное значение, в соответствии со все ужесточающимся давлением социального пространства, в котором оно вынуждено существовать. Слэш в исполнении русских авторов не только усиливает вкус фанфикшн как «подпольной деятельности», тайного кода для разговора «со своими» о том, что по-настоящему важно, чреватого социальной стигматизацией в случае обнаружения¹³; не только предоставляет возможность разрабатывать более полноценные гендерные конфигурации в противовес императивам традиции и/или массовой культуры; не только позволяет остранить мир обыденности, даже порой не покидая его: таковы, к примеру, сентиментальные истории о совместной семейной жизни мужских персонажей канона. Слэш выполняет также прямые критические функции по отношению к тому уровню несвободы в области личных отношений, который пока является

13. Необходимо подчеркнуть, что среди русских женщин достаточно высок процент тех, кто не скрывает свое увлечение слэшем в семье, и это свидетельствует о доверительных личных отношениях, особенно на горизонтальном уровне, внутри семейной пары, — но практически никогда это увлечение не обнаруживают открыто, например, в обществе коллег по работе.

нормой на постсоветском пространстве, и еще усилился в последние годы в России в результате консервативной государственной политики как в области семьи, так и в отношении сексуальных меньшинств. Одна из активных читательниц и авторов русского фанфикшн по «Гарри Поттеру» внятно артикулирует это в обсуждении слэша с другими читательницами:

«Мы живём в откровенно идиотской реальности. В мире, где можно легко демонстрировать холодность и очень сложно — настоящее расположение. <...> Где любовь всё время форматируют под актуальный тренд: механический и журнально-правильный секс, брак, однополый брак, патриотизм, самопожертвование и ещё черт знает что. Мы живем в мире, в котором ты никогда не остаёшься один, потому что в твоей голове кто-то всё время держит свечку, и счастливым быть можно, только если это не оскорбляет ничьих религиозных и эстетических чувств. Вы ещё удивляетесь наличию слэша? Я нет. Надо же куда-то всё это девать.

Хороший слэш — это почти всегда больно. Потому что, мне кажется, слэш растёт из темноты, аккумулирует в себе инстинкты, задыхающиеся в намертво закрытом подвале. <...> Слэш изначально несёт в себе разлом, даже если мир в тексте вообще ни в одном месте не против гомосексуализма. Автор-то в этом мире не живёт, и читатель тоже. Напротив, он с рождения, с детских сказок обитает совершенно в другой реальности. И вот ты читаешь — и подсознательно ждёшь катастрофы, а на это ощущение еще накладывается сюжет фика и мастерство рассказчика. В результате слэш с хеппи-эндом всё равно бьёт с такой силой, которой гет может добиться только после мучительной смерти всех персонажей до единого».

(Запись в личном блоге, цит. с разрешения автора)

Современные исследования фанфикшн, работающие в интернет-пространстве, в ситуации развития и диверсификации поля, вынуждены более тонко настраивать инструментальную оптику, быть осторожными с желанием чрезмерной генерализации в отношении своего материала¹⁴. Это позволяет уделять больше внимания особенностям отдельных вариантов и жанров фанфикшн, его локальной специфике, функциональным свойствам его различных инструментов. Качественная работа со сложными конструкциями остранения в слэше представлена, например, в тексте Кристины Буссе и Алексис Лотиан о таком специфическом художественном приеме, как «обмен телами с противоположным полом» (gender swap) (Busse, Lothian, 2009). Среди работ непосредственно о «Гарри Поттере» упомяну статью Катрин Тозенбергер, посвященную проблеме репрезентации сексуального опыта

14. Иначе они неизбежно попадают впросак: так, например, в оригинальной и эвристически ценной статье о фанфикшн как фрейдовском фантазировании, а именно «снах наяву» (daydreaming), Ингрид Хотц-Дэвис обращается к некоторым подвидам слэша, присваивая им качество репрезентативности и вынося суждения о «фанфикшн вообще» (Hotz-Davies, 2009: 92). Это приводит ее к заключению о малой представленности в фанфикшн иронии и юмора, противоположных по модальности «снам наяву». Данное заключение может быть полностью опровергнуто на материале русского фанфикшн по «Гарри Поттеру», который содержит блестящие образцы юмористических текстов разного типа и неравнодушен к иронии на письме в целом.

подростков (Tosenberger, 2008), статью Ики Уиллис о практиках реконтекстуализации «канона» в субъективном чтении в соответствии с требованиями и желаниями разных групп читателей (Willis, 2006), и уместный в этом контексте свой текст о гендерных ценностях русского фанфикшн по «Гарри Поттеру» (Samutina, 2013). Одновременно среди исследователей ширится понимание того, что о фанфикшн давно пора говорить серьезно, не как о курьезе, а как о распространенной коммуникативной практике и форме литературы, в связи с его местом в жизни современных читательниц и в сравнении с другими медийными практиками и литературными формами. «Защитная реакция» против внешних оценочных характеристик поля, как и апологетический драйв, еще не ушли полностью из текстов тех, кто занимается фанфикшн, однако эти эффекты все больше принимают конструктивный характер: ряд авторов пытается предложить теоретические концепции фанфикшн как актуальной культурной практики, соответствующей постмодерному состоянию литературной и вообще публичной культуры.

Наибольшее обсуждение в этой категории, помимо «браконьеров» Генри Дженкинса и теории критики гетеросоциального порядка Сары Гвенлиан-Джонс, получила концепция Абигаиль Деричо, которая, опираясь на теорию архива Жака Деррида, вписывает фанфикшн — наряду с другими похожими формами женского письма и публикующейся беллетристики, в особенности «постколониальной литературы», — в традицию протеста против иерархических форм официальной литературной культуры: «Фанфикшн находится в философской оппозиции к иерархии, собственности и господству одного варианта из серии над другими вариантами. Фанфикшн это этическая практика» (Derecho, 2006: 77). Понятие «литература архива» (archontic literature), которым оперирует Абигаиль Деричо, призвано заменить указывающие на иерархию определения «деривативная» (derivative), или «построенная на присвоении» (appropriative) литература, которые распространены применительно к подобным формам. Принципиальная неполнота архива, его способность расширяться в любом направлении и неудержимое стремление к этому расширению, особенно ярко проявившее себя в новых цифровых медиа, действительно позволяют взглянуть на архив как на рабочую модель для осмысления ряда качеств фанфикшн: «Литература как архив состоит из архивных по своей природе текстов, которые побуждают к существованию тот же самый принцип: тенденция к расширению и разрастанию, свойственная любому архиву. <...> Все тексты, которые выстраиваются на основе уже существующего текста, не менее значимы, чем текст-источник, и не нарушают его границ; скорее, они служат добавлением к архиву этого текста, становятся его частью и расширяют его» (Derecho, 2006: 64–65). Статья Деричо содержит впечатляющий список опубликованных, начиная с XVII века, литературных текстов, подпадающих под определение «литературы архива». Несмотря на некоторые проблемы с понятием архива — в частности, с тем фактом, что власть и принцип иерархии, осуществляемые самим архивом как культурной практикой отбора образцов, остаются за пределами внимания этого несколько идеализированного подхода, а специфика формирования читательского горизон-

та ожидания в произведениях фанфикшн при уравнивании их с профессиональной беллетристикой теряется, концепция Деричо становится одним из способов подчеркнуть открытую природу фанфикшн как поля литературной коммуникации и неслучайность разрастания этого поля в постмодерной современности.

Русские авторы, читатели, переводчики текстов по «Гарри Поттеру» могут быть определены в этом контексте как организаторы и хранители одного из отделений всемирного открытого архива. Количественно русский фандом по «Гарри Поттеру», конечно, несравнимо меньше безбрежного глобального англоязычного фандома, но тем не менее для него характерны все основные виды коллективных практик: участники сообщества обмениваются текстами, опытом их написания и мнениями о прочитанном; работают внутренние институты редактирования, рецензирования, отбора и оценки; проводятся литературные конкурсы, иногда очень сложно организованные; устанавливаются и теряются репутации и т. д. Русский сегмент фандомной поттерианы включает в себя солидный объем текстов, как оригинальных, так и переводных. Приблизительное представление о количестве русского фанфикшн по «Гарри Поттеру» можно составить по статистике ряда популярных сайтов: по данным на август 2013 года, наиболее авторитетный в сообществе модерлируемый сайт «качественного фанфикшн» «Сказки, рассказанные перед сном профессором зельеварения Северусом Снейпом» содержал 12 с половиной тысяч текстов по «Гарри Поттеру», на сайте зарегистрировано более 10 тысяч авторов¹⁵. Модерлируемый архив «Фанфикс.ру» содержал больше 7 тыс. фанфиков и 1800 профилей авторов и переводчиков. На этом сайте требуется регистрация, что позволяет судить о количестве участников, не помещающих туда тексты, но читающих и во многих случаях вступающих в обсуждения прочитанного: на август 2013 года на сайте было зарегистрировано почти 107 тысяч читательских аккаунтов. Модерлируемый архив «HogwartsNet» включал более 6 тысяч фанфиков по «Гарри Поттеру», сайт «Книга фанфиков» — более 11 тысяч. Даже если удалить из этого общего количества случающиеся повторения, необходимо будет добавить не поддающийся исчислению контент популярных в сообществе форумов, таких как «Астрономическая башня», «SlashWorld» или «Слизеринский форум» (последний — 30 тысяч зарегистрированных участников, авторов и читателей, на август 2013), а также фанфики в блогах авторов на ресурсе www.diary.ru, не выложенные более никуда, и разрастающийся фанфикшн-контент в социальной сети «ВКонтакте».

Часть популярных текстов весьма внушительны по объему: «Игрок» автора rakugan — исторический роман о юности Тома Риддла на 34 авторских листа; «Элизиум, или в стране Потерянных Снов» автора Dver_v_zimu — объемное слэш-фэнтези в четырех частях; трехчастная дженсовая эпопея «Burglars' trip» автора valley, известная также под названием «Взломщики», по объему приближается к

15. Надо оговориться, что эта цифра включает в себя не только авторов текстов по «Гарри Поттеру». Кроме того, довольно распространена ситуация, когда автор пишет по нескольким фандомам сразу.

произведению Роулинг. Ряд авторов охотно пишут циклы историй, объединенные сквозным сюжетом: «Квиддичная трилогия» автора Дос Ребесса, цикл «По другую сторону...» автора Friyana, цикл «Недетские истории» автора Тома-км. Некоторые авторские и переводческие проекты делятся годами; есть тексты, над которыми работают команды переводчиков, чтобы сделать проект осуществимым в какой-то обозримой перспективе. Но весьма распространены и крошечные атмосферные драбблы (так в фанфикшн называются миниатюры около 100 слов), постоянный материал литературных игр, а также короткие рассказы, так называемые «мини».

Благодаря Интернету участие в жизни сообщества не имеет пространственных ограничений, и так же, как и везде в мире сегодня, участницы русского фандома сами выбирают форму и степень своей вовлеченности в фандомные практики. Эта степень может варьироваться от молчаливого чтения и наблюдения онлайн до организации офлайн-мероприятий. Многие участницы фандома признаются, что начинали как робкие читатели, а затем прошли весь путь к становлению авторами и к значительной степени вовлечения в практики сообщества. Фандом имеет историю и живет в динамике: многие «авторы-классики», писавшие по «Гарри Поттеру» в середине 2000-х, уже перестали писать совсем или ушли в другие фандомы; среди давних участников сообщества, заставших бурные дискуссии, производство альтернативных версий и напряженное ожидание выхода новых книг эпопеи Джоан Роулинг, бытует мнение, что «фандом умирает» (ставшее, впрочем, мемом на Фандомной битве 2013, где фандом «Гарри Поттера», как пошутила одна из читательниц, «не иначе как от смерти распух на 16 «макси»). Это мнение основано не только на некотором снижении фандомной активности, но и на изменении характера «входа» новых читателей в это коммуникативное поле: сегодня, несколько лет спустя после завершения эпопеи Роулинг, фандом более всего пополняется юными читательницами, впервые открывающими для себя в ходе взросления как «Гарри Поттера», так и фанфикшн-письмо; это ведет к понижению грамотности текстов и меняет параметры передаваемого с их помощью опыта. Тем не менее общее количество текстов и их читателей продолжает расти, а наработанные фандомными поколениями приемы, сюжеты, способы письма составляют массив материалов для ориентира и адресации.

Подавляющее большинство авторов русского фанфикшн по «Гарри Поттеру», как и в других странах, — женщины. Значительная их часть гетеросексуальна, состоит в браке, имеет детей: в блогах участниц сообщества истории страстной любви Гарри и профессора Снейпа зачастую перемежаются рассказами о детях или вопросах о том, каким лекарством лучше лечить расхворавшуюся семью. Возраст авторов варьируется, как и в аналогичном англоязычном сообществе, от 15–17 до 50 с лишним лет, и крайние возрастные группы составляют минимально пересекающиеся анклавы. Авторы наиболее признанных в сообществе, популярных, обсуждаемых текстов русского «Гарри Поттера» в основном принадлежат к поколению 30–40-летних, у них высшее образование и высокая профессиональная квалификация либо даже профессия, напрямую связанная с чтением и письмом (редакто-

ры, переводчики, журналисты, учителя). Среди авторов встречаются кандидаты наук, действие текстов может происходить в библиотеках или исследовательских институтах, порой там даже фигурируют индексы цитирования, борьба за гранты и факт отсутствия у Темного Лорда Волдеморта публикаций в авторитетном журнале *Magic* (текст «У Фольксхалле поезд не останавливается», автор Тайсин). К творчеству тинейджеров эта группа относится с иронией, их принято дразнить «деффачками» и глумиться над их неграмотностью и шаблонным письмом — разумеется, тинейджеры справляются с этим, создавая свои онлайн-территории, организуя свои группы поддержки. Студентки, еще одна активная возрастная группа фандома (в среднем 20–25 лет), примыкают к той или иной фракции сообщества, в зависимости от своих литературных способностей и коммуникабельности. Социальное положение ряда авторов русского фанфикшн подпадает под емкую характеристику, данную современным фанатам Генри Дженкинсом: «Фанаты очень часто — люди, образование которых намного превышает уровень задач, которые они вынуждены выполнять на работе, чьи интеллектуальные способности не задействуются в их профессиональной жизни» (Jenkins, 1992: 288). Но в то же время нестабильность существования на постсоветском пространстве, причудливость профессиональных, географических, личных траекторий граждан бывшего Советского Союза приводят к большому разнообразию комбинаций, и это разнообразие находит свое полное выражение в русском фандоме.

III

Как же устроена эта «литература читателей», это чтение, продленное как письмо, адресованное тому, кто всегда уже ждет, жаждет прочесть и отозваться и обрести читателя в свой черед? Полностью вынося за рамки профессиональное институциональное устройство литературы, ее коммерческий характер, ее способность делать нас теми, кто «знает имена» и самоутверждается в обществе за счет символического культурного капитала, что мы получаем «в живом остатке» там, где этого нет, — то есть задавая вопрос о фанфикшн как об опыте письма и чтения? В первую очередь, конечно, именно читателя как главное действующее лицо: следы и свидетельства активного, непрестанного, экстенсивного, (при)страстного чтения в сообществе, разделенного с другими, опирающегося на их помощь и поддержку. Даже получить текст в фанфикшн-сообществе порой возможно, только обратившись к кому-то лично: тексты мигрируют по Сети с ресурса на ресурс, иногда удаляются вовсе, и в сообществе заведены специальные блоги, где каждый может вывесить объявление о розыске определенного текста и получить его от другого читателя на e-mail. Читатели и авторы фанфикшн находятся в постоянном разговоре друг с другом в процессе чтения и письма, меняются ролями, становятся друг другу редакторами (в фанфикшн принято взаимное редактирование текстов перед выкладкой в открытый доступ; оно варьируется от грамматической правки до полноценного соучастия в написании), пишут совместно и продолжают тек-

сты друг друга, создавая сиквелы и «фанфики по фанфикам», рекомендуют тексты, составляют списки «любимого» и «лучшего», проводят друг для друга семинары по письму и переводу. Фанфикшн читают и пишут в первую очередь те, кто вообще любит читать, кому интересно трансформировать чтение в письмо и другие виды активности, от интерпретативной до игровой, причем делать это быстро и желательно без формирования дистанции, то есть не отделяя захваченность текстом от результата его переработки в своем читательском опыте временными или культурными рамками, как это нередко бывает с «профессиональным» чтением критиков или исследователей литературы.

При этом речь вовсе не идет о графомании в буквальном понимании этого слова: графомания, то есть неконтролируемая страсть к письму, конечно, встречается в фанфикшн-пространстве, но вряд ли чаще, чем в «обычной» беллетристике или гуманитарной эссеистике. Многие фанфикшн-авторы пишут мало и медленно, старательно бьются над поставленными задачами, терзаются и испытывают неудачи, чреватые порой репутационными потерями в сообществе (такое происходит, например, если автор пообещал текст на командный конкурс и не сумел его написать, «подвел команду»). Любой фанфикшн-автор — в первую очередь читатель, и то, насколько легко конструкция фанфикшн позволяет читателю становиться автором, есть свойство именно этой культурной конструкции, а не результат проявившей себя девиации, «мании». Но, безусловно, чтение и письмо фанфикшн — зона повышенной эмоциональности, свободной реализации аффекта, распространяющейся не только на антропологические характеристики персонажей, но и на сами практики чтения и письма. Авторы испытывают огромное удовлетворение от окончания текста, от чувства свершения и законченности своей версии художественного мира — и охотно об этом говорят. Читательницы фанфикшн постоянно плачут над текстами, умирают от счастья, смеются взахлеб; фанфикшн принято страстно хвалить и столь же эмоционально ругать. В блогах можно встретить развернутые истории-описания прочтения какого-либо текста и воздействия этого текста, то есть перечень всего, что текст «сделал» с читательницей: одна из таких историй в читательском блоге называется «Безумная неделя августа 2011-го» и содержит последовательное описание первого знакомства читательницы со слэшем, потрясения, потом понимания и запойного чтения ночами, реакции окружающих, интерпретации прочитанного и так далее. Русский фанфикшн по «Гарри Поттеру» производит множество обаятельных образов чтения, отражающих этот опыт: страстно увлеченные чтением персонажи; вымышленные и реальные книги, играющие важную роль в сюжете; борхесовские библиотеки, служащие проводниками в другие миры (Свенгали, «Пока не знаю») или местами спасения этого мира (Цыца, «Ex Libris»).

«Первой книгой, прочитанной мною в кабинете моего профессора Снейпа от корки до корки и навсегда врезавшейся в память, стал толстенный том „Кодекса Серафини“. Я до сих пор могу закрыть глаза и перед закрытыми ве-

ками увижу рисунки — подробные, с множеством мелких деталей, виньетки и буквицы, разноцветные пергаментные вклейки. До сих пор я помню сладковатый, приторный яблочный аромат от страниц и могу наизусть пересказать отдельные статьи. Я не знаю, почему именно с „Кодекса“ началась моя любовь к этому кабинету — но она определённо началась, и я никогда не забуду те декабрьские вечера, когда я бежал, опьянённый близостью и тайной властью своего убежища, по длинным коридорам Слизера. <...>

Той весной мы попали под ураган романтиков — и пока профессор Снейп из последних сил презирал нас, задирали свой крючковатый нос и выдавал саркастичные замечания, я и Ал барахтались в волнах безумной, вычурной и нервной поэзии».

(«Путеводитель для странных мальчиков», автор Dver_v_zimu)

Перед наблюдателем этого проявленного, неустрашимого поля чтения, читательского труда и аффекта, возникают несколько вопросов. Во-первых, может ли этот опыт чтения сам послужить определением некоторого вида литературы, свидетельствовать о литературе и поддерживать ее; во-вторых, какая конструкция текстов отвечает на эту страсть чтения, учитывает ее и продолжает удовлетворять; в-третьих, как это поле читательского письма соотносится с традиционными литературными формами и жанрами, наследует оно им или оппозиционно, и к какому именно литературному опыту мы получаем доступ в случае с практиками фанфикшн, что о нем можно сказать, кроме того, что он преимущественно женский, как он выявляет себя в локальных вариантах. Разумеется, полностью ответить на эти вопросы в рамках одной статьи невозможно; но я намечу подходы к некоторым из них, в надежде, что все более значимое присутствие фанфикшн в читательском опыте наших современников привлечет к изучению этой практики большее количество исследователей.

Часть этих вопросов требует разговора о функциях чтения, и к счастью, с некоторого времени вопрос «зачем люди читают литературу?» стал развернуто задаваться не только в социологических исследованиях, где на него можно получить локальный эмпирический ответ¹⁶. Функциональное направление современной литературной теории, ярко представленное, в частности, книгой Риты Фелски «Для чего используется литература» (Felski, 2008), уделяет внимание именно мотивам и функциям чтения литературы для (обычного) читателя: не только массового, но любого, кто любит читать, — большинство примеров в книге Риты Фелски взято вовсе не из массовой литературы. Как справедливо замечает Сергей Зенкин в своих рассуждениях о книге Фелски, ее феноменология чтения выносит за рамки мотивы и задачи использования литературы государственными общностями и институциональными структурами; речь идет именно о чтении как добровольном индивидуальном занятии, чтении, привязанном к представлению об индивиду-

16. Такой, как, например, в исследовании чтения «Гарри Поттера» во Франции, связывающий практики чтения детей с социальным положением их родителей и медийными дискурсами, определяющими направление чтения (Vanhee, 2008).

альном субъекте, имеющем перед собой текст (Зенкин, 2011). В таком чтении Рита Фелски обнаруживает четыре основных ценностных мотива:

«...я утверждаю, что в чтении задействована логика *узнавания*; что эстетический опыт в каком-то смысле аналогичен *зачарованности* (enchantment) в так называемый век разочарования; что литература создает определенные конфигурации социального *знания*; что мы можем ценить опыт *шока*, производимый некоторыми текстами. Эти четыре категории воплощают то, что я называю „модусами вовлеченности в текст“: они не являются ни внутренними качествами литературы, ни независимыми психологическими состояниями, но обозначают многоуровневые отношения между текстами и читателями, отношения, несводимые к одному или другому уровню только» (Felski, 2008: 14).

Все эти обозначенные Ритой Фелски модусы вовлеченности в текст имеют для читателей фанфикшн принципиальное значение. Фанфикшн читается по не меньшему числу причин, что и любое опубликованное произведение, которое было прочитано не к семинару по истории литературы и не для поиска цитат для официальной речи политика. *Узнавание себя в тексте*, самопознание посредством анализа действий персонажей, их ценностей и мотивов, а также ценностей и мотивов авторов, поставивших их в такие условия, непрерывно артикулируется в обсуждениях прочитанного, как и высокая степень отождествления читателей с героями, любовь или ненависть к ним, побуждающая читателей к самоописанию и зачастую определяющая даже не характер прочтения, а сам факт чтения того или иного текста и типа текстов. Многие отказываются читать про тех персонажей, которые им неприятны; фразы «я гаррицентрист» или «я ненавижу Снейпа и все пейринги с ним» понятны всем участникам фандома и признаются «законным» обоснованием чтения или отказа от него, а также последующих выносимых суждений о прочитанном. Ряд фандомных авторов известны своей особой любовью к конкретным героям и постоянством прочтения образа персонажа: так, если кто-то ищет фанфики про «сильного Драко Малфоя», ему обязательно порекомендуют тексты автора барон де Куртнэ. *Узнавание себя в тексте* действует и на уровне саморефлексии через реализованные в проекции на текст конструкции субъективности, и на уровне осмысления более общих коллективных пластов опыта, проведения параллелей между художественными мирами и близким социальным опытом — что уже перекидывает мостик к функции социального *знания*.

«И вот когда я читала про потерю памяти, про счастливую жизнь на Авалоне, я сначала порадовалась — потому что Сириус это заслужил, эту самую счастливую жизнь. Но радовалась я недолго, буквально несколько минут, потому что как по голове обухом ударило. Да, заслужил. Но это теперь не Сириус, а сир Канис. И несмотря на спокойствие, эта жизнь — чужая. Хорошая, счастливая, но чужая.

Я, наверное, сама слишком за свою свободу трясусь и за свои мысли и воспоминания — и поэтому для меня такой поворот событий не был счастьем. Точнее — счастьем, но каким-то искалеченным. Потому что да, могилы, разрушенная жизнь, пыль, пустой дом — но это все его, собственное, его жизнь, где когда-то было и счастье. И забыть обо всем этом... это как себя крест-накрест перечеркнуть. Такой вот парадокс».

(Отзыв Auliten в личном блоге на фанфик «Оруженосец» авторов Tavvitar и Doc Rebecca, цит. с разрешения автора)

«Чего вдруг — не знаю, но подумалось.

Мародеры — это такое тревожное поколение, на чьем веку случилась война. Это как дети, рожденные в СССР году этак в 1924-м. Кошунственное сравнение, но у меня так работают мозги. <...> Вседозволенность, уверенность в собственных силах, веселье без причин, ненависть — только потому, что нос кривой, и вдруг звоночки, звоночки, звоночки — и их накрывает бедой. Бабах! Хлоп. Что с весельем, куда ринется ненависть... страшно. И интересно.

Гарри Поттер и иже. Дети войны. Они же не расслабляются вообще. Над ними постоянно висит угроза смерти, они боятся за родителей-родственников-друзей. Они точно знают, что все может быть ужасно. Но они как-то умудряются жить, влюбляться, целоваться, играть в квиддич. Но ведь ни на миг не забыть! Интересно.

Нексты¹⁷ — это мы. Че, у нас все ок. Не интересно».

(Запись marina-ri в личном блоге, цит. с разрешения автора)

Поскольку чтение в фанфикшн незамедлительно продолжается как письмо, доступное каждому, результаты самоосознания в нем можно наблюдать в куда менее закамуфлированных формах, чем в «высокой» литературе, — хотя ничуть не менее закамуфлированных, чем, например, формулы массовой культуры, в одной из функций выступающие как недвусмысленные «руководства к действию» для своего читателя (Cawelti, 1976). Стоит заметить, что некоторые из распространенных в фанфикшн способов вписать себя в текст, такие как широко обсуждающийся «феномен Мэри Сью» (идеального персонажа, прямо репрезентирующего автора в сюжете), уже стали предметом анализа с литературоведческих позиций, в том числе на русском языке, например, в диссертации Ксении Прасоловой (Прасолова, 2009) — методологические подходы работы мне не близки, но она содержит немало важных наблюдений относительно конструкций текстов фанфикшн.

Наконец, «забота о себе», как развернутая и осознанная мотивация, служит одним из главных стержней аксиологии фанфикшн на всех уровнях (Samutina, 2013). Принцип «пойми, что именно тебе важно, и развивай это средствами литературного воображения» — краеугольный камень этого коммуникативного пространства. Аналогичное требование самопознания, становления собой, отказа от навязанных ценностей и установок, фанфикшн-авторы предъявляют своим люби-

17. Имеется в виду «next generation», поколение детей Гарри Поттера и их ровесников, про которых тоже существуют множество текстов и в глобальном, и русском фанфикшн.

мым героям в десятках жанров и сотнях сюжетных вариантов. В основе аксиологии фанфикшн лежит модель осознанного выбора: с позитивно маркированным индивидуализмом как высшей ценностью; с утверждением персонажами/автором права на существование в социуме в качестве независимой личности со всеми подпадающими потребностями; с признанием в качестве «мерила всех вещей» человеческой подлинности и возможности самореализации, в первую очередь в отношениях с другим, любимым, человеком. Предоставляя герою возможность выбора, этот тип литературы одновременно предоставляет авторам и читателям место для осмысления и обсуждения последствий любого выбора, становясь обширной сценой для экспериментов с самими собой, для самопознания и саморазвития.

Во многих фанфиках эта экспериментальная составляющая почти открыто эксплицирована. Так, в длинной, практически дженовой истории «Табия» автора Тупак Юпанки Гарри отправляется жить в ставку Волдеморта и вступает с ним в психологический поединок, действительно напоминающий шахматную партию. Результаты этой партии оказываются неоднозначны, Гарри — к удовлетворению автора, играющего «за темных», — проигрывает. Но существенно то, что последствия различных «ходов» героев прописываются автором подробно, а мотивация «игры по своим правилам» и «становления самостоятельной фигурой» подается как чрезвычайно ценностно нагруженная. Поскольку основной массив фанфикшн посвящен все-таки перипетиям личных отношений или, по крайней мере, близких человеческих отношений, почти обязательным элементом в нем становится необходимость выбора героями именно своего гендерного сценария, осознание своих эмоциональных, сексуальных, жизненных чувств и потребностей во всей их полноте. Этот выбор также нередко эксплицирован в речи персонажей и конфигурации центрального конфликта. «Она будит во мне только все хорошее, я... нравлюсь себе, когда я с ней», — говорит Гарри о своей «официальной», милой и домашней подружке Джинни, в гарридраке автора DD «Апроуч-роуд, 17А». Но тут же вынужден добавить: «Я знаю, что во мне много такого... чего я не могу показать ей» — и выбор, который он в итоге делает, является выбором в пользу полноты самоосуществления.

Следующий модус, выделенный Ритой Фелски, «зачарованность», применительно к фанфикшн, на первый взгляд не очень нуждается в комментариях. Фанфикшн как вид чтения в первую очередь связан со страстью, с полным переключением читающего в режим существования в воображаемом мире. Способность текста захватывать воображение читателя, лишать его еды и сна почитается в фанфикшн за величайшее достоинство. Масштабы погружения в текст, достигаемые при чтении фанфикшн, отражены не только в многочисленных историях «запойных прочтений», но и в изумленных историях «протрезвлений». Читатели нередко признаются, что, немного отойдя от фандомного чтения или сменив фандом, не могут потом вернуться, не способны не только пережить захваченность прежде любимым текстом снова, но и начинают видеть все недостатки, все плохо подогнанные элементы конструкции, которые из этого текста начинают тор-

чать. «Когда мы полностью захвачены текстом, мы больше не способны поместить его в контекст, потому что он и *есть* контекст, императивно диктующий условия своего восприятия, он нас абсорбирует», — пишет Рита Фелски (Felski, 2008: 57). Вероятно, в этом фанфикшн особенно делит поле с традиционной любовной литературой, подтверждая уместность замечания Фелски о том, что эмоциональное восприятие читательниц и зрительниц достаточно рано осознается в культуре модерна как более подверженное эффектам массовых воздействий, более склонное приостанавливать критическую функцию ради чистого удовольствия.

Но практически в фанфикшн действие этого «эффекта погружения» устроено более сложно. В отзывах о прочтенном очень часто встречается описание своего поведения в духе известного анекдота «мыши плакали, кололись, но продолжали грызть кактус». Значительная часть читательниц обнаруживает в себе способность читать «какой угодно» фанфикшн-текст, отдавая себе отчет в его несовершенствах, а то и испытывая неприязнь к тому, как он устроен, например, на уровне идеологии — будучи влекомы то сюжетом, то индивидуальными зацепками («читала эту чепуху, хохотала и вспоминала, как познакомилась с мужем»), то просто драйвом чтения и письма, развертыванием текста, осязаемой увлеченностью его автора. Текстам, способным производить такой эффект на читателей (обычно они содержат большой набор штампов из любовных романов и аксиологию, отличную от ценностных ориентиров «ядра» фанфикшн-сообщества), достается больше всего: читатели «мстят» им за то, что они дочитали, высказывая уничижительные оценки и таким образом избавляясь от «магического воздействия» текста, который им не понравился, «страхивая» его двусмысленное очарование. Вот автор gekkon комментирует в своем открытом блоге неумелую подростковую гарридраку «Самые прекрасные цветы растут из грязи» автора Amiga19: «Зачем я это читаю? Этот отвратительно слюнявый и нелогичный дамский роман, замаскированный под гарридраку? Меня оправдывает лишь факт, что все еще дрыхнут и я не могу даже посудомойку включить. Вот и сижу с дождем за окном, котом на коленях и бульварным чтивом с Малфоем-истеричкой и типичной секретуткой, добывающейся своего шефа». Это суждение подхватывает хор комментаторов: «я читала в дороге»; «я тоже читала в дороге. 3 часа в электричке. По приезду стерла из плеера. Скушно»; «„цветы“ я одолела уже давно. Это, конечно, кактус... Закрала и больше стараюсь о нем не думать. Одна постановка вопроса — карьера возможна только через постель — бесит. Но дочитала». Ряд комментаторов, правда, признаются, что бросили, но другие, напротив, просят ссылочку, чтобы самостоятельно ознакомиться с текстом и, возможно, пережить очарование/разочарование в свою очередь.

Этот момент, связанный с соотношением эмоциональных, интеллектуальных, ценностных — и, соответственно, литературных — потребностей читательниц выводит нас на огромную тему об их литературном опыте за пределами фанфикшн и, в частности, об их отношении к женской литературе, о степени пересечения

между фанфикшн и разными видами *romance* и мелодрамы¹⁸. Эти вопросы, которые необходимо укоренять в локальном контексте «русского Поттера», требуют отдельного большого исследования, но предварительными наблюдениями я могу поделиться уже сейчас.

Прежде всего участницы русского фанфикшн-сообщества по «Гарри Поттеру» — очень начитанные люди вообще. Литературными симпатиями друг друга в сообществе принято интересоваться, их обсуждают, они всплывают в качестве обязательного вопроса авторам в фандомных интервью¹⁹. Конечно, в ситуации публичной самопрезентации объем читаемого и процент в нем «высокой литературы» несколько завышается. Но этот «список внеклассного чтения» доступен не только декларативно: то, что авторы фанфикшн читали и читают, оказывает заметное воздействие на то, как они пишут, — не только в виде цитат и отсылок, хотя их хватает, но также через сами конструкции письма.

В целом участники русского фанфикшн-сообщества по «Гарри Поттеру» отдают предпочтение той литературе, которая вполне вписывается в данный пункт классификации модусов чтения по Рите Фелски: литературе захватывающей, фантазийной, авантюрно-приключенческой; литературе сюжета, а не стиля (хотя прямо при такой постановке вопроса мало кто в этом признается, и более того, затем последуют уверения, что Бунина и Набокова автор все равно читает регулярно ради хорошего русского языка). Здесь оказывается весь пласт качественной популярной фантастики (Брэдбери, Желязны, Саймак, Гаррисон, Ле Гуин, Лем, Чапек); фэнтези и примыкающий к нему «магический реализм», в лучших мировых образцах и в новом российском изводе (Толкиен, Льюис, Борхес, Стивен Кинг, Пратчетт, Лукьяненко, М. и С. Дяченко, Мариам Петросян), классический детектив (Агата Кристи, Конан Дойль). Присутствуют произведения нестандартной юмористической, философской беллетристики (Вудхаус, Честертон, Фаулз), детская литература в полном (пост)советском ассортименте, современные «постмодернистские» писатели, в тех случаях, когда они являются одновременно хорошими рассказчиками историй (Стивен Фрай, Павич, Кундера). Релевантным и иногда стилистически воспроизводимым автором является Сэлинджер (например «Любимый ястреб дома Малфоев», автор *sillygame*). Советский пласт литературы представлен далеко не так богато, но мне встречались неоднократные упоминания Аксенова и Пришвина.

Особое место в чтении авторов русского фанфикшн занимают братья Стругацкие и Михаил Булгаков — упоминаний об их чтении, цитирования и прочих интертекстуальных отношений с ними в русских фанфиках на порядок больше,

18. Под *romance* я в данном случае и в статье в целом имею в виду конвенции жанра массовой литературы «любовный роман», как они намечены сначала в классической работе Джона Кавелти о формульной литературе (Cawelti, 1976), а затем подробно проанализированы в книге Дженис Рэдуэй «Читая любовные романы: женщины, патриархат и популярное чтение» (Рэдуэй, 2004).

19. См. серию интервью с популярными авторами фандома на сайте «Сказки, рассказанные перед сном профессором зельеварения Северусом Снейпом»: <http://www.snapetales.com/index.php?id=25> (accessed 05. 11.2013).

чем с любыми другими текстами. Совмещение нескольких популярных опций тоже не редкость. У автора Карбони в гарридраке «Неделя шестого Никогда» герои потерпели попадая в Сибирь и под занавес своих приключений встречаются травестийно преобразенных персонажей повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу». А в фанфике того же автора «Сокровища Агры II: Конец игры», названием и всей своей конструкцией отсылающем к Конан Дойлю, в размышлениях страдающего от ревности Снейпа всплывает еще и Булгаков, причем с качественным обоснованием реалистичности такого варианта (в русском фандоме это называется существительным «обоснуй»):

«Каркаров дал ему книгу. Крайне смешную, на их магический взгляд. Но одна фраза поразила. Русский писатель сравнил любовь с убийцей. И еще. Там были отвратительные желтые цветы. Свадьба была в конце февраля. Жених, с лицом улыбающегося манекена, стоял на балконе и держал в руках букет невесты. Последняя рыдала в дамской комнате. Снейп опоздал. Он вообще пошел из упрямства и вредности. Насладиться изумлением гостей и молодоженов. А жених держал отвратительные желтые цветы. Извращенный вкус. И Снейп застыл».

(«Сокровища Агры II: Конец игры», автор Карбони)

Приведенный фрагмент, в котором проскальзывают стилистические обертоны русской модернистской прозы, я процитировала еще и потому, что в целом для современного русскоязычного фанфикшн такое письмо предельно нехарактерно. Фанфикшн и «высокую литературу»: авангард и модернистский канон XX века, тексты, ориентированные на новаторство формы, стилистические эксперименты и задание читательской дистанции, если и связывают какие-то отношения, то это отношения антагонизма. Эта литература, а также современная поэзия очень редко всплывает в ответах на вопрос о любимом чтении, практически не задействована в образцах письма, и в целом может быть обозначена как противоположный полюс фанфикшн — зоны литературного опыта, ориентированной на рассказывание историй и на «нейтральность», транзитивность языка, способствующую тому самому искомому «погружению в текст». Попытки задействовать модернистские типы письма или воспроизвести стилистику отдельных модернистских авторов если и встречаются, то крайне редки; например, автор Linden воспроизводит элементы сюжетной конструкции и немного подражает стилистике «Лолиты» Набокова в фанфике «И падал снег». Две основные функции, в которых модернистский канон может присутствовать в фанфикшн, — это функция престижных отсылок и функция суггестивных, эмоциональных фрагментов, работающих на создание загадочной атмосферы. Так, в поэтичной по настроению, полной необычных образов гарридраке «Смерть после второй» авторов Nettle и Gavrusssha цитируются стихи Пауля Целана, причем авторы сами четко обозначают их функцию в «шапке» фанфика: «В качестве БАДов и триггеров использованы отрывки из стихотворений Пауля Целана». Похожим образом, для повышения статуса текста и придания ему

«возвышенности», периодически цитируются какие-либо фрагменты зарубежной классической литературы и поэзии: Данте, Киплинг, Рильке, чаще других — сонеты Шекспира. Заметное исключение из этого правила для XX века составляет Борхес, фантастическая образность которого (живые книги, бестиарии, восточные сады и т. д.) оказалась органично близка магическому миру «Гарри Поттера», да и вообще давно вошла в репертуар массовой культуры²⁰.

Куда меньшее напряжение возникает в отношениях с русской классикой, хотя многих фанфикшн-авторов гложет школьный «комплекс вины»: русская классика неизменно называется ими в числе любимого чтения, порой обыгрывается в своих ключевых эпизодах (например, фанфик «Тварь дрожащая» барона де Куртнэ) и гораздо чаще модернистского канона используется в качестве «престижных образцов», бывает, что с ненамеренным юмористическим эффектом, как в этом повествовании от лица Драко Малфоя:

«Через пару часов, пока я лениво листал „Преступление и Наказание“, найденное на тумбочке, Поттер поднялся в спальню. Достоевского я прочитал, пока жил в России, и теперь, скорее, листал его, чтобы упорядочить мысли, чем действительно вникая в текст».

(«Другой мир», автор iolka)

Или с намеренным юмористическим эффектом, в тексте более опытного автора:

«До темно-синего вечернего неба, казалось, можно дотронуться — только руку протяни, — и в то же время оно было таким бесконечно далеким, что кружилась голова. Драко невольно вспомнил про высокое небо Аустерлица, тут же ощутил себя князем Болконским и, очередной раз помянув недобрым словом проклятое разностороннее образование, устало закрыл глаза».

(«Dum spiro...», автор Artaletta)

В данном случае все же более существенно не количество упоминаний и цитирований, а «признания» самого письма: в качестве реалистической традиции как таковой, приглашенной, уплощенной, транслированной через более современные образцы беллетристики, в том числе беллетристики массовой — этот пласт письма входит в фанфикшн. Его основной стилистический модус — традиционный реализм, только очищенный от тяжеловесной описательности XIX века, от долгих рассуждений и устаревших тропов, но совершенно живой в своей претензии на правдоподобие, особенно — характеров. «Прозрачность» реалистического письма позволяет авторам сохранять динамику рассказа, поддерживать читательскую вовлеченность в текст. Но это же письмо требует избегать наиболее простых форм условности, характерных для массовых жанров, и особенно для любовной литературы, с которой русский фанфикшн ведет впечатляющую внутреннюю борьбу. Специфика этого культурного напряжения интуитивно понимается самими участ-

20. О массовизации Борхеса в современной русской литературе см.: Дубин, 2001: 228.

никами игры и особенно ярко всплывает в ситуации сравнения, там, где русский и англоязычный фандомы встречаются вроде бы на одной и той же территории:

«Русскоязычные фикрайтеры, безусловно, ориентируются на русскоязычную литературу либо на классику переводов на русский язык в качестве образца. <...>

Русскоязычный фандом в целом крайне чувствителен к таким факторам, как правдоподобие/достоверность (что бы под этим ни понималось), сохранение характеров персонажей, каноничность событий и т. п. Это, конечно, не означает, что русские фикы более правдоподобны, лучше сохраняют характеры, но означает, что русские фикрайтеры более трепетно относятся к таким вещам (и к критике на этот счет)».

(Опрос 2012, автор М.)

Что касается массовой формульной литературы разновидности «любовный роман», то отношение к ней в русском фанфикшн по «Гарри Поттеру» двойственно — и довольно сильно отличается от отношения в англоязычном фанфикшн. В англоязычном пространстве массовой литературы любовный роман присутствует давно, он широко представлен, вписан в долгую традицию развития массовых жанров. Частичное наследование этой традиции со стороны фанфикшн для исследователей очевидно: фанфикшн-письмо переполнено фрагментами романтических конструкций и совпадает с классическими формулами любовной литературы во многих существенных пунктах: утопия «истинной любви», разрешающей все напряжения и конфликты; нередко возникающие в женском воображении образы безупречных романтических героев; сюжетные штампы типа «приручения» невинным и кротким персонажем своего необузданного партнера или изживания последствий насилия с помощью терпения и заботы; распространенность хеппи-энда с образованием пары и т. д. Ряд западных исследователей даже склонны абсолютизировать это влияние гомансе на нарративные конструкции фанфиков и определять жанровую форму большей части этого литературного поля как неизбежное сочетание порнографии и гомансе: «Я возьмусь утверждать, что хотя подавляющее большинство фанфикшн представляет собой порно и/или гомансе в чистом виде, весь фанфикшн имплицитно — и то и другое. Идеальная подгонка гомансе и порнографии друг под друга в фанфикшн позволяет наблюдать, как порнография структурируется в соотношении с конвенциями гомансе, а любовная линия, в свою очередь, поддерживается экстатичным стремлением порно наконец проявить себя» (Driscoll, 2006: 95). К роли порно я еще вернусь, что же касается конструкций гомансе, то такая генерализация применительно к русской фанфикшн-литературе не оправданна. Хотя сама необходимость противостоять влиянию любовных романов вызывает в этом поле заметное напряжение.

Упрощенные, «готовые» конструкции гомансе входят в русский фанфикшн в первую очередь через переводы (которые представляют собой развитую, самостоятельную часть фандомной деятельности), и во вторую — через опыт чтения и

письма более юных читательниц, вырастающих уже в ситуации существования на русском языке массовой культуры в западном ее варианте: напомним, что социологи литературы отсчитывают ее появление и радикальное влияние на структуру чтения на постсоветском пространстве с начала 1990-х (Дубин, 2001). Поколение образованных 30–40-летних женщин, составляющих «костяк» русского фандома по «Гарри Поттеру», не имеет любовной литературы в читательском опыте в таком масштабе и, более того, поддерживает четкое представление о ее низком культурном статусе и упрощенности предлагаемых ею конструкций и решений. В первую очередь эта упрощенность оценивается на фоне той сложности картины мира, отношений, делающихся выборов и их последствий, которую всячески культивирует фанфикшн, опираясь здесь на традиции реалистического письма. Любовная литература служит предметом постоянных негативных отсылок и иронических замечаний.

«Северус усмехнулся сам себе: вот тебе, глупец, и исполнение ночных фантазий. Ты остался наедине с предметом своей страсти на неопределенно долгое время. Причем, по логике дешевых маггловских романов, в весьма располагающей к лирике обстановке — ведь общая беда, как считают многие сочинители, сближает».

(«Человеческий фактор», автор Тома-км)

«Пуговицы рубашки, как в пошлейших любовных романах, брызнули в стороны и застучали по полу».

(«Квиддичная трилогия», автор Дос Rebecca)

В лучшем случае чтение *romance* может быть пережито как «падение», как временное «прекрасное помешательство», которое помогает героям получить доступ к языку чувств. Так, в фанфике Цыцы «Ex Libris» Гарри обнаруживает, что профессор Снейп читает любовные романы, и это дает героям повод для бурного разбирательства и признания. Но модус повествования в этом тексте ироничный, и в принципе в русском фанфикшн формулы любовных романов нередко сопровождаются ироничной интонацией, устанавливающей дистанцию: да, у нас тут любовный роман, да, мы наслаждаемся, но это мы не всерьез. Довольно часто они неприкрыто пародируются, как в водевильном «Стакане воды» Свенгали или в пародии на *chik-lit* — «Дневнике Гарри Поттера» автора Трегги Ди. Беззастенчиво-серьезная отработка этих формул в текстах встречает град читательских насмешек, особенно со стороны старшей части фандома — как с уже упомянутыми «Цветами, которые растут из грязи» или с «Химерой» автора Моэри, предельно штампованной романтической историей про преисполненного множества достоинств трепетного Драко Малфоя и постепенно приходящего к осознанию этих достоинств неуравновешенного мачо Гарри Поттера. Часть романтических историй располагается в модусе откровенной порнографической («кинковой», как говорят в фандоме) условности, которую при восприятии ряда фанфикшн-жанров полага-

ется считать. Таковы, например, истории «вынужденного магического брака» сильного, мудрого и отважного Снейпа с беспомощным неискушенным Гарри, или «слейв-фики» где один герой «укрошает» другого, находящегося у него в рабстве, доказывая ему преимущества добровольного любовного подчинения — такова история «Право собственности» авторов Пухоспинка и Люка, сама аннотация к которой сразу обозначает градус условности: «Волдеморт как-то победил, Гарри подарили Малфою». «Внутри» повествования сближение героев может развиваться полностью в духе гомансе, но «снаружи» читатель как бы защищен от отождествления с этим жанром с помощью демонстративной конвенции «кинового» текста: такого текста, который пишется и читается ради удовлетворения сексуального интереса, ради чистого удовольствия, освобожденного от всех претензий. Разумеется, в читательском восприятии это работает не всегда, такая «защита» противоречива и двусмысленна, порождает среди читателей битвы интерпретаций.

В целом замаскированные или открытые формульные ходы любовной литературы занимают в фанфикшн достаточно большое место, находясь бок о бок и вступая в конфликт с тем, что в режиме осознанного проговаривания читатели и авторы им противопоставляют: неоднозначностью героев, непредзаданностью их поступков и правдоподобием психологических характеристик (понятно, что герои гомансе не должны быть правдоподобны, они носят жанровые маски), а также с элементами других жанров — антиутопии, социальной драмы, историй о взрослении. Нередко эта борьба протекает в рамках одного текста: так, длинное снарри «Консерваторы» автора NikMac начинается с многообещающего введения большого пласта социальной проблематики, в духе канона Роулинг: пока Гарри лежит в коме после победы над Волдемортом, власть захватывает Министерство магии, которым заправляет ханжа и злой гений бюрократии Долорес Амбридж. Однако фанфик довольно быстро переформатируется из антиутопии в классический гомансе в его фандомной версии: в центр сюжета выносятся сближение Гарри и Снейпа в вынужденном браке, со всеми подобающими такому раскладу клише. Переводы на русский язык популярных англоязычных фанфиков, выполненных в формульной традиции гомансе, таких как «Kiss a Boy in London Town» автора Femme или «Redeem me» автора Samayel (где есть даже первая брачная ночь на кровати, усыпанной лепестками роз!), у многих русских читательниц фанфикшн пользуются успехом, а наиболее образованная взрослая часть фандома относится к ним со снисхождением. Попытки же самих русских авторов развивать эту линию вызывают ожесточенные дискуссии: то, что можно снисходительно принять как чужое, провоцирует куда более бурную реакцию как «свое».

Один из самых свежих и характерных примеров — восприятие в сообществе фанфика автора Magenta «Гарри Поттер и Тайный Грех». Фанфик представляет собой классический формульный гомансе, а именно пространную историю превращения юного невинного сектанта Гарри в адепта куда более чувственного светского мировоззрения, носителем которого выступает Снейп — гениальный хирург в

шелковом халате, живущий в собственном особняке в Ноттинг-Хилле, разъезжающий на «Бентли», питающийся трюфелями. Влюбившись, Снейп несколько смягчает свой фирменный цинизм ради прекрасных зеленых глаз нищего проповедника — а последний, в свою очередь, не отказывается принять в дар «Альфа Ромео», деньги на обучение и законное место в новом особняке рядом с «искусителем», ведь истинная любовь выше таких мелочей. В отличие от Amira19 с ее первой юношеской гарридракой, Magenta пишет очень хорошо: ее текст умело выстроен, демонстрирует изрядные способности автора к юмору и гротеску, а также содержит яркую, вызывающую сочувствие современных читательниц антиклерикальную линию. Проводя напрашивающиеся параллели, можно сказать, что Magenta пишет в точности так, как писала Энджел Деверелл, героиня романа «Ангел» Элизабет Тейлор и одноименного фильма Франсуа Озона: лихо, с полным и демонстративным равнодушием к правдоподобию, концентрируясь на чувственной стороне сюжета, — выдавая хорошее понимание того, как этот текст могут и будут читать женщины. В результате с количеством восторженных комментариев, оставленных этому автору на сайтах, где выложен фанфик, может соперничать только количество раздраженно-возмущенных отзывов в блогах любительниц «качественного фанфикшн»: самое доброе, чего «Гарри Поттер и Тайный Грех» удостоивается от этой категории читательниц, — это признание, что его можно читать как стеб.

Последнее, что хотелось бы отметить применительно к этому сюжету, — это то, что сами стратегии чтения, сами типы восприятия читателем текста и разнообразные параметры читательского опыта находятся в самом центре внимания и обсуждения читателей фанфикшн, в поле его максимальной конструктивной работы. Вопрос о том, как можно и как стоит читать, ставится в фанфикшн не менее остро, чем вопрос, как лучше писать, отвечая на имеющееся страстное читательское желание. Фанфикшн обладает развитой сетью собственных внутренних жанров и прочих четких характеристик текста, частично совпадающих с системой жанров массовой культуры (которая сегодня сама, в результате продолжительного развития, довольно подвижна), частично абсолютно оригинальной, выработанной в ходе его развития. Оригинальность эта возникла именно в расчете на читательскую потребность максимально точно знать, что за тип текста он перед собой увидит: с развернутыми порнографическими сценами или нежным чтением сказок на ночь; с точным соответствием миру Роулинг или минимальным заимствованием характеров и обстоятельств, как в категориях AU (Alternative Universe) и OOC (Out of Character); написанный исключительно ради развлечения и сексуального удовольствия (например, текст на кинк-фесте, где наличие «обоснуя» официально объявляется не обязательным) или претендующий на психологическую достоверность, в том числе сексуального поведения; с хеппи-эндом, подразумевающим совместное благополучие основной пары героев, или без него — кстати, количество таких драматических текстов в фанфикшн достаточно велико, и в этом еще одно из наиболее заметных его расхождений с массовой любовной литературой.

Подобная точность преследует, как мне представляется, две цели. Во-первых, максимальное соответствие текста заранее осмысленному желанию читателя позволяет поддерживать высокий градус «зачарованности» чтения. Фанфикшн призван захватывать, а не отвращать — в случае четко сформулированной читательской потребности и ясности с условиями игры это сделать легче. Во-вторых, возвращаясь к вопросу ценностной антропологии фанфикшн, надо снова подчеркнуть, что в основе фанфикшн как практики лежит уважение права читателя на выбор, которое влечет за собой также полную его ответственность как взрослого, конструирующего и осмысляющего себя субъекта, за последствия этого выбора. Несоответствие текста условиям, заявленным «в шапке» фанфика, считается в фандоме этическим преступлением, автору могут быть предъявлены серьезные претензии (в случае отказа исправить «шапку» происходит удаление текста из архива; на конкурсе текст может быть снят с голосования). А напряженная работа по выработке различных читательских стратегий, иногда развернуто артикулированная, иногда замаскированная под аффективные выражения удовольствия/неудовольствия, способствует развитию поля в целом, увеличению его разнообразия. Такие же дискуссии провоцирует любое новаторство внутри фанфикшн-пространства, вводящее новые читательские перспективы, новые опции восприятия — например, редко применяющиеся типы условности или непривычный баланс юмора и серьезности. Для русской литературоцентричной культуры, с ее пиететом перед классиками и «единственно верным» их прочтением, с культивированием школьной робости перед «великим текстом», само существование фанфикшн становится вызовом и имеет освобождающий эффект. Полагаю, говоря о том, что освобождение чтения и письма должно происходить одновременно, Ролан Барт был прав по отношению к чтению ничуть не меньше, чем по отношению к письму.

Когда Рита Фелски, со ссылками на Рикёра, говорит о литературе как об *инструменте познания*, о способе создания определенных конфигураций социального знания и способе мышления о мире, поначалу может показаться, что уж это-то точно не о фанфикшн, с его стремлением к описанию приключений в фантазийных пространствах и страстными романами между красивыми, умными, эмоциональными мужчинами. Но, конечно, дело обстоит ровно наоборот: фанфикшн как инструмент коммуникации в сообществе и как фикциональная рамка, построенная на большом, ситуативно подвижном наборе читательских конвенций, прекрасно подходит для размышления о вещах, беспокоящих читателей в повседневности, для осмысления и передачи социального опыта. Антураж волшебного мира с палочками и гиппогрифами, привлекая читателей, тем не менее не вводит их в заблуждение по поводу того, чему он оппозиционен, так же как этого не делает проанализированная выше остраняющая конструкция слэша, критическое значение которой если и не всегда артикулируется отчетливо, то чаще всего интуитивно понимается читателями и авторами. Я бы даже сказала, наоборот, на фоне гиппогрифов познавательная и социально-критическая функция фанфикшн

как литературного пространства делается более заметной. Наш собственный мир, просвечивающий, а то и вовсе выпирающий из-под покрывала условности, привлекает к себе внимание, запускает процессы рефлексии.

Особенно сильно этот эффект дает о себе знать в ситуации сравнения, и здесь опять настройка оптики на локальный опыт приносит значимые результаты. Фанфикшн используется русскими авторами/читателями в том числе для осмысления и передачи социального опыта тех, кто родился и вырос на постсоветском пространстве, для его прямой или косвенной критики, а также, напротив, для поиска, сбора, бережного хранения тех элементов нашей реальности, идентификация с которыми не вызывает отторжения. Например, таков большой коллективный пласт отсылки к детской литературе, прочитанной на русском языке и служащей одним из важных идентификаторов «положительного своего» в сообществе, общепризнанным коммуникативным посредником: прямо об этом маленький нежный рассказик Алисии «Малфой надписывает подарки», в котором влюбленный Скорпиус Малфой выбирает подарок на Рождество для дочки Гермионы Грейнджер, и Драко, переступив через воспоминания о своей вражде, искренне советует ему «Робин Гуда», обосновывая этот выбор. Иногда апелляция к общему социальному опыту происходит намеренно и демонстративно, иногда — подспудно, всплывая проговорками, отобранными к использованию конструкциями и приемами.

Демонстративное использование рамки фанфикшн для подчеркивания «наших» специфических проблем может носить сатирический характер. Таков небольшой очень смешной текст «*Ixodes ricinus*» автора ДоЛохов, повествующий о том, как сорокалетнего Гарри Поттера, грубоватого начальника Аврората (магической полиции), во время учений в лесу укусил клещ, да еще в крайне неудобное место. Поттер отправляется туда, куда его послала бы в такой ситуации Роулинг, — в больницу для волшебников имени Святого Мунго, где, в соответствии с указанным в шапке фанфика пейрингом, клеща ему вынимает Драко Малфой, и врачебная процедура ожидаемо венчается сексуальной сценой. Однако этому предшествует огромная очередь в коридоре, которую Поттеру удастся миновать, лишь нахально воспользовавшись служебным положением. Затем его отфутболивают обедающие прямо в кабинете врачи, он слышит жалобы на хроническое недофинансирование и нехватку персонала, что и приводит к тому, что заняться извлечением клеща в больнице больше некому, кроме Малфоя, заведующего родильным отделением. После сексуальной сцены Поттер едет в Аврорат и насылает на больницу грандиозную проверку, что формулируется в его внутреннем монологе как «организовать рейд и тряхнуть этот гадюшник». Полагаю, для русского читателя этот пример в дополнительных комментариях не нуждается: в сатирических описаниях состояния дел в больнице опознаваема каждая буква.

С разной степенью осознанности постсоветский социальный опыт «всплывает» в фанфикшн по «Гарри Поттеру» в виде представлений о социальном порядке, о норме, о пределах допустимого в различных конфликтных ситуациях и так далее. Развернутую рамку для этого предоставляет жанр «постхог»: пытаюсь

представить жизнь героев поттерианы после школы или даже двадцать лет спустя, русские авторы нередко воображают этот мир не лучшим из возможных миров, и порой характер возникающих в волшебном мире проблем имеет прямое отношение к нашему общему знанию о социальной реальности. Так, в трилогии автора барон де Куртнэ «Убить Малфоя», «Охота на Хорька» и «Цепь для Дракона», ярком и вызывающем много споров в фандоме произведении реалистического плана, конструкция мира сводится к борьбе сильных и, мягко говоря, небезгрешных героев-одиночек, на стороне которых все-таки находится авторская и читательская симпатия, с полностью разложившимися, коррумпированными, преступными государственными структурами. К концу третьей части и началу четвертой все мало-мальски симпатичные персонажи этой саги оказываются в бегах и в эмиграции, но возглавить сопротивление бывшему герою Гарри Поттеру не удается: такой картины мира, при которой эти государственные структуры будут побеждены и реформированы, автор текста просто не в состоянии себе представить. Сага осталась незаконченной, или законченной промежуточно, на эпизоде попадания любимого героя этого автора, Драко Малфоя, в плен — т. е. гарантированного его поражения. В другом тексте этого же автора, «Личная жизнь Героя», трудное личное счастье персонажей оказывается возможно только при условии бегства из несправедливого, во многих отношениях преступного, общества в «естественный рай» на островах Тасмании.

Ситуация, при которой Гарри приходится снова вести войну или возглавлять оппозицию, не по причине нового возрождения Волдеморта, а по причине захвата власти правыми политиками в связке с бюрократами, или извращения сущности закона, справедливости, жизненного устройства коррупционерами, регулярно встречается в русских фанфиках в жанре «постхог». Иногда Гарри отправляется после победы отдохнуть, подумать о себе, залечить раны — и возвращается в другую страну, как в фанфике Трегги Ди «Стеклянное сердце». Иногда послевоенные суды над бывшими сторонниками Волдеморта превращаются в фарс или вершат несправедливость, переворачивая привычную по книге Джоан Роулинг иерархию симпатий и сочувствия. Иногда, в пределе этой картины мира, возникает жанр антиутопии, и с ним, например, настоящее, реалистично и страшно описанное гетто для проигравших в войне, как в «Сером квартале» автора Emily Waters.

«Постхог» вообще как ничто запускает механизм размышления о социальном в работах российских авторов: он становится важной отправной точкой для осмысления процессов социального примирения и прощения, для рассуждений о границах допустимого наказания, о коллективной травме войны и способах ее изжить, о послевоенном устройстве мирной жизни — о том, каким оно должно быть, и каким оно иногда бывает. Эти картины далеко не всегда негативны — напротив, писательницы фанфикшн охотно смотрят на другую сторону медали, готовы осмыслить прощение, не только в личном опыте героев, но и в более широком социальном смысле, как «милость к падшим». Среди самых распространенных ценностных сюжетных фигур — Гарри, пожимающий наконец руку Драко Малфоя

годы спустя после их эпохального первого столкновения по пути в Хогвартс; Гарри и профессор Снейп, находящие возможность примирения, понимания и взаимного уважения в сотнях альтернативных реальностей; Гарри, защищающий на суде Малфоев из благодарности к Нарциссе, которая не выдала его в важном эпизоде финальной битвы и так далее. Само желание посмотреть на ситуацию глазами проигравших, увидеть и осмыслить особенности их правды, предугадать последствия той или иной политики по отношению к потерпевшим поражение много говорит о ценностном наполнении русского фанфикшна и о его возможностях в качестве инструмента развития знания о социальном поведении и исторических проблемах. Образы послевоенного мира, созданные рядом русских авторов («Время Сурта» и «Квиддичная трилогия» Doc Rebecca, «Будни победителей» и «Человеческий фактор» Тома-км, «Личная жизнь Героя» и «Второгодники» барона де Куртнэ, «Игрок» Rakugan — в последнем случае речь идет о первой войне канона Роулинг, о молодости Тома Риддла и его сторонников), отличаются глубиной и сложностью, введением неожиданных, не предусмотренных первоначальным текстом перспектив, и побуждают читателей к множественным откликам, будь то в виде комментариев или собственных текстов. Но даже в тех случаях, когда какой-либо автор неопытен и явно не справляется с построением непротиворечивой альтернативной социальной реальности, факт его творческого усилия по ее осмыслению художественными средствами налицо.

Наконец, немало пищи для размышления дают неявные, не педалированные в фанфиках элементы социального знания, которые всплывают в проговорках, в языковых сбоях, в задействовании тех или иных приемов. Положительные герои русского фанфикшна периодически «прокалываются», как партизаны на допросе. В «Квиддичной трилогии» Гарри Поттер, главный Аврор, герой, безусловно вызывающий авторскую и читательскую симпатию, в возникшей ситуации подозрения допрашивает в служебном кабинете своего любовника Драко Малфоя и светит ему в лицо лампой, вызывая прямые ассоциации с методами НКВД; этот же Гарри походя презрительно отзывается далеко не нейтральным словечком «терпилы» о тех, кто сидит в очереди к нему на прием. У барона де Куртнэ в тексте «Мой черный человек» без всяких негативных коннотаций, походя упоминаются «особые тройки Визенгамота», закрыто выносящие приговор в случаях тяжелых преступлений. У автора Botsvana в «Последнем задании», посреди нейтрального по повествовательной интонации текста, Драко вдруг восклицает: «Надо валить из этой гребаной страны, пока совсем не спился» (страной в данном случае, конечно, является Англия). И к вопросу об отъезде из страны — можно поспорить, что не многим англоязычным фикрайтерам приходит в голову такая мотивация для вынужденного брака Снейпа и Поттера, как необходимость получения визы («Шанс на счастье», автор Taala).

Отвечая на вопрос моей анкеты о проявлении социального опыта в текстах, читательницы сами привели много примеров, всплывающих при сравнении русского фанфикшна с англоязычными глобальными версиями этого поля и прекрас-

но характеризующих фанфикшн как рамку осмысления социального. Закончу ими этот раздел:

«Как и в „Воспламеняющей взглядом“ Кинга, публичное разоблачение отрицательных героев в англофандоме может стать их социальной смертью и привести к полному развалу всех их интриг, русскому автору такое вряд ли пришло бы в голову».

(Опрос 2012, автор Mb.)

«Во-вторых, в русских фиках гораздо больше чернухи, увы. И еще, мне кажется, что в русских фиках чаще встречаются попытки сделать персонажа более красивым, богатым и могущественным, просто чтобы он „красивее“ смотрелся».

(Опрос 2012, автор b.)

«Много раз натыкалась в англоязычных фиках на те реалии западного мира, которые не описаны в канонном мире Роулинг, но по умолчанию вписываются туда англоязычными авторами. Например... психотерапевт, который работает с жертвой насилия, назначаемый/приглашаемый или властями, или врачом, или дирекцией Хогвартса. В наших реалиях такого нет, и в фиках нет тоже. В англоязычных фиках с насилием, особенно над детьми, практически обязательно».

„Застенки Аврората“ — описание пыток в Аврорате или Азкабана, как чего-то обыденного, а не из ряда вон, это, думаю, больше свойственно именно русскому фандому».

Еще бывает, что читаешь англоязычный фик и понимаешь, что есть ситуации, в которых герои ведут себя совсем не так, как вели бы себя в той же ситуации у русскоязычного автора. Думаю, часто это из-за различного осознания личностных границ героя, ощущения свободы и достоинства личности. Тут очень сложно привести конкретный пример, но обычно это приходит в голову при общении героя с органами власти, Авроратом и т. п. Если, конечно, противостояние властей и героя не является темой фика. Но иногда даже в этом случае понимаешь, что автору и в голову не могла прийти какая-нибудь обычная для России подлость властей».

(Опрос 2012, автор Бурная вода)

Четвертую функцию чтения, по Рите Фелски, а именно *шок*, я не буду рассматривать подробно: разговор о ней применительно к фанфикшн нужно вести отдельно, анализируя восприятие более гомогенных групп читательниц, с задействованием психоаналитического аппарата гендерной теории и теории литературы. На данный момент достаточно указать на разнообразное присутствие этой функции в практиках чтения фанфикшн. Для многих читательниц даже само знакомство со слэшем оказывается своего рода шоком — эта первая реакция потом стирается, но воспоминание о ней все равно живет где-то на периферии читательского восприятия, добавляя «остроты» опыту чтения; всплывает порой в ностальгических сожалениях о том, что такой опыт уже не пережить снова. На уровне конструкции своих

текстов фанфикшн чаще всего работает с шоковыми эффектами путем сочетания насилия (морального и физического) и порнографии. Уже упоминавшаяся Juxian Tang, которую одна из участниц опроса назвала «ярким представителем и отчасти основателем русского фандома» (Опрос 2012, автор М.), является как раз таким автором, своеобразной продолжательницей традиции маркиза де Сада в форме фанфикшн. Ее «Контролируемый ущерб» — один из самых жестких и противоречиво воспринимаемых текстов русского фанфикшн, и все же его продолжают читать, перечитывать, определять модальности его прочтения и способы установления дистанции по отношению к нему. Одна из моих собеседниц призналась в личном интервью, что перечитывает этот текст регулярно, несмотря на то, что физически и морально плохо себя чувствует после этого. Подобное чтение и перечитывание «тяжелых» текстов, содержащих пытки, описания моральных и физических страданий, вообще не редкость в фанфикшн-практике: дочитать и обсудить в кругу сочувствующих шоковый текст и свою реакцию на него считается важной практикой. Одна из читательниц, обсуждая в своем дневнике текст, который в фандоме известен как одновременно крайне тяжелый и предельно захватывающий («Пепел Армагеддона» Emily Waters), так характеризует свою индивидуальную мотивацию при чтении: «Вообще, я люблю такой вынос мозга, такое ощущение, как будто внутри что-то перезапускается после подобных текстов. Сложно объяснить, но по ощущениям, будто бы какая-то часть умирает, а потом оживает снова».

На уровне отдельных элементов текста инструментом производства шокового впечатления может служить деавтоматизация приема, лишение привычной для фанфикшн условности ее условного характера. Так, очень распространенный в слэше сюжетный прием «мужская беременность», призванный ввести в горизонт существования полноценной пары тот элемент счастья и удовлетворения, от которого женщины не готовы отказываться — ребенка и связанные с ним радости и волнения, — чаще всего используется авторами фанфикшн «не всерьез», с полным осознанием его условности, для умиления и умиротворения в жанре флафф²¹. Типичный сюжет флаффного фика о мужской беременности — Гарри умиляется капризам Драко, ждущего ребенка, пара комически препирается по поводу вариантов публичного поведения в этих обстоятельствах и т. д. Но *to-ma-ku* в «Человеческом факторе» деавтоматизировала прием, придав эпизоду мужской беременности настоящей, не шуточной «телесности» и жутковатого реализма (особенно в сцене темного магического ритуала, который проводит Волдеморт, чтобы заставить Гарри Поттера забеременеть). На уровне гипотезы можно предположить, что большинство шоковых моментов в прочтении фанфикшн для значительной части его читателей связано с повышением уровня «телесного реализма» повествования.

21. Флафф (fluff, пух) — жанр фанфикшн, характеризующийся отсутствием серьезного конфликта и общей интонацией умиления, чаще всего в отношении устойчивой пары персонажей или их детей.

IV

Я намеренно последовательно остановилась на четырех выделенных Ритой Фелски модусах вовлеченности в текст, показывая, как обширно они представлены в фанфикшн-чтении, которое ничем в данном случае не отличается от чтения профессиональной беллетристики. Потому что теперь нам предстоит немного поговорить о двух модусах, которые для фанфикшн более специфичны: о *модусе соотнесения с каноном* и о *порнографической функции* фанфикшн. Мне представляется важным вести разговор об этих функциях как о дополнительных к четырем более общим: это бонусы фанфикшн-чтения, и их наличие, вместе с остальными функциями, в значительной мере объясняет, почему многим читательницам, «распробовавшим» фанфикшн, его настолько интересно читать.

В самой констатации наличия этих модусов в фанфикшн, как и, например, в анализе текстов фанфиков для понимания характера работы этих модусов, нет ничего нового: уже Генри Дженкинс на протяжении «Textual Poachers» набрасывает основные способы соотнесения фанатских интерпретаций с «оригинальным произведением», а большинство трактовок слэша не избегают пространного разговора о роли порнографии в воображении писательниц и читательниц фанфикшн. Но само по себе изучение этих модусов не спасает фанфикшн от более или менее вежливого повторения вопроса: почему все-таки люди читают эти тексты, да еще в таком количестве? Ведь они не оригинальные, «вторичные», в силу этого у них, как предполагается по умолчанию, заведомо ниже «качество», чем у любого оригинального текста. Разговор о фанфикшн как о читательском опыте в значительной мере направлен на доказательство того, что подобная постановка вопроса изначально основана на неверном понимании устройства фанфикшн как литературной практики.

Прежде всего «качество» текста имеет для читателей фанфикшн очень большое значение — особенно, как уже подчеркивалось, для читателей русских. Они настолько ценят хороший слог, способность создавать живые характеры, мастерство рассказа, встроенное в текст чувство юмора, настолько различают при чтении особенности письма любимых авторов и специфические черты любимых текстов, что даже у самых рефлексивных, зачастую профессионально филологически образованных читателей и переводчиков, отвечавших на вопросы моей анкеты, регулярно возникали проблемы с обобщением материала и даже некоторое недовольство вопросами, требующими обобщать:

«На все вопросы из этой серии отвечать сложно, потому что плохие фики есть и там и там, а все хорошие — уникальны. Дело в том, что я выбираю для чтения только очень качественные фики! Особенно смотрю на язык — очень ценю оригинальный стиль, поиск формы и т. д. И каждый из них уникален! А есть масса средних фиков, где неоригинальность, думаю, встречается одинаково часто как в русском, так и в английском фандоме».

(Опрос 2012, автор к.)

Такое же уважение к различию и чувствительность к оригинальности, можно даже сказать, способность ее порождать читательским взглядом, фиксировала в восприятии любовных романов их читательницами Дженис Рэдуэй. Вероятно, это вообще характерно для массового чтения, имеющего дело с множеством формульных конструкций — наполняющее эти конструкции уникальное содержимое воспринимается как оригинальное с удвоенной силой. Но главное даже не это. Дело не в том, качественные ли фанфики читают участники русского фандома по «Гарри Поттеру», каковы критерии этого качества и т. д. Дело в том, что модус соотношения с каноном, ключевой модус удовольствия от чтения фанфикшн, как и модус порнографии, присутствующий не всегда или порой присутствующий в редуцированных формах, но все же довольно распространенный в этом типе литературы — оба эти модуса — производят прибавку к удовольствию читателя, а не отнимают от чего-то. Читатель фанфикшн получает все то же, что любой другой читатель (*узнавание, зачарованность, знание и шок*), плюс — *читательский контракт на соотношение с каноном* (выступающий минимальной гарантией удовольствия) и, при желании, возможность сексуального возбуждения и удовлетворения, обеспеченную элементами *порнографического жанра*.

Читательский контракт на соотношение с каноном, важнейший элемент, характеризующий фанфикшн как литературный опыт, подразумевает выстраивание из заимствованных и самостоятельных фрагментов, крупных и мелких кластеров общепринятой и новой информации уникальной конфигурации художественного мира. Эта уникальность и непредсказуемость конфигурации соотношения с каноном в каждом отдельно взятом случае составляет значительную часть оригинальности фандомного чтения, той неожиданности, которая подстерегает читателя на каждом углу, несмотря на все вывешенные предупреждения. У авторов и читателей фанфикшн по «Гарри Поттеру» существует огромный общий горизонт ожидания, если пользоваться термином Х.-Р. Яусса²²: они все как минимум читали книги Джоан Роулинг и смотрели фильмы по ним, плюс их фандомная литературная компетентность естественным и стремительным образом повышается по мере приобретения опыта чтения и письма фанфикшн. Для апелляции к этому горизонту, для вхождения в пространство чтения и письма, для распознавания тончайших нюансов взаимодействия с каноном в случае с конкретным текстом им не требуется никаких усилий, все «сцепки» начинают работать моментально; читатели заведомо находятся с теми героями, которые им интересны, писатели точно знают, что именно в первую очередь ассоциируется со словами «Снейп» и «Визжащая хижина» в голове у тех, для кого они пишут, и т. д. Опираясь на эти сцепки, дополняя или трансформируя их, текст фанфикшн обеспечивает последовательное раскрытие пунктов читательского контракта — что составляет захватывающее читательское приключение, держит в напряжении до самого конца (никогда

22. «...то, что Изер называл *репертуаром*, у Яусса именуется горизонтом ожидания: это комплекс конвенций, образующих компетенцию читателя (или целого класса читателей) в определенный момент, система норм, характеризующих собой конкретно-историческое поколение» (Компаньон, 2001: 184).

не известно точно, на каком этапе может возникнуть значимое расхождение или значимое совпадение с каноном, иногда последний абзац или фраза текста переворачивают все, заставляя перечитывать текст заново другими глазами).

Это напряжение соотнесения с каноном составляет важнейший механизм удовольствия от чтения в фанфикшн, а не свидетельство его «ущербности» и «вторичности»; прибавление, а не недостаток. Интересно, что Мафальда Стази, пытаясь охарактеризовать специфику насыщенной интертекстуальности фанфикшн, возникающей на перекрестье канона, фанона (совокупности конвенций, вырабатываемых фандомом) и оригинальных интерпретаций, сравнила его информационную емкость с емкостью поэтического языка (Stasi, 2006: 115–133). По ее мнению, предельная компрессия значений, достигаемая в произведениях фанфикшн (исследовательница пишет в первую очередь о слэше), не имеет прямых аналогов в современных прозаических образцах, напоминая скорее поэтический символизм или мифологические тексты. В то же время «присутствующие в слэш-фанфикшн склонность к пастишу, изощренная и комплексная игра отсылок и перекличек, такие особенности, как разделенное авторство, *imitatio*, символизм, множественная интертекстуальность, выдают его осмысленную, продвинутую, резонирующую с современной постмодернистской текстуальностью природу» (Stasi, 2006: 129).

Конфигурация соотнесения с каноном в каждом случае сама становится источником напряжения и драйва. Развитое поле фанфикшн сегодня предлагает своим участникам большое количество устоявшихся типов работы с каноном. При этом границы этих типов в значительной мере остаются подвижными, критерии качества в их рамках обсуждаются и меняются в ходе фандомных дискуссий, а возможности своеобразия на уровне каждого отдельного произведения бесконечны. На одном полюсе канон может быть взят в расчет полностью, как в жанре «постхог» с «вхарактерными», как принято выражаться в фандоме, персонажами; или почти полностью, если действие происходит где-то между событиями, описанными Роулинг, представляя собой «пропущенные сцены», — как, например, в фанфике автора Тау Мирта «Каникулы с убийцей», где изобретательно использовано каникулярное время, обычно оставленное у Роулинг за кадром; или если автор текста «оживляет» какого-то из погибших героев и пытается вообразить тот же мир, но уже с его участием. Последнее чаще всего происходит с Сириусом Блэком и профессором Снейпом, с гибелью которых в каноне читательницы просто не желают смириться. Персонажи, опять же, не обязаны оставаться прежними: напротив, многие авторы предпочитают только отталкиваться от некоторых узнаваемых черт, но полностью менять суть характера и взаимоотношения с другими героями. Так чаще всего работает Dver_v_Zimu, создавая по-настоящему неожиданные конфигурации: в ее тексте «Вверх по холмам, вниз по реке» симпатичными людьми со своей человеческой правдой оказываются приемные родители Гарри, Дурсли; в другом фанфике, «Ласточка и корона», Драко Малфой и Дадли Дурсль образуют убедительную пару. В комментариях к этому тексту читательницы обычно пишут: это невероятно, я долго не хотела читать, но меня уговорили попробовать, и как

же здорово получилось. В пределе канон может учитываться только в отдельных элементах, или вовсе проецироваться, в стиле игры-угадайки, на совершенно другую реальность: так называемые «немагические АУ», где действуют персонажи с именами и отдельными чертами характера героев Роулинг.

В последнем случае напряжение и интерес разворачиваются сразу в двух проекциях: во-первых, читатели бдительно следят за всеми маркерами «мира Гарри Поттера» в альтернативной реальности, радуются им или критикуют их недостаточность. Объектом такой критики, в частности, стал фанфик «Гарри Поттер и Тайный Грех», одна из читательниц которого формулирует свою основную претензию следующим образом: «Чем сильнее АУ, чем дальше мир от канона, тем более канонные должны быть характеры. Иначе никакие игры с фактами канона не спасают фик от ориджности». Во-вторых, использование элементов канона может становиться средством, инструментом для повышения интереса к чему-то еще, для введения в поле внимания того, что не оказалось бы там в противном случае. Так происходит с советской реальностью в фанфике «Советская сказка» автора toma-kt, где на фоне множества опознаваемых бытовых и культурных деталей (пьянки в коридорах общежития, песни Юлия Кима, выступления на партийных пленумах, подковерная борьба в кабинетах, уголовное преследование гомосексуализма) разворачивается роман младшего научного сотрудника Гошки Гончарова (вполне по-гриффиндорски смелого и благородного) и руководителя лаборатории теоретической физики в засекреченном НИИ профессора Северского (вполне канонично жертвующего собой для спасения Гошки-Гарри). Показательно, что в комментариях к «Советской сказке»²³ читатели не только хвалят рассказанную любовную историю, но и обсуждают с автором поднятый пласт советской культуры и меру условности его описания в тексте, приводят детали, ускользнувшие от ее внимания, критикуют неправдоподобие некоторых исторических обстоятельств и т. д. Читательский контракт на использование канона Роулинг привлекает их внимание к истории, которую они вне этого контракта, вероятнее всего, вообще не стали бы читать, и он же служит средством повышения интереса и внимания не только к элементам «Гарри Поттера» в советской реальности, но и к самой этой реальности:

Ирина:

«Всё гениально, но в конце — моё замечание: самое славное в гостиницах „Интуриста“ была прослушка и просмотрка номеров. Ваши умные герои вряд ли согласились бы в таких условиях ночевать в „Интуристе“. Повесть замечательная, перечитываю третий раз!!!

Спасибо!!!»

Ответ автора:

«Ирина, так это уже 92-й год, время полного бардака. Всем было на все плевать — я помню, в институте училась.

Спасибо большое!»

23. http://www.snapetales.com/index.php?resp_id=16278 (accessed 05.11.2013).

Крючоктвор:

«Очень талантливо. Красивая история, хороший язык, стиль. З.Б. А как Мещерский попал в команду Гайдара? Насколько я знаю вышеупомянутую команду, туда не брали секретарей райкома, прославившихся посадкой учеников по 121 статье».

Ответ автора:

«Крючоктвор, я думаю, Мещерские везде пролезут. Такая уж натура:) Спасибо!»

Аморэ:

«Вы восстановили атмосферу тех лет, которые я не помню, конечно, но по родителям и их воспоминаниям, удивительно точно! И я не знала о статье сто двадцать первой, слышала о ней, теперь вот — читала... Спасибо за романтическую историю, настроение и оригинальный подход к героям поттерианы!»

В силу специфики горизонта ожидания, формируемого фанфикшн-сообществами, тексты фанфиков действительно бывает трудно понять тем, кто находится за дверью этого литературного архива. В каких-то случаях, когда из общего пласта знания задействуются лишь детали, текст еще возможно воспринимать в целом, хоть и упуская значимые нюансы. Но нередко фанфики и вовсе строятся как параллельный текст на полях книги Роулинг: с персонажами происходят в общем и целом те же самые события, но в силу изменения ряда исходных параметров, реакции на события и последствия их для героев оказываются противоположными или просто иными. Сами события в таком тексте чаще всего не описываются: предполагается, что читатель их хорошо помнит. А вот альтернативным реакциям героев и последствиям по-другому воспринятых обстоятельств уделяется максимальное внимание, и этот пласт альтернативной реальности может стать инструментом для критики первоисточника. Так выстроена, например, альтернативная вселенная популярного дженового фанфика Мерри «Семейные ценности Малфоев», в котором Люциус Малфой забирает маленького Гарри из семьи Дурслей и воспитывает его как своего сына и как брата Драко. Несмотря на то, что фанфик Мерри представляет собой связный, хорошо написанный текст с вполне самостоятельными персонажами, значение этого текста, от событийных референций до ярко выраженного этического посыла (разделяемое значительной частью читателей книги Роулинг несогласие с решением Дамблдора оставить ребенка людям, которые его не любят), возникает и может быть воспринято только на пересечении с каноническим текстом. Примерно так же устроена и гигантская дженовая эпопея *valley «Burglars» trip*», несмотря на размах самостоятельных придумок, введение новых мифологических условий и новых центральных персонажей, варьирование точек зрения рассказчиков и т. д. Понимание происходящих в этом тексте событий человеком, не читавшим «Гарри Поттера», довольно быстро делается невозможным.

В русском фанфикшн-сообществе по «Гарри Поттеру», с его высокими литературными претензиями и образовательным уровнем, очень ценится умение автора создать многомерную художественную реальность, лавируя между набором канонических фактов и дополнительными пластами культурной информации. Такая многомерность характерна, к примеру, для истории «Пинк Элефантс» автора figvaiza, победившей в фандомном конкурсе 2011 года «Битва за Англию». Эта небольшая атмосферная зарисовка, высоко оцененная в сообществе, достаточно репрезентативна с точки зрения устройства фанфикшн-письма и способна служить иллюстрацией его содержательных возможностей. В трактовке автора figvaiza поколение родителей Гарри и их ровесников, чья молодость приходится на конец 1970-х, вполне могло быть увлечено культурой панк-рока. Сириус Блэк катает на воздушном мотоцикле Игни Топа, солиста группы «Розовые слоники» (неприкрытая юмористическая аллюзия на Игги Попа); столкновение аристократа-бунтаря Блэка и выходца с рабочей окраины Снейпа происходит на панковском концерте; самоопределение через музыку пока оказывается важнее других способов («Скажи спасибо, что хоть музыку ты слушаешь правильную», — говорит Сириус, отпуская Снейпа на свободу), и это явно в последний раз, накануне окончательного взросления в ходе подступающей войны. Юношеские дурачества персонажей заставляют сжаться сердце читателя, знающего о грядущей катастрофе; линия с влюбленным слизняком одновременно иронична и нежна; образы родителей Гарри, о которых в каноне известно не так много, получились объемными, а зацепки за факты выстроены настолько небанально, что заставляют читателя теряться в догадках — что еще скрывает Сириус, у которого роман с «женщиной из вражеского стана»? Неужели он отец Драко Малфоя? И все это оформлено на небольшом пространстве с помощью минималистской манеры письма, оставляющей множество лакун для читательской интерпретации. Мир, который возникает в «Пинк Элефантс» на пересечении разных семантических и интонационных пластов, характеризуется высокой степенью неоднозначности, открытостью разным прочтениям²⁴ — наверное, трудно найти текст, более далекий от формульных конструкций массовой литературы. Однако оценить меру оригинальности этого текста, по-настоящему получить от него удовольствие можно, только читая «изнутри» сообщества.

Еще непривычнее с этой точки зрения обстоит дело с теми текстами фанфикшн, которые на первый взгляд выглядят как полностью самостоятельные, законченные истории, потенциально открытые любому взгляду. В значительном числе случаев эта открытость и законченность оказывается обманчивой: содержание текста вне фандомного горизонта будет оценено неправильно. Такая разница обозначилась, к примеру, в зазоре между восприятием фанфика «Оруженосец» мной и другими

24. Опубликование текста «Пинк Элефантс» на конкурсе не только вызвало огромную дискуссию среди читателей об этике поведения персонажей и трактовке характеров, но к тексту немедленно был написан сиквел представителем команды-соперника (после «снятия масок» им оказалась известный автор rakugan). Этот фанфик «Слизняк» представляет собой одну из возможных интерпретаций «Пинк Элефантс», с акцентом на характер Снейпа: мелочного зануды, начисто лишённого чувства юмора.

фандомными читательницами. Мне этот насыщенный красивыми деталями метафизический текст о путешествии Гарри на Авалон в поисках Сириуса Блэка, об их жизни и приключениях в волшебной стране под другими именами, показался при первом прочтении приятной, но лишенной настоящего конфликта историей с предсказуемым мелодраматичным хеппи-эндом — особенно на фоне других произведений его авторов Doc Rebecca и Tavvitar, фандомных писательниц первого ряда. Однако более чем бурная реакция других читательниц, рассыпающихся в восторгах и благодарностях на форуме, где был опубликован «Оруженосец», и в личных дневниках заставила меня внимательнее отнестись к тексту и обсудить его с одним из авторов. В этом обсуждении выяснилась интересная вещь: основная точка смыслообразования, придания ценности и напряжения этой истории, какой бы самостоятельной она (история) ни выглядела, находится вне текста, на пересечении обстоятельств канона и фанона (то есть давно сложившейся у части фандома традиции осмысления отношений Гарри и Сириуса Блэка). Между фандомными авторами и читателями существовала конвенция, проговоренная и прочувствованная потребность в такого рода текстах. Эту потребность и обозначила Tavvitar в обсуждении: «Конфликта в каноне хватает. А тут мы хотели просто вернуть людям жизнь, которую они не прожили... Гарриблэки. Чтоб их. Истории, в которых все умирают. В которых всегда не хватает времени. В которых страшно разминулись два человека, которые были — друг для друга. Им нечего преодолевать. Им только надо дать возможность...» Именно наличие этой конвенции определило успешность текста в сообществе, даже среди наиболее взыскательных читательниц, так же как и мою первоначальную читательскую неуспешность. Стоит подчеркнуть, что корреляция между объяснением смысла «Оруженосца», данным мне Tavvitar в личной переписке, и отзывами о тексте в дневниках фандомных читательниц и на форумах действительно оказалась очень высокой.

Подобное «внутрифандомное» знание, способное придать истории смысл, придает одновременно и ценность — не только конкретному тексту, но и фанфикшн-практике в целом. Уникальность и хрупкость (недолговечность) существующего здесь и сейчас литературного опыта фанфикшн остро переживается, осмысливается и порой очень удачно формулируется его участниками. Разговор о важности читательского контракта на соотнесение с каноном как уникального функционального модуса литературной практики фанфикшн уместно будет завершить одной из таких формулировок, приведенной в книге Шины Пью (эти слова принадлежат фандомной читательнице/писательнице):

«Это всегда считалось наивысшим комплиментом в фанатских кругах, если тебе говорили, что ты написал такую хорошую историю, что ее надо бы опубликовать, — но вообще-то иногда ситуация обстоит прямо противоположным образом. Сама уникальность, то, что создало эту историю, как раз не позволяет ей быть чем-то еще. Куча народу способна писать читабельные истории... Но есть вот эта маленькая, завораживающая группа авторов, которая пишет историю, принадлежащую только фандому, который сотворил

ее. Это как обладать сокровищем, которым ты не обязан делиться. Она укутана и в канон, и в фанон, и в собственное видение автора, и настолько в этом во всем органична, что ты просто чертовски рад, что ты стал участником этого фандома, просто чертовски благодарен, просто совершенно потрясен, что тебе посчастливилось это прочесть» (Pugh, 2005: 35–36).

Наконец, необходимо сказать несколько слов о фанфикшн как о порнографическом чтении. Востребованность и распространенность этого модуса чтения в фанфикшн очень высока, особенно среди тех, кто предпочитает слэш-истории. Особенность фанфикшн как порнографии заключается в полноценном, беспрецедентно тесном взаимодействии этой функции со всеми прочими, от базовых до обозначенного выше модуса соотношения с каноном. В фанфикшн существует немало различных способов вплетения порнографических сцен в сюжет или соотношения сексуального напряжения с нарративом, от насыщенных эпизодов-интерлюдий до распределения эротической эмоции по всему тексту, с одновременным сюжетным и сексуальным апофеозом в конце (так называемый UST — unresolved sexual tension). Возможность задействовать привлекательных, вызывающих сильные эмоции героев канона в порнографических эпизодах для получения сексуальной разрядки оказалась большим подарком женщинам-читательницам, точнее, их подарком самим себе — потому что основные виды фанфикшн-порнографии были изобретены самими фандомными писательницами и приняли именно ту текстовую форму, в которой на данный момент у них имеется потребность. Фанфикшн не только полностью легитимировал порнографию как часть репертуара читательских стратегий, но и стал пространством изобретения именно тех конфигураций чувственного удовольствия, которые максимально устраивают создающих и читающих его женщин. На фоне — важно добавить — традиционной любовной литературы, этой функции в основном не имеющей и, соответственно, потребностям современных женщин-читательниц в этом отношении не отвечающей.

Специфический локальный разворот данного сюжета в России одинаково важен и в социальном, и в литературном контексте. В социальном плане чтение фанфикшн-порнографии становится для женщин одним из проявлений гендерной и индивидуальной свободы. Читательницы и писательницы фанфикшн, особенно слэша, нередко говорят о нем как о «праве», привносят в обсуждения коннотации самоутверждения и саморазвития. В личных дневниках женщины признаются, что опыт чтения и письма фанфикшн-порнографии имеет для них «раскрепощающий эффект» и отчасти выполняет обучающую функцию, шутливо обсуждают те или иные встреченные в описаниях сексуальные действия, делятся рассказами о реакциях своих партнеров на эротические «фанфикшн-эксперименты». Пространство осмысленной, зрелой, не коммодифицированной сексуальности, которое создается фанфикшн-авторами, существенно отличается в этом отношении и от привычного в российском контексте стыдливого «замалчивания» темы в традиционной

повседневной культуре, и от стереотипов культуры массовой, с ее объективацией женщины и сексуальностью как предметом торговли.

В написании сексуальных сцен большинство русских фанфикшн-авторов ориентируются на международные образцы, доказавшие свою востребованность в обществах женщин-читательниц. Сцены могут быть весьма развернутыми, могут содержать поочередно разные точки зрения (хотя это не обязательно). В развернутых сценах нередко сочетаются детальное перечисление действий героев с детальным же описанием их физиологических и эмоциональных ощущений. В жанре слэш необходимо, кроме всего прочего, соблюдение некоторых конвенций описания мужской физиологии. Вопрос формирования этих конвенций выходит за рамки данной статьи, отмечу лишь, что он далеко не прост: в формировании нормы сексуального слэш-письма причудливо переплелись эмоциональные потребности женщин и «уступки реальности», влияние гей-порно и советы знакомых мужчин, которым эти тексты порой отправляются «на экспертизу», персональный опыт авторов и их фантазии, в том числе далекие от любого правдоподобия, когда художественные особенности истории это позволяют.

Надо ли говорить, каким колоссальным вызовом оказались эти стандарты для русских авторов и переводчиков фанфикшн. Не только русская «профессиональная литература» достаточно бедна на качественные образцы развернутых сексуальных описаний — и в любом случае, эти образцы, даже наличествуя, иначе встроены в сюжет и выполняют чаще всего другую, не порнографическую, функцию. Но в русском языке имеется серьезная проблема с неразработанностью соответствующего пласта нейтральной лексики. Свою роль сыграли здесь и резкое разведение обценной и нормативной лексики в русском языке, и жесткая гендерная апроприация этого поля: большинство описаний секса в «официальной» литературе сделаны мужчинами, с мужской точки зрения, содержат мужскую перспективу взгляда на женщину-объект. Использующие женскую точку зрения, но основанные на эвфемизмах и подверженные цензуре стандарты письма массовых любовных романов задачи, разумеется, тоже не облегчили.

Все без исключения респонденты опроса подтвердили мое предположение о проблемности этой зоны для перевода и письма. Привожу мнение двух активных переводчиков русского фандома по «Гарри Поттеру»:

«Что касается сексуальных сцен, то русский язык крайне слабо приспособлен к написанию эротики — по крайней мере, в той же форме, в которой она существует в английском языке. У нас эти жанры различаются кардинально, очень сильно различается даже просто лексика, описывающая человеческую анатомию... Поэтому, строго говоря, при переводе эротические сцены приходится создавать заново, чтобы они были хороши, а не выглядели как анатомический справочник, разбавленный школьным жаргоном и площадной лексикой».

(Опрос 2012, автор М.)

«Что касается собственно языка рейтинговых сцен, то я много сталкиваюсь с этой проблемой как переводчик. Тут дело вообще в особенностях русского и английского языка. Английский язык больше приспособлен для описания интимных сцен, лексика изначально более богата, и с другой стороны, выглядит менее грубой. Ну а если говорить о фиках, изначально написанных порусски, то в плохих фиках, как и в плохих английских, много штампов в этой части, ну а в хороших всё может быть очень по-разному, в зависимости от таланта автора... С другой стороны, я сама пишу и люблю читать фики, где любовные сцены решены на образном, метафорическом уровне, а не голой физиологией. Тут русскому автору не сложнее, чем английскому».

(Опрос 2012, автор к.)

Русские авторы и переводчики фанфикшн оказались фактически перед задачей изобретения нового языка и взялись за эту задачу с энтузиазмом и смелостью, не говоря уже о бескорыстии. Эротическое письмо на русском по-прежнему сопряжено с немалым количеством проблем, но в фанфикшн-сообществе разработано изрядное количество правил, которым стоит следовать, обозначены ловушки, которых стоит избегать. Постоянно пополняется набор штампов, подвергающихся остракизму: «гриффиндорцы», «зельевары» и «блондины» в постельных сценах, «горошины сосков» и «трепет наслаждения» перекочевывают из центра на глубокую периферию стандартов письма. Нароботан значительный пласт нейтральной лексики и неокрашенных вариантов описания типичных действий (последнее, безусловно, под влиянием англоязычных образцов). Метафоричность, о которой говорит автор к., становится средством по выбору, а не единственной возможностью хоть как-то описать действия героев. Сообщество авторов и переводчиков трудится над имеющейся проблемой и достигло больших результатов в развитии языка и норм описания сексуальных отношений — притом что недовольство этими описаниями остается постоянным фоном фандомной коммуникации и побуждает авторов к дальнейшему совершенствованию средств. Как русский читатель, начинавший знакомство с фанфикшн с англоязычных образцов и боявшийся даже приступать к чтению сексуальных сцен на родном языке, зная ситуацию в «официальной» литературе, я была по-настоящему поражена прогрессом, достигнутым фанфикшн в этой сфере. В значительном количестве русских слэш-фанфиков по «Гарри Поттеру» обширные и подробные сексуальные сцены никоим образом не отличаются стилистически и с точки зрения модальности письма от языковой реальности остального текста, не проигрывают ей в качестве («Стеклянное сердце» Трегги Ди, «Ласточка и корона» Dver_v_zimu, «Снарри без названия» Tavvitar, «Стокгольмский синдром?» Artaletta, «Холодное лето 99-го» Doc Rebecca, «Стакан воды» Свенгали и многие другие).²⁵ Сочтя необходимым говорить о сексе на родном языке развернуто, женщины — писательницы и читательницы фанфикшн —

25. Я не привожу здесь примеров по единственной причине: сексуальные сцены в фанфикшн, как правило, развернуты, их невозможно процитировать в статье, не превышая во много раз максимально допустимый для цитаты объем. Однако все названные тексты доступны для самостоятельного ознакомления.

самостоятельно выработали для этого разговора такой набор конвенций, который позволяет им получать удовольствие без потерь в самоуважении.

Подводя итоги, необходимо еще раз подчеркнуть, что фанфикшн как сравнительно новая, оригинальная по устройству текстов, принципов их чтения и распространения литературная практика, продолжающая изобретаться на наших глазах, привлекает в свои ряды множество сторонников не простотой и незамысловатостью, не поверхностностью или вторичностью, как это нередко хочется представить его критикам, мало знакомым с предметом. По всей видимости, эта форма читательского и, в открытой для каждого перспективе, писательского опыта, перевернувшая многие представления о чтении и письме (а также, вероятно, оправдавшая некоторые надежды на их демократизацию), оказывается успешной как раз по причине его, этого опыта, многофункциональности, интенсивности и свободы. Фанфикшн ставит перед своим читателем немало нетривиальных задач и предлагает каждому, в свою очередь, стать тем, кто ставит перед другими нетривиальные задачи. И то и другое интересно; и то и другое в пределе ведет к последствиям, выходящим за рамки собственно письма, приобретает экзистенциальный и социальный смысл.

Говоря в начале текста о том, что фанфикшн полностью вынесен за пределы института литературы в его современном виде, я, конечно, несколько упростила картину. Дело даже не в том, что многие авторы фанфикшн и в России, и особенно за рубежом начинают писать и издавать беллетристику: самый яркий международный пример успеха в этой области, конечно, бестселлер 2011/12 года «50 оттенков серого» Э. Л. Джеймс, любовный роман, переделанный из фанфика по саге «Сумерки». Знание, что рядом существует «большая литература» с другими правилами, другим распределением читательских и писательских ролей, другим культурным статусом, тоже является важной частью литературного опыта фанфикшн-авторов. Особенно это важно в русском культурном пространстве, где литература, начиная с девятнадцатого века и в каком-то смысле по сей день, наделена повышенным социальным статусом и дополнительными, внелитературными функциями (Гудков, Дубин, Страда, 1998: 63–67). Существование параллельно с такой литературой вызывает напряжение в поле русского фанфикшн, постоянно возобновляющиеся дискуссии и эксцессивные поступки участников коммуникации. Русские читатели неустанно и мучительно решают, что же такое фанфикшн: легкое необязательное развлечение или все-таки литература; беззастенчивое удовольствие от любого чтения или пространство, подсудное филологии, приходящей строго оценить фанфик по правилам «гармоничного структурирования текста» (пример из реальной фандомной дискуссии). Без преувеличения могу заметить, что это одна из самых артикулированных тем в русском сообществе по «Гарри Поттеру».

Соответственно, в этом отношении мне представляется важным не только с позиции исследователя указать на достоинства и уникальные черты фанфикшн как литературного опыта. Важно также обратить внимание на тот факт, что, без всякого «внешнего» вмешательства, фанфикшн служит для русских читательниц

катализатором осмысления функций чтения и читательского опыта, самоопределения в поле этого опыта, поисков ответа на вопрос, зачем каждой из них этот фанфик, эта книга, а заодно чтение, письмо и литература вообще. Подчеркну в заключение три принципиальных момента.

Во-первых, фанфикшн как средство коммуникации, со всеми его обозначенными выше особенностями, обладает таким же эффектом, как ряд других медийных конструкций нашей (пост)современности: он выглядит легко, а действует серьезно, обещает мало, а дает много, притворяется необязательным развлечением, но способен изменять жизнь. Даже всячески оговаривая периферийность фанфикшн в поле своих интересов, женщины постоянно рассказывают о том, как сильно это увлечение на них влияет, как оно способно их развивать, подталкивать в каком-то направлении, изменять их отношения с окружающими и взгляд на себя. Моя исследовательская коллекция этих высказываний охватывает диапазон действий от изучения языка до смены профессии, не говоря уже об историях внутреннего развития.

«Когда я открыла для себя сетевую фандомную культуру, то начала постепенно читать на английском языке. Можно сказать, что так я его и выучила». (Опрос 2012, автор Lilith2ogodrich)

«...в общем, ровно три года назад я написала и выложила свой первый фанфик... и мне пошел фидбек — впрочем, такого слова я тогда тоже еще не знала. Мне стали писать отзывы. И на первую главу, и на вторую, и на третью, и еще, и еще... отзывы эти были не просто положительные или благодарственные — они воодушевляли меня! <...> в то время я переживала кризис, довольно-таки острый творческий кризис, связанный с тем, что меня не устраивало мое положение в театре, где я тогда работала, и я не видела творческих перспектив для себя, и попросту не знала, куда приложить силы. Вы уже поняли, да? <...> штука в том, что одобрительные отзывы неизвестных мне людей о моих текстах по мотивам ГП разбудили во мне целую кучу всего того, чего я и сама о себе не знала! <...>

В результате я ушла из театра, написала четыре уже изданные детские книжки и четыре еще не изданные, создала свой театр, написала и поставила в нем две пьесы, и так далее и тому подобное. Вроде бы все это мало связано между собой — потому что мой реальный мир не пересекается с миром моего фанфикшна, и слава всем богам за это! Но не будь первого звена в цепи — не было бы у меня сил и решимости на все остальное».

(Запись в личном блоге Yulita_Ran, цит. с разрешения автора)

Во-вторых, фанфикшн, добровольное творчество читателей, коммуникация по поводу того, что они любят, уважают, считают нужным отстаивать, — очень ценностно нагруженная, самоконституирующая практика. Соответственно, речь ее проponentов находит себе дорогу и выражение, встречается с поддержкой сообществ, и, как бы ни пыталось тут «выделиться» русское пространство под давлением официальной литературной традиции, в какие-то моменты барьеры унич-

тожаются, уступая место прямой речи людей о смысле своей деятельности — речи, вполне универсальной по значению и интонации. В феврале 2013 года одна из популярных русских переводчиц фанфикшн, b., перевела и выложила в своем блоге эмоциональную запись английской читательницы PrettyArbitrary в поддержку текстов любительской литературы. Последние два абзаца записи с характерным пафосом конституируют субъектов этой коммуникации, с небывалой прежде скоростью и полнотой обретающих друг друга в этом поле, поверх институциональных барьеров, помимо всех возможных стеснений и ограничений:

«И я хочу, чтобы все знали, что если я комментирую, хвалю или рекомендую вашу историю, то это потому, что вы, лично вы хороши точно так же, как и любой публикующийся писатель, которого я когда-либо читала.

Потому что ваша, именно ваша работа ничем не хуже любой другой истории, что я читала, и заслуживает места на моих мысленных книжных полках. Я хвалю много, но всегда искренне. И если я говорю, что мне нравится ваша история, то это значит, что, по моему мнению, единственное, что стоит между вами и публикацией, — закон об авторском праве».

(Запись в личном блоге b., цит. с разрешения автора)

Под этой записью русские читательницы оставили больше 20 поддерживающих комментариев, перепостив ее в свои личные блоги и обсуждая там дополнительно. Как показывают комментарии, этос фанфикшн как бескорыстной свободной деятельности, по-новому проявляющей не только потенциал литературного опыта, но также опыт человеческий, антропологический, способен сделать эту практику не менее, а более притягательной на фоне других литературных форм.

«В последнее время я читаю тонны фанфикшна, и подпишусь под каждым словом. Сокровища, просто сокровища! Такие вещи! И с культурной ценностью, и с новизной, и современностью, увлекательно, красиво, честно и прекрасно».

«С тех пор, как я открыла для себя фанфикшн, я стала лучше относиться к людям. Мне кажется невероятным, что столько людей дарят мне удовольствие своими работами, а вместо того, чтоб требовать с меня деньги, еще и интересуются моим мнением. До сих пор печки, уговаривающие бесплатно съесть сладкий пирожок, мне встречались только в сказках».

«А я каждый раз удивляюсь, сколько простых домохозяек, студенток, учителей, врачей, уборщиц... так шикарно владеют языком, что ты раз за разом расплываешься лужицей у компа. А они — ничё. Написала и пошла себе дальше варить, учить, убирать. И никому не придёт в голову бить себя пяткой в грудь — я профи. Вот это просто обалденно. Много лучше любви им».

(Комментарии трех разных читательниц в блоге b.)

В-третьих, нужно признать, что характерный для модели фанфикшн перенос культурной ценности в зону действия самоорганизующихся эфемерных сообществ, открепление ее от всех официальных институций и практик, в том числе отбора и хранения, приводит к изменению условий существования литературы как архива, не в смысле метафоры Абигаиль Деричо, а в прямом смысле — сохранения и передачи этих текстов. Уже первое десятилетие существования фанфикшн как виртуального архива показывает, насколько эта культурная практика далека от традиционных принципов архивации, способных «на века» позаботиться о каждом отобранном документе. Явное или скрытое чувство потери очень часто сопровождает фандомное чтение, идет ли речь об ушедших из поля видимости авторах, утраченных или удаленных из архивов текстах, исчезновении каких-то фрагментов фандомного опыта из зоны коммуникации навсегда. Можно предположить, что эфемерность цифрового существования вписана в саму конструкцию фанфикшн, в условие его возможности. Фанфикшн — это практика и опыт, а не хранилище и текст; уникальные конstellации персональных событий, а не прочно закрепленные за небожителями места универсального канона. Фанфикшн вряд ли ожидает история великих авторов. Но он состоит из множества историй великих читательниц.

Источники

Сайты и архивы:

Сайт блогов Дайри: <http://www.diary.ru/>

Сказки, рассказанные перед сном профессором зельеварения Северусом

Снейпом: <http://www.snapetales.com/>

Фанфикс.ру: <http://www.fanfics.ru/>

HogwartsNet: <http://www.hogwartsnet.ru/mfanf/index.php>

Книга фанфиков / Фикбук: <http://ficbook.net/fanfictions/books>

Астрономическая башня: <http://hpfiction.borda.ru/>

SlashWorld: <http://slashtyaoi.borda.ru/>

Слизеринский форум: <http://slitherin.potterforum.ru/>

Мультифандомное радио: <http://multi-radio.diary.ru/>

Тексты фанфикшн (доступ ко всем текстам проверен 17 августа 2013 г.):

Алисия. «Малфой надписывает подарки». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=7176

барон де Куртнэ. «Личная жизнь Героя». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=6219

барон де Куртнэ. «Второгодники». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=5696

барон де Куртнэ. «Мой черный человек». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=12902

- барон де Куртнэ. «Тварь дрожащая». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=8129
- барон де Куртнэ. Трилогия «Убить Малфоя», «Охота на Хорька» и «Цепь для Дракона». http://www.snapetales.com/index.php?auth_id=1792
- Карбони. «Неделя шестого Никогда». <http://archive.diary.ru/~bottommalfoy/?comments&postid=4973268>
- Карбони. «Сокровища Агры II: Конец игры». <http://ferretkingdom.slashworld.net/fics/Agra.htm>
- ДоЛохов. «Ixodes ricinus». <http://www.urika.info/kfarhiv/topic.php?forum=8&topic=35>
- Мерри. «Семейные ценности Малфоев». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=924
- Моэри. «Химера». <http://slashfiction.ru/story.php?story=201&page=1>
- Пухоспинка, Люка. «Право собственности». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=9391
- Свенгали. «Пока не знаю». <http://sad-kaktusov.diary.ru/p124896923.htm>
- Свенгали. «Стакан воды». <http://sad-kaktusov.diary.ru/p140832206.htm>
- Тау Мирта. «Каникулы с убийцей». <http://www.fanfics.ru/index.php?section=3&id=47975>
- Тайсин. «У Фольксхалле поезд не останавливается». <http://hpfiction.borda.ru/?1-18-0-00000016-000-10001-0-1366463254>
- Трегги Ди. «Стеклянное сердце». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=26893
- Трегги Ди. «Дневник Гарри Поттера». Текст существует только в подзамочном дневнике и как файл в формате doc (архив автора статьи).
- Тупак Юпанки. «Табия». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=11563
- Цыца. «Ex Libris». <http://www.fanfics.ru/index.php?section=3&id=533>
- Amira19. «Самые прекрасные цветы растут из грязи». <http://slitherin.potterforum.ru/viewtopic.php?id=12527>
- Artaletta. «Dum spiro...». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=17440
- Artaletta «Стокгольмский синдром?». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=14510
- Botsvana. «Последнее задание». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=24182
- DD. «Апроуч-Роуд, 17А». <http://slasyaoi.borda.ru/?1-0-0-00004257-000-0-0-1363156517>
- Doc Rebecca, Tavvitar. «Оруженосец». <http://hpfiction.borda.ru/?1-18-0-00000004-000-0-0-1368290064>
- Doc Rebecca. «Время Сурта». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=9057
- Doc Rebecca. Цикл «Квиддичная трилогия». http://www.snapetales.com/index.php?auth_id=1508
- Doc Rebecca. «Холодное лето 99-го». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=7850

- Dver_v_zimu. «Вверх по холмам, вниз по реке». http://fantasy-fan.info/potter_NC17/1211.html
- Dver_v_zimu. «Ласточка и корона». <http://slashyaoi.borda.ru/?1-o-o-00003782-000-o-o-1303575970>
- Dver_v_zimu. «Путеводитель для странных мальчиков». <http://slashyaoi.borda.ru/?1-o-o-00003694-000-o-o-1273296372>
- Dver_v_zimu. «Элизиум, или В стране Потерянных Снов». Текст существует только как файл в формате pdf (архив автора статьи).
- Emily Waters. «Серый квартал». <http://bottomsnape.diary.ru/p176148113.htm>
- Emily Waters. «Пепел Армагеддона». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=9526
- Femme. «Kiss a boy in London town» (русский перевод). http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=4436
- Friyana. «По другую сторону...». <http://www.fanfics.ru/index.php?section=profile&id=950>
- Figvaiza. «Пинк Элефантс». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=20542
- iolka. «Другой мир». <http://slitherin.potterforum.ru/viewtopic.php?id=16757>
- Juxian Tang. «Контролируемый ущерб». <http://juxian.slashcity.net/control.html>
- Linden. «И падал снег». http://www.snapetales.com/all.php?fic_id=3946
- Magenta. «Гарри Поттер и Тайный Грех». <http://www.fanfics.ru/index.php?section=3&id=49134>
- Nettle и Gavrussha. «Смерть после второй». http://archiveofourown.org/works/811948?view_adult=true
- NikMac. «Консерваторы». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=6644
- Rakugan. «Игрок». <http://rakugan.livejournal.com/100731.html>
- Rakugan. «Слизняк». <http://albansk.diary.ru/p164455537.htm>
- Samayel. «Redeem me» («Спаси меня», русский перевод). http://snapetales.com/all.php?fic_id=9134
- sillygame. «Любимый ястреб дома Малфоев». http://www.snapetales.com/all.php?fic_id=4975
- Taala. «Шанс на счастье». http://www.snapetales.com/all.php?fic_id=15167
- Tavvitar. «Снарри без названия». http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=26444
- Тома-км. Циклы «Недетские истории» и «Будни победителей». Тексты существуют только в подзамочном дневнике автора.
- Тома-км. «Человеческий фактор». <http://www.hogwartsnet.ru/fanf/member.php?id=33777&l=>
- Тома-км. «Советская сказка». <http://www.hogwartsnet.ru/fanf/ffshowfic.php?fid=68783&l=0>
- Valley. «Burglars' trip» / «Взломщики». Часть первая: http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=569; Часть вторая: http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=1004; Часть третья: http://www.snapetales.com/index.php?fic_id=4650

Литература

- Барт Р.* (2003). О чтении // *Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых. С. 489–503.
- Венедиктова Т.* (2012). Литература как опыт // *Новое литературное обозрение.* № 115. С. 71–81.
- Гудков Л., Дубин Б., Страда В.* (1998). Литература и общество: введение в социологию литературы. М.: РГГУ.
- Дубин Б.* (2001). Слово — письмо — литература: очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение.
- Зенкин С.* (2011). Полезность словесности (Заметки о теории, 24) // *Новое литературное обозрение.* № 109. С. 313–322.
- Компаньон А.* (2001). Демон теории: литература и здравый смысл / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых.
- Лайонс М.* (2008). Новые читатели в XIX в.: женщины, дети, рабочие // *История чтения в западном мире от античности до наших дней* / Пер. с фр. М. А. Руновой, Н. Н. Зубкова, Т. А. Недашковой. М.: ФАИР. С. 399–441.
- Прасолова К.* (2009). Фанфикшн: литературный феномен конца XX — начала XXI века (творчество поклонников Дж. К. Роулинг). Дисс. ... канд. филол. наук. Калининград.
- Рэдуэй Дж.* (2004). Читая любовные романы: женщины, патриархат и популярное чтение / Пер. с англ. М. Курганской и М. Тихонова. М.: Прогресс-Традиция.
- Abercrombie N., Longhurst B.* (1998). Audiences: a sociological theory of performance and imagination. London: SAGE.
- Bacon-Smith C.* (1992). Enterprising women: television fandom and the creation of popular myth. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Busse K., Lothian A.* (2009). Bending gender: feminist and (trans)gender discourses in the changing bodies of fan fiction // *Internet fictions* / Ed. I. Hotz-Davies, A. Kirchofer, S. Leppänen. Cambridge: Cambridge Scholars. P. 105–126.
- Cawelti J.* (1976). Adventure, mystery, and romance: formula stories as art and popular culture. Chicago: University of Chicago Press.
- Coppa F.* (2006). A brief history of media fandom // *Fan fiction and fan communities in the age of the Internet* / Ed. K. Hellekson and K. Busse. Jefferson: McFarland. P. 41–59.
- Derecho A.* (2006). Archontic literature: a definition, a history, and several theories of fan fiction // *Fan fiction and fan communities in the age of the Internet* / Ed. K. Hellekson and K. Busse. Jefferson: McFarland. P. 61–78.
- Driscoll C.* (2006). One true paring: the romance of pornography and the pornography of romance // *Fan fiction and fan communities in the age of the Internet* / Ed. K. Hellekson and K. Busse. Jefferson: McFarland. P. 79–96.
- Fan fiction and fan communities in the age of the Internet.* (2006) / Ed. K. Hellekson and K. Busse. Jefferson: McFarland.
- Felski R.* (2008). Uses of literature. Oxford: Blackwell.

- Gwenllian-Jones S.* (2002). The sex live of cult television characters // *Screen*. Vol. 43. № 1. P. 79–90.
- Hotz-Davies I.* (2009). Mirror fictions: Babylon 5 and its dreamers // *Internet fictions* / Ed. I. Hotz-Davies, A. Kirchhofer, S. Leppänen. Cambridge: Cambridge Scholars. P. 84–104.
- Jenkins H.* (1992). *Textual poachers: television fans and participatory culture*. N. Y.: Routledge.
- Jenkins H.* (2006). *Convergence culture: where old and new media collide*. N. Y.: New York University Press.
- Penley C.* (1997). *NASA/Trek: popular science and sex in America*. N. Y.: Verso.
- Pugh Sh.* (2005). *The democratic genre: fan fiction in a literary context*. Bridgend: Seren.
- Samutina N.* (2013). «The care of the self» in the 21st century: sex, love and family in the *Harry Potter* fan fiction in Russian // *Digital Icons*. № 10. (In press)
- Stasi M.* (2006). The toy soldiers from Leeds: the slash palimpsest // *Fan fiction and fan communities in the age of the Internet* / Ed. K. Hellekson and K. Busse. Jefferson: McFarland. P. 115–133.
- Tosenberger C.* (2008). Homosexuality at the online Hogwarts: Harry Potter slash fanfiction // *Children's Literature*. № 36. P. 185–207.
- Vanhée O.* (2008). Reading *Harry Potter*: a personal and collective experience // *Participations*. Vol. 5. № 2. URL: http://www.participations.org/Volume%205/Issue%202/5_02_olivier.htm (Accessed 05.11.2013.)
- Willis I.* (2006). Keeping promises to queer children: making space (for Mary Sue) at Hogwarts // *Fan fiction and fan communities in the age of the Internet* / Ed. K. Hellekson and K. Busse. Jefferson: McFarland. P. 153–170.
- Woledge E.* (2006). Intimatopia: genre intersections between slash and the mainstream // *Fan fiction and fan communities in the age of the Internet* / Ed. K. Hellekson and K. Busse. Jefferson: McFarland. P. 97–112.

The Great Female Readers: Fan Fiction as a Literary Experience

Natalia Samutina

Assistant Professor, National Research University Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: nsamutina@mail.ru

The main object of this interdisciplinary paper is examining fan fiction as a social practice and a literary experience. Its conclusions draw upon the results from two years of field research conducted in the Russian *Harry Potter* female fan fiction Internet community. Reading communities play a crucial part in this new type of literary communication, even though these communities are completely ignored by the literature industry. These online communities strongly support the readers' writings, provide an exchange of experiences, encourage the rethinking of different contexts of literary and social behavior, foster the development of literary and social imagination, and so on. While analyzing and theorizing fan fiction in detail as a literary experience, the author draws upon *Uses of Literature* (2008) by Rita Felski and her concept of the "modes of textual engagement". The author comes to the conclusion that fan fiction uses even more "modes of textual engagement" compared to institutionalized literature, while minimizing all the factors leading to the rejection of a reader — which helps to understand the reasons for fan fiction's enormous popularity and the practices of extensive reading. Apart from the four general functions of literature Rita Felski deals with (recognition, enchantment, knowledge and shock), fan fiction is based on two additional functions of the correspondence with "canon", and the correspondence on pornography. All these modes of textual engagement saturate the fan fiction reader's experience with intensity, corporeality and efficiency. This ethnographic research is complemented with theoretical questions about the changing role of a reader and a writer in amateur online literary communication.

Keywords: sociology of culture, literary theory, reading practices in Russia, ethnography of online communities, fan fiction, *Harry Potter*

References

- Abercrombie N., Longhurst B. (1998) *Audiences: A Sociological Theory of Performance and Imagination*, London: SAGE.
- Bacon-Smith C. (1992) *Enterprising Women: Television Fandom and the Creation of Popular Myth*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Barthes R. (2003) O chtenii [On Reading]. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [The Fashion System: Essays on the Semiotics of Culture], Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh, pp. 489–503.
- Busse K., Lothian A. (2009) Bending Gender: Feminist and (Trans)gender Discourses in the Changing Bodies of Fan Fiction. *Internet Fictions* (eds. I. Hotz-Davies, A. Kirchhofer, S. Leppanen), Cambridge: Cambridge Scholars, pp. 105–126.

- Cawelti J. (1976) *Adventure, Mystery, and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture*, Chicago: University of Chicago Press.
- Compagnon A. (2001) *Demon teorii: literatura i zdravyj smysl* [The Daemon of Theory: Literature and Common Sense], Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovyh.
- Coppa F. (2006) A Brief History of Media Fandom. *Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet* (eds. K. Hellekson, K. Busse), Jefferson: McFarland, pp. 41–59.
- Derecho A. (2006) Archontic Literature: A Definition, a History, and Several Theories of Fan Fiction. *Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet* (eds. K. Hellekson, K. Busse), Jefferson: McFarland, pp. 61–78.
- Driscoll C. (2006) One True Paring: The Romance of Pornography and the Pornography of Romance. *Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet* (eds. K. Hellekson, K. Busse), Jefferson: McFarland, pp. 79–96.
- Dubin B. (2001) *Slovo — pis'mo — literatura: ocherki po sociologii sovremennoj kul'tury* [Word — Writing — Literature: Essays on the Sociology of Modern Culture], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Hellekson K., Busse K. (eds.) (2006) *Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet*, Jefferson: McFarland.
- Felski R. (2008) *Uses of Literature*, Oxford: Blackwell.
- Gudkov L., Dubin B., Strada V. (1998) *Literatura i obshchestvo: vvedenie v sociologiju literatury* [Literature and Society: Introduction to the Sociology of Literature], Moscow: RGGU.
- Gwenllian-Jones S. (2002) The Sex Live of Cult Television Characters. *Screen*, vol. 43, no 1, pp. 79–90.
- Hotz-Davies I. (2009) Mirror Fictions: Babylon 5 and Its Dreamers. *Internet Fictions* (eds. I. Hotz-Davies, A. Kirchhofer, S. Leppanen), Cambridge: Cambridge Scholars, pp. 84–104.
- Jenkins H. (1992) *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*, New York: Routledge.
- Jenkins H. (2006) *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*, New York: New York University Press.
- Layons M. (2008) Novye chitateli v XIX v.: zhenshhiny, deti, rabochie [New Readers in the Nineteenth Century: Women, Children, Workers]. *Istorija chtenija v zapadnom mire ot antichnosti do nashih dnei* [A History of Reading in the West], Moscow: FAIR, pp. 399–441.
- Penley C. (1997) *NASA/Trek: Popular Science and Sex in America*, New York: Verso.
- Prasolova K. (2009) *Fanfikshtn: literaturnyj fenomen konca HH — nachala XXI veka (tvorchestvo poklonnikov J. K. Rowling)* [Fan Fiction: A Literary Phenomenon of the End of 20th — Beginning of 21st Centuries (The Works of J.K Rowling's Fans)], (PhD Thesis), Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University.
- Pugh Sh. (2005) *The Democratic Genre: Fan Fiction in a Literary Context*, Bridgend: Seren.

- Radway J.A. (2004) *Chitaja ljubovnye romany: zhenshhiny, patriarhat i populjarnoe chtenie* [Reading the Romance: Women, Patriarchy, and Popular Literature], Moscow: Progress-Tradition.
- Samutina N. (2013) "The Care of the Self" in the 21st Century: Sex, Love and Family in the Harry Potter Fan Fiction in Russian. *Digital Icons*, no 10. (In press)
- Stasi M. (2006) The Toy Soldiers from Leeds: The Slash Palimpsest. *Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet* (eds. K. Hellekson, K. Busse), Jefferson: McFarland, pp. 115–133.
- Tosenberger C. (2008) Homosexuality at the Online Hogwarts: Harry Potter Slash Fanfiction. *Children's Literature*, no 36, pp. 185–207.
- Vanhee O. (2008) Reading *Harry Potter*: A Personal and Collective Experience. *Participations* (electronic journal), vol. 5, no 2. Available at: http://www.participations.org/Volume%205/Issue%202/5_02_olivier.htm (accessed 11 May 2013).
- Venediktova T. (2012) Literatura kak opyt [Literature as Experience]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 115, pp. 71–81.
- Willis I. (2006) Keeping Promises to Queer Children: Making Space (for Mary Sue) at Hogwarts. *Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet* (eds. K. Hellekson, K. Busse), Jefferson: McFarland, pp. 153–170.
- Woledge E. (2006) Intimatopia: Genre Intersections between Slash and the Mainstream. *Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet* (eds. K. Hellekson, K. Busse), Jefferson: McFarland, pp. 97–112.
- Zenkin S. (2011) Poleznost' slovesnosti (Zametki o teorii, 24) [The Utility of Literature (Remarks on Theory, 24)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 109, pp. 313–322.

Хозяйственная «этика» как зеркало русского православия: социология религии через призму социологии права

ЗАБАЕВ И. В. (2012). ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭТИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. М.: ПСТГУ. 168 с. ISBN 9785742907510

*Кирилл Титаев**

Рецензия сфокусирована на трех ключевых проблемах исследования Ивана Забаева, имеющих, как кажется, общесоциологическое значение. Заметим, что автор рецензии не является социологом религии и не имеет никакого отношения к исследованиям религиозности¹. Поэтому внимание будет сосредоточено на тех вопросах, которые имеют смысл в отрыве от того увлекательно описанного эмпирического материала, на основе которого построена книга.

В книге «Основные категории хозяйственной этики русского православия» автор пытается решить достаточно амбициозную задачу — пройти веберовским аналитическим путем, но с опорой на эмпирический материал современного православия. Основываясь на данных участвующего наблюдения (Иван Забаев работал трудником в восьми монастырях), свыше 40 интервью и анализе православной литературы он пытается понять, какими принципами на практике руководствуется православный актер в своей хозяйственной деятельности.

Представленный в книге анализ включает несколько последовательных шагов, меняющих взгляд читателя на православие в целом и его хозяйственную этику в частности. Сначала, инвертируя веберовский подход, автор ищет хозяйственную этику в повседневной деятельности православных (в первую очередь монашествующих и живущих при монастырях), после чего уже анализирует доктрину, изложенную в книгах. Проведенное сравнение хозяйственной этики католической и православной церковью представляет отдельный интерес и читается как приключенческий роман.

Анализируя собственно хозяйственную этику, Иван Забаев выделяет четыре плотно связанных категории. Первая — «Божья воля», которая в православии, с

* Титаев Кирилл Дмитриевич — MA in Sociology, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Адрес: ул. Гагаринская, д. 3, Санкт-Петербург, Российская Федерация 191187. Email: ktitaev@eu.spb.ru

© Титаев К. Д., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Рецензию, содержащую в числе прочего и религиоведческий анализ, можно прочитать в журнале «Социология власти» (Титков А. С. [2012]. Рецензия на книгу И. В. Забаева «Основные категории хозяйственной этики современного русского православия: социологический анализ» [М.: ПСТГУ, 2012] // Социология власти. № 8. С. 167-176).

точки зрения исследователя, является граничным условием любого действия и особенно действия успешного. Православный хозяйственный актер полагает, что все достигнутое было достигнуто потому, что «на это была Божья воля». Это же удерживает его от разочарований — все, что не удалось, не удалось лишь потому, что на это не было Божьей воли.

Второй важнейшей категорией является «послушание», которое выступает одновременно и как некоторый способ действия — действие в рамках Божьей воли и во ее исполнение, и как определенный формат коммуникации — послушание это еще и все действия, совершаемые монашествующим или насельником монастыря (реже мирянином) по прямому или косвенному поручению человека, стоящего выше в монастырской табели о рангах (в священнической или хозяйственной иерархии).

Третья категория, которая определяет формат действия и отношение к этому действию, — это смирение. Смирение надлежит проявлять как по отношению к работе (не оценивать ее как приятную/неприятную, продуктивную/непродуктивную и т. д.), так и к результатам труда, которые надлежит принимать такими, какие они есть.

Четвертая, ключевая категория — благословение (как правило, священническое). В идеале предполагается, что никакое действие не может быть совершено без благословения священника, т. е. по поводу всякого хозяйственного действия (вплоть до чистки овощей) должно обратиться к священнику с просьбой о благословении. После благословения действие по большому счету становится послушанием — то есть выполняемым не по своей воле, а во исполнение воли Божьей.

Все эти категории, как блестяще показано в книге, плотно связаны между собой и одновременно переплетены с молитвенными техниками. «Задача „труда“ — обеспечить возможность „молитвы“. Одна из задач „молитвы“ — обеспечить возможность „труда“» (с. 65). Этот факт усиливает основной аргумент автора, показывая, что хозяйственная деятельность воспринимается и оценивается через религиозную, что позволяет говорить о религиозной этике, действительно лежащей в основе хозяйственной деятельности.

В заключении Иван Забаев останавливается на двух важных вопросах. Во-первых, он пытается представить православную и протестантскую общины как социальную сеть, в которую вписан Бог (очень напоминающую разрабатываемую в рамках концепции религиозных рынков²). И оказывается, что если в протестантизме контакт с Богом в рамках этой сети более или менее прямой у каждого верующего, то в православии этот контакт опосредован священником, причем не только догматически, но и в повседневной жизни, что и делает роль церкви столь значительной.

Второй момент, который освещается в заключении, — это относительная роль хозяйства у веберовского протестанта и российского православного (в трактовке

2. См., например: Salvation goods and religious markets: theory and applications. (2008) / Ed. J. Stolz. Bern: Peter Lang.

И. Забаева). Для протестанта хозяйственная деятельность и есть путь к спасению, в то время как для православного хозяйство оказывается побочной для спасения (как конечной цели) активностью, которая при этом также предполагает большую роль священства (через благословение).

Последняя часть книги, слегка разрушающая жесткую логику диссертационного исследования (на основании которого была написана книга), представляет собой рассказ о неverified гипотезе (как это называет автор), согласно которой советская хозяйственная модель наследует модели православной. На этой гипотезе мы остановимся чуть ниже.

Хозяйственная этика, хозяйственная идеология и проблема следования правилу

Первая важная теоретическая проблема, которую решает автор, связана с определением понятия «этика» и поиском эмпирического пути ее изучения. Для начала проводится отграничение этики от других веберовских категорий: «... „этика“ и „нравственность“ [у Вебера] скорее означают нечто одинаковое. В этом фрагменте текста этика отличается Вебером от „догмата“ и „практики“...» (с. 25). То есть этика оказывается некоторым транзитивным элементом, операционализирующим догматы для религиозного актора.

Далее становится очевидным, для преодоления какого риска необходимо введение этой категории. «Невозможно заранее предположить, какие фрагменты догматики будут актуализированы в практике. Как следствие, существует большой риск или 1) взять „не те“ фрагменты догмата и в результате обнаружить их отсутствие в практике, или 2) произвести ряд аналитических подмен, волюнтаристски сопоставляя и сводя друг к другу догмат и практику. Поэтому в ходе своего исследования мы шли в обратном направлении — от практики к этике и догматическим идеям» (с. 27).

Правда затем, уже после введения этики как некоторого элемента своего теоретического построения, автор зачем-то разделяет ее на декларированную и реально актуализированную — «...желательно проведение отдельного анализа „декларированной“ и „реально актуализированной“ хозяйственной этики» (с. 27). Хотя, казалось бы, этика — это и есть реально актуализированные догматы. Вероятно, это различие потребовалось, чтобы разделить хозяйственную этику как некоторый набор применяемых правил и хозяйственную этику как некоторый набор деклараций, несводимых при этом к догматике (дискурсу о хозяйственной этике). Далее автор как будто забывает о декларируемой хозяйственной этике и говорит преимущественно о «реально актуализированной».

Поставленная здесь исследовательская задача напрямую отсылает нас к проблеме следования правилу³ — основной проблеме социологии права. Выясняется,

3. Подробно о витгенштейнианской и поствитгенштейнианской трактовке этой проблемы см.: Волков В. В. (1998). «Следование правилу» как социологическая проблема // Социологический журнал. № 3-4. С. 157-170.

что религиозный догмат как комплекс предписаний работает довольно странным образом. Далеко не все догматы имплицитно в практике и играют какую-то роль в жизни акторов. Кроме того, «ни одно правило не содержит в себе способ его применения»⁴. То есть знать «что» и знать «как» — это две принципиально разные вещи. Традиционно эта проблема решается через описание практик применения правил.

Автор книги решает этот вопрос (в данном случае это скорее его, нежели веберовское решение) достаточно оригинально. Он вводит дополнительный уровень реальности между правилом и техникой его соблюдения — некоторый корпус ключевых категорий, через призму которых осмысливается следование правилу и к которым оно может быть сведено. На представленном материале видно, что этот инструмент срабатывает очень хорошо, позволяя разнести правила/догматы и собственно повседневные действия, которые правилу подчиняются, но не всегда являются «действием по соблюдению правила» — то есть соблюдение правила не является главной целью этого действия.

Возможно, имеет смысл заимствовать эту метафору для других отраслей социологии, сталкивающихся с проблемой следования правилу. Так, условно говоря, может получиться, что полицейский, совершая некоторое действие в рамках правила (например, производя арест), опирается не на само правило — Уголовно-процессуальный кодекс (что очевидно), однако не находится и в пространстве чистых повседневных (то есть нерефлексируемых) практик — над ним довлеет то, что можно назвать профессионально-юридической этикой, которая описывает пределы возможного и нормативного в его деятельности (с опорой на канон/кодекс, но не всегда в его рамках).

Здесь есть одно препятствие для целостного описания именно хозяйственной этики: легко перепутать собственно хозяйственную этику и дискурс о ней. «Внешне видимые обоснования хозяйства носят уже больше идеологический характер, а не используются населением для решения каждодневных вопросов» (с. 39). Автору удастся преодолеть этот разрыв за счет того, что в его работе (так, во всяком случае, кажется читателю) гораздо большую роль сыграли наблюдения, чем интервью. Тем же, кто попытается идти в этом направлении, предстоит изобретать свои способы обхода этой ловушки.

Проблема экстраполяции: православное vs. монастырское

Важнейшая проблема, на которую уже обращали внимание другие рецензенты⁵, — это вопрос о том, какую, собственно, хозяйственную этику описывает Иван Забаев в своей книге — православную или монастырскую. Сам автор понимает эту проблему и подчеркивает, что его исследование было сосредоточено на монастырях и все, что он говорит, касается монастырей (с. 94, 96). Однако остается

4. Там же.

5. Титков. Указ. соч.

вопрос, который автор не упоминает. Описываемая этическая система является производной от православия или от монастырского образа жизни? Не является ли православная риторика лишь техникой легитимации монастырского режима жизни? Не будут ли католические монахи опираться на ту же этическую систему, легитимируя ее несколько иной риторикой? Автор утверждает, что «самостоятельного значения с точки зрения спасения хозяйство не имеет» (с. 67). Соответственно, если жизнь посвящена только поиску пути к спасению (монашеская логика), то можно ли экстраполировать эту хозяйственную этику на повседневную православную жизнь, в которой спасение является также основной, но куда менее актуализированной целью?

Еще одна проблема связана с тем фактом, что хозяйствование в монастыре ограничено по большому счету физическим трудом: «...лучшим референтом хозяйства как действия окажется труд» (с. 53) — пишет автор. Будут ли применимы описанные им категории к более сложным хозяйственным моделям и более сложным хозяйственным отношениям?

Вопросы вызывает попытка автора совместить полностью индуктивную по логике «обоснованную теорию» в изводе Барни Глейзера, Ансельма Страусса и Джульетт Корбин с жесткой веберовской аналитической матрицей, однако этот вопрос уже подробно разобран Алексеем Титковым в его рецензии.

Советское, православное, ценностное

Эксперимент по выстраиванию параллели между православной и советской хозяйственной этикой, который Забаев предпринимает в конце книги, заслуживает отдельного обсуждения. С одной стороны, чувствуется, что автор не слишком глубоко вникал в дискуссию о проблемах социалистической экономики, и особенно в ее социологическую часть. Так, например, серьезное комментирование построений «историка» А. Дугина по поводу масштабов сталинских репрессий (с. 116) вызывает некоторое недоумение, но сама постановка проблемы представляется крайне интересной.

Главный аргумент, который присутствует на страницах авторского постскрипума, состоит в демонстрации сходств между паттернами поведения и объяснительными моделями, использующимися в православной и в советской риторике. Основное внимание уделяется таким особенностям, как иерархичность организации, иррациональное действие, ориентированное на высокие цели, патернализм — склонность вручать свою судьбу неким высшим силам (государству, церкви и т. д.) (с. 119). Однако не происходит ли тут подмена? Не приписывается ли определенному типу социального действия (в веберовском понимании) православная природа? То есть всякое ценностное действие становится не просто религиозным, а православным. В такой логике создатели, например, германской национал-социалистической рабочей партии должны стать главными носителями православной трудовой этики. Дело в том, что в ситуации ценностно-ориентированного хозяй-

ственного действия некоторый патернализм и делегирование принятия решений становятся практически неизбежным эффектом масштаба. Невозможно коллективное ценностное социальное действие в экономической сфере, не предполагающее делегирования значительной части полномочий по принятию решений. Кто же оказывается объектом этого делегирования, определяется ситуативным контекстом.

Однако наряду с самой гипотезой (довольно спорной) присутствует и очень интересное объяснение, связывающее это ценностное действие с православными корнями. Иван Забаев предполагает, что именно духовенство (дети священников, не нашедшие места в священстве) составляло идеологический костяк чиновничества в Российской империи. Затем же, как полагает автор, именно они после революции в качестве буржуазных специалистов заложили этические основы нового советского управленческого класса. С этим аргументом уже хочется поспорить содержательно. В ситуации взрывообразного роста численности управленческого персонала, смены моделей управления, массовых чисток конца 1920-х — второй половины 1930-х и границы 1940–1950-х годов смотреть на советское чиновничество/управленческий аппарат как на нормальный социальный класс, в котором наследуется управленческая культура, передаются организационные традиции, — по меньшей мере, наивно.

Заключение

Завершая рецензию, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, несмотря на полемический характер многих положений, книга представляет огромный интерес и читается с большим удовольствием даже человеком, очень далеким от основной темы работы. Для убежденного атеиста (каковым является автор рецензии) книга на первый взгляд, кажется, еще и открывает двери в очень непривычный мир православных практик. Так, например, говоря о послушании, автор цитирует «известного священника»: «...лучше и качественнее выполняется не та работа, которая нравится, а та, которая выполняется за послушание, не по своей воле» (с. 79); или приводит «распространенное в православной среде: «Если сказали тебе сажать корнями вверх, так и сажай. За послушание вырастет» (с. 85). Все это и многое другое создает представление о православной монастырской среде как странном и не очень понятном мире, населенном не самыми привычными людьми.

Однако попытавшись разобраться в тех причинах, которые вызывают такое ощущение от текста, понимаешь, что на самом деле это эффект очень качественно выполненной полевой работы. Практически любой чужой/другой мир, описанный грамотным антропологом, должен по природе своей, в силу изначальной чуждости/инаковости вызывать похожее ощущение. Если мы попробуем также отстраниться и описать существующую структуру профессиональной деятельности в каком-нибудь крупном университете или в кибуце, с нашими потенциальными читателями, при качественном выполнении этой работы, может случиться при-

мерно то же самое — они увидят не очень приятных, даже временами жутковатых людей, делающих странные вещи внутри довольно абсурдного и некомфортного мира.

Однако на следующем шаге мы понимаем, что описанный мир обладает своей внутренней логикой, к которой мы (читатели) подходим с мерками своего мира. И мир описанный является ничуть не менее логичным, связным и нормальным, чем тот, в котором живет читатель, далекий от церковных реалий.

Книгу Ивана Забаева наряду с теми, кто интересуется проблемами православия, трактовками теоретического наследия М. Вебера и внеэкономическими основаниями хозяйственной деятельности, хотелось бы порекомендовать и некоторым другим группам читателей. Во-первых, это одно из лучших качественных (в смысле методологии) исследований, опубликованных за последнее десятилетие по-русски. Автор не пытается выдать за участвующее наблюдение несколько попок с представителями той или иной субкультуры, а опирается на широкую этнографическую базу, которая полно представлена в книге. Во-вторых, этот текст очень полезен для понимания монастырской культуры как культуры замкнутой, но при этом, в отличие от большинства социальных феноменов в России, не имеющей большой географической вариации. В-третьих, книгу можно рекомендовать как некоторый вводный справочник — «русское православие как оно есть».

Work Ethic as a Mirror for the Russian Orthodox Church: Sociology of Religion in Terms of Sociology of Law

Kirill Titaev

Senior Research Fellow, European University at St. Petersburg (EUSP)

3 Gagarinskaya Str., Saint-Petersburg, Russian Federation 191187

E-mail: ktitaev@eu.spb.ru

Review of *Osnovnye kategorii khozyaistvennoi etiki sovremennogo russkogo pravoslavia: sociologicheskyy analiz* [Main Categories of the Work Ethic of Contemporary Russian Orthodox Church: A Sociological Analysis] by Ivan Zabaev (Moscow: PSTGU, 2012).

«На просторах Великой России все, что нужно для жизни, есть... — луга и просторы большие, ископаемых разных не счесть»¹

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ / ОТВ. РЕД. Л. В. НИКИФОРОВ. М.: ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН, 2011. 385 с. ISBN 97859944002797

*Ирина Троцук**

«Пространственное состояние любой страны во многом определяется тем, как в ней организована система власти» (с. 289).

Природно-пространственный потенциал — сегодня, наверное, один из ключевых столпов консолидации российского общества: по крайней мере, такое впечатление производит официальный государственный (когда речь идет о природных ресурсах страны), массмедийный (публикации фактически об оправданности имперских претензий России по причине обладания ею всеми видами необходимых окружающим государствам сырьевых и агропромышленных возможностей) и даже оппозиционный (протесты против строительства экологически опасных объектов транспортной и энергетической инфраструктуры) дискурсы. «Территориальное пространство страны отмечалось в литературе XIX — начала XX в. в качестве самостоятельной ценности» (с. 70) и не утратило своего значения до сих пор — наоборот, еще больше актуализировалось. Не в последнюю очередь и потому, что слово «пространство» удивительно удобно: в отличие от множества других концептов (скажем, широко используемых сегодня толерантности, модернизации или инновации), оно понятно любому человеку (здесь нет необходимости перевода с «языка» ученых или политиков на повседневный «язык»). Авторы монографии наглядно показывают бессмысленность ряда терминологических споров относительно трактовок «пространства», вполне в духе современного постмодернизма предлагая разумный эклектизм — использовать наиболее обоснованные и релевантные поставленным задачам структурные и факторные интерпретации. Акцент сделан на необходимости отказа от узких трактовок пространства как, например, исключительно природного или оборонного фактора: предельно широкая и многокомпонентная «оптика» предполагает такую «риторику» и «методологию»

* Троцук Ирина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии РУДН. Адрес: ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация 117198. Email: irina.trotsuk@yandex.ru

© Троцук И. В., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Стихи В. Лебедева-Кумача.

анализа пространственного потенциала, которая позволяет авторам предложить практические решения по его укреплению, развитию и адекватному использованию.

Природно-пространственный потенциал воспринимается российским населением как однозначное основание для национальной гордости, хотя результаты опросов общественного мнения различаются в зависимости от используемой методики. Отвечая на открытый вопрос (без предлагаемых вариантов ответа), что именно в жизни современной России вызывает у человека чувство гордости за страну, 2% опрошенных называют природный потенциал («одна из самых огромных стран мира», «ресурсы, масштабы земель», «у нас страна большая, много полезных ископаемых, природа необыкновенная», «газа, нефти больше всех, лесов тоже» и т. д.)². В закрытом вопросе «Скажите, что в первую очередь для Вас является предметом гордости за свою страну, свой народ?» при ограничении возможностей ответа четырьмя вариантами каждый третий россиянин выбирает «нашу землю, территорию, на которой мы живем», каждый пятый — «родную природу»³. Когда же в опросе московских студентов был использован набор дихотомических вопросов, где каждому возможному основанию национальной гордости респондент должен был сказать «да» или «нет», природные богатства страны оказались предметом гордости 87% представителей молодого поколения⁴. Очевидно, что проблематика пространственного потенциала предельно и в позитивном ключе актуализирована не только в государственническом и научном, но и в повседневном контекстах.

С другой стороны, столь же однозначно общественное мнение России оценивает использование «ресурсной» базы страны, понимаемой, как и в монографии, очень широко — и в пространственно-географическом, и в природно-сырьевом, и в человеческом измерениях. Каждый второй россиянин убежден, что экономическое отставание препятствует тому, чтобы Россия стала одной из ведущих держав мира⁵; в уже упомянутом опросе московского студенчества респонденты (порядка 87%) не обнаруживают оснований для гордости в деятельности государственных органов управления, в экономической и социальной сферах (прежде всего речь идет об оценках уровня жизни населения). В этом смысле монография, несмотря на свою научность и терминологическую специализированность, в хорошем смысле публицистична благодаря подбору «говорящих» исторических фактов и цитат, опоре на результаты многолетних полевых исследований: с ней было бы полезно ознакомиться широкому кругу читателей, в том числе далеких и от экономической дисциплины, и от науки вообще (жаль, что тираж издания — всего 300 экземпляров).

2. Доминанты №35. 09.09.2010 (<http://bd.fom.ru/pdf/d35gis10.pdf>).

3. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13741>

4. *Нарбут Н. П., Троцук И. В.* (2009). Ценностные ориентации студенческой молодежи России и КНР: региональный срез (на примере Гуанчжоу и Майкопа, Республика Адыгея) // Вестник РУДН. Серия «Социология». № 4. С. 26–39.

5. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=10954>

Авторы монографии ставят перед собой сложнореализуемую и даже претенциозно звучащую цель, которая к тому же имеет весьма негативную коннотацию для научного сообщества (поиск практических решений часто коррелирует с некими идеологемами): проанализировать связку «природный потенциал — социально-экономические стратегии — политическая воля субъектов управления» в контексте решения не только исследовательских, но и прикладных задач — разработки модели рационального освоения, организации и комплексного использования всех потенциальных ресурсных преимуществ России. Авторы не склонны к отвлеченным философским, политэкономическим или идеологическим рассуждениям и последовательно, используя сложный, насыщенный, но выверенный понятийно-категориальный аппарат, выстраивают свою модель из разнодисциплинарных кирпичиков (статистические и исторические данные составляют фундамент возводимого здания).

Книга хорошо логически структурирована. Первый раздел посвящен интерпретациям пространственного потенциала в российской обществоведческой литературе — библиографический аппарат не сводится к сугубо экономическим работам, монография далека от экономического детерминизма. Здесь проработано понятийное поле исследования, систематизированы базовые дискуссии о пространственных проблемах и подходах к использованию пространственного богатства страны с момента становления российской государственности до наших дней. Обозначены как ключевые характеристики анализа пространственно-ресурсного потенциала в отечественной литературе (аналитическо-оценочный и прикладной характер, критика властных решений, преемственность научных идей, осторожность в зарубежных заимствованиях, тяготение к политико-идеологическим полюсам), так и особенности его осмысления экономической мыслью в разные исторические периоды.

Так, в XII–XVIII вв. работы фокусируются на обеспечении материальных потребностей централизованного Российского государства (первые идеи торгового протекционизма и экспорта не сырья, а готовой продукции), сопоставлении российской ситуации с зарубежными странами, решении конкретных хозяйственных задач отдельных территорий с учетом их специфики (оценки перспектив использования природно-ресурсных возможностей страны различаются при общем понимании их величия и мощи). XIX — начало XX века характеризуются «все большим осмыслением, что богатства страны используются крайне слабо... зачатками гражданского понимания путей развития общества, началом создания оппозиции по отношению к хозяйственной политике и управлению государством» (с. 58); появлением новых понятий и идей (в частности, капитала и единого народнохозяйственного комплекса); пониманием социальной цены освоения природной среды; разработкой новых исследовательских методов и подходов, учитывающих особенности отдельных местностей (районирование начинает учитывать и социальный, а не только естественно-природный фактор); «идеологизированностью в сочета-

нии с обостренной „социальностью“» (постоянным поиском лучших форм общественного устройства).

Советский период отличает не только подчинение научной мысли идеологии (антитоварность, огосударствление, административно-территориальное перекраивание страны, «общественный детерминизм» против «географического фактора») и дискуссии о соотношении пространственного и отраслевого подходов, но и разработка вполне адекватных времени идей (например, планомерной организации общественного производства), механизмы и объективные условия реализации которых не позволяли достигать поставленных целей, даже если таковые были разумны. Постсоветский период представлен в монографии очень тезисно: суммированы тематические приоритеты (состояние и перспективы развития отдельных регионов, взаимодействие центра и регионов в контексте межбюджетных отношений и административно-территориального деления и т. д.) и противоречивые оценки самого пространственного потенциала и моделей его использования. Видимо, говорить о концептуальных, идеологически неокрашенных трендах в постсоветской обществоведческой литературе несколько преждевременно — «практически нет исследований, раскрывающих и оценивающих возможности регионов с точки зрения влияния на их развитие и структурно-отраслевые сдвиги возможностей использования пространственного потенциала» (с. 88).

Во втором разделе прописан собственно объект изучения — особенности пространственного потенциала России, причины и «негативные последствия его неудовлетворительного использования» в историческом и недавнем прошлом. Авторы высказывают однозначные оценки уже в названии параграфов, хотя в целом предпочитают смягченные лексические конструкции: «гипертрофия сырьевых добывающих отраслей (административного фактора)»; «безоглядное стремление превратить Россию в капиталистическую страну образца XIX в. привело к экономической и социальной деструкции»; «противоречия в законодательстве встречаются на каждом шагу»; «правовой вакуум в регламентации деятельности объектов государственной собственности» и т. д. Данный раздел выглядит наименее убедительно на фоне остальных за счет использования ряда расплывчатых терминов («мировые цивилизационные центры», «ментальные особенности людей» и др.), некоторой лозунговости отдельных параграфов и очевидной зыбкости границ между «конкретными особенностями России» (пространственно-географическими, естественно-природными, производственно-экономическими, социальными и социально-экономическими и результатами их различных сочетаний), которые становятся тем более сложно различимыми из-за не вполне понятного форматирования текста. Тем не менее последствия неудовлетворительного использования материально-ресурсного потенциала (структурные перекосы в соотношении имеющихся и используемых ресурсов, усиление сырьевой ориентации и зависимость сырьевых отраслей от импорта оборудования, размывание аграрного потенциала и потери в человеческом) и негативные особенности социально-пространственного потенциала современной России (нарастание региональной экономической

и социальной дифференциации, «часто не имеющей объективного оправдания», несовершенство и противоречивость хозяйственного законодательства) охарактеризованы предельно четко благодаря в том числе хорошей сбалансированности аналитических и статистических выкладок.

В третьем разделе территориальная дифференциация пространственного потенциала страны рассмотрена сквозь призму ее организационно-управленческих, поселенческо-расселенческих, сельско-городских и социально-экономических детерминант, т. е. предложена структурная и факторная интерпретация понятия «пространство» в его социально-политико-экономическом контексте. В качестве основных осей организации российской территории выбраны следующие: федерализм (оценивается критически как эклектичный, асимметричный, гиперунифицирующий и незавершенный, хотя естественный и необходимый в российских условиях), историческая логика (смена принципов и способов осуществления производственно-экономической модернизации страны, колебания от укрупнений к разукрупнению областей и обратно) и муниципализация как первичный, микротерриториальный уровень освоения пространственного потенциала (имеет «половинчато-формальный характер» — муниципалитеты лишены необходимых финансовых ресурсов, население — прямых властных функций, поскольку не учтены критерии ресурсной и территориальной достаточности и целостности муниципальных образований и необходимы иные варианты типологизации районов и принципы микрорайонирования).

Расселенческие аспекты пространственного освоения представлены с точки зрения исторически сменяющихся доминант создания поселенческой сети: обслуживающие функции в дореволюционный период, отраслевое развитие и идеологические факторы — в советский (крупные специализированные предприятия как градообразующие, планомерная и административно-унифицированная экономика). Показаны динамические тенденции изменения численности и структуры российских городов и сел, ускорение агломерационных процессов и изменение характера урбанизации в последние десятилетия (сочетание субурбанизации с очаговой рурализацией). Соответственно, становление интегрированной системы «город— село» позиционируется как фактор эффективного использования сельско-городского потенциала: систематизированы основы формирования и концептуальные подходы к развитию данной системы, исторические этапы организации городских и сельских территорий и особенности нынешних процессов интеграции и дезинтеграции города и села; отмечается необходимость «постепенного все большего ослабления их производственной и социально-экономической обособленности».

Заключительный параграф раздела посвящен оценке предпосылок становления многоукладности, а также тезисной характеристике всех типов укладов, в той или иной степени «имманентных социально-экономической специфике России». Несмотря на все различия, их роднит отсутствие сегодня условий для их эффективного развития: государственный, кооперативный, сельский, городской, промысловый, семейный, малопредпринимательский и муниципальный уклады находятся в

кризисном состоянии, процветают олигархический и диаспорный, активно компенсирует диспропорции всех остальных неформальный уклад. Схематичность параграфа связана с тем, что данная проблематика очень подробно рассмотрена авторами в книге, вышедшей в этой же серии, «Экономическая политика»⁶: здесь каждому укладу посвящена отдельная статья, проведен сравнительный страновой анализ предпосылок, логики складывания и траекторий развития различных укладов, представлены конкретные «кейсы» их сосуществования.

Четвертый раздел — самый объемный: в нем детально прописан общий каркас и содержательное наполнение базовых блоков (инвестиционное обеспечение, территориальное планирование, реальная муниципализация и развитие инфраструктуры прежде всего посредством частно-государственного партнерства) разработанной авторами «модели комплексного и рационального использования пространственного потенциала страны», которая предполагает «трансформацию России по пути становления новой посткапиталистической системы смешанного (интеграционного) типа» (с. 230). Речь идет о динамичной и конкурентной взаимосвязи различных социально-экономических укладов с «постоянным усилением гуманистической направленности общественных сдвигов и возрастанием интеллектуальной деятельности», а не о пересмотре итогов приватизации или реализации в отношении олигархов лозунга «отобрать и поделить». Национальные проекты рассматриваются как не вполне удачные в силу ориентации на латание дыр, а не решение глобальных общественных проблем. В качестве альтернативы авторы и предлагают свою модель, в которой целями национальных проектов должны выступать: развитие транспортной, информационной и социальной инфраструктуры; завершение формирования взаимосвязанных федерального, регионального и муниципального уровней; приближение или соединение районов добычи и переработки сырьевых ресурсов; создание условий для становления социально-экономической многоукладности. По каждому из этих блоков подробно прописаны основные понятия, структурные элементы, общие тенденции развития, необходимые институциональные условия и механизмы реализации.

В монографии отчетливо прослеживается несколько сквозных мотивов, которые также хорошо структурируют содержание книги. Во-первых, это идея преемственности: «верность» российского государства исторически сложившимся моделям экспортно-сырьевой экономики (во времена Петра I экспортировали пеньку, лен, дерево, со второй половины XIX в. — зерно, сейчас — нефть и газ); приверженность политического руководства страны моделям унификации (формируемая в последние годы властная «вертикаль» в этом смысле совершенно традиционна) и наращивания бюрократического аппарата для обеспечения жесткого административного контроля; настойчивое игнорирование комплексного подхода в пользу моноформ городского, сельскохозяйственного и промышленного развития (сегодня сохраняются советские традиции рассмотрения территорий в каче-

6. Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы. (2009) / Отв. ред. Т. Е. Кузнецова. М.: Институт экономики РАН.

стве основы размещений соответствующих отраслей); постоянное «забывание» об обустройстве жизни людей и создании социальной инфраструктуры (в послереволюционный и послевоенный периоды тому были объективные причины, сегодня подобной «забывчивости» нет никаких оправданий); устойчивое пренебрежение к аграрному потенциалу и сельскому населению; склонность к крайним позициям и такому накалу страстей в политических дискуссиях, которые затмевают реальные оценки и способность слышать друг друга и т.п. Имеется в виду и поколенческая преемственность методологических подходов и принципов в отношении пространственного потенциала: например, реализация на тех или иных этапах советских социально-экономических преобразований ряда идей эсеровской земельной программы, переселенческой программы кадетов, «продолжение» дореволюционных дискуссий о соотношении пространственного и отраслевого подходов в территориальном планировании и т.д. Не менее важна и преемственность «объективная», из указанных обстоятельств результирующая: общая логика развития советского и дореволюционного города (рост из интересов расширения империи, жесткий административный контроль, определяющая роль русского населения и т.п.); сохранение определенных тенденций дореволюционного расселения в советский и постсоветский периоды (создание городских агломераций и прокладывание магистралей).

Во-вторых, это идея многоукладности в широком смысле слова, которую можно выразить известным высказыванием — «пусть цветут тысячи цветов»: многовариантность как основа типологизации территориальных микрорайонов; многоаспектность как база интеграции города и села в единую социально-экономическую систему; «не может существовать и единого для всех рецепта или инструмента для повышения инновационности» (с. 283) и т.д. Авторами подчеркивается возможность и «потребность признать за экономикой и социальной сферой страны право на многоукладность», которая «создает условия для решения различных социальных проблем, поскольку позволяет включиться в производственную и хозяйственную деятельность практически всем дееспособным социальным слоям, общественным группам и каждому отдельному человеку... является одной из основ развития гражданского общества» (с. 220).

В-третьих, это идея «номиналистичности» множества «реалий» российской жизни в совершенно шекспировском духе «роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет»: можно сколько угодно говорить о местном самоуправлении, но частота подобных мантрообразных высказываний не поможет сложившейся системе финансово беспомощных муниципалитетов сменить занятия «внешней демократической атрибутикой» (выбор герба, знамени и названия муниципального образования) на реализацию действенной местной власти. Аналогична ситуация с федерализмом, практически «фантомным»: «нет нужды объяснять, что реального федерализма в стране за все эти годы не наблюдалось» (с. 135). «Специфичен и процесс интенсивной, но ложной урбанизации... — в форме административного роста числа городов за счет преобразования сельских поселений в поселки город-

ского типа, но без принципиальных перемен в их благоустройстве» (с. 170). Авторы используют грамотную схему анализа всех перечисленных проблем: вот классический вариант со всеми элементами и факторами, вот что происходит в России (официально утверждается и практически реализуется) в исторической перспективе и на сегодняшний день, вот что можно и нужно сделать. В итоге не просто утверждается необходимость реального федерализма, реальной муниципализации, реальной многоукладности, реальной урбанизированности, но и предлагается последовательность конкретных шагов по их практическому достижению.

Важно отметить, что авторы стараются показать и положительные, и отрицательные стороны всех рассматриваемых подходов, идей и решений. Скажем, подчеркивание российской самобытности имеет позитивный оттенок, если выступает как основание отказа от бездумного копирования, и негативный — если предполагает отрицание любого зарубежного опыта и сравнительного анализа в принципе. Проектный метод может содействовать решению или ослаблению остроты текущих проблем в сельском хозяйстве и социальной сфере села, но совершенно бессмыслен, если отсутствует стратегия использования аграрного и сельского потенциала. Сложившаяся в России ориентированная на сырьевые регионы структура инвестиций усиливает экономическое неравенство, но одновременно активизирует производство в смежных отраслях и решает задачи инфраструктурного развития. Взвешенно авторы подходят и к оценке советского периода: отмечая непродуманность хрущевских преобразований, называют позитивные результаты системы совнархозов (приток квалифицированных кадров, диверсификация и кооперирование производства, создание межобластной инфраструктуры и т. д.) (с. 85); приводят из советского прошлого примеры «возможных решений как внутристрановых, при обосновании административно-территориального деления, так и межстрановых территориальных проблем в неоднозначных, сложных и спорных случаях» (с. 148).

Впрочем, в монографии много жестких, но справедливых оценок: «сама природа российского пространственного потенциала исключает разумность межрегиональной и внутрирегиональной унификации» (с. 13); «выбор способов использования пространственного потенциала носил субъективный, противоречивый, неоправданный, а временами и неразумный характер... в связи с использованием... в клановых, сословных, узко групповых интересах» (с. 37); «в тяжелейшем положении оказалось сельское хозяйство, что превратило страну в рынок продовольствия и товаров народного потребления других стран» (с. 47); «преобразования в аграрной сфере посредством административно-властного произвола» (с. 110); категорическое неприятие традиционной российской модели «разрушить до основания, а потом» — «нет жесткой необходимости пересматривать или менять границы субъектов; целесообразно... более рациональное использование территории и ресурсов» (с. 156); «среди последствий новой „рыночной“ политики — разорение и разрушение сельскохозяйственного производства... обнищание широких слоев населения... деформация традиционного процесса интегра-

ции города и села» (с. 206); в современной России «сохраняется и поддерживается государством ориентация на упрочение обюрокраченного примитивного капитализма... и говорить о возможностях развития реальной многоукладности, по меньшей мере, преждевременно» (с. 221). Поэтому общая тональность книги, наверное, грустно-констативная («никакой муниципальной автономии не получилось, закон никем не выполнялся», «муниципальная территория формируется... зачастую не имея ресурсной базы» — таковы российские реалии), хотя иногда авторы не могут сдерживать эмоций, например, искреннего удивления выбором в советский период отраслевого подхода как доминирующего и сохраняющегося до сих пор — «и это в стране, в которой важнейшим богатством является разнообразие ее пространства!» (с. 81).

Монография сложна для чтения: она охватывает огромный исторический, междисциплинарный и статистический массив данных, апеллируя к множеству неоднозначно интерпретируемых даже в научном дискурсе понятий и концепций, поэтому многие вопросы затронуты в ней весьма схематично (но не поверхностно) и требуют от читателя неплохой эрудированности. Авторы компенсируют сложность текста, используя следующие приемы: первый параграф каждого раздела схематично прорисовывает его тематические блоки и дает определения базовым понятиям (пространства, человеческого капитала, муниципализации, урбанизации, неформальной экономики и т. д.) — все они получают свое оценочное и фактуальное наполнение в последующих параграфах; в каждом структурном разделе суммируются основные критерии, подходы, выводы и предложения, которые снабжены прекрасными иллюстрациями и цитатами; многие положения монографии неоднократно повторяются, будучи рассмотрены через разные дисциплинарные «линзы», следуя общей логике перехода от общих положений к их детальной конкретизации.

С другой стороны, содержательная насыщенность позволяет использовать монографию как справочное издание — по истории экономических идей, проектов государственного устройства, пространственного освоения российской территории, развития местного самоуправления, становления основ многоукладности, типологизации критериев дифференциации России по федеральным округам и регионам, изменений правового оснащения экономики страны и т. д. В книге приведены сведения об осознании реальной ценности пространственного фактора и его последовательном законодательном и практическом освоении в США и Западной Европе; табулированные статистические данные (в том числе прошедшие дополнительную обработку или проранжированные), характеризующие самые разные стороны жизни российского общества; подходы к пониманию сути местного самоуправления, выделенные по результатам полевых исследований. Хотя, конечно, для справочного статуса монографии не хватает структурированной библиографии, но это требование вкусовое (сносок в работе достаточно).

Книга лишена пафоса открытия заветного знания: авторы прекрасно понимают и постоянно подчеркивают, что выбранная ими макрооптика влечет за собой

неизбежную схематизацию информации для наглядности и упрощения анализа (различия между более мелкими объектами, скажем, регионами внутри федеральных округов, будут существеннее; понятие «уклад» как обозначение некоей хозяйственной целостности достаточно условно). Они не претендуют на создание идеальной модели (уточняют, что в нее может быть включено больше компонентов, чем описано ими), а постулируют разработку максимально деидеологизированной схемы, содержащей «возможности достижения единения общества на базе обеспечения его внутреннего многообразия, отражающего особенности России», которая прошла успешную апробацию в двух субъектах Российской Федерации. Все это позволяет считать рецензируемое издание прекрасным примером того, как о проблемах, постоянно муссирующихся в российском внутри- и внешнеполитическом (даже геополитическом) дискурсе, можно и нужно говорить: терминологически грамотно, фактуально обоснованно, оценочно нейтрально, пусть и с горечью об упущенных возможностях и допущенных крутых социальных и иных ломках, — без пустых лозунгов об имперском величии, особом российском пути и прочих идеологемах, уже набивших оскомину.

“In the vast spaces of the Great Russia there is all that is necessary for life... — meadows and territories are large, different minerals are countless”

Irina Trotsuk

Assistant Professor, Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation 117198
E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Review of *Prostranstvennyj potencial v strategii social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossii* [The Spatial Potential in the Strategy of Russia's Socio-economic Development] (Moscow: Institute of Economics of RAS, 2011).

Татьяна Ивановна Заславская
(1927–2013)

Наивная мудрость Татьяны Ивановны Заславской

*Александр Никулин**

Это обширный некролог памяти замечательного российского социолога Татьяны Ивановны Заславской (1927–2013). Краткая хроника академической карьеры и перечень основных научных работ Заславской дополнены реконструкцией некоторых экзистенциальных событий в ее жизни, которым сама Заславская уделила большое внимание в своих автобиографических воспоминаниях. Краткая хроника научной карьеры Заславской включает в себя: учебу в Московском государственном университете, работу в Институте Экономики РАН и в Новосибирском академическом городке, активное участие в Перестройке, как первого руководителя Всесоюзного Центра Изучения Общественного Мнения, наконец, в конце жизни работа на посту президента Междисциплинарного центра социальных и экономических наук (Интерцентр). Отмечается, что Заславская всегда с уважением и любовью подчеркивала значение в ее жизни старших учителей Г. Г. Котова, А. В. Саниной, В. Г. Венжера, Я. А. Кронрода. Большое внимание в ее автобиографической рефлексии занимало размышление над исследованием взаимодействия села и города в России и в СССР. В связи с этим также рассматриваются мировоззренческие социально-политические конфликты, которые организовывала советская партийная верхушка вокруг некоторых научных проектов Заславской. Особо отмечается, что Заславской, как ученому, были присущи, с одной стороны, социальный активизм, стремление своими научными исследованиями способствовать совершенствованию советского и российского общества, с другой стороны, Заславской были присущи качества настоящего ученого связанные, со скромностью и смирением, любознательностью и наивностью, достойные классических образцов интеллектуального поведения ученых мирового уровня.

Ключевые слова: советская и постсоветская социология, экономическая социология, сельская социология, социология миграций, перестройка, Российская академия наук

В этом году ушла из жизни Татьяна Ивановна Заславская (1927–2013), замечательный советский ученый-обществовед: экономист, социолог, политолог, автор многочисленных, глубоко оригинальных исследований сельской России, социальной структуры советского и российского общества. Заславская была также видным руководителем ряда ведущих социологических организаций страны: с 1967 по 1987 гг. она возглавляла отдел социальных проблем Института экономики и

* Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, руководитель Центра аграрных исследований РАНХиГС. Адрес: пр. Вернадского, д. 82, стр. 1, Москва, Российская Федерация 119571. Email: harmina@yandex.ru

© Никулин А. М., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. Затем с 1987-го по 1992-й была организатором и первым директором Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), с 1992 года до конца жизни являлась со-президентом Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентр, МВШСЭН), занимая также ответственные научные посты в Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Новосибирская социологическая школа, во многом основавшая и развившая обширный репертуар современных экономико-социологических исследований в нашей стране, с гордостью и по праву именуется школой Заславской.

Заславской были также присущи все формальные атрибуты интеллектуального пути маститого ученого — заслуженного «маршала науки». В 1955 году она защитила кандидатскую диссертацию, в 1965-м — докторскую. В 1968 году она стала членом-корреспондентом, а в 1981-м — действительным членом (академиком) Академии наук. Заславской были присуждены разнообразные советские, российские, зарубежные ордена, звания, премии.

Завершая этот краткий, далеко не полный перечень заслуг и титулов Татьяны Ивановны, следует особо подчеркнуть, что в личном общении с окружающими ее людьми она отличалась удивительной скромностью, порой искренней и застенчивой наивностью, которая, казалось, может быть и не присуща метру, классику, «маршалу социальных наук».

Мне лично приходилось беседовать с Татьяной Ивановной Заславской, когда я работал в Интерцентре, и в таких беседах от интеллигентной деликатности, искренней непосредственности моего президента я порой сам впадал в смущение. Например, в перерывах одного из симпозиумов Интерцентра «Куда идет Россия?» — знакового ежегодного общероссийского форума социальных наук, которым много лет совместно с Теодором Шаниным руководила Заславская, — в перерыве симпозиума, во время многолюдного кофе-брейка, Татьяна Ивановна с пластиковым стаканчиком чая пробралась к окну, у которого в тот момент находился и я. Заславская взглянула в окно, из которого виднелась улица Анохина, что на Юго-Западе, со всеми автомобилями и пешеходами, присущими всякой московской улице. В изумлении Заславская спросила себя и меня: «Интересно, как живет Москва? Я вот все думаю: столько здесь народа, автомобилей, поездов и самолетов, все в движении. Как все это более-менее координируется и не сталкивается меж собой? Удивительно!» Я вслед за Заславской взглянул в окно и согласился: да, столица наша в сочетании членов своих достойна всяческого изумления. Про себя же подумал: сколько моих младших и старших коллег от студентов-бакалавров до профессоров-шестидесятников — ровесников Заславской, с серьезной уверенностью экспертов-профессионалов будут мне и любому собеседнику уверенно и убедительно втолковывать, как устроена Москва. Академик Заславская, конечно, ориентировалась во всяческих научных объяснениях: как устроены мегаполис, село, общество. С учетом своих многочисленных эмпирических исследований Заславская дала нам собственные глубоко оригинальные концепции устройства со-

ветской и постсоветской России, но в основаниях огромного исследовательского опыта Заславской коренится этот главный, по-детски наивный вопрос настоящего социального исследователя об изучаемых им объектах, как вообще они возможны: столица, деревня, страна, общество?!

Эту наивность настоящего ученого великолепно отражает и том автобиографических воспоминаний Заславской, написанный ею с большой личностной искренностью. Великому кинематографисту-сюрреалисту, режиссеру-революционеру Луису Бунюэлю принадлежит на первый взгляд весьма консервативный афоризм: «Все, что не имеет традиции, есть плагиат». Из воспоминаний, а также многочисленных интервью Заславской мы видим, что она была в высшей мере одарена рефлексией по поводу традиций, в которых проходило ее воспитание как ученого. А ученым ей приходилось становиться в самую трудную для советского обществоведения пору — в конце 1940-х — начале 1950-х годов. После сталинских репрессий выжили лишь единицы советских обществоведов с умом и талантом, сохранивших традиционные образцы высокого научного профессионализма и этики. Именно таких учителей по окончании экономического факультета МГУ, работая в Институте экономики РАН в 1950-е — начале 1960-х годов, удалось найти Т. И. Заславской в лице ее старших коллег Г. Г. Котова, А. В. Саниной, В. Г. Венжера, Я. А. Кронрода. О них она всю жизнь вспоминала с благодарностью и любовью.

Еще обучаясь на экономическом факультете МГУ, Заславская определилась и с объектом своего исследования, который на долгие десятилетия стал главным предметом ее научных интересов, — советское село.

Заславская рассказывала, что ей, московской студентке, девушке из интеллигентной профессорской семьи, при всем ее интересе к деревне изначально было трудно даже заговорить со своими потенциальными респондентами, такими бедными, грязными забитыми и мрачными предстали перед ней советские колхозники конца 1940-х — начала 1950-х годов. Первый такой контакт студентки Заславской состоялся на колхозном собрании, где отличница Заславская бодро и бойко рассказала колхозникам о смысле последних постановлений партии и правительства, направленных на всемерное улучшение их жизни. Колхозное собрание встретило выступление Заславской покорным и равнодушным молчанием, лишь один старик сочувственно спросил ее: «Девочка, а ты когда-нибудь жила в деревне?»... Ответить Заславской было нечего.

Вскоре, начиная с исследовательских экспедиций сектора аграрной экономики РАН, Заславской пришлось много пожить в деревне, точнее, в разных деревнях СССР. Там под руководством Котова и Венжера, экономистов по профессии, а полевикув-социологов по сути, она овладела искусством долгих и откровенных аналитических бесед со своими респондентами. Впрочем, это мастерство качественной социологии еще долго оставалось невостребованным в СССР, и Заславская в начале своей научной карьеры работала прежде всего как экономист-статистик-аграрник. Ее кандидатская и докторская диссертации были посвящены вопросам оплаты колхозного труда. Хотя даже в этих ранних работах Заславская анализи-

рует фактически социологическую проблематику пространственного размещения колхозов, взаимодействия города и села.

В середине 1960-х годов в Новосибирске Заславская уже сама возглавила обширные сельские социологические исследования. За два последующих десятилетия под ее руководством были выполнены такие широкомасштабные и долговременные проекты, как: село-городские миграции; село как система, его типология и социально-территориальная структура; работники и механизмы аграрно-промышленного комплекса. Они до сих пор остаются эталоном междисциплинарных сельских социологических исследований.

С переездом в Москву в годы перестройки, возглавляя ВЦИОМ, а затем Интерцентр, Заславская в своих научных изысканиях сосредоточилась на изучении российского общества в целом. Итогом стали книги, посвященные социологии экономической жизни России и социальным механизмам трансформации российского общества. И снова от этой почтительной скороговорки перечисления научных интересов Заславской необходимо вернуться к личностным и мировоззренческим особенностям Татьяны Ивановны.

Например, она отмечала, что с юности окружающая ее жизнь была проникнута пафосом созидания нового совершенного общества. Этот пафос был столь силен, что когда юная Заславская опасно заболела и с температурой +41 находилась при смерти, она наивно сожалела лишь об одном, что умрет, так и не увидев победу безусловно приближающегося коммунизма. Этот пафос, впрочем, у Заславской достаточно быстро прошел, когда в своих статистических сельских исследованиях она обнаружила, что здоровый мужик-колхозник в год зарабатывал столько, сколько она, младший научный сотрудник Института экономики, зарабатывала за полмесяца. Осознание, что город эксплуатирует село под руководством диктатуры партийной верхушки, паразитирующей на обществе, и в особенности на крестьянстве, развеяло у Заславской иллюзии насчет совершенств советского социализма. По тогдашнему ее мнению, в СССР существовал особого рода государственный капитализм, весьма авторитарный и грубый, а задача Заславской и ее коллег заключалась в изыскании путей гуманизации, совершенствования этого парадоксального общественного строя.

В конце своей жизни Заславская с горечью подчеркивала, что, наверное, слишком долго она находилась под гипнозом советско-позитивистской концепции неременной пользы от науки: если колхозники дают хлеб и молоко, а рабочие — всякие полезные промышленные изделия, то ученые обязаны формулировать полезные рекомендации по усовершенствованию общественного строя. В результате изначальный социологический интерес «как устроено общество?» в СССР подчинялся идеологическому вызову: «как обустроить общество?».

Заславская и ее коллеги действительно добросовестно стремились принести пользу СССР, часто работая над проблемами, которые перед ними ставило руководство страны. Но в результате чем более добросовестно и честно выполнялась

такая работа, тем больше неудовольствия, а порой и серьезных неприятностей можно было получить в ответ от советского политического руководства.

По своему характеру Заславская — ученый, а отнюдь не политик, за свои добросовестные и честные социально-экономические исследования несколько раз подвергалась серьезным политическим нападкам и обвинениям. В первый раз она столкнулась с обвинениями в политической неблагонадежности еще в хрущевские времена. В связи с объявленным Н. С. Хрущевым соревнованием с американцами в области сельского хозяйства молодые ученые Татьяна Заславская и ее коллега Маргарита Сидорова получили задание оценить масштабы отставания СССР от США в области сельскохозяйственной производительности труда. Более года Заславская и Сидорова работали исключительно над статистическим анализом американских и советских аграрных показателей. Результаты были неутешительными и во многом соответствовали результатам еще двадцатилетней давности, полученным в исследованиях замечательного советского аграрника М. И. Кубанина. По его данным, в 1940-м году СССР в среднем в 4,5 раза отставал от США по производительности труда в сельском хозяйстве. Тогда Сталину эти данные не понравились — оценки масштабов отставания ему показались завышенными и Михаила Ильича Кубанина расстреляли.

В 1960-м году Заславская и Сидорова высчитали, что вновь СССР отставал от США в сельском хозяйстве в среднем в 4,5 раза. Здесь, конечно, стоит отметить, что СССР испытал на себе чудовищную разрушительную войну, которая катастрофически сказалась на сельском хозяйстве, в то время как сельская Америка, наоборот, процветала. Тем не менее отставание было прежним — в 4,5 раза. Об этом Заславской и Сидоровой был подготовлен громадный доклад более ста печатных страниц, готовилась монография, и главное, в Академии наук осенью 1960 года должно было состояться обсуждение этого доклада. Но как раз перед заседанием Академии где-то в своем выступлении Хрущев заявил: соревнуемся с Америкой, еще отстаем от нее, но всего лишь в 3 раза. Сразу после этого заседание Академии отменили, органы КГБ изъяли доклад Заславской и Сидоровой. В Институте экономики разразился гигантский скандал, была назначена специальная партийная и научная комиссия, состоявшая из пяти ведущих аграрников-экономистов, которая разбиралась в анализе и технике расчетов Заславской-Сидоровой. Слава богу, история эта имела относительно благополучный конец. После долгой и тщательной работы комиссии было признано, что расчеты Заславской и Сидоровой оказались корректными. Впрочем, что с того? Нигде об этом нельзя было объявить, монографию запретили к изданию, а главное — в недрах КГБ пропали и до сих пор не найдены данные исследования.

Почти 20 лет спустя еще большие политические неприятности Заславской пришлось испытать в связи с обсуждением ее так называемого «Новосибирского манифеста», обширного социально-экономического доклада, во многом критиковавшего самые основания неповоротливого и неуклюжего советского экономического строя. Как известно, этот доклад с грифом «для служебного пользования»

попал на Запад, где подвергся широкому обсуждению, что вызвало гнев советских руководителей, обрушившийся на Заславскую и ее непосредственного начальника Аганбегяна.

Наконец, уже в годы перестройки была пущена в свет политическая клевета о том, что Заславская погубила русскую деревню, — именно так консервативное крыло КПСС пыталось в то время дискредитировать растущую известность и популярность Заславской в общественном мнении. На самом деле деревню губила всемерная государственная концентрация ресурсов на развитии так называемых перспективных сельских поселений и гигантских аграрных объектов. Заславская еще в начале 1970-х гг. в своих прогнозах советского сельского развития предупреждала, что в результате такой государственной политики за два десятилетия в стране действительно исчезнут десятки и сотни тысяч деревень. Прогноз Заславской сбился. Но именно осуществление этого прогноза и было поставлено в вину Заславской ее политическими противниками. Они упрямо твердили, что это якобы Заславская подсказывала партии и правительству делить деревню на перспективную и неперспективную с последующим упразднением деревень, не попавших в список перспективных.

Заславской до конца жизни было свойственно глубоко искреннее переживание за судьбу страны. На одной из встреч со студентами МВШСЭН, посвященной обсуждению ее пути в науке, где мне также пришлось присутствовать, один достаточно великовозрастный студент обратился к Заславской с таким вопросом: «Татьяна Ивановна, я хорошо помню чувства и настроения перестройки. И когда в 1990-м и 1991-м все стало рушиться и пошло под откос, тогда в обществе еще была вера и надежда на нашу замечательную науку, прямо как в 1941-м, когда люди все спрашивали: ну, где же они, наши самые лучшие в мире советские танки и самолеты, что же они не идут на помощь?!»

В этот момент я с тревогой всмотрелся в лицо Заславской, на нем резко обозначились боль и печаль. Помолчав, словно собираясь с силами и подыскивая слова, она ответила: «Общество очень сложно устроено. Мы все-таки не понимали тогда, насколько сложно устроено наше общество». И она как-то понуро замолчала, уйдя взглядом в самое себя, словно саму себя обвиняя, что не все она поняла и не все сделала, чтобы уберечь страну от распада.

Последние работы Заславской, посвященные осмыслению феномена постсоветского общества, возможным альтернативным траекториям его развития, безусловно, учитывают значение непредсказуемости еще непознанной российской реальности.

По характеру своего восприятия окружающего мира, на мой взгляд, Заславская была прежде всего эмпириком, идущим от эмпирических фактов по пути создания обобщенных социологических моделей структурно-функционалистского типа. Но во всех ее работах, эмпирических и структурно-функционалистских, всегда присутствовало осознание тайны океана социальной реальности. Той тайны, которая делает любого самого мудрого исследователя похожим на наивного сэра Исаака

Ньютона с его незабываемым афоризмом-эпитафией самому себе и всякому настоящему ученому: «Не знаю, как меня воспринимает мир, но сам себе я кажусь только ребенком, играющим на морском берегу, который развлекается тем, что время от времени отыскивает камешек более пестрый, чем другие, или красивую ракушку, в то время как великий океан истины расстилается передо мной неисследованным». Отношение к миру, науке и самой себе у Заславской было, безусловно, ньютоновским.

Naive Wisdom of Tatyana Zaslavskaya

Alexander Nikulin

Director of the Center for Agrarian Studies,
Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation 119571
E-mail: harmina@yandex.ru

This is an extensive memorial obituary for prominent Russian sociologist Tatyana Ivanovna Zaslavskaya (1927–2013). The brief chronicle of her academic career and the list of Zaslavsky's major scientific works are supplemented with some existential reconstructions of the major events in her life, of which Zaslavskaya also paid great attention to in her autobiographical memories. A brief chronicle of her scientific career includes her studies at the Moscow State University, her work at the Institute of Economics, the Russian Academy of Science, and the Novosibirsk Academgorodok, her active part in Perestroika as the first head of the All-Union Center for Public Opinion Research, and finally, her work as the president of the Interdisciplinary Center for Social and Economic Sciences (Intertcentre) near the end of her life. Zaslavsky always stressed the importance of her senior teachers, G.G. Kotov, A.V. Sanina, V.G. Venzher, and I.A. Kronrod, with love and respect. Much of the attention in her autobiographical reflections is occupied in the studies of the interactions between the villages and towns of Russia and the USSR. Zaslavsky also considered ideological socio-political conflicts which provoked the Soviet party leadership around several scientific projects Zaslavskaya was involved in. The obituary emphasizes that Zaslavskaya was characterized as a scientist motivated by social activism and by her desire to contribute to the improvement of the research of Soviet and Russian society. Additionally, Zaslavskaya possessed modesty, humility, curiosity and naivety, the inherent qualities of a true scientist worthy as one of the classic examples of academic intelligence in the world.

Keywords: Soviet sociology, post-Soviet sociology, economic sociology, rural sociology, sociology of migration, perestroika, Russian Academy of Sciences

Письма Татьяны Ивановны Заславской (1963–1973 гг.)

Тамара Кузнецова*

Публикация представляет собой письма академика Татьяны Ивановны Заславской, относящиеся к первым десяти годам ее жизни в Новосибирском Академгородке. Татьяна Ивановна в 1963 году перешла на работу из Института экономики РАН (тогда АН СССР) в созданную Абелом Гезевичем Аганбегяном Лабораторию экономико-математических исследований (ЛЭМИ) Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (ныне ИЭОПП СО РАН), переехав с семьей из Москвы в Новосибирский Академгородок. Ее адресат — Кузнецова Тамара Евгеньевна, в тот период — младший научный сотрудник Института, до отъезда Татьяны Ивановны в Академгородок работала ее помощником, как тогда называли «младшим», в секторе политической экономии социализма, руководимым Я. А. Кронродом. Письма повествуют о многих сторонах жизни Татьяны Ивановны (о быте и взаимоотношениях с коллегами, о ситуации в ЛЭМИ и характере работы, о состоянии сельского хозяйства и положении в стране и т. п.). Но главное — в этих письмах раскрывается сама Татьяна Ивановна, удивительно чистый, честный, искренний, умный, талантливый человек и замечательный друг.

Ключевые слова: Т. И. Заславская, история науки в СССР, ЛЭМИ, Новосибирский Академгородок, А. Г. Аганбегян

Первые годы после переезда Татьяны Ивановны из Москвы в Новосибирск мы очень интенсивно переписывались. Затем писали реже. Татьяна Ивановна чаще стала бывать в Москве, а потом и вернулась окончательно — мы встречались, перезванивались.

У меня сохранились некоторые письма из нашей многолетней переписки. Мне кажется, что они могут быть интересны не только мне, но и другим, поскольку повествуют о зарождении новосибирской экономико-социологической школы, о советской жизни и быте в относительно благоприятных по тем временам условиях, об окружающих Татьяну Ивановну людях, о важных событиях, о дружбе устами, точнее, пером, выдающегося ученого и замечательного человека.

Но вначале небольшая предыстория.

По окончании Московского экономико-статистического института в 1958 г. я была распределена в Новосибирск в Академгородок, который только-только создавался. Но спрос там был на опытных и знающих людей, поэтому нескольких

* Кузнецова Тамара Евгеньевна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН. Адрес: Нахимовский проспект, д. 32, Москва, Российская Федерация 117218. E-mail: kte@inecon.ru

© Кузнецова Т. Е., 2013 © Центр фундаментальной социологии, 2013

девочек, поехавших туда по распределению, вернули домой. Я в Новосибирск не сумела поехать, поскольку вышла замуж и родила сына. А отказ от распределения мне девочки привезли.

В Москве на работу по тем временам устроиться было довольно сложно. «Дорогой Никита Сергеевич» Хрущев взял размашистый курс на вывод из Москвы многих учреждений, и прежде всего научных. Но мне повезло. Выяснилось, что с моими документами можно проситься на работу в академические институты, в том числе и в Москве. Так я оказалась в Институте экономики АН СССР.

В Институт меня зачислили 8 марта 1960 г. (в те времена это был рабочий день). Поскольку свободных ставок младшего научного сотрудника не было, меня определили в Статбюро Института (благо специальность у меня была — статистика) научно-техническим сотрудником.

Татьяна Ивановна после окончания экономического факультета МГУ работала в секторе сельского хозяйства этого Института. В конце 1960 г. Яков Абрамович Кронрод¹ пригласил ее в сектор политэкономии, ставший головным по написанию большого труда по «Закономерностям перехода от социализма к коммунизму». Было такое! Руководители сектора сельского хозяйства приказом дирекции отпустили Татьяну Ивановну на два года, но помощника, «младшего», по тогдашней терминологии, ей не дали. В качестве внутреннего институтского резерва оказалась я, поскольку в Статбюро на машине «Рейнметалл» (по типу автоматического арифмометра) мог работать человек и без высшего образования. Так мы встретились с Татьяной Ивановной, и для меня начался один из интереснейших отрезков моей жизни.

Мне пришлось вспомнить, чему меня учили в МЭСИ, поскольку Татьяне Ивановне требовалось много расчетов по многочисленным показателям состояния сельского хозяйства по областям и республикам СССР. Мы искали сложные зависимости, старались решить их статистическими методами и очень этим увлекались. Работать было не только интересно, но и легко, хотя работы было много. Собирали материал на местах, ездили по стране. Родовались хорошему и много смеялись, сокрушались о плохом и могли по случаю всплакнуть. Бывали в Краснодарском крае, Калининской (ныне Тверской), Псковской областях. Татьяна Ивановна уже тогда старалась опрашивать колхозников скорее как социолог, а не только как экономист. Постепенно я научилась сама собирать полевой материал и знакомиться с передовым по тем временам опытом. И могла ездить в командировки одна. Кстати, мы обе любили логарифмическую линейку и лихо считали, каждая на своей, удивляя работников правлений колхозов диковинным счетным аппаратом.

Нас сближало и то, что в Москве мы жили рядом — Татьяна Ивановна на Пятницкой улице, а я — на Болотной площади. Детский сад, куда ходил мой сын, находился во дворе ее дома и мы частенько заходили к ним просто так. Одно время я,

1. Я. А. Кронрод, зав. сектором политической экономии социализма Института экономики АН СССР.

ожидая окончания строительства кооперативного дома, жила в квартире Татьяны Ивановны на Пятницкой. Это было, когда уже не стало ее отца и мачехи, а семья Заславских пребывала в Академгородке.

Отведенные Татьяне Ивановне два года работы в секторе политэкономии пролетели быстро. В конце 1962 г. руководство аграрного сектора затребовало ее назад. Возвращение к ортодоксальным аграрникам после работы в творческом коллективе сектора под руководством Я. А. Кронрода было для Татьяны Ивановны убийственно. Меня в свое время сразу оформили в сектор политэкономии, и на меня аграрники претендовали только «для порядка», хотя и агрессивно. У Татьяны Ивановны были и квартирные сложности. Семья Заславских жила вместе с отцом Татьяны Ивановны и мачехой, женщиной сурового склада, что создавало ненужное напряжение, мешало жить и работать. По совокупности этих причин Татьяна Ивановна размышляла о приглашении А. Г. Аганбегяна переехать в Новосибирск. Приказ по Институту о ее насильственном возвращении в аграрный сектор не только стимулировал ее отъезд в Новосибирск, но и существенно его ускорил. Я провожала семью Заславских на вокзале в начале апреля 1963 г. Мы плакали. После отъезда Татьяны Ивановны меня «младшим» взял к себе Владимир Григорьевич Венжер.

О письмах Татьяны Ивановны ко мне, которые я хочу обнародовать, писать ничего не буду, они говорят сами за себя. Замечу только, что зарисовки, повествующие о том, что называется сугубо «личной жизнью» в них опущены и отмечены многоточием.

Упоминания в письмах имен А. Г. Пруденского и других работников Института экономики и организации промышленного производства связаны с чинившимися ими поначалу препятствиями работе сотрудников ЛЭМИ (Лаборатория экономико-математических исследований) под руководством Абеда Гезовича Аганбегяна. Об упоминании других фамилий я буду давать справку в том случае, если я помню, кем они были в соответствующий период.

Итак, письма Татьяны Ивановны Заславской. Располагаю их в хронологической последовательности. Тематика и ситуации, описанные в них, определяются ее реакцией на происходившие события, душевными качествами и литературным стилем автора.

* * *

«Академгородок, об.10.1963 г.

Дорогая Тамара!

Огромное спасибо за материал. Получила его довольно давно, но рассудила, раз Вы в отпуске, то лучше написать попозже. На мне — все дела по дому, а кроме того — совершенно фанатическая работа, которую я гоню невиданными для Москвы темпами. То есть, конечно, не вообще для Москвы, а для своей собственной московской жизни. Трудно сказать, что больше всего содействует повышению трудоспособности: то ли отсутствие Миши², постоянно тянущего в сторону развлечений и вообще требующего внимания, то ли механизация и облегчение быта, то ли прекрасная природа и свежий воздух, то ли наличие собственного кабинета, закрытого для посягательств «двоечников». Но работается удивительно хорошо, причем странно, что совершенно не чувствую усталости, хотя в этом году и не отдыхала.

Сейчас работаю над последним параграфом, посвященным материальному поощрению колхозников при внутрихозяйственном расчете. Пошли в дело материалы Вашей последней командировки. Да и вообще материальная база не слаба. Дней через 10–15 надеюсь поставить последнюю точку под последней главой, затем отредактировать всю вторую часть работы и сдать ее на машинку, а затем в набор. Мы хотим напечатать работу в НГУ на ротапринтере в количестве 550 экземпляров, что считается уже печатной работой. Это здорово облегчит дальнейший тернистый путь. Потом надо будет вновь вернуться к первой и второй главам, дополнить их новыми материалами (одна девушка считает под первую главу уже пятый месяц, не поднимая головы, а всего на меня работают трое). И, наконец, можно будет считать, что главное сделано.

Вот таково сейчас положение вещей. Сегодня посылаю письмо Козельскому³ на имя Плотникова⁴ с просьбой поставить мою работу на очередь на защиту. Сама еще далеко не примирилась с мыслью, что это удовольствие мне предстоит. В сущности, зачем это мне нужно — не знаю. Жить бы себе спокойно и жить, ну а вышла бы работа из печати в Москве, была бы встречена доброжелательно — пожалуй-ста, можно защищать. Но я здесь лишь кусок мяса в мясорубке, которая крутится лишь в одном направлении. С неодолимой силой жмет Абел, и каждый раз при встрече спрашивает: «Когда?» Дело в том, что с этой защитой связаны многие pomysлы, касающиеся лаборатории в целом. Ибо два доктора в здешних условиях — это очень большая сила. Можно было бы, в частности, легализовать работу по сельскохозяйственной тематике, а народа для этого вполне достаточно — уже 11 человек.

2. Михаил Львович Заславский, муж Т. И.

3. Н. Н. Козельский, ученый секретарь Института экономики АН СССР.

4. К. Н. Плотников, директор Института экономики АН СССР.

Но все это где-то далеко впереди. И что еще она сулит эта защита, особенно при нынешнем положении в нашем сельском хозяйстве?

Жизнь стала очень трудна. Белого хлеба нет. Выбрасывают немного батончиков по 9 копеек в пять вечера, а к половине шестого их уже нет. Если хочешь купить батон, занимай очередь часов с четырех. Крупы смыло начисто, словно никогда их и не было. С 1 октября изредка появляются макаронные изделия через стол заказов, но круп нет. Муки, разумеется, тем более. Молоко и молочные продукты пока держатся, мясо тоже есть, а фрукты — только дрянные яблоки по 2,2 рубля кило. Нет и хороших кондитерских изделий. Словом, чревоугодником здесь не сделаешься. Заметно повышается уровень цен. В частности, в столовой, где я часто беру обеды, цены с 1 октября поднялись на 30–40%. Говорят, повысили ее категорию, но это почему-то не утешает.

Самый обычный здесь разговор — об отсутствии денег и сложность заемных операций. Молниеносно распространяется слух, что X удалось занять у Y, и к бедному Y немедленно устремляются толпы. Нередко в этом положении оказываюсь я и чувствую напор людской волны на собственной шкуре. Народ вернулся из отпусков, период всегда в отношении денег трудный, а тут на головы людям обрушилось повышение цен, необходимость заготавливать картошку, отсутствие каких-либо дешевых продуктов. Словом, в бытовом и финансовом положении жизнь здесь далеко не райская.

Активно строится фантастически красивый и огромный торговый центр с рестораном. А нас, бедных, волнует вопрос о том, чем же он будет торговать? Ведь даже если захочешь, хотя бы для иностранцев, которым собираются городок открыть, что-либо купить, и обеспечат этот центр товарами, то как отгородиться от толп голодных новосибирцев, которые и так уже рыскают по городу?

А впрочем, настроение у всех довольно бодрое, вот только собираться на крупные праздники стали редко из-за отсутствия денег и продуктов. Недавно, впрочем, справили новоселье у Олдака⁵. Было весело и даже богато, но он сел на мель окончательно и бесповоротно.

На днях, наконец, послали приглашение Владимиру Григорьевичу для доклада и консультации. Здесь его очень и очень ждут, потому что вопросы сельского хозяйства сейчас волнуют каждого. Народ жаждет знать: есть ли и может ли в современных условиях быть конструктивная программа подъема сельского хозяйства, очевидно, на каких-то новых основах. Я популярно излагаю взгляды Венжера, но заменить его далеко не могу. Передайте ему, что меня постоянно спрашивают, когда придет Владимир Григорьевич. Было бы замечательно, если бы он сумел взять с собой и Вас.

Ваша Т. З.».

5. П. Г. Олдак, сотрудник ИЭ АН СССР, переехавший в Новосибирск.

«Академгородок, 21.10.1963 г.

Дорогая Тамара!

Я, наконец, за столько-то времени решила немного поболеть. Лежу сегодня первый (надеюсь, и последний) день, и вдруг приносят сразу три письма, в том числе и Ваше: то-то было радости! Как-то по-особенному почувствовала, как они дороги, наши простые человеческие связи. Быть может, это вообще самое ценное, что мы приобретаем в жизни? Пахнуло на меня снова жизнью нашего Института, не всегда такую, как хотелось бы, да где же она такая и есть-то на свете?

Итак, значит атмосфера неустроенности, временности, шаткости всего сущего в Институте не прошла. Тон Вашего письма не слишком бодр и оптимистичен. Меня очень заинтересовало и даже встревожило краткое сообщение о разрыве В. Г. с Миррой. Ну и ну! Для такого разрыва у нее должны быть серьезные основания. Но какие? Ломаю голову. То ли он не давал ей самостоятельного раздела, то ли давал не то, что ее устраивало, то ли не сошлись в теоретических взглядах? Надеюсь, что не личные же мотивы здесь были, вроде того, кто, что о ком сказал, или не сослался, или использовал материал и т. д., как это бывает в научных кругах. Увы, и не слишком редко.

Здесь, между прочим, эти мотивы звучат с невиданной для Москвы откровенностью. Вот Вам буквально анекдот, но слышанный своими собственными ушами. Идет у нас в ЛЭМИ перевыборное партсоборание, на нем присутствует ставленник дирекции Зыков, секретарь парторганизации Института. В своем выступлении он всячески наводит тень на плетень и делает какие-то намеки на низкий моральный уровень работников ЛЭМИ. Его берут за горло: говори прямо, что имеешь в виду. «Да вот, я имею сведения, что некоторые работники ЛЭМИ заходят в другие сектора, интересуются собранными материалами и прямо задают сотрудникам вопрос — опубликованы ли эти материалы, с тем чтобы опубликовать их за своим именем».

Не надо говорить, какой тут поднялся шум, но Вы только подумайте, каким надо быть идиотом и как низко думать о людях, чтобы из одного вопроса о том, опубликован ли материал, делать вывод о намерении его украсть и опубликовать за своим именем! Такое впечатление, что ты в дремучей деревне. Во всяком случае — далеко не в Москве. Слава богу, я пока далека от всей этой компании, работаю дома, в чужих материалах не нуждаюсь, но не вечно же длится этому положению, придется столкнуться с ними поближе.

А у нас в лаборатории все пока хорошо. С Абелом живем дружно, хотя особой близости у меня с ним нет. Из всех работников ЛЭМИ внутренне он мне дальше всех, так что вне работы с большим трудом нахожу с ним предмет для разговора. Но в отношении работы он — сама корректность, обещания свои все держит, окружает меня большим уважением. Если что и волнует меня в этом смысле, то это мысль о том, что он переоценивает мои возможности и, следовательно, должен будет разочароваться. Дело здесь не в ложной скромности, а в том, что за 10 лет в секторе сельского хозяйства я почти полностью утратила широту политэконо-

мического мышления, стала очень узким специалистом, видящим лишь «от сих до сих». Они же все — преподаватели, и уже в силу этого видят политэкономиию в целом, в ее внутренних взаимосвязях и в связях с западными теориями. Вот я и чувствую себя глуповато, а тут еще это подчеркнутое уважение. Получается бес- сознательное самозванство.

Но что хорошо — это возможность учиться. Возможность и необходимость, а это уже здорово. Абелу надоела математическая безграмотность его сотрудников, которые математике «учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». И он организовал систематический курс обучения, рассчитанный на 3 года по 6 часов в неделю, с семинарами, зачетами и экзаменами. Не знаю, как там будет с экзаменами, но учиться очень интересно. Впрочем, подумала я сейчас, я уже, кажется, об этом писала в предыдущем письме. Вот как вредно не оставлять себе копий! Ну, пусть это послужит лишь подтверждением, что мне действительно нравится математика, успехи в которой мизерны.

Хорошо и то, что волей-неволей втягиваешься в обсуждение широких вопросов и выходишь за свою узкую скорлупу. Эти полгода немало мне дали для так называемого «повышения политического и теоретического уровня».

В театре за все время не была ни разу: неохота ехать в Новосибирск. В кино одно время ходили частенько, а сейчас тоже не была уже с месяц. А вот «сборища» разного рода — нередки, и бывают очень интересными. Последнее впечатление такого рода — день рождения небезызвестного Вам Шляпентоха⁶, который привозил Вам мою записку. Кстати, я, кажется, Вам говорила о произведенном на него впечатлении. Так вот, у него собралось человек 20 самого разнообразного народа, в том числе 5 экономистов (включая его и жену), 2 врача, биолог, этнограф, историк, 2 математика, учительница литературы (Эльвира Горюхина; может быть, помните ее выступление в «Литературке» года два назад о физике и лирике), да несколько преподавателей сибирских вузов. С самого начала пошли острые споры, прежде всего — о методах современной науки, конечно, о роли математики, ведь без этого здесь не обходится ни один разговор. П. Олдак крепко сцепился с математиком Фетом, который почти что помешан на своей специальности, дошло до резкостей, но с точки зрения болельщиков, Павел победил, что и требовалось доказать. Кстати, на последнем ученом совете ему наконец присудили звание старшего, так что он очень рад. А вот Костю Вальтуха⁷ пока отложили, хотя оснований для перевода на должность старшего у него больше, чем у кого бы то ни было. Он здесь у нас — один из умственных вождей.

Пруденский пока молчит, наверно, готовится к новым, скажем, шагам.

Я наконец закончила первый вариант работы. 524 страницы. Сейчас готовлю ее вторую часть (как более простую и недавно сделанную) к печати на ротатипри- те, потом буду переделывать и дорабатывать первую часть, многие материалы которой устарели. Испытываю уже немалую усталость, а работы еще — непочатый

6. В. Э. Шляпентох, социолог, сотрудник ИЭОПП.

7. К. К. Вальтух, до переезда в Новосибирск — сотрудник сектора Я. А. Кронрода в ИЭ АН СССР.

край. Одна из крупнейших задач — включение 1962 года, которым пока и не пахнет. Получили ли вы (в смысле ИЭ) зональные и районные материалы за 1962 год. Мне бы союзный, хотя бы отчетик!

Ваша Т. З.».

«Академгородок, 23.11.1963 г.

Дорогая Тамара!

Спасибо за письмо. Хотя оно рисует жизнь Волхонки (как здесь все называют Ваш институт) не самыми радужными красками, а все же хотелось бы побывать в ее стенах и повидать ее обитателей. Много недостатков в работе Волхонки и, в частности, пожалуй, действительно, трудно ожидать от нее чего-нибудь крупного из-за разобщенности тематики, кустарных методов труда. Но это более относится к методам работы, что же касается людей, то они в общем неплохие. Во всяком случае, всегда вспоминаю Волхонку, нашу, с большой теплотой (чего никогда не сказала бы, скажем, об Университете).

Моя главная новость состоит в том, что кончился период олимпийского спокойствия, когда я могла спокойно сидеть за машинкой у себя на четвертом этаже, и никто меня не тревожил без крайней нужды. Увы! Об этом времени тоже остается только вспоминать.

Во-первых, дирекция проявила пристальное внимание к работе над моей новой темой, которая теперь формулируется так: «Пути закрепления и оптимального использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Сибири». Проспект работы по данной теме слушался на дирекции — пять раз! И вовсе не потому, что он был очень плох. Сначала слушали проспект, потом его же в переработанном виде, потом дважды вели речь о составе группы и принципах ее формирования и, наконец, несколько дней назад затвердили проспект в окончательном виде. Помоему, он получился интересным, с широким народнохозяйственным подходом к проблеме, который мы, честно говоря, не надеялись протащить через дирекцию.

Начиная со своего окончательного переезда, я еще ни разу не встречалась с Пруденским, все дела идут через его помощников. Но это не помешало ему люто меня возненавидеть (что, впрочем, мало меня огорчает, ибо самое большое горе в местных условиях — это его любовь). Перед выборами в партбюро Института они в старом составе советовались о кандидатурах, и кто-то назвал мою фамилию. Тогда Пруденский сказал, что он не допустит, чтобы Заславская была в бюро, и лично даст ей отвод как нечестному человеку, обманувшему доверие института. Как Вам это нравится? Не он ли с первых шагов стал нарушать нашу договоренность? А ведь речь шла об окончании старой работы только к концу года! Теперь же он говорит, что дал мне три месяца. Ну и ну! На ходу подметки режут!

На бюро разгорелся крупный спор не только по этому поводу, но и по другим вопросам, его вельможным устремлениям был дан довольно суровый отпор, в результате чего П. заболел, а я оказалась заместителем партбюро Института. Состояние его сердца еще ухудшилось, когда стали известны результаты выборов.

Ибо его главный ставленник — Лазуткин (тот самый, который подписывает все разгромные статьи против «горе-экономистов») провалился, несмотря на новую систему голосования, также и еще один их человек, и теперь во всем бюро из 10 человек лишь один (зам. директора Никаноров) настроен безоговорочно в пользу дирекции. Много горя хлебнут они от такого бюро, ибо прошлое, в общем, было ручное.

Ну, ясное дело, из-за одного этого приходится теперь мотаться в Институт чуть ли не ежедневно. А тут еще эта перевыборная компания, серия отчетов в связи с концом года, множество собраний, конференций и пр. Не успеваешь нормально работать.

Много времени отняла и возня с проспектом по трудовым ресурсам. А теперь решением дирекции нас обязали к 19 января представить «метод. программу» работы по теме с подробным перечислением объектов изучения, материалов статистических, их источников, объема расчетов, формы анкетных обследований, математических методов и проч. и проч. Это тоже потребует немало времени.

Тем не менее, хотя и медленнее, чем хотелось бы, моя работа продвигается вперед. Четыре последние главы я закончила почти что полностью. Они отредактированы, устранены повторения, словом, лежат на тарелочке и ждут машинки. Не сдаю их в перепечатку только из-за некоторых мелких недоделок, устранить которые не могу своими силами. В этой связи обращаюсь к Вам с тремя главными просьбами:

1) В главе по тарификации значительная часть анализа базируется на рекомендациях по тарификации труда, выпущенных в 1961 и 1962 гг. в Молдавии, Азербайджане (Баку), Саратовской и Воронежской областях и БССР. Но нигде, ни в библиографии, ни в моих выписках, ни в табличных материалах, выбранных из этих справочников, нет их точных названий, указаний об издательствах и точных дат выпуска. Поэтому я не могу дать ни одной сноски. Очень прошу Вас, когда будете в Ленинке, посмотреть по систематическому каталогу рекомендации по тарификации и нормированию труда (а некоторые могут называться и просто об оплате труда в колхозах, или колхозах и совхозах) и сообщить мне их названия.

2) Хотелось бы получить обещанный Вами и Е. И. материал об оплате и производительности труда в колхозах обследуемых кустов районов за 1962 г. Если у Вас туговато со временем, то можно попросить Елену Ивановну, ибо она в принципе обещала это дело сделать. Поскольку формы выборки у Вас, по-видимому, не осталось, перечислю нужные показатели. Кстати, в результате разработки данных за 1961 г. выяснилось, что их можно существенно ограничить.

3) Мечта моего сердца — это сводный годовой отчет колхозов СССР за 1962 г. Дело не только в том, что освежение данных никогда не мешает. Главное заключается вот в чем. Расчет производства и распределения валового дохода в колхозном секторе доведен нами до 1961 г. Он довольно явственно обнаруживает все те прорехи, которые имели место в хозяйственной политике по отношению к колхозам. Результаты его печальны. Но интересно то, что все важнейшие показатели убыва-

ют до 1960 г., в то время как 1961 г. дает их весьма заметный подъем. Вопрос заключается в том, почему это происходит. То ли потому, что этот год был урожайным (1958-й тоже дает скачок, но после него падение), то ли потому, что здесь действительно началось «великое обновление», которое и привело к тому «изобилию» продуктов, что мы наблюдаем в Новосибирске, а вы — в Москве. Это, конечно, шутка, но именно в нынешних условиях обрывать анализ на более благоприятном годе обидно. И прежде всего встает вопрос: ну а что же было дальше?

...Сейчас, покончив на время с последними главами, я намереваюсь приняться за переработку первых, а это и означает включение в них результатов расчета валового дохода. Ах, если бы удалось заполучить отчетец за 1962 год!

Аганбегян покамест сохраняет намерение напечатать мою работу в типографии НГУ на ротапинтере. Это великое дело со всех точек зрения, и прежде всего потому, что ей вообще нелегко увидеть жизнь. Не знаю, насколько гладко она пройдет и здесь, говорят, что новосибирский Главлит свирепствует еще хуже московского. Ясно, что первые две главы для открытой печати не годны. Хотим их издать отдельно — «не для открытой печати», а может быть, даже и «для служебного пользования». Некоторое осложнение при таком способе печати (я имею в виду через НГУ, хотя бы и открыто), что надо самому распространять тираж. Конечно, брось 600 экземпляров такой книги в магазин, и ее не было бы на другой день, но все же распространять самому занудно. Буду писать и вам, волхонцам, мол, покупайте мои труды, даром дам только избранным!

Шутки шутками, а разорилась я тут полностью. Когда-то было у меня на книжке пятьсот рублей, а сейчас осталось 23. При этом моя милая дирекция еще собирается с меня взыскать около 250 рублей за якобы незаконную командировку в Москву в марте — начале апреля этого года. Потому что я не работала, а перевозила семью. Я им приволокла вороха материалов, привезенных из той командировки, но они сказали, что это не по той теме, а надо было по трудовым ресурсам. Сейчас это «дело» находится в Президиуме СОАН, не знаю, как оно будет решено, но зато знаю, что выплатить эти деньги мне не из чего, пусть удерживают из зарплаты.

Как Вам нравятся эти милые нравы? Обо всем договориться предоставить командировку, принять отчет, выплатить деньги, а через полгода вдруг взять за горло: давай обратно! Чудеса!

Но все это, в общем, мелочи. Дирекция противная, а наш народ очень хороший. Не все, конечно, благополучно в ЛЭМИ. Главная беда заключается в том, что почти никого нет Абеу вровень, он — как дуб среди мелкого подлеска, и потому не получает необходимой помощи. А один он, естественно, не может справиться с руководством нашей лабораторией, где одних кандидатов 16 человек, хозрасчетной лабораторией при НГУ, где теперь работает 89 человек, и кафедрой политэкономии в НГУ. Помимо руководства кафедрой он сам читает лекции, ведет семинары, руководит аспирантами, редактирует несколько разных сборников и т. д. и т. п. При этом не менее четверти времени проводит на разных совещаниях в Москве. Абел — прекрасный организатор, человек и ученый большого масштаба, смотря-

щий вперед, а не назад. Это — здорово, это — наше счастье. Но он не справляется со своими нагрузками, а мы не проявляем желания и умения переложить хотя бы часть из них на свои плечи. В результате общее дело страдает. Сейчас я упорно пытаюсь думать, как выйти из этого положения. Думаю, что сама могла бы сделать немало для организации научной жизни ЛЭМИ, если бы... больше понимала в ее тематике, стояла к ней ближе. К сожалению, моя математическая квалификация пока остается невысокой, хотя все время чему-нибудь учимся. Дважды в неделю изучаем мат.анализ, слушали лекции Абеда, часто совместные семинары с математиками Канторовича. Вот послезавтра будет такой семинар по применению математики в решениях задач по сельскому хозяйству. Все это не проходит втуне, но все же я от них сильно отстала.

Девчонки (дочки) чувствуют себя хорошо, городок они полюбили, да и как его не полюбишь. Красота тут просто несказанная. Идешь в НГУ лесом и веришь-неверишь, что этот замороженный зимний лес — почти что улица в городке. Дети катаются с гор на санях, на лыжах. Лена каждый день ходит на лечебную гимнастику, а в последнее время с ней увязывается и Оксана. Они буквально бредят собакой, так как тут их много, и все породистые. У нас во дворе, по их подсчетам, 17 собак, всех они знают по породам и кличкам. Для начала приручили приبلудного терьера Жука, который спит теперь у наших дверей, но брать его я не хочу, лучше все же щенка.

О приглашении В.Г. хлопчем в обкоме партии. Абеда нет, поэтому дело идет медленно.

Ваша Т. З.».

«Дорогая Тамара!

Поздравляю Вас с Новым годом, и для того, чтобы несколько подкрепить угасающее желание приехать к нам в городок, посылаю альбом его видов. Быть может, он вдохновит Вас на новые подвиги!

Страшно благодарна Вам и за отчет 1962 года, и за статистический сборник. Прямо ахнула, увидев его. Это совершенно невероятная ценность. Здесь он даже не поступал в продажу. Удивительно вовремя прибыл и отчет. У меня лежала рукопись, готовая к сдаче на машинку, так что я ее задержала на два дня, но сумела вставить 1962 год. Большое спасибо!

Живем мы, в общем, здорово. Нравится мне очень жизнь в городке. На днях приехал наконец Миша. Его избрали по конкурсу доцентом в НГУ по специальности «технология промышленного производства». Нагрузка не особенно велика, так что он будет иметь возможность одновременно работать над диссертацией. Пока что он ходит по городку и вздыхает: до чего хорошо, до чего же красиво! И действительно, окружающая красота как-то здорово поднимает общий тонус. Идешь куда-нибудь в Институт или НГУ, любишь зимним лесом, и невольно просится на лицо улыбка. То же самое на математике. Она у нас три раза в неделю. Слушаешь-слушаешь, а за окно посмотришь — огромные мачтовые сосны,

пушистый снег, синее небо. Хорошо! И сразу мозги прочищаются. Вообще-то математика мне дается легко и доставляет скорее удовольствие, вроде умственной гимнастики.

Нравится мне и общей стиль жизни: широкие дружеские связи, частое хождение в гости или приходы гостей, интеллектуальная обстановка, как это интересно, как это радует! И работается, конечно, хорошо.

Единственное мрачное пятно в моей жизни — необходимость защиты диссертации. В сущности, мне это совершенно не нужно, денег хватает, работа устраивает, но лодка уже попала в поток и несет он ее к довольно страшным порогам. Боюсь. Нервничаю. Проклинаю судьбу. А в промежутках — радуюсь жизни.

Итак, с Новым Годом! Что пожелать? Лучше всего то, чего хочется Вам. Да сбудутся самые смелые желания. Ну и счастья можно желать, не боясь ошибиться. Оно еще никому не мешало. Желаю счастья!

Ваша Т. З.».

«Академгородок. 13.01.1966 г.

Дорогая Тамара!

Большое-пребольшое спасибо за справочник «Народное хозяйство». В этом году он особенно полный и аппетитный, а тираж его, конечно, ничтожный по сравнению с потребностью и спросом. Так что Вы — мой спаситель.

Почему Вы ничего не пишете? Получили ли Вы мою открытку с поздравлением к Новому году и просьбой выслать счет за выполненную работу? Все, что Вы мне прислали, нам нужно и полезно. Так что еще раз прошу Вас: возьмите в бухгалтерии экземпляр трудового соглашения и счета, заполните их в соответствии со сделанной работой, включая союзный отчет по колхозам, внимательно посмотрите, чтобы были заполнены все графы, заполняемые Вами (паспорт, прописка и проч. и проч.), и высылайте. Я допишу остальное и сдам на оплату. Справка Ваша у меня цела. Относительно суммы. О методе ее расчета мы с Вами уже говорили. В своем письме Вы упоминали сумму в 50 руб., как отвечающую объему работы. Если это так и осталось, пусть будет так. Если с тех пор работа добавилась, учтите все и присылайте документы. Не стоит затягивать это дело.

У нас дела идут неплохо, хотя ЛЭМИ все еще не утверждена как самостоятельное учреждение и мы висим между небом и землей. Но главное, что нас никто не тревожит, так что жить можно и в всячем положении. Очень много работы. И невольно задаешься вопросом: почему все-таки ее так много? Ведь над нами нет никого, кто диктовал бы нам план научной работы. Каждому предоставлена возможность (конечно, с учетом профиля ЛЭМИ) выбрать себе и тему, и сроки ее выполнения, и методы организации работы. Никто не требует с ножом к горлу, чтобы тема была окончена не за три, а за два года и т.д. То же относится и к печатным изданиям. И все же мы едва дышим. Выходит дело, что сами нагружаем себя сверх меры, а потом не выполняем взятые обязательства, ходим должниками,

ругаем друг друга. Почему же не взять себе плана поменьше? Ведь перевыполнить можно всегда? А вот почему-то не получается. Или инерция сказывается, что ли?

Я все еще числюсь и.о. зав сектором количественных методов в социальных исследованиях. За эти 4 месяца страшно устала от организационной работы, которой нет никакого конца. Кадры, командировки, распределение средств, утверждение сборников, методик, планов, тем, расстановка людей, формирование групп, контроль за выполнением решений — если всем этим заниматься всерьез, то для науки времени не останется. А на халтуру даже организационную работу делать крайне неприятно. В связи с этим я снова и снова прошу Абела подыскать более подходящую кандидатуру на руководство сектором. 36 человек! Это — по меньшей мере, 36 нерешенных проблем, а у многих людей проблема не одна. Тут и квартира, и нелюбимая работа, и повышение заработка и проч. и проч. А в секторе нету даже секретаря! Чуть ли не документы подшивать приходится мне.

С кадрами вообще у нас неважно. В среднем на одного кандидата в ЛЭМИ СОАН приходится пол-лаборанта, остальные лаборанты — в ЛЭМИ НГУ, которая находится на хозрасчете. Хочешь получить лаборанта — заключай хоздоговор с заинтересованным учреждением и оплачивай его сам. А нам, аграрникам, заключить договор труднее, чем богатому попасть в рай, не говоря уже о верблюде и угольном ушке. Впрочем, именно нам-то сейчас жаловаться не приходится. Два с.н.с из нашей группы переехали в Москву. Чураков (быв. аспирант Карнауховой) — в Косино. Переведенцев — в МГУ в лабораторию народонаселения Валентея. А лаборанты их остались. Так что сейчас на нас с В. Н. Ладенковым приходится пять лаборантов и аспирант. Трудность заключается в том, чтобы придумывать для них работу. Надо было бы укрепить нашу группу квалифицированными кадрами, но что-то не знаю, где их добыть? Нешто в аспирантуру набрать? По аспирантуре наши возможности практически не ограничены. Не знаете ли какого-нибудь толкового человека? Если бы не Женя⁸, звала бы Вас, да слишком крепок якорек. Пишите, что нового в Институте. Как Ваша новая метла⁹? Как с ней В. Г.? Всем привет. Еще раз спасибо за все заботы.

Ваша Т. З.».

«Академгородок. 08.04.66 г.

Дорогая Тамара!

Большое спасибо за извещения о книгах. Вчера наконец заказала их через свою библиотеку. Если у Вас их «поимка» заняла 20 дней, то у нас, наверное, займет все 50. Но что поделаешь? Честно говоря, читать-то все равно некогда. Едва нашла время зайти в библиотеку, сдать заказы.

Живу все время как под прессом. Сегодня у меня по расписанию так наз. «творческий день» — один из двух в неделю дней, когда можно никуда не идти и заниматься работой. Но оргдел накопилось столько, что решила привести их в по-

8. Мой тогда семилетний сын.

9. Л. М. Гатовский, новый директор Института экономики АН СССР.

рядок, а для начала составила перечень. Письмо к Вам стоит там под номером 22, хотя и пишу его четвертым. А под номером 21 записано «Кронрод», что означает: начать и кончить переделку раздела в закономерности. Никому об этом не говорите, все-таки я пару дней на это дело вырву и приведу его в приличное состояние. Но когда? Завтра с 9 до 4-х заседание, потом у Майки¹⁰ новоселье, 10-го выходной, один день с детьми, а 11-го уже срок сдачи. Ну, опоздаю. Без моих 10 страниц как-нибудь проживут. А до съезда чего было менять? Да и тоже некогда было.

Ваше трудовое соглашение я подписала и сдала очень давно, Б. П. подписал его легко, вроде никаких осложнений нет. Но бухгалтерия у нас в другом здании и даже районе, так что бываем там редко. Если до сих пор перевода нет, обязательно напишите, проверим. А если есть, то неплохо тоже черкануть, дабы забыть об этом совсем.

Недавно получила приглашение от Тихонова¹¹ приехать на работу к нему в Ко-сино. Пишет, что ему известно о моем намерении вернуться в Москву и даже вступить в кооператив. Предлагает квартиру и все блага. Не знаю, откуда ему известно то, что неизвестно мне самой? Сегодня написала ему ответ — благородная форма отказа.

Если бы все зависело от меня, я бы ни за что не уехала отсюда, полюбила и городок, и лабораторию, и людей. А вот Миша все время «мутит воду» и ноет-ноет насчет Москвы. Дело осложняется тем, что у него совсем сдала нервная система... Приходится решать этот вопрос, в сущности, самостоятельно, и вся моя интуиция, «нутро» высказывается за городок с его более спокойной, комфортной и внутренне свободной жизнью. Тем более что сейчас здесь уже и Майя, и наш брат Юра, так что даже семейные узы представлены достаточно широко.

Павел Олдак рассказывал мне, как его агитируют насчет возвращения в ИЭ и как теперь ИЭ процветает. Но все же и его решение такое же: в Москве хорошо, но нам тут лучше.

Только вот дома уж очень тягостно, Миша совершенно не владеет собой... Это — не географическая проблема, никаким переездом ее не решишь...

Ну ладно. Я тоже расклеилась. Надо иметь железные нервы, чтобы все это спокойно выдерживать, время от времени как-то сдаешь.

До свидания. Пишите за жизнь и за Институт. Привет всем знакомым. Якову Абрамовичу передайте, что в ближайшие дни все сделаю.

С приветом Т. З.».

«Академгородок. 09.12.68 г.

Дорогая Тамара!

Ради бога извините за долгую задержку с ответом. Когда я получила Ваше письмо, то как раз собиралась в Москву и решила просто Вам позвонить. Действительно, будучи в Москве звонила Вам, но то ли телефон был занят, то ли не было

10. Майя Ивановна Черемисина, сестра Татьяны Ивановны.

11. В. А. Тихонов, директор ВНИИЭТУСХ.

никого — не помню уже, а только не дозвонилась. Была же я в Москве всего два дня, и то почти все время на каких-то заседаниях и в беготне. Так больше и не смогла позвонить.

Приехав в Новосибирск, решила написать Вам, но не могла ответить по существу. Ведь Вы спрашивали, когда именно я буду в Новосибирске в декабре, а именно в это время «висел в воздухе» вопрос о моем отпуске. Летом мы ездили в экспедицию, и я не отдыхала, сейчас очень устала, возможность взять отпуск есть, но вопрос упирается в путевку. Я предполагала поехать на две недели под Новосибирск в дом отдыха, и тогда в декабре как раз отсутствовала бы, но позже мне предложили путевку в Кисловодск с 15 января, так что теперь я, кажется, здесь обосновалась довольно прочно.

Приезжайте, если есть возможность! Буду очень рада Вас видеть. Единственно что — морозы у нас стоят просто зверские. Сегодня минус 44. На улицу выглянуть страшно: все как-то курится, клубится, не поймешь, а кожа лица болит даже после короткого пребывания на улице. Это первый раз за 6 лет Сибирь нам показывает свои зубы. А то думали: так себе, почти что Москва!

Если надумаете приехать — напишите. Большое спасибо Вам за теплое поздравление (кстати, по-моему, самое первое)¹². Я пока что отношусь к происшедшему с легким юмором, поскольку все это — лотерейная игра, в которой я — одна из карт в колоде. Привыкнуть к столь высокому званию не так легко: чувствую себя как будто не в своем платье. Но все-таки, конечно, и приятно. Итак, жду от Вас вестей. С приветом

Ваша Т. З.».

«Академгородок. 11.11.1971 г.

Дорогая Тамарочка!

Я живу какой-то полусумасшедшей жизнью, когда буквально нет ни минуты (а если есть минута, то нету сил), чтобы сесть и написать хорошее письмо. Однако меня все время угрызает совесть, что я Вам не ответила. Это дурно в двух отношениях: во-первых, обычное свинство после всего того, что Вы для нас сделали. Во-вторых же, Вы можете подумать, якобы я так обиделась или рассердилась за первое письмо, что даже и на второе решила не реагировать. В действительности, конечно, ничего этого нет и не было. Оба Ваших письма я получила в самом конце своего пребывания в Улан-Удэ, поскольку была предупреждена Люсей, что получать их надо без М. Л., последний же вплоть до своего отъезда 14 августа меня одну не оставлял. Вот проводивши его на автобус в аэропорт, я и пошла на почтамт за письмами. Следовательно, никакого тягостного разрыва между названными письмами у меня не было. Да если бы и был, то тягостное смущение было бы вызвано только тем, что сами мы поступили по отношению к Вам в высшей степени бесцеремонно, и Ваша реакция была вполне естественна.

12. Т. И. была избрана членом-корреспондентом АН СССР.

То, что Вы говорите о дружеских связях, разумеется, не вызывает сомнения. Ни Вы, ни я не склонны к излишним на тему о личных отношениях, но я могу сказать Вам искренне, что отношу Вас к числу наиболее близких и задушевных своих друзей. Конечно, Ваше житье на Пятницкой немало содействовало этой задушевности, и мне бесконечно жаль, что этот славный период так быстро закончился. А теперь у Вас не будет телефона, и, приезжая на короткие сроки, как я смогу с Вами повидаться? Ведь Вы знаете, как часто мне не удается за весь приезд заскочить в Институт экономики! Сообщите хотя бы свой служебный телефон и время пребывания в Институте.

Все, что Вы писали об Оксане¹³ и целесообразности ее скорейшей выписки, я восприняла как абсолютную истину и тут же приняла решение выполнить Ваш совет. К сожалению, тут вмешался карантин по дизентерии, но Мише уже удалось преодолеть и это препятствие, и 30 августа Оксанка после трехмесячного отсутствия вновь оказалась дома. Сейчас она потихоньку учится в школе, успехи относительные, чем кончится этот эксперимент, пока трудно сказать. Общее же состояние ее хорошее, она спокойна, дружелюбна к людям, послушна, добра.

С большим вниманием прочла то место Вашего письма, где говорится о личной жизни. Конечно, я догадывалась, что она имеет место быть, и радовалась за Вас. Сколько бы страданий нам в конечном счете ни приносила эта жизнь, а все-таки она составляет самую яркую часть нашего земного существования и без нее можно совсем засохнуть. Одна отрицательная черта ей свойственна: она не умеет стоять на месте. Нельзя остановить развитие человеческих отношений в той точке, когда все и «уже хорошо» и «еще хорошо». Они неудержимо катятся дальше от этой точки душевного равновесия, приобретая иногда весьма разрушительную силу. Не знаю, насколько Вам повезет в этом отношении... Меня, кажется, тоже начинает засасывать тот же водоворот. Течение реки еще достаточно спокойное, но достаточно сильное, и издали доносится грохот того водопада, в котором можно сломать себе шею. Надо бы как-то прибиться к берегу, но выйдет ли это, пока не знаю... Гул водопада. Предчувствие возможных разрушений. Стремление остановиться и еще раз продумать, что, собственно говоря, происходит, зачем, почему, насколько это необходимо и неизбежно...

Обязательно напишите мне свой новый адрес, а это письмо pošлю, наверное, на «бабу»... Боюсь бумаги, как огня. Кстати, получили Вы тогда мою открытку из аэропорта и нашли ли то подлое письмо? Вот несчастье эта привычка обязательно писать о том, что тебя волнует! Это от юношеских дневников. Пока не напишу, сама в себе не могу разобраться.

Напишите мне, как дела в Институте, как там Маргарита¹⁴ (она не пишет), на какой конкретно стадии Ваша диссертация, как проявляет себя новый директор товарищ Капустин.

13. Оксана — младшая дочь Т. И. лежала в больнице в Москве.

14. Маргарита Ивановна Сидорова, близкая подруга и соавтор Т. И., сотрудник ИЭ АН СССР.

А у меня тут еще было переживание: приехали в Улан-Удэ с Ленкой¹⁵, а там весь научный мир искренне полагает, что мы в ближайшее время всей семьей переедем в Улан-Удэ. И председатель филиала Филипов лично три часа возит на машине (вместе с Ефимовым), показывает город и сообщает, где мы будем жить, а где работать. Я была в шоке, потому что они обещали помощь Ленке при поступлении, и я полагала, что это была необходимая, с их точки зрения, плата. Еле разобрались, откуда что пошло. Ефимов эти слухи распустил после нашей встречи в Новосибирске, когда он мне рассказывал о достоинствах Улана и, действительно, звал туда, а поскольку в Новосибирске мне было тошно из-за Рубцовска, то я не говорила «нет», а внимательно слушала. Конечно, я не сказала и «да», но он то ли понял меня таким образом, то ли ему выгодно было так понять, но он доложил Филипову, что дело сделано, когда оно было еще не начато. Ну ладно, все это разговор особый.

Теперь я думаю быть в Москве в самом начале октября. По идее с 5 по 10 октября конференция по сельскому расселению в Болгарии, куда я оформляю документы, но пошлют ли, конечно, не знаю. Если нет, все равно приеду числа 10-го по текущим делам, в том числе — и в Госкомитет по трудресурсам, с которым хотелось бы установить не только личные, но и деловые контакты. Ирония судьбы заключается в том, что за 1,5 года знакомства с руководителем комитета мне ни разу не удалось толком поговорить о деле и, в частности, о совместной работе. Посмотрим, что будет дальше.

Мне очень будет не хватать контактов с Вами! А пока — пишите хотя бы. До 28 сентября Миша — в Кисловодске, и можно писать домой все, что заблагорассудится Вашей душе. Где-то 4-6 октября в Новосибирск будет возвращаться Майя, и с нею можно будет передать писульку...

Кончаю. Оксана буквально тянет за руку: суббота, надо сходить на рынок. Желаю Вам всего-всего хорошего.

С сердечным приветом Т. И.».

«Кисловодск. 14.01.73 г.

Дорогая Тамара!

Прежде всего поздравляю Вас со старым Новым Годом и желаю, чтобы он принес Вам резкую перемену настроения в лучшую сторону. Бросайте киснуть, сколько можно! Если все время переживать «язвы социальной системы», то лучше уж сразу в гроб ложиться, п.ч. жизни все равно не хватит. Ну верно, система поганая, так где они лучше, эти системы? *C'est la vie*, она нам дана как «объективная реальность в ощущении», а что ощущения не столь приятны, так что поделаешь? Жизнь-то одна, в 25 век не прыгнешь, а если бы и можно было, то совсем неизвестно, застанешь ли там море, реки и зеленую травку, не говоря уже об осетрине и икре. Опять же и назад по исторической лестнице двигаться не так уж привле-

15. Лена — старшая дочь Т. И.

кательно: Петр I бороду острижет, Иван IV на кол посадит. Так что, м.б., наше время — самое оптимальное. Женька¹⁶ выколол глаза за выполнение талантливого исследования? Никому. Впрочем, м.б., просто не было, кому выкалывать?

Все это шутки, а если серьезно, то жизнь действительно одна, и большей ценности у Вас не было, нет и не будет. Каждого месяца «полужизни», связанной с закисанием, бесконечно жалко. Наверное, надо как-то приспособиться, искать источники радости — духовной, материальной, физической — вне сферы «основной деятельности», если последняя заплевана и загажена. А кроме того, имеет смысл сменить и арену этой деятельности. При нашем последнем разговоре С. просил поторопить Вас: штат комплектуется, идет распределение участков, и ему важно было бы договориться с Вами. Не тяните больше, а то упустите. Мне кажется, что там обстановка будет иная, ближе к жизни, больше свободы для творчества. И хотя предложения этого отдела, как и других гос.органов (хотя бы Комитета по трудресурсам), скорее всего реализоваться не будут, но Вы хотя бы познакомьтесь со всем механизмом системы, поймете, почему же, черт возьми, ни одно разумное предложение не может быть реализовано. Кроме того, познакомьтесь с уникальными по полноте материалами о соц.-эк. проблемах нашего общества. Поработаете несколько лет, завяжете прочные личные планы с Госпланом и вернетесь в свой институт, когда будет можно, совершенно другим человеком, в смысле роста, широты взглядов, эрудиции и т.д. Мне очень хочется Вас увидеть. Я буду в Москве с 18 по 22 января. Уезжаю отсюда раньше времени (на 4 дня)... Повидаться нам с Вами будет вполне возможно. Жду Вашего звонка 18-го или 19-го.

С сердечным приветом Ваша Т. И.».

Открытка «Дорогая Тамара! 24.12.73 г.

Поздравляю Вас с Новым Годом и желаю того, чего меньше всего имеется в нашем мире, т.е. счастья. В последнее время я начала сомневаться в том, что оно вообще существует. Иными словами, что ощущение счастья м.б. адекватным отражением реальности, а не ошибочной реакцией сбившегося с пути организма. Но даже если это так, я все равно пожелаю бы Вам больше этих ошибочных реакций, потому что без них не очень стоит и жить. Не думайте только, что я расхандрилась — настроение вполне нормальное.

Сердечный привет и добрые пожелания Леве, Я. А., Ирине, Марианне и др. симпатичным людям, в т.ч. Жене¹⁷.

Ваша Т. И.».

16. Е. И. Капустин, директор ИЭ АН СССР,

17. Сотрудники Института экономики АН СССР — Л. В. Никифоров, Я. А. Кронрод, И. В. Можайскава, М. А. Козлова, мой сын Евгений.

* * *

Готовя письма Татьяны Ивановны к публикации, я больше недели пребывала в общении с ней, но и это время прошло. Пока невозможно привыкнуть к мысли, что уже не будет писем, открыток, звонков, встреч и согревающих душу разговоров, поддержки и того тепла и радости, которые мне повезло получать в течение 50 с лишним лет нашего знакомства.

Letters of Tatyana Zaslavskaya (1963–1973)

Tamara Kuznetsova

Chief Research Fellow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation 117418

E-mail: kte@inecon.ru

The publication presents the letters of a member of the Russian Academy of Sciences (RAS) Tatyana Ivanovna Zaslavskaya spent the first ten years of her academic life at the Novosibirsk Akademgorodok. In 1963, Tatyana Zaslavskaya transferred from the Institute of Economy of the RAS to the Laboratory of Economics and Mathematical Research (LAMY), created by Abel Aganbegyan at the Institute of Economics and Industrial Engineering of the RAS-Siberian branch. With her family, she moved from Moscow to Novosibirsk Akademgorodok. Her addressee, Tamara Kuznetsova, was a junior research fellow of the Institute of Economy in this period, and prior to the departure of Tatyana Zaslavskaya to Akademgorodok, worked as Zaslavskaya's "junior" assistant in the sector of the political economy of socialism led by Y. Kronrod. Letters reveal many sides and issues of Zaslavskaya's life; her everyday life, her relationships with her colleagues, the political situation at LAMY and nature of her work there, the state of agriculture in the USSR, the socio-political situation in the country, etc. But the main subject these letters clarify is Tatyana Zaslavskaya herself, as an extremely pure, honest, sincere, smart, talented person, and a wonderful friend.

Keywords: Tatyana Zaslavskaya, history of Soviet science, Laboratory of Economics and Mathematical Research, Novosibirsk Akademgorodok, Abel Aganbegyan